

Такаббир

A wooden walkway with railings leads from the foreground towards a large, leafy tree on a grassy bank. To the left of the tree is a body of water with white-capped waves. The sky is a mix of blue and light yellow, suggesting a bright day. The overall scene is peaceful and scenic.

**ТРОН
ЗНАНИЯ**

Книга 1

Как заставить измениться человека, для которого праздные дни и ночи стали нормой жизни? Время упущено, и командовать наследником престола уже не получится. Нужна хорошая встряска, чтобы в повесе проснулся правитель.

Здесь нет эльфов и гномов. Нет драконов и чародеев. Есть вымышленный мир, вымышленное время и незамыленный сюжет.

ТРОН ЗНАНИЯ

Книга 1

Моим дочерям посвящается

Пролог

В стране объявили траур.

Люди посмотрели на траурные флажки, которые за двадцать лет успели поистрепаться и выгореть, и поспешили по своим делам. Никто не помолился об усопшем, не проводил его в последний путь, не помянул покойного добрым словом. Народ сбился со счета, сколько наместников иноземного правителя ушло в лучший мир, не оставив в памяти ни имени, ни отпечатка.

Некогда эта страна носила другое название. Когда-то летописцы сохраняли историю для потомков. Но отпрыски мятежных отцов растерзали прошлое на мелкие кусочки и дали родине новое имя — Порубежье.

Долгие годы страна переходила из рук в руки. На трон карабкались знатные роды и не столь именитые фамилии. Их петушиные бои и мышьяная возня, толпы беженцев и дым пожарищ утомили правителя соседней державы, и Моган Великий — владыка могущественного Тезара — простер над Порубежьем крыло.

Моган, как правило, назначал наместником человека в годах. Выдвиженцу вменялось наблюдение за порядком и пополнением казны Тезара драгоценными камнями, которые таила в себе присоединенная земля.

Замена ушедшего в невозвратные края престарелого вельможи проходила быстро. Однако в этот раз лоскутки скорби уже исчезли с домов, а сообщения о новом ставленнике Великого все не было. Ранее спокойный и равнодушный к наместникам народ в смятении засыпал, с тревогой просыпался — что задумал Моган, ни разу не посетивший их родину?

***

Дворец готовился к балу: хлопали двери, звенела посуда, оркестр настраивал инструменты. Но в зале Совета царило далеко не праздничное настроение. Советники с пеной у рта пытались протолкнуть своих протеже на пост наместника в Порубежье.

Моган Великий — статный, синеокий, с переливчатой волной золотых волос и легкой сединой в короткой бороде — смотрел на неподвижный маятник старинных напольных часов. В пылу словесного сражения никто не заметил поникших плеч правителя, его рук, устало лежащих на подлокотниках кресла, его отстраненного взора. Не заметил никто, кроме старшего советника Троя Дадье.

— Великий? — тихо произнес Трой.

Моган придвинул к себе список претендентов, подпер кулаком подбородок. За именами в перечне стояли престарелые сановники. В списках никогда не было молодых вельмож. Они могли обзавестись семьей, окружить себя новоиспеченными родственниками и сомнительными друзьями и, забыв об интересах Тезара, встать на защиту интересов колонии.

Моган пробежал взглядом по строчкам. Любой из претендентов достоин победы. Но

только не сегодня! Решение принято, однако до сих пор терзали сомнения — не допускает ли он ошибку?

— Обсуждение продолжим завтра, — сказал Великий и отложил документ.

В зале повисла тишина. Трой Дадье поднялся с кресла, подошел к напольным часам. Узкий в плечах, тонкий в кости, с седыми лохматыми волосами, он больше походил на суфлера, чем на старшего советника. И если бы не баснословно дорогой костюм, то можно было решить, что сухопарый старичок случайно забрел во дворец, перепутав его с театром.

Трой перевел стрелки, подтянул гири.

— Еще немного, и Порубежье забудет, что у него есть хозяин, — произнес он и толкнул маятник; раздался отчетливый стук часов.

В углу зала из-за письменного стола поднялся молодой дворянин — высокий, слегка полноватый, с непослушными русыми волосами и глазами чайного цвета:

— Мой правитель! Прошу слова!

Советники опешили. За сорок лет правления Могана это был первый случай, чтобы на заседании государственных мужей заговорил слушатель Совета.

Всегда спокойный и сдержанный Трой резко повернулся:

— У вас нет права голоса.

Дворянин одернул черный пиджак, сшитый по последней моде:

— Великий! Прошу слова!

— Напомните свое имя, — сказал Моган.

— Вилар. Маркиз Вилар Бархат, мой правитель.

Великий посмотрел на оцепеневшего Суана Бархата. Кто бы мог подумать, что у самого безупречного советника такой бесцеремонный сын?

— Слушатель Совета не участвует в обсуждении вопросов. Вас не предупредили?

— Предупредили, мой правитель, — ответил Вилар. — Я знаю, что нарушаю правила. И знаю, чем мне это грозит, если мои слова окажутся недостойными вашего внимания.

— Подойдите, — приказал Великий и, когда молодой маркиз приблизился к круглому столу, коротко кивнул. — Мы слушаем.

Вилар поклонился:

— Мой правитель! Назначьте наместником Адэра Карро.

Моган сжал подлокотники кресла. Смелчак и смутьян озвучил решение, которое уже несколько дней мешает вздохнуть полной грудью.

— Продолжайте.

— Великий! Вы настолько авторитетный и влиятельный правитель, что за вами никто не видит вашего сына. Когда человек долго находится в тени, он привыкает к этому и уже ни к чему не стремится. Дайте Адэру возможность почувствовать силу. Дайте ему право самому принимать решения и отвечать за поступки. Разрешите ему выйти из вашей тени и занять место рядом с вами.

Великий рассматривал молодого маркиза. Сын рядового советника жаждет знаний, стремится постичь науку управления, мечтает стать достойной сменой отцу. А сын правителя? Моган перевел взор на пустующее кресло, стоявшее по левую руку. Прочь сомнения! Безделье и правитель — понятия несовместимые.

— Я услышал вас. Можете уйти.

Вилар расправил плечи, приподнял подбородок:

— Великий! Если вы назначите Адэра Карро наместником, разрешите мне поехать с

ним.

Моган жестом приказал Вилару удалиться, с чрезмерным спокойствием сложил бумаги в стопку и без единого слова покинул зал Совета.

— Это как понимать? — произнес сухой, как палка, и прямой, как трость, советник Патрик Каналь. — Великий принял решение или нет?

Трой вернулся к столу:

— Думаю, да.

— Это какой-то абсурд!

— Решения правителя не обсуждаются.

— Обсуждаются! — Каналь с трудом перевел дыхание. — Обсуждаются, когда наследника престола великого Тезара низводят до заурядного наместника и собираются отправить в какую-то глушь. И с чьей подачи? А? Я вас спрашиваю: с чьей подачи? Вместо того чтобы выставить наглеца за дверь...

— Осторожнее, Каналь! Вы говорите о моем сыне, — сказал Суан Бархат.

— Да кто он такой, ваш сын, чтобы давать советы Великому?

— Вы еще можете остановиться.

Каналь хлопнул ладонью по столу:

— Могу! Могу, но не хочу!

Бархат сложил на груди руки, изогнул дугой седую бровь. В бронзовых, потускневших, как старые подсвечники, глазах сверкнула смешливая искорка.

— Хватит ломать комедию. Вас волнует ваша дочь, а не наследник престола. Его отъезд рушит ваши планы. Разве не так?

Каналь побагровел.

— Неужели вы думаете, что слова моего сына повлияли на решение правителя? — вновь заговорил Бархат. — Вы так и не поняли, почему назначение наместника переносилось со дня на день?

Повисло тягостное молчание. Тишину в зале нарушал лишь размеренный стук маятника напольных часов.

— Объявляю заседание закрытым, — промолвил Трой.

— Нет, Дадь! Нет! Сделайте что-нибудь! — воскликнул Каналь.

— Что, например?

— Поговорите с Адэром.

— О чем? О чем говорить с человеком, для которого праздные дни и ночи стали нормой жизни? К сожалению, время упущено, и командовать наследником престола уже не получится. Ему нужна хорошая встряска, чтобы в нем проснулся правитель, — произнес Трой и с присущей ему неторопливостью спрятал блокнот в черную папку с серебряным гербом Тезара. — Суан!

— Слушаю, Ваша Светлость, — отозвался маркиз Бархат.

— Меня подкупила смелость твоего сына. Если ему понадобится помощь, он может на меня рассчитывать.

Бархат почтительно склонил голову:

— Благодарю, Ваша Светлость!

Порыв ветра распахнул окно. Тяжелые бархатные шторы всколыхнулись волной и поникли. С дворцовой площади донесся шум праздничного города.

Трой окинул взглядом мрачных советников:

— Расходитесь, господа. Сегодня вас ожидает незабываемый вечер. Вы должны быть в форме. Хмуриться будем завтра.

Государственные мужи спешно покидали зал. Выйдя последним, Суан Бархат столкнулся с Каналем.

— Думаешь, твой сын заполучил могущественного покровителя?

— А разве нет? — спросил Суан.

Каналь хохотнул и устремился к лестнице.

***

Замерев на краю обрыва, молодой человек рассматривал распростертую внизу долину, похожую на бурливое море. Изумрудные травы покорно склонялись и вскидывались, повинувшись прихоти ветра. Шелковистые волны бежали к затянутому дымкой горизонту. Могучие деревья, как сказочные корабли, покачивали тяжелыми кронами-парусами. Прячась в курчавой листве, зяблики исполняли гимн весне.

Человек устремил взор в небо — такое же темно-синее, как его глаза. Вынырнув из-за лохматой тучи, солнце озарило высокий лоб, ровный нос и твердый подбородок. Лучи скользнули по светло-пшеничным волосам, сбежали по величавой фигуре. Размытая тень распласталась пятном у крепких ног. На краю обрыва стоял сын Могана Великого, престолонаследник Тезара Адэр Карро.

На обочине дороги возле сверкающего серебром автомобиля топтались его друзья: рыжеволосый Дамир и жгучий брюнет Стефан.

— Не опоздать бы на вечеринку, — произнес Дамир.

— Не волнуйся, без именинника не начнут.

— Надеюсь. Но на месте Адэра проверять бы не стал.

— Ты не на месте Адэра, — грубо бросил Стефан.

— Разумеется. — Дамир постучал носком лакированного ботинка по колесу. — Нельзя так часто испытывать терпение отца. У терпения есть свойство иссякать.

— А что Великий сделает? Отменит бал? Как бы не так! — Стефан присел на краешек капота, скрестил руки на груди. — Он дождетя блудного сына и сделает вид, что ничего не произошло.

— Представляешь, каково ему?

— Хватит! — прикрикнул Стефан и понизил тон. — Решит Адэр проторчать здесь до вечера — я слова не скажу. Решит вернуться в замок Грёз — я поеду с ним. И плевать я хотел на бал. Мне даже все равно, что предпримет Великий. А знаешь, почему? Потому что я хочу стоять рядом с тронном, на котором скоро будет сидеть Адэр.

Дамир усмехнулся:

— Кто тебя туда поставит?

— Он и поставит.

— Зачем ему беспринципный лентяй?

Стефан сузил глаза:

— Знаешь, в чем твоя ошибка? Сказать?

— Ну, скажи.

— Ты думаешь, что безупречная репутация и усердный труд помогают человеку добиться в жизни многого.

— Не думаю — я в этом уверен.

— Ты так же недалководен, как и Вилар. Бегаете, выслуживаетесь перед Троем Дадье.

Дамир вспыхнул:

— Мы не выслуживаемся.

— Тебя задело это слово? Хорошо, скажу иначе. Лебезите, лакейничаете, подхалимничаете, пресмыкаетесь. Выбирай любое. Только вы никак не можете понять, что когда к власти придет Адэр, Трой Дадье исчезнет, а вместе с ним исчезнут его прихвостни. Их место займут люди, которые не заливают Адэру в уши нотации, а делают его жизнь ярче.

Дамир вздернул подбородок:

— Знаешь, в чем твоя ошибка?

Заложив руки за голову, Стефан потянулся:

— Хочешь меня уколоть? Не получится.

— Ты недооцениваешь сына Великого, — сказал Дамир и посмотрел на часы. — Адэр! Ты поставишь отца в неприятное положение, если опоздаешь на бал. Ты же не хочешь, чтобы десять тысяч гостей насмехались над монархом Тезара?

Адэр окинул долину тоскливым взглядом и направился к автомобилю.

***

Градмир — столица Тезара — был привычен к балам и приемам. Отмечались государственные и религиозные праздники, знаменательные и не очень значимые события. Каждый год носители знатных фамилий страны собирались во дворце Великого на дне рождения наследника престола. Но столь грандиозного торжества в его честь, как в этот раз, никто не помнил.

Горожане и туристы заполнили площадь еще с утра. Вечером стражи порядка оттеснили их от парадной лестницы. К дворцу потянулись шикарные автомобили и конные экипажи. Зеваки встречали мировую элиту аплодисментами и, пока важные гости неторопливо поднимались по широким ступеням, разглядывали роскошные наряды и модные прически.

Часы на смотровой башне пробили десять. Гвардейцы, облаченные в красные мундиры и черные фуражки, закрыли лакированные двери и отгородили мир для избранных от мира для всех.

В зале Приемов звучали медоточивые голоса, звенели бокалы. Обмениваясь улыбками и любезностями, дворяне прохаживались по паркету из ценных пород дерева. Золотые лианы оплетали стены и заканчивались на потолке причудливыми завитками, в центре которых мерцали россыпи маленьких ламп. Овальные зеркала в рамах, усыпанных драгоценными камнями, отражали свет, отчего казалось, что искрил и переливался сам воздух. Легкий ветерок вносил в распахнутые окна изумительный запах цветущих акаций.

Трой Дадье стоял в стороне от праздной публики. Его никто не тревожил: желание поболтать со старшим советником Великого отбивали сжатые в одну линию губы и хмурый взгляд.

Из толпы вынырнул молодой сановник:

— Приехал наследник. — И вновь растворился в толпе.

Трой посмотрел по сторонам. Старшая дочь Великого — Элайна — грациозно скользила между гостями, исполняя роль полноправной хозяйки. Наметанный глаз уловил смятение в ее движениях, в том, как часто она поправляет на груди ожерелье из редкостного зеленого граната.

Трой устремился к Элайне. Она пошла навстречу немного быстрее, чем следовало. Замерла в полушаге.

— Адэр во дворце, — одними губами прошептал Трой.

Элайна в голос выдохнула. С благодарной улыбкой легонько прикоснулась к локтю советника и вновь направилась к гостям.

По заведенным во дворце правилам правитель входил в зал Приемов последним. Распорядители рассчитали время, за которое титулованные дворяне успевали обменяться новостями и подогреть знатную кровь вином. С точностью до минуты был определен момент, когда незаметно исчезали слуги, унося на подносах пустые фужеры. Возле главного входа вставал почетный караул. И гости растекались как две реки, освобождая центр зала.

На праздновании дня рождения наследника престола существовал другой порядок — Адэр появлялся после отца.

***

Поигрывая желваками, Адэр смотрел в окно. На дворцовой площади толкалась и шумела толпа в ожидании вина и угощений.

Личный костюмер, одетый по моде завтрашнего дня, — остроносые замшевые туфли, штаны с мотней на уровне колен, узкий пиджак на голом торсе, белоснежный атласный платок на тонкой шее, — ползал возле ног Адэра, подворачивая брюки.

Личный секретарь Гюст, совершенная противоположность своему господину — низкорослый, с торчащим брюшком и покатыми, как у женщины, плечами, — охрипшим от волнения голосом зачитывал список особ, приглашенных на бал.

— Довольно, — произнес Адэр.

— Ваше Высочество, осталось совсем немного.

Адэр выхватил из подрагивающих рук секретаря бумаги и, скомкав, бросил в угол.

Гюст вытащил из кармана пиджака сложенный вчетверо лист, расправил в местах сгибов, протянул Адэру:

— Ваш ответ на поздравление Великого.

— Чем тебя не устраивает моя речь?

— Та, что вы произносите каждый год?

Адэр скривил губы:

— Надо же, сообразил.

Гюст состроил виноватую гримасу:

— Ежегодное «благодарю» — это не совсем речь.

— А ежегодная проповедь — это не совсем поздравление.

В комнату заглянул слуга:

— Ваше Высочество! Объявили Великого.

Перешагнув через костюмера и оттолкнув локтем секретаря, Адэр вышел из комнаты.

Стоя перед троном, он с вызовом смотрел на своего великого отца. Величественно возвышаясь над высокочтимой публикой, Моган бесстрастно взирал на своего непутевого отпрыска.

— Я помню твой первый крик, первый шаг, твое первое слово...

Адэр изогнул бровь. Если кто-то до сих пор это помнит, то уж точно не отец. Скорее няньки, заменившие умершую мать.

— ...твою первую конную прогулку...

Адэр сузил глаза. Зачем отец кривит душой? Ведь это хранит в памяти только гувернер.

— ...твой первый научный трактат.

Адэр хмыкнул — этого не помнят даже учителя.

— Мы всю жизнь делаем что-то впервые, — понизив тон, промолвил Великий и еще тише добавил: — Ты был чудным ребенком.

Адэр приготовился услышать указания — как ему жить, к чему стремиться, — а отец погрузился в себя, и казалось, забыл, где находится. Гости несмело зашевелились. С озадаченным видом покосились на друг на друга.

— За двадцать пять лет, как все успели заметить, ты вырос, — наконец сказал Великий.

Прозвучали тихие смешки и тотчас смолкли — на лице правителя ни один мускул не дрогнул.

— В кресле наследника тебе уже тесно.

Адэр пошатнулся. Отец уступает ему престол?

— А посему я дарю тебе, мой сын, трон знания, власти и правления. Твори закон и верши правосудие, разрушай и созидай.

Великий обвел изумленных гостей тяжелым взглядом, остановил его на сыне. За несколько коротких секунд Адэр сто раз пожалел, что не выучил ответную речь на поздравление отца.

— Отныне — ты правитель Порубежья.

Адэр вытянулся как струна. Сколько же стоило сил собрать мысли воедино, сколько же потребовалось напряжения, чтобы голос прозвучал громко и твердо:

— Благодарю.

***

Пока за окнами мелькали привычные для взора картины, внимание на них особо не задерживалось. Колосились поля, цвели сады. Зажиточные селения чередовались с большими городами. Завидев летящие по дороге автомобили с правительственными флажками на капоте, мужчины снимали кепки и шляпы, женщины приседали. Но окружающая безмятежность не радовала.

Спешные сборы в Порубежье походили на жалкие попытки привести себя в чувство. Адэр блуждал по дворцу, словно в полудреме, надеясь, что отец объявит о конце розыгрыша. А известие о том, что предложение о ссылке поступило от Вилара, окончательно выбило почву из-под ног. Адэр пытался понять, почему близкий друг обошелся с ним так подло, и не находил причин для предательства.

Вынырнув из мрачных размышлений, посмотрел на лежащую рядом тонкую папку с документами, еще во дворце вложенную ему в руки кем-то из советников Великого. Пришло время ознакомиться с содержимым.

Первый лист. Почерк отца. Хорошего ожидать не приходилось, раз Великий писал сам, а не кто-либо из его бумагомарателей.

Скользя взглядом по строкам, Адэр мрачнел. Складывалось впечатление, что отцу надоело Порубежье, и он подарил ненужную игрушку сыну, но потом спохватился и надумал сломать в ней важный механизм. С присущей ему сдержанностью выдвинул единственное требование: колония — теперь уже бывшая — в финансовых отношениях останется зависимой от Тезара. А значит, денежный поток, берущий начало в Порубежье, продолжит

исчезать в казне Великого.

В конце документа — после непонятных формул, расчетов и схем — Адэр прочел: «Плата за охрану границ».

Да, он получил право на самостоятельность в решении внутренних и международных вопросов. Но тут и дураку понятно: право на бумаге есть, но в реальности его нет и не будет, пока правитель не является полноправным хозяином казны.

Следующий лист, кем-то любезно вложенный в папку, гласил: Порубежье в основном граничит с Тезаром; несколько миль с Партикурамом; по одному пограничному посту с Тарией и Викуной. Морскую границу оберегают подводные скалы. Адэр потер переносицу. Напрашивался вопрос: Великий собрался охранять подаренную страну от самого себя?

Следующий лист сообщал: согласно какому-то международному закону необходимо в определенный срок сформировать Совет. Адэр вжался затылком в подголовник. Сзади едут Вилар, охранители, секретарь и личный костюмер, но не советники. Волынки затянули на душе унылый мотивчик.

Взгляд упал на последний документ. Спасибо доброму человеку, сложившему в папку бумаги — он словно знал, что сын Великого ни сном ни духом не ведает, о каком законе идет речь. Адэр лихорадочно просматривал текст, перескакивая через строки. Ну, где же... где... определенный срок... вот он... три месяца...

Взяв себя в руки, еще раз прочел закон. Если высокородная особа, принявшая в дар страну, в течение трех месяцев не сформирует Совет и не приступит к работе на правах правителя, к ней сначала будут приставлены наблюдатели, затем легат, затем... Адэр скомкал лист в кулаке. Его признают недееспособным и, как ничтожеству, укажут на дверь.

Неожиданно машину тряхнуло. Очередной толчок заставил посмотреть в окно.

— Почему ты съехал с дороги? — обратился Адэр к водителю.

— Здесь нет дороги. Она пропала, когда мы пересекли границу.

Адэр не заметил пограничную заставу — голова была занята бумагами, лежащими на коленях — и теперь, широко открыв глаза, взирал на свои владения.

Кортеж провел в пути всего-то несколько часов, а словно перенесся за тысячи миль от Тезара, причем в край заброшенный, всеми забытый. То ли зимы здесь такие суровые, что измученная морозами почва не находит весной сил и желания выталкивать из себя ростки и побеги. То ли солнце изо дня в день палит столь нещадно, что земля выцвела, оголилась, и ничто на ней не может удержаться, кроме камней и колючих кустарников. А может, всему виной саранча? Или ветер, гоняющий по пустоши клубы спутанных веток?

Скудные островки блеклой травы походили скорее на последний вздох природы, чем на ее пробуждение. Даже вороны казались смертельно уставшими: рев моторов не согнал их с засохших деревьев. И только серые пичуги носились, как шустрая детвора, которая осталась без присмотра взрослых.

Наконец кортеж медленно покотился по улицам какого-то селения. Вдоль ухабистой дороги теснились кособокие глиняные здания, разделенные прямоугольниками огородов и садов: убогая зелень напомнила о весне — а ведь в Тезаре она буйствует вовсю. Почему же здесь все так печально?

Чумазые ребяташки копошились возле куч мусора, как муравьи возле муравейника. Увидев машины, рванули навстречу, а потом еще долго бежали рядом, прижимая к окнам грязные ладошки. Снизив скорость до минимума, водители беспрестанно сигналили. Редкие прохожие с озлобленным видом наблюдали за происходящим.

Адэра бросило в пот: еще чуть-чуть, и кортеж остановится. Слава богу, кто-то из охраны догадался опустить стекло и швырнуть на обочину дороги горсть монет. Детишки на миг опешили, затем кинулись собирать деньги. Водителям хватило нескольких секунд, чтобы вдавить педали газа в пол и вывести машины из злополучного городка.

Немного придя в себя, Адэр снял через голову галстук, расстегнул на сорочке верхние пуговицы. Отец решил напугать его? Ну что ж, у него получилось.

***

Автомобили тряслись по пустоши, объезжая селения стороной. День близился к концу. В душе засел страх, что придется заночевать в каком-нибудь ужасном месте, но водитель сверкнул в зеркале заднего вида белозубой улыбкой и радостно заерзал. Адэр с ожившим интересом прильнул к окну. Замелькали зеленеющие деревья и цветущие кустарники, вместо колеи появилась сносная дорога. Вдали показался огромный замок. Чем ближе он становился, тем надсаднее стучало сердце.

Широкие ступени со стертыми краями взбегали к потускневшей двустворчатой двери. Темно-серые в белесых разводах стены и башенки на крыше отбрасывали рваные тени. Три ряда арочных окон безжизненными глазницами взирали на неровную аллею и давно не стриженные кусты. Возле лестницы выстроились в шеренгу встречающие: не первой молодости прислуга и несколько седовласых человек повыше рангом, о чем свидетельствовали их более-менее добротные костюмы.

Не дожидаясь, пока водитель обежит вокруг автомобиля, Адэр распахнул дверцу и выскочил из салона.

Невысокий, худой, смуглый старик шагнул вперед.

— Я Мун, управляющий хозяйством замка или попросту смотритель, — сказал он и смиренно склонил голову; через секунду Адэра вновь буравил настороженный взгляд.

Один из встречающих кашлянул в кулак:

— Я первый помощник почившего наместника...

Адэр представлял себе не такую встречу. Все что угодно, но только не фамильярность вельмож мелкого пошиба и не глупость нерасторопной челяди. Еще свежи воспоминания о низких поклонах и заискивающих взглядах во дворце отца. В душе зашевелилась злость — ему оказывают прием, достойный очередного наместника.

Адэр взлетел по ступеням и вошел в замок. После ослепительного солнца и бескрайней пустыни большой холл напомнил винный подвал: мрачный, преисполненный угрюмого безмолвия, лишенный жизни. Окна были закрыты ставнями, под мятыми чехлами угадывалась мебель, с картин на серых стенах свисала ткань, в светильниках и люстрах горели не все лампы.

— Сюда, пожалуйста, — проскрипел за спиной Мун, и, выскочив вперед, указал на лестницу, ведущую к балконам верхних этажей.

Адэр устремился к широкому арочному проему в стене напротив. Свита уныло поплелась за прислугой к лестнице. Охранители, наученные не попадаться хозяину на глаза, растворились в полумраке поворотов, углов и ниш. Не осмелившись последовать за правителем, обитатели замка с потерянными видом переступили с ноги на ногу и зашептались.

— Желаете осмотреть замок? — спросил старик, покорно семеня за Адэром по слабо освещенному коридору.

— Где приемная правителя?

— Кого?

Адэр резко остановился. Смотритель уткнулся лбом ему в спину и, попятившись, пробормотал извинения.

Весть о том, что взамен наместника Великий присылает правителя, да не какую-то подставную фигуру, а своего сына, долетела до замка всего за несколько часов до появления кортежа. Мун времени зря не тратил. Срочно собрал людей, некогда приехавших из Тезара. Из сбивчивых и зачастую противоположных сведений сделал вывод: Адэр сумасброден, испорчен вниманием женщин и равнодушен к государственным делам, а значит, то небольшое, чего добились ставленники Великого, пойдет прахом.

В голове старца зародилось подозрение: между Моганом и Адэром пробежала не просто черная кошка, а промчался огромный злобный зверь, коль Великий отправил сына в этокое захолустье. И встречать его надобно как очередного наместника. Ведь не было сверху никаких распоряжений о торжественности приема.

Наивность и простодушие старика не имели границ. Он уже видел себя в роли воспитателя отпрыска Могана. Но, столкнувшись с взглядом Адэра, почувствовал, как нафантазированные планы чрезмерно раздулись, словно яблоки в печи, и лопнули, обдав колючими горячими брызгами.

Адэр озирался по сторонам, жалея, что не последовал за стариком, а глупо, по-мальчишески вырвался вперед.

— Где собирался Совет?

— У нас не было Совета, мой господин.

— А что у вас было? — спросил Адэр и скривил губы, заметив потуги дряхлого старца сообразить, какого ответа от него ждут.

Наконец Мун пробормотал:

— Собрание помощников наместника.

— Где оно проходило?

— Чаще в его спальне...

— Меня не интересуют чьи-то посиделки, — перебил Адэр.

Мун ссутулился:

— Наместники редко беседовали со всеми сразу. Они вызывали к себе...

— Ненавижу, когда люди много болтают. Четко и ясно — где находится зал для собраний?

— По коридору второй поворот направо, — с небольшой задержкой сказал смотритель. — Вы хотите посмотреть комнату? Так там ничего интересного нет.

— Созывай собрание.

Мун сдвинул брови, вероятно, прикидывая, куда направиться в первую очередь. Адэр отвернулся, еле сдерживаясь, чтобы не взорваться от злости. Зашуршала ткань костюма, раздались на удивление быстрые удаляющиеся шаги.

Коридор привел к двустворчатой двери. Брезгливо растопырив пальцы, Адэр уперся в залапанные створки, — раздался протяжный скрип, — переступил порог и невольно приоткрыл рот. Это сон! Явь не может быть настолько ужасной.

Комната с высоким серым потолком и облущенными стенами ничем не напоминала зал Совета отца. Седая вскосмаченная пыль усеяла длинный стол. К его потрескавшимся бокам прижимались запыленные деревянные стулья. Во главе стола стояло кресло с просиженным

сиденьем и протертой спинкой. Это и есть трон знания, власти и правления?

Взгляд наткнулся на камин — единственное украшение комнаты. По краю каминной доски шла затейливая резьба, гирлянды диковинных мраморных цветов обвивали колонны. Сам камень даже в тусклом свете переливался причудливой сеткой разноцветных прожилок.

Адэр забрался на подоконник и попытался открыть давно не мытое окно — стекла задрожали, угрожая превратиться в острые зубы. Приблизился ко второму окну. Рамы нехотя отворились, и в комнату ворвался свежий воздух с примесью какого-то запаха. Нет, даже не запаха, а вкуса. Адэр ощутил его, как только вышел из автомобиля, и решил, что долгая поездка в салоне, пахнувшем новой кожей, немного исказила обоняние. Но сейчас еще сильнее почувствовал на губах непонятный привкус.

Глубоко дыша, Адэр рассматривал одичалый сад, убегающий от стены замка к горизонту. Послышалось шуршание одежды. Вернулся смотритель? Быстро же!

Резко обернулся:

— Это что?

Посреди комнаты стояла девушка с собранными на затылке черными волосами, в сером платье простого покроя. Высокий воротник скрывал шею, из длинных рукавов выглядывали кончики пальцев.

Отведя жгуче-черные глаза, девушка присела:

— Сад.

Адэр окинул взором невысокую фигуру, скрытую под бесформенным балахоном, смуглое лицо, высокие скулы. Если бы простолюдинка увидела, сколько презрения было в его взгляде, то немедленно выскочила бы из комнаты.

Пощелкал пальцами:

— Смотреть на меня. — Обвел комнату рукой. — Это что?

Девушка шагнула назад:

— Эта часть замка давно закрыта.

— Почему здесь грязно?

— Наместники и помощники жили в другом крыле.

— Ты слышишь, о чем я спрашиваю?

— Слышу.

— А мне кажется, ты ни черта не слышишь. Я спрашиваю — почему здесь грязно?

— Я пытаюсь вам объяснить, а вы меня перебиваете.

Адэр уставился на простолюдинку. Из-за врожденного тупоумия она явно не понимает, кто перед ней.

— В этой комнате не собирались лет восемь, а может, и больше, — как ни в чем не бывало продолжила девушка. — Раньше, конечно, заседали, но потом какой-то наместник сказал, что его удручает вид за окном, и приказал закрыть эту часть замка. Можно подумать, что вид на гараж или на пустошь чем-то лучше. Нет чтобы нанять садовника и любоваться видом. Но это ладно. Кое-кто даже надумал пустить сад на дрова, но, слава богу, поспал и забыл, чего хотел. Там некоторым деревьям больше ста лет.

— Ты, как я вижу, не знакома с этикетом, — промолвил Адэр, с трудом сохраняя остатки выдержки.

Девушка сморщила лоб:

— Чего?

— Ты должна молчать, пока тебя не спросят.

— Так вы же спросили.

— Ты должна молчать! — повторил Адэр, четко выговаривая слова.

Девушка торопливо присела:

— Извините.

— Прошу прощения, мой господин. Ты должна так говорить.

— Прошу прощения, мой господин, — эхом прозвучал бесцветный голос.

— И разве ты не знаешь, что, прежде чем войти, принято стучаться? — цедил Адэр сквозь зубы.

— Прошу прощения, мой господин.

Чем ниже приседала девушка, тем выше поднимала голову злость. Разнести бы все к чертовой матери, камня на камне не оставить. Или, на худой конец, запустить креслом в окно. Но присутствие плебейки мешало дать волю чувствам.

Адэр спрятал руки за спину, сжал-разжал кулаки.

— Ты кто такая?

— Никто.

— И это верно: ты никто. Зачем пришла?

— Я услышала, что будет собрание.

— Услышала. И что?

— Я веду... — Девушка на секунду замешкалась. — Я вела протоколы собраний.

Адэр ужаснулся — она допущена к важнейшим документам? Но не успел довести мысль до конца, как в комнату вошли Мун и помощники бывшего наместника.

Заметив девушку, смотритель заметно растерялся, но довольно быстро взял себя в руки.

— Малика! — прикрикнул он, нахмурившись. — Ты что здесь делаешь? А ну марш к себе!

Она попятилась, налетела на переступивших порог Вилара и Гюста. Пролетела извинения, прижалась к двери.

Тезарские дворяне в замешательстве замерли. Их взгляды заметались от пола к потолку, от мебели к окнам. Адэр в душе позлорадствовал — не только ему прозябать в этих стенах.

Помощники наместника с нескрываемым интересом рассматривали сына Великого.

— Не предлагаю сесть. Хотя... — Он улыбнулся с наигранным добродушием. — Вы привычны к таким условиям.

Помощники уставились в затоптанный пол.

Адэр мерил комнату шагами, пытаясь вспомнить те заседания Совета во дворце отца, которые осчастливил своим присутствием, но память упорно хранила молчание. О чем же сейчас говорить? А сказать что-то надо, иначе он будет выглядеть по крайней мере глупо.

Остановился перед чиновниками:

— Если вы умудрились довести до такого состояния замок, я представляю, до чего вы довели страну.

— Мой господин, — произнес первый помощник. — У нас были другие цели и задачи.

— Какие?

— Трудиться на благо Тезара. Интересы родины для нас превыше собственных, и уж тем более превыше интересов этой страны.

Адэр нахмурился. Потаенная надежда сформировать Совет из помощников последнего наместника дала глубокую трещину.

— До тех пор, пока Великий не прикажет нам вернуться, — продолжил чиновник, —

мы в вашем полном распоряжении.

Надежда издала предсмертный вздох.

— Я не нуждаюсь в ваших услугах.

— Без приказа Великого...

— Здесь приказываю я! Ознакомьте меня с состоянием дел и отправляйтесь домой. —

Адэр перевел взгляд на Муна и Малику, растерянно стоявших за спинами дворян. — Что касается вас, если через пару недель от меня не поступит иных распоряжений, вы получите полный расчет. — С омерзением посмотрел на ладони. — Надеюсь, в замке есть горячая вода?

Помощники расступились. Мун низко склонился. Адэр, освещенный лучами закатного солнца, в полной тишине покинул комнату.

***

Он всю ночь просидел, глядя в раскрытое настежь окно. Мысли уносили в Тезар, а непривычно огромная луна, озаряя запущенный сад, упорно возвращала обратно, в старомодное тесное кресло. Когда заалел горизонт и робко засвистела первая пичуга, Адэр пошевелил плечами, потер будто засыпанные песком глаза и вышел в освещенный тусклыми лампами коридор. В нос ударил запах сырости и тлена.

— Откройте окна, — еле слышно сказал Адэр караульному и, пошатываясь, словно пьяный, побрел к лестнице.

Поскользнувшись на ступенях, навалился на перила. Взгляд метнулся по мрачному холлу. В голову ударила кровь.

Не в силах совладать с собой, Адэр пронесся по очередному коридору, влетел в комнату собраний, закрутился на месте. Это сон! Это не может быть правдой! Неужели именно этого добивается от него отец — признания собственной ничтожности без Тезара, без дворца и без опеки Великого?

Схватился за раскрытые рамы и глубоко задышал. Прохладный воздух наполнил легкие незнакомым ароматом. Первые лучи солнца мягко коснулись лица.

— Доброе утро, — прозвучал тихий голос.

Адэр посмотрел вниз. Среди деревьев на пожухлом газоне стояла простолюдинка в сером платье. Похоже, что эта наглая девица — единственное олицетворение молодости в этом замке. Очередная насмешка судьбы...

— Вы меня не помните? Я Малика.

— Что тебе надо?

— Мне? Ничего. Я просто гуляю. Я всегда гуляю на рассвете. У вас бессонница?

— С чего ты взяла?

— Наместники никогда не вставали раньше одиннадцати. — Малика улыбнулась как ребенок: искренно и в то же время застенчиво. — А хотите, я покажу вам замок?

— Иди, куда шла.

Продолжая растягивать губы в наивной улыбке, она затеребила складки дешевенького платья:

— Кухарки еще спят. Я могу принести вам завтрак. Готовить я не умею, но могу посмотреть, что осталось с вечера.

— Иди-иди, — сказал Адэр, сопроводив слова пренебрежительным жестом. Вздохнул полной грудью. Вновь этот странный запах... — Постой! Мне кажется или здесь на самом деле чем-то пахнет?

Малика пожалала плечами:

— Мне пахнет весной и морем.

— Морем?

— Да, мой господин.

Уловив в голосе печальные нотки, Адэр поморщился: поглощенный мыслями, он совсем забыл о море.

— Никуда не уходи. Покажешь дорогу.

Отойдя от окна, в сердцах выругался. Надо же было так сглупить! Еще и перед кем?

***

От знакомых чувств защемило сердце. Совсем недавно он точно так же стоял на краю обрыва. Только сейчас перед ним расстилалась не зеленая долина, а нечто более волшебное. Внизу на ослепительно-белый песок накатывали пенистые волны. Поверхность воды излучала живой, играющий блеск. Жемчужно-белые чайки парили на уровне груди, издавая жалобные крики.

Адэр потянулся всем телом вперед.

— Осторожно! — прозвучал голос Малики.

Адэр оглянулся:

— Я тебя звал?

— Когда упадете с обрыва, звать будет поздно.

— Я не настолько глуп, чтобы рисковать.

— А я не настолько глупа, чтобы смотреть, как вы испытываете судьбу.

— Уйди с глаз, — процедил Адэр сквозь зубы.

Ветер подхватил слова и швырнул Малике в лицо. С поникшими плечами и уныло опущенной головой она поплелась к автомобилю.

— Постой!

Малика замерла. Опустила голову еще ниже, стиснула кулаки.

— Что ты делаешь?! — вскричал Адэр.

— Считаю до двадцати.

— Зачем?

— А вы как думаете?

— Я ничего не думаю.

Малика вздохнула:

— Вот это и плохо.

— Что ты сказала?

— Ничего. — Малика показала Адэру кулачки. — Я считаю.

Адэр прижал пальцы к виску, пытаясь вернуться мыслью к чему-то забытому, упущенному. Зачем он остановил девушку?

— Я могу идти? — спросила Малика и, не дожидаясь разрешения, пошагала к машине.

— Эй, ты! Как тебя...

Она резко обернулась:

— Надо было считать до ста! — Приблизившись к обрыву, раскинула руки; за ее спиной бирюзовое море плавно перетекало в лазурное небо. — Вот здесь я лишняя.

Быстрым шагом прошествовала в другую сторону и встала на фоне безжизненной земли:

— А здесь и без меня тошно. Поэтому мне лучше уйти. И не надо меня останавливать.

— Ты соображаешь, с кем говоришь?

— Конечно. С мужчиной, которому этикет позволяет обращаться с женщиной, как с вещью. — Малика присела в безупречном реверансе. — Прошу прощения, мой господин! Я сегодня же покину замок.

Стремительно пошла между камнями, поднимая ботинками желтую пыль.

Машина медленно катила по бездорожью. Сидя на заднем сиденье, Адэр смотрел в

затылки шофера и охранителя, время от времени бросая взгляд на идущую невдалеке Малику. Да, он зол на отца, сердит на друга. Да, он ненавидит весь мир! Но эта девчонка не из его мира, и она не виновата, что судьба столкнула их в этой глуши.

Автомобиль преградил Малике дорогу; Адэр распахнул дверцу:

— Предположим, я был немного резок. — И сжал ручку дверцы. Как смеет эта девица отворачиваться, когда с ней разговаривает правитель?!

— Я вас прощаю, — прозвучал тихий голос.

Адэр опешил — он и не думал просить прощения, а собирался преподать ей урок, желая пресечь дерзкие выходки в будущем.

— Ты много о себе возомнила.

Малика пошла вперед.

— Постой! — крикнул Адэр, вдруг вспомнив, о чем хотел спросить. — К морю есть спуск?

— Есть, — ответила Малика, продолжая шагать.

— Далеко?

— Во владениях маркиза Безбура.

— Садись в машину. Покажешь дорогу.

— Не покажу.

— Малика!

Она споткнулась. Приложив ко лбу ладонь козырьком, посмотрела на Адэра:

— Вы вспомнили, как меня зовут...

— Иди сюда! — приказал Адэр и, когда Малика приблизилась к автомобилю, спросил: — В какой стороне спуск?

— Не знаю, как заведено в Тезаре, а в Порубежье земли дворян охраняют стражи. Народ у нас шутить не любит, поэтому и стражи — люди серьезные.

— Они не пустят правителя во владения какого-то маркиза?

— Вы думаете, они знают правителя в лицо? Или вы взяли с собой паспорт?

— Садись в машину, — приказал Адэр и бросил водителю: — В замок.

Малика глядела в окно. Адэр с любопытством рассматривал ее. В лучах солнца блестели иссиня-черные волосы, завязанные на затылке в узел. Крылатые брови и веерообразные ресницы, на виске родинка в форме маленькой звездочки, еле заметная оспинка на высокой скуле, ровный прямой нос, полноватые губы, длинная шея, закрытая высоким воротником — все выглядело бы привлекательно, если бы не кожа, отливающая бронзой. И удивительное дело, появилось необъяснимое желание продолжить беседу.

— Придется познакомиться с маркизом Безбуром, — произнес Адэр.

— Другие дворяне вам не интересны?

— Интересны, если в их владениях есть спуск к морю или что-либо, достойное моего внимания.

— А простой народ, которым вы будете править, — он достоин вашего внимания?

Адэр не сдержал колкую ухмылку: у простолюдинки напрочь отсутствует чувство юмора. Уже жалея, что усадил ее рядом и затеял беспредметный разговор, грубо ответил:

— Еще не решил.

— Тогда чем вы отличаетесь от наместника?

— Останови машину!

Автомобиль резко затормозил.

— Оставьте нас!

Когда шофер с охранителем закрыли дверцы, Адэр всем телом повернулся к Малике:

— Не знаю, чем пичкали твою голову наместники и их помощники, но они явно забыли научить тебя элементарным правилам хорошего тона. Таким, как ты, не место в моем замке.

— Вероятно, вы забыли, я сама решила его покинуть.

— Решила? Здесь я принимаю решения!

— Можно задать один вопрос?

— Здесь я задаю вопросы!

— Зачем вы приехали? Вы свободный человек, могли бы отказаться.

Адэр откинулся на спинку сиденья. Последние дни он только то и делал, что спрашивал себя: почему там, в зале Приемов, перед тронном Великого, не отказался от ненужного подарка?

— Не все так плохо, — произнесла Малика. — Просто вам надо выспаться.

Адэр открыл дверцу машины и жестом позвал водителя.

***

Вилар откинул одеяло. Опустив ноги на холодный пол, обвел взглядом комнату. Кроме кровати, бельевого шкафа и старенького кресла, в ней ничего не было. Похоже, комната служила одновременно и спальней, и гостиной, и гардеробной. Вот только его гардеробная в имени отца в три раза больше, чем эта каморка.

Переступив через чемоданы, которые еще не успела разобрать прислуга, Вилар вошел в ванную: в углу душевая кабинка, рассчитанная на худого человека; над маленькой, словно игрушечной раковиной — потемневшее зеркало; на вбитых в стену гвоздях три несвежих полотенца — с вечера их так никто и не сменил. О ванне напоминали привинченные к полу искривленные ножки.

Вилар боком втиснулся в кабинку, дернул дверцу. Черт... заело... С третьей попытки дверца закрылась. Из покрытого ржавчиной душа полились реденькие струйки горячей воды.

Вилар закрыл глаза. Оказывается, тяжело быть человеком, для которого интересы родины превыше собственных.

Думы переметнулись к предстоящему разговору — с Адэром не удалось встретиться после бала. Сначала помехой послужили многочисленные гости, требующие внимания именинника, затем скоропалительные сборы исчерпали остатки времени и сил, а позже разные автомобили понесли друзей в Порубежье.

Подставляя воде лицо, Вилар подбирал слова, чтобы объяснить скорее себе, а не Адэру, причину выступления на Совете Великого. Шепотки в кулуарах дворца об образе жизни престолонаследника давно переросли во фривольные беседы за чашечкой кофе в светских гостиных. Истории обрастали пикантными подробностями и сомнительными слухами и грозили просочиться сквозь стены особняков и замков. А как только хохот над непристойными анекдотами сотрясет воздух трактиров и приезжих домов, пробьет последний час величия Тезара. Вместо того чтобы положить конец пересудам, Адэр намеренно подогревал их — безудержное, буйное веселье с кутежом и попойкой стало частым гостем в его замке Грѐз.

Несколько дней назад, находясь во власти душевного порыва, Вилар решил вытащить друга из болота порочных утех и тем самым уберечь отчизну от позора. Однако сейчас, в

маленькой и душевной комнате, уверенность в правильности своего поступка истончилась, поплыла к двери и вместе с невесомым паром выскользнула в щели. И когда Вилар протер запотевшее зеркало, отражение посмотрело на него глазами человека, осознавшего ошибку.

В коридоре Вилар столкнулся с Муном. Смотритель сухо сообщил, что наследник куда-то укатил на автомобиле. Вилар открыл рот, чтобы указать старику на недопустимость прозвучавших выражений, но удержал резкие фразы — недовольное бормотание о нравах современной молодежи было так похоже на сетования отца.

Вынырнув из родных сердцу воспоминаний, Вилар оглянулся. Сгорбленная спина виднелась в конце коридора.

— Мун!

Смотритель приблизился на удивление быстро. В необычайных сине-зеленых глазах, окруженных сеткой морщин, замерло ожидание.

— Если ты решил, что Адэр Карро — очередной наместник, то сильно заблуждаешься, — проговорил Вилар.

Старик согнулся, словно тонкий прутик ивы.

— Я не видел его комнату. Надеюсь, она не такая, как моя.

— Мой господин, мне никто не сообщил, что с правителем приедут важные особы, поэтому с вашей комнатой вышло недоразумение. Я уже выбрал для вас апартаменты. К вечеру они будут готовы. — Старик еще сильнее сгорбился. — Извините, что не предупредил вас.

— Займись подбором прислуги. Тех, что нас встречали, мало.

— Будет исполнено, мой господин.

— В замке есть телефон?

Мун провел Вилара под центральную лестницу. В углу над низенькой дверью горела матовая лампа. Влево, в темноту, убежал узкий коридор. Указав на него, Вилар спросил: «Что там?» — и, услышав «архив», вошел в комнату с грязным оконцем под потолком. На столике стоял старый телефонный аппарат без диска для набора номера.

— Как им пользоваться? — Вилар оглянулся, но Мун успел уйти. Поднял трубку.

Послышался щелчок, и прозвучал строгий женский голос:

— Приемная старшего советника Троя Дадье. Кто у аппарата?

Вилар растерялся. Он хотел позвонить отцу, а никак не Дадье.

— Говорите, — потребовал голос в трубке.

— Маркиз Вилар Бархат.

— Соединяю.

Повисла долгая тишина. Вилар молил Бога, чтобы старший советник был занят.

— Ты опоздал с отчетом, — вкрадчиво прозвучало в трубке. — Мне уже доложили, что вы добрались до замка. Как чувствует себя Адэр?

— Он... ему тяжело.

— Когда ты вызвался поехать с ним, на что рассчитывал?

— Ни на что. Я хотел поддержать друга.

— Вот и поддерживай, только уже в роли советника.

Невольно, необдуманно вырвалось:

— Прошу прощения, но, кем я буду, решаете не вы.

— Что-то еще? — резанул слух металл в голосе.

— Я совершил ошибку и хочу ее исправить, — торопливо проговорил Вилар, боясь, что

Трой положит трубку. — Мне нужна ваша помощь.

— И это будет провал. Твой провал, как советника, и провал Адэра, как правителя.

Вилар посмотрел на оконце, такое же маленькое, как надежда вернуться домой.

***

Он сидел на широких ступенях и измученно вглядывался вдаль. Солнце клонилось к земле. По аллеям тянулись длинные тени фонарных столбов. В неряшливых зарослях кустарника шуршал листвой ветер. А чуть дальше, за полусонным мирком, начинался мертвый грязно-желтый мир, распластавшийся до самого горизонта.

Наконец вдалеке показался столб пыли, за ним просматривалось темное пятно. Вилар поднялся, отряхнул брюки, застегнул верхние пуговицы сорочки. Из-за плеча бесшумно вынырнул Мун и, приложив ко лбу ладонь козырьком, затаил дыхание. Почему старик так волнуется?

Автомобиль затормозил перед лестницей. Опередив водителя, Адэр открыл дверцу. Выйдя из машины, протянул руку. Черноволосая девушка, прикоснувшись к его пальцам, выпорхнула из салона. Мун надсадно задышал. Дочь? Внучка? Хороша чертовка! Но старик зря тревожится — Адэр к таким девицам равнодушен.

Вдруг девушка посмотрела на Вилара. По-особенному, сбиваясь с ритма, забилося его сердце. Непривычно тяжело приподнялась и опустилась грудь, делая вздох. Стало невыносимо жарко.

— Кого-то ждешь? — спросил Адэр, взлетев по лестнице.

— Да... тебя... то есть вас. Мы можем поговорить?

— Через полчаса буду в столовой, — сказал Адэр Муну и бросил Вилару: — Идем.

Открытые настежь окна сверкали чистыми стеклами, колыхались белоснежные занавеси, позвякивала хрусталиками люстра, отражаясь в натертом до блеска паркете. Стол и стулья излучали красивое матовое сияние. Только кресло с наброшенным сверху красным плюшем оставалось нелепым и жалким.

Подойдя к окну, Адэр оперся руками на подоконник и опустил голову. Стоя возле двери, Вилар потер шею. Давил воротничок сорочки. Вызывая чувство гадливости, по спине струился пот. И предательски дрожали колени.

Молчание затянулось. Вилар испугался, что друг уйдет, так и не выслушав жалкий лепет оправданья.

— Адэр... Прости меня.

Адэр передернул плечами. Озлоблен. Конечно. И сильно раздражен. Смешно надеяться, что сейчас он способен простить и понять. Но откладывать разговор опасно — глубокая пропасть между ними вот-вот превратится в бездну.

— Адэр... Я знал, что Порубежье нищая колония, но не думал, что настолько. Я знал, что назначение наместником заденет твое самолюбие, но не думал, что Великий подарит тебе трон. Всё пошло не так, как я представлял себе. Я ошибся. Прости меня.

Адэр обернулся. В глазах холод. На лице спокойствие.

— У меня один вопрос: почему исподтишка?

— Я хотел сказать, но ты пропал почти на месяц.

— Не мог подождать?

— Я боялся, что Великий назначит наместника до того, как ты объявишься. Я думал, ты

будешь счастлив, когда получишь власть и свободу.

Адэр отодвинул кресло от стола. Долго смотрел на него, видимо, раздумывая — стоит садиться или нет. Сел:

— Наконец-то я счастлив.

— Адэр...

— Что — Адэр? — вскричал он, хлопнув ладонью по столу. — Свобода и власть была у престолонаследника Тезара. У правителя Порубежья есть только клетка и плюшевый трон. — Откинулся на спинку кресла. — Теперь я знаю: нельзя доверять ни отцу, ни другу. К сожалению, отца не выбирают. — Погладил подлокотники. — Возвращайся домой. Ты мне больше не нужен.

Заслуженный удар под дых. Вилар даже ощутил физическую боль, и только леденящий взгляд не позволил прижать руку к животу и согнуться.

— Можешь идти, — произнес Адэр.

— Разреши мне загладить вину.

— Интересно, как? Позвонишь Трою Дадье? Скажешь, что мальчик хочет к папочке? Представляю, как он будет смеяться.

— Уже звонил.

Запрокинув голову, Адэр уставился в потолок:

— Мой Бог... Образумь раба своего.

— Я совершил ошибку. Я знаю.

— Сколько можно? Вилар!

— До просьб не дошло, но он догадался.

Адэр облокотился на стол, потер ладонью лоб:

— Теперь я точно не вернусь.

Вилар приблизился к столу:

— Вернешься. Твой отец, как любой человек, иногда совершает ошибки, потом их исправляет, сам или с помощью Дадье.

— Даже если они сильно захотят, я не вернусь. С утра и до утра они будут думать, как вытащить меня отсюда, а мне будет уже все равно. — Адэр устремил на Вилара жесткий взгляд. — У меня есть козырь. Я знаю, на что они способны. А они не знают, на что способен я.

Стремительно пересек комнату. Возле двери оглянулся:

— Простить не обещаю, но постараюсь на время забыть о «ноже в спину».

***

Малика влетела в спальню, рухнула на кровать. Чопорность и равнодушие вельмож мало волновали ее — она давно к ним привыкла. Сколько себя помнит, именно такие люди приезжали из Тезара — надменные сухари. Но еще никто не позволял себе так унижать ее.

И вот приехал он: высокомерный, зазнавшийся, самовлюбленный. Разве таким должен быть правитель? Даже наместники осматривали замок, где им предстояло провести остаток жизни, знакомились с его обитателями, меняли слуг, окружали себя толковыми людьми, проводили собрания, распределяли обязанности, и уж потом погружались в созерцательную дремоту. Но что с них возьмешь? Старые немощные люди, выжатые Моганом, как лимоны. Где еще они могли отдохнуть от дел, как не на троне Порубежья?

А этот? Спуск к морю — единственное, что его заинтересовало. Да он отродясь не

слыхивал, что в Порубежье есть море.

Малика тяжело вздохнула. Почему так не везет на смысленных и интересных людей? Один лишь Мун — самый дорогой человек на свете. Всегда рядом, всегда поддержит, успокоит, а если надо, мозги песком прочистит.

Скрипнула дверь. Легок на помине. Но как же не хочется слушать его поучения. Сейчас бы в душ, смыть презрение и злобу, что выплеснул на нее Адэр.

— Что ты творишь? — начал от порога Мун.

Малика не шевелилась. Может, решит, что она спит, и уйдет?

— Стоит отвлечься, и на тебе! Получай очередную глупость, — непривычно сурово звучал старческий голос.

Малика сжала под подушкой кулак. Нет! Выговор старика не заставит повернуться и с виноватым видом захлопать ресницами.

— Зачем ты пошла к правителю?

Послышались шаги. Или решил уйти, или... Стул с грохотом опустился возле кровати. Заскрипел дерматин.

— Ладно, я еще могу понять девичье любопытство. Увидела, ну и смазывай пятки. Но усесться в машину?! Надо быть без царя в голове.

Малика стиснула зубы. Старик не на шутку разошелся. Даже припомнил прадедовские прибаутки. Видать, отделаться молчанием не получится.

— Что это ты? Зубами скрипишь? Ишь, как уши ходят ходуном. Вот сейчас возьму ремень и отхайдокаю почем зря, не посмотрю, что девица.

Повернувшись к старику лицом, Малика приподнялась на локтях:

— Это как?

— А вот отхайдокаю, тогда и узнаешь, — сердито ответил Мун, но старческий взгляд потеплел.

— Что случилось? Не помню, чтобы ты раньше ремнем грозился.

Старик поднял палец к потолку:

— Это правитель! А ты решила с ним лясы точить? Лучше бы на кухне помогла.

— При наместниках посуду не мыла, а сейчас побегу?

— Сильно ты вознеслась! То и чураются тебя бабы. Даже поболтать тебе не с кем.

— О чем с ними болтать? О мужиках или о картошке с брюквой?

Малика села, поправила платье. Украдкой глянула на Муна — выпустил пар или придется еще послушать?

— Так вот, голуба! — проговорил старик. — Адэр — большой человек. А ты мошка. Раздавит тебя и не заметит.

Малика тряхнула головой. Все! Хватит на сегодня унижений!

— Ненавижу его! — прошептала она.

— Кого?

— Его! Твоего правителя Адэра!

Мун взлетел со стула, не по-старчески резво подбежал к двери, выглянул в коридор и с посеревшим лицом повернулся:

— Дурья твоя башка!

Малика подошла к окну. Отодвинув цветущую герань, уюстилась на подоконнике:

— Глупее человека не видела.

Мун опасно приблизился к ней:

— Ты чего мелешь? Заболела?

Его губы тряслись, в глазах тревога. Старик не знал, куда деть руки: то прятал за спину, то складывал на груди. Наконец сцепил пальцы и прижал к животу. Глядя на Муна, Малика мысленно осыпала себя упреками. Надо было повиниться, признать свою ошибку, и делу конец. Нет! Выиграла кровь, заговорила гордость. Самого близкого человека заставила волноваться.

Она обняла старика и уткнулась лбом ему в плечо:

— Мун! Я пошутила.

— Хороши шутки.

— Нет, правда! — Малика легонько боднула его в шею. — Я немножко огорчилась.

Правитель и не знает о море. И кто додумался его сюда отправить?

— Не нашего ума дело.

— Я бы на месте Адэра...

— Да как ты можешь сравнивать себя с правителем?

Малика отклонилась назад:

— А чем он от меня отличается? Только тем, что родился с короной на макушке. Нет.

Есть еще одно отличие. Он писает стоя. Подожди, есть еще...

— Хватит! — Мун укоризненно покачал головой. — Твой язык до добра не доведет. Как мне пережить две недели?

— Мы можем уехать сегодня. Прямо сейчас. Давай?

— Нет, Малика. На кого я оставлю замок?

— Тебе не все равно? После нас хоть пожар...

— Прекрати! — Мун взял ее за плечи. — Пообещай мне...

Малика потянулась поцеловать его в щеку, но старческие руки держали не по-старчески крепко.

— Пообещай, что к правителю ни ногой.

— Обещаю.

Малика вырвалась из цепких пальцев, обежала старика и прыгнула на кровать. Панцирная сетка натужно заскрипела. Лицо Муна просветлело, губы растянулись в улыбке.

В комнату заглянула служанка:

— Малика! Правитель срочно вызывает тебя в комнату собраний.

Малика посмотрела на побледневшего старика, пожала плечами.

***

Рассудком завладело единственное желание — быстрее вернуться и успокоить Муна. И Малика, не в состоянии думать ни о чем другом, бежала по переходам хозяйственного крыла, прыгала через ступени, неслась через холл. Услышав голоса, заглушенные изгибами и поворотами коридора, споткнулась, прижала руку к груди. Вторя биению сердца, в голове заколотился вопрос — зачем ее позвал правитель?

Мысли, подобно застигнутым врасплох ящерицам, ускользали, оставляя бесполезные обрывки. Взор метался по затоптанному полу, словно искал в тусклых разводах подсказку.

Малика похолодела — а вдруг Адэр узнал, кто она? Привалилась плечом к стене, потеряла виски. Нет... Нет! Даже ставленники Великого не догадались. И слуги знают с морунах только понаслышке. Единственное, что может ее выдать — это глаза, необычайно черные, обжигающие. Но смуглая кожа и волосы, цветом и блеском напоминающие смолу, собьют с толку любого сведущего человека.

А вдруг Адэр узнал, что ее старый добрый Мун — ориент? Но откуда? Тот, кто в нарушение закона дал ему в замке приют, давным-давно ушел в мир иной. Прошедшая после него вереница наместников без устали меняла слуг. Вскоре не осталось ни одного человека, кто бы помнил, что тихий и покорный смотритель — выходец из морского народа. В конце концов, изменился сам Мун — хотя глаза цвета морской волны и несмываемый загар остались прежними, всё остальное скрыли годы.

— Чего ждем? — прогремел голос охранителя.

Малика от неожиданности вздрогнула. Оттолкнулась плечом от стены и быстро пошла мимо закрытых дверей, чувствуя спиной пронизывающий взгляд. Сбежать не получится. Уже стемнело. До ближайшего селения, где находится их маленький домик, три часа ходьбы по пустоши, кишачей дикими собаками и шакалами. А эти хмурые верзилы, которых привез с собой правитель? Без его разрешения они вряд ли позволят уйти.

Завернув за угол, Малика остановилась. Свет, вылетающий из зала собраний, разделил коридор и словно разорвал жизнь на две части. На освещенной границе между «до» и «после» плечом подпирал открытую дверь секретарь Адэра — важный на вид, но с измученным тусклым взором.

Малика глубоко вздохнула и сделала шаг вперед.

В воздухе витал терпко-сладкий аромат. Молодые люди тихо разговаривали, стоя возле камина. Вернее, говорил Адэр, а человек, который недавно ждал его на лестнице, с растерянным видом крутил в руке бокал с вином и порой кивал в ответ.

Адэр заметил ее:

— Чего топчешься у порога?

— Я не топчусь. Я только что пришла.

— Подойди! — Адэр взял с каминной полки бокал с вином и протянул Малике. — Вышей.

Она отшатнулась.

— Не хочешь?

В синих глазах пустились в пляс веселые чертики. Хмельной взор забегал по ее лицу,

задержался на губах, сполз на грудь. Малика вспыхнула — она не товар на сельской ярмарке — и сжала кулаки.

— Считай. Я подожду, — произнес Адэр и, беззлобно улыбнувшись, сделал глоток вина.

Малика спрятала руки за спину и только сейчас увидела возле ножки стола две пустые бутылки. Адэр заразительно рассмеялся — видимо, его развеселило выражение ее лица.

Приказав секретарю закрыть дверь с другой стороны, сказал:

— Позволь тебе представить маркиза Вилара Бархата. Можешь обращаться к нему, как и ко мне — мой господин.

Малика, склонив голову, присела.

Адэр повернулся к Вилару и указал на Малику:

— А это... Черт... Как твое полное имя?

— Малика Латаль.

— Напомни, чем ты занимаешься в замке?

— Сейчас — ничем. Когда были наместники, я читала им книги, переписывала документы, вела протоколы собраний...

— Представляешь? — перебив Малику, Адэр обратился к Вилару. — Она в курсе всего, что творится в колонии. — Залпом опустошил бокал и с непонятной злостью бросил его в камин. — Сколько тебе лет?

— Двадцать два.

— Ты не по возрасту четко и понятно излагаешь свои мысли.

Малика опустила голову:

— Видимо, я прилежная ученица.

— И кто же твои учителя? Неужели наместники? — В голосе Адэра прозвучало неподдельное удивление.

— Я же сказала: я читала им книги, переписывала документы. Чуть дальше по коридору огромная библиотека, под центральной лестницей архив.

Она ждала колкие фразы, а слышала шум ветра за окном. Покосившись на правителя, столкнулась с его оценивающим взглядом.

Адэр указал на кресло и стулья возле камина. Первым развалился на красном плюше. Малика присела на краешек сиденья. Вилар передвинул свой стул так, чтобы она не могла его видеть.

— Я хочу пригласить в замок самых влиятельных титулованных дворян, — промолвил Адэр. — Человек сорок. Может, пятьдесят. Не более.

— Вы обидите остальных, — тихо произнесла Малика.

— Я бы позвал всех, но здесь мало места. Я хочу, чтобы ты занялась подготовкой этой комнаты к приему.

Малика посмотрела по сторонам.

— Вымытых окон и плюша на кресле недостаточно, — сказал Адэр. — Здесь все должно быть торжественно и строго. Справишься?

— Почему я?

— А кому я должен это поручить? Нерасторопной прислуге с допотопными вкусами или помощникам наместника, которых ничто, кроме Тезара, не интересует?

— Зачем вам эта комната? В левом крыле есть Мраморный зал.

— Он в нормальном состоянии?

— Еще нет. Но это вопрос нескольких дней, Мун как раз набирает прислугу.

— Кто распорядился?

— Я, — прозвучал за спиной голос Вилара.

Подвинувшись на край кресла, Адэр наклонился к Малике:

— Дьявол! О чем с ними разговаривать?

Малика уловила в его дыхании тягучий аромат терпкого вина.

— Мой господин, давайте все обсудим завтра.

Адэр вцепился ей в колено:

— Я спрашиваю — о чем?

Малика боролась с желанием разжать его пальцы, да с такой силой, чтобы захрустели косточки. Надо сказать ерунду. Пусть взорвется. Пусть обругает и, сочтя идиоткой, больше никогда не вызывает к себе.

— Если вы позволите мне сопровождать вас на приеме...

— В той стране, откуда я родом, сопровождающей дамой может быть либо супруга, либо родственница, либо фаворитка. Таковы традиции, — на удивление добродушно произнес Адэр и отпустил ее колено. — Ты никаким боком к ним не относишься.

Малика уставилась в пол. Адэр не так прост, как ей показалось. Его могло разозлить ее молчаливое присутствие, но окошечку выслушал спокойно. Вчера прятал за ехидными словами растерянность, утром гневно громыхал, пытаюсь скрыть смятение, сейчас удивил — не было вспышек злобы, взгляд выдавал простые человеческие чувства. Вино помогло ему превратиться в человека, или усталость лишила сил выходить из себя, но, как бы там ни было, Адэр непредсказуем, а от того втройне опасен. Прав Мун — таких людей надо сторониться.

— Неплохо бы посмотреть, что из себя этот Мраморный зал представляет, — позвучал голос Вилара.

— Посмотри. Тебе все равно нечем заняться. А списком и рассылкой приглашений займется секретарь.

Когда за Адэром закрылась дверь, Вилар пересел в его кресло:

— Ну что ж, будем знакомы?

Малика рассеяно кивнула и тотчас вскочила:

— Прошу прощения, мой господин.

— Вилар. И не надо вставать, когда я сижу.

Малика села. Вилар долго ее рассматривал. Его взор, в отличие от взгляда Адэра, вызвал в душе приятное волнение.

— У тебя удивительные глаза. Если бы не цвет твоих волос и оттенок кожи, я бы решил, что ты моруна.

Под ней словно разверзлась земля. Малика вцепилась в стул.

— Я что-то не то сказал? — промолвил Вилар озадаченно. — Прости, если я тебя чем-то обидел.

Непривычные слова, прозвучавшие из уст знатного человека, застигли врасплох. Не зная, как себя повести, Малика погладила подол платья. Руки предательски дрожали.

— Ты напугана.

Его горячие пальцы крепко стиснули ее ладонь. Малика прислушалась к доселе неведомым ощущениям — мужская рука впервые прикасалась к ней столь чувственно и одновременно властно. Внезапно через кончики его пальцев ей передался нестерпимый жар. Еле сдерживаемая страсть мощной волной накрыла Малику. Она задохнулась. Закрыла глаза.

Нет, это не ее страсть. Она проникла в сердце извне.

Малика сжалась. Комната собраний находится слишком далеко от хозяйственного крыла. Прислуга по коридорам просто так не бродит. Секретарь правителя уж точно убежал вслед за хозяином. А значит, она один на один с теряющим над собой контроль мужчиной. Даже если закричать — никто не услышит. А если кто услышит — осмелится ли заступиться?

Малика попыталась выдернуть руку.

— Не бойся, — тихо произнес Вилар. — Я тебя не обижу. И другим в обиду не дам.

Словно в подтверждение слов бушующее пламя в его груди стало утрачивать силу и превратилось в теплый ласковый огонек.

Малика смотрела в золотистые глаза. Это ей кажется или она на самом деле чувствует то, что испытывает к ней Вилар?

— Господин, можно мне уйти?

— Зови меня по имени.

— Я не могу...

— А ты попробуй.

— Господин! Отпустите меня.

Вилар придвинулся к Малике еще ближе и прошептал:

— Даже не помню — был ли у меня такой тяжелый день, как сегодня? Но мне кажется, с этого дня началась новая жизнь.

В какой-то миг показалось, что маркиз поцелует ее. Малика резко отшатнулась.

Вилар поднялся и холодно произнес:

— Идем, покажешь Мраморный зал.

***

Документы лежали везде: на столе и креслах, на подоконниках и стульях. Полки в шкафах были завалены папками и тетрадями. Складывалось впечатление, что помощники наместника преднамеренно размножили отчеты, чтобы еще сильнее запутать новоявленного правителя. Порой появлялось желание вызвать секретаря и препоручить ему изучение нудных бумаг. Адэр тянулся к звонку, но каждый раз чувство собственного достоинства останавливало руку.

Высыпав на стол очередную порцию макулатуры, помощники отбыли в Тезар. Адэр остался один на один с нестерпимой головной болью, которую усиливали визиты Вилара. Друг — ранее степенный и медлительный — словно зарядился необузданной энергией: влетал в кабинет с непонятным блеском в глазах, быстро, в двух словах, рассказывал, как продвигается работа по подготовке к приему, давал счета на подпись и уносился, будто подхваченный шквальным ветром.

Закрыв папку, Адэр потянулся; по спине побежали приятные мурашки. Подошел к окну; золотисто-огненное солнце, забыв о весне, опажнуло лицо жаром. Взлохмаченные работники в потных рубашках скоблили и натирали до блеска парадную лестницу, расчищали аллеи, подстригали кусты.

Наблюдая за вялыми движениями слуг, Адэр с удивлением вспомнил, что слишком долго не покидал замок и не дышал свежим воздухом. Хотя рамы были открыты с утра и до позднего вечера, ветерок, сделав круг по комнате, тотчас пропитывался запахом залежалых пыльных бумаг.

Адэр вышел из кабинета. За поворотом свалил стремянку, зацепившись за нее полкой пиджака. В полумраке споткнулся о ведро. Вынырнув из темной ниши, охранитель провел его по незнакомому коридору в мрачный вестибюль и с трудом открыл обитую железом дверь. Переступив порог, Адэр скривился — вокруг все та же пустошь, разве что поодаль на фоне желтой земли и ярко-синего неба серел огромный гараж. Ветер доносил специфический запах. Место явно не предназначено для прогулок правителя.

Адэр хотел уже вернуться в замок, но вспомнив о столе, заваленном бумагами, пошагал вдоль стены флигеля. Повернув за угол, увидел сад. Извилистая тропинка, похожая на русло высохшего ручья, привела к срубленному деревцу, под которым стояла каменная скамья с отломанной спинкой. Адэр очистил сиденье от прошлогодней листвы. Взору предстали искусно выточенные в камне цветы, стебельки и завитушки, крохотные пчелы и бабочки с рельефными крыльшками.

Усталое солнце льнуло к кронам деревьев, мягкие тени вытягивались в полупрозрачные узоры, сонный пересвист пичуг прижимался к тонким ветвям кустарника. Вглядываясь в сказочный рисунок, Адэр впервые за все эти дни улыбался.

Он собирался уже лечь в постель, как в дверь постучали.

— Мой господин! К вам маркиз Бархат, — донесся из гостиной голос секретаря. Адэр не успел ответить. Дверь распахнулась, и порог спальни переступил Вилар:

— Иди, принимай работу.

Адэр опустился на край кровати:

— Вилар, все завтра. Я сильно устал.

— Идем!

— К чему такая спешка?

— Завтра приезжает Элайна. Тебе будет не до меня.

Адэр снял пиджак, бросил его на спинку кресла.

— Хочу тебя удивить, — не унимался Вилар.

— Сильнее, чем Великий? Сомневаюсь, что у тебя получится.

— Спокойной ночи, — сказал друг и вышел из комнаты.

Гюст глянул через плечо, повернулся с довольным видом:

— Прошу прощения, мой господин, что потревожили вас. Я говорил, что вы отдыхаете, но маркиз...

Адэр хлопнул руками по коленям, поднялся:

— Вилар! Подожди.

Последние дни он ходил в кабинет и возвращался в апартаменты другим путем. Охранители вели его по запутанным переходам и узким лестницам, ограждая от встреч с толпами работников, занятых ремонтом и уборкой. Сейчас Адэр спускался с третьего этажа по главной лестнице. Сверкающий мрамор широких ступеней и приятная прохлада идеально гладких перил напомнили о дворце Великого. Даже эхо шагов прозвучало как дома. Высокий белоснежный потолок холла, украшенный старинной лепниной, перетекал в молочно-жемчужные стены. Начищенный до блеска пол отражал массивные хрустальные люстры. Огромные окна были прикрыты ажурной кисеей. Возле антикварных столиков и кресел, обитых серым бархатом, стояли вазоны с миниатюрными кучерявыми деревцами.

— Ну как? — спросил Вилар, шагая позади.

— Неплохо, — произнес Адэр и охватил взором весь холл. — Куда ты дел картины?

— Сейчас увидишь.

Пройдя по просторному коридору, освещенному множеством бра, они приблизились к двустворчатой двери из красного дерева, инкрустированного перламутром.

— Готов? — спросил Вилар и взялся за бронзовые дверные ручки.

Адэр, привыкший к великолепию отцовского дворца, считал, что уже ничто не сможет его поразить. Но стоя на пороге Мраморного зала, понял — он заблуждался.

Потолочный свод расстилался лучезарным небом. Белоснежные чайки, расправив кипенные крылья, парили в лазурной вышине. Пол растекся гладью моря, в замысловатых разводах угадывались рифы и стайки радужных рыб. На коврах, будто на пушистых облаках, разместились столики и кресла на резных ножках. Четыре огромные картины с морскими пейзажами взирали с разных стен на свое отражение в удлиненных овалах зеркал.

— Эта роскошь висела в холле под грязными тряпками. — Вилар погладил покрытый золотом багет. — Хорошо, что помощники наместника не видели, а то увезли бы в Градмир.

— Где взяли мебель?

— На чердаке. Если б ты знал, сколько там всякой всячины. Но это все ерунда. — Вилар глянул поверх плеча Адэра. — Туда посмотри.

Адэр обернулся. На возвышении стоял мраморный трон. Камень как камень — ни отделки, ни инкрустации, привычный для мрамора красивый узор и не более.

— Я тоже сначала подумал, что ничего особенного, — промолвил Вилар и направился к двери, — пока работники не отремонтировали люстру, и пока мы ее не включили.

Адэр поднял голову. Над тронем, под самым потолком висела люстра — не люстра, зеркало — не зеркало, изогнутая волной пластина с блестящей полированной поверхностью.

Из коридора донесся голос Вилара:

— Включаю.

Лист под потолком слегка побелел, вниз полился мягкий слабый свет, и трон заискрился, как шампанское в хрустальном бокале, как узорчатый иней на окне, как алмазная пыль водопада под солнцем.

— Ну, как? — спросил Вилар, приблизившись, и сам себе ответил: — Потрясающе!

Адэр поднялся по ступенькам к трону. Усевшись на бархатную подушечку, посмотрел на картину, расположенную на противоположной стене. Мириады мерцающих звезд усеяли небо, протянув к затихшей морской глади туманные тонкие руки. Искрящиеся персты, прикоснувшись к воде, пролегли звездной дорогой, бегущей к далекому горизонту.

— Мой господин, — прозвучал от двери голос секретаря.

— Чего тебе? — спросил Адэр.

— Раз уж вы не спите, я хотел бы ознакомить вас со списком приглашенных особ.

Адэр откинулся на спинку трона и жестом приказал подойти.

Совсем недавно вот так же, держа в подрагивающих руках листы, Гюст зачитывал перечень гостей. Но тогда, в прошлой жизни, Адэр с кем-то был знаком лично, кого-то видел, о ком-то слышал. Сейчас за титулами и именами зияла пустота.

— Как они выглядят? — перебил Адэр Гюста.

— Не знаю.

— А кто знает?

— Прошу прощения, помощники уже уехали...

— Как ты собираешься представлять мне дворян?

— Я? — Лицо секретаря посерело, как домотканое сукно. — Я расспрошу слуг. Может,

кто видел...

Адэр подпер кулаком щеку и долго сидел неподвижно.

— Зови Малику.

***

Вилар лежал на кровати и, глядя в потолок, заново переживал дни, проведенные рядом с Маликой.

Склонившись над планом Мраморного зала, они расставляют столики и кресла. Их плечи соприкасаются. Он вздрагивает. Малика водит по плану пальцем.

Они обходят стремянки и ведра с краской. Их руки встречаются. Он задерживает дыхание. Малика придирчиво осматривает стены.

Они пробираются между схороненной на чердаке мебелью. Он протягивает руку. Их пальцы сплетаются. Его бросает в жар. Малика ощупывает обивку стульев.

Оставив замок на растерзание строителям, они сели в автомобиль и понеслись по бездорожью. Остановились в неприметном городке, вошли в грязный трактир. Сидя на узкой скамье, слушали песни бедняков. Столкнувшись с незнакомой жизнью простого люда, Вилар переводил взгляд на Малику. Она одна из них? Отворачивался и мрачно смотрел, как на заплеванном земляном полу отплясывала и веселилась разгоряченная вином публика. Но, вспоминая о цели путешествия, прислушивался к голосам певцов и звучанию инструментов. К своему огромному удивлению, он быстро определился с выбором музыкантов для увеселения гостей на приеме.

В местной полуразвалившейся школе они оплатили комнату для репетиций музыкального коллектива и вручили ключ щуплому маэстро. Затем заглянули к единственному в городке портному. Услышав, сколько необходимо костюмов для музыкантов, швейных дел мастер округлил глаза и плюхнулся на топчан.

Сколько раз в конце тяжелого дня Малика холодно прощалась с Виларом у лестницы и уходила в хозяйственную часть замка. И сколько раз Вилар стоял возле кабинета Адэра, но зайти не решался — о чем говорить с человеком, который никогда не любил?

Он мог взять Малику силой. Посреди пустоши заглушить двигатель автомобиля и заманить ее на заднее сиденье. Или на захламленном чердаке повалить на диван. Но как только вспыхивало желание, Малика пристально смотрела на него. Она молчала, говорил ее взор. И Вилар выметал из головы низменные мысли. Как она догадывалась, что с ним происходит? И почему он подчинялся?

Вилар вскочил с кровати и заходил из угла в угол. Послезавтра прием. После него Малика покинет замок, если Адэр ее не остановит.

Вилар подошел к открытому окну. В саду среди деревьев виднелась фигура человека. Тревожно забило сердце — что потребовалось кому-то в саду ночью? Первая мысль — вызвать охрану. Но сомнения в необходимости ночного переполоха взяли верх.

— Кто здесь? — высунувшись из окна, спросил Вилар.

— Мой господин! — прозвучал голос Малики. — Это я.

Повинуясь внезапному порыву, он выбежал из спальни. На ходу застегивая рубашку, мчался по коридору, перепрыгивал через ступени. Вылетел из замка. Только б не успела уйти! Только б не ушла!

В лунном сиянии стояла она. На миг показалось, что удалось зажать чувства в кулаке. Но Малика улыбнулась, и кулак разжался.

— Малика, — тихо сказал Вилар и притянул ее к груди.

Сердце билось все глуше. Каждый удар чуть слышно отдавался в голове и растворялся в хороводе стонущих желаний. Казалось, еще один толчок, и сердце замрет в предвкушении чувственного взрыва. Рука съехала с хрупкого плеча, поползла по гибкой спине.

— Пойдем со мной, — прошептал Вилар.

Малика запрокинула голову. Лунный свет коснулся ее глаз и рассыпался искрами.

— Я не боюсь вас.

Вилар ослабил объятие.

— Я не знаю, что мне делать, — промолвила она и выскользнула из рук. — Я совсем забыла о платье. Мун закрутился с ремонтом и тоже забыл. У меня есть платья, но они обычные. А заказывать портному уже поздно.

Ее слова отрезвили.

— В Порубежье нет модных магазинов? — спросил Вилар.

— Есть. А толку?

— Можно купить готовое платье.

— Вы видели, какие там цены?

— Не видел.

— И я не видела. Мун сказал: на них лучше не смотреть. — Вздохнув, Малика затеребила пуговицу на манжете. — Как думаете, правитель сильно разозлится, если я не пойду на прием?

— Ты пойдешь на прием.

— Я не могу его опозорить. Там будут такие люди...

— Завтра я куплю тебе любое платье, какое ты выберешь.

Малика отшатнулась:

— За кого вы меня принимаете?

— За человека, который не подведет правителя.

— Я не смогу вернуть вам деньги. Мы с Муном остались без работы.

— Мне не нужны твои деньги.

— А что вам надо?

Вилар усмехнулся:

— Ты похожа на перепуганного воробья.

— Что вы потребуете взамен? — не унималась Малика.

— Ничего. Мы купим платье и забудем.

— Забудем?

— Обещаю.

Она обхватила себя за плечи:

— Я чувствую себя продажной женщиной.

— Малика! Не смеши!

— Вы ведь не думаете, что я специально ходила под вашими окнами, чтобы выпросить платье?

— Я думаю, тебе пора спать. Поедем с утра пораньше, а то не успеем вернуться.

Малика кивнула и пошла к замку. Перед тем, как открыть двери, оглянулась:

— Я забыла сказать вам спасибо.

Вилар широко улыбнулся:

— Завтра скажешь.

Взъерошил волосы и, засунув руки в карманы штанов, побрел по аллее вглубь сада.

***

Детство вспоминалось смутно. Память перепрыгивала через провалы, ныряла в дымку: виднелись расплывчатые силуэты людей, слышались приглушенные голоса. Но внезапно память озарялась, и чудилось, что давние события происходят сейчас.

Задыхаясь от гордости и восторга, он бежит по коридору: маленький мальчик, едва достающий до педалей машины, впервые сам проехал вокруг гаража. К кому лететь, как ни к отцу? Пусть порадуется успехам сына, посмотрит на него с уважением, а может, на колени усадит. Дорогу преграждает секретарь. Выслушав сбивчивый рассказ, обещает сообщить Великому. И если Моган сочтет встречу с сыном необходимой, его пригласят.

Каким же он был доверчивым и наивным. Несколько дней не выходил из комнаты, ждал приглашения, до головной боли прислушивался к шагам в коридоре. Пока не пришла Элайна и не попросила прокатить с ветерком.

Вдруг вспомнилась сумасшедшая боль. Он упал с лошади. Его окружили конюхи и гувернеры. Среди чужих побледневших лиц мелькнуло посеревшее лицо сестры. Адэра перенесли в спальню, уложили на кровать. Врач обработал ссадины. Появился Трой Дадье, сдержанно поинтересовался: есть ли опасность для жизни наследника? Выслушав отрицательный ответ, с удовлетворенным видом исчез. Сестра несколько долгих дней просидела возле его постели, а отец так и не пришел.

— Ручная работа, — прозвучал вялый голос. — Очень красиво.

Адэр скользнул взглядом по обеденному залу, прошелся по зеркалам на стенах. Остановился на Элайне; глядя в окно, сестра машинально мяла в руке кружевные занавеси.

— Хочешь поговорить о шторах?

Продолжая смотреть на сад, сестра недовольно повела плечиком:

— Когда я сюда ехала, думала, что мы с тобой это обсудим, это и это. А сейчас выдавливаю из себя каждое слово.

Адэр отхлебнул из чашки остывший кофе:

— Не мучай себя.

— Я хотела тебя поддержать, но у меня не получается.

— Считаешь, я нуждаюсь в поддержке?

Немного помедлив, Элайна повернулась к Адэру лицом. Хрупкая, нежная, ямочки на бледных щечках, русые волосы, уложенные в чудную прическу — она удивительно походила на мать, будто супруга Могана Великого сошла с картины в его спальне и прибыла в Порубежье.

Сестра изо всех сил старалась держать себя в руках, но глаза болотного цвета выдавали волнение с примесью тоски и усталости.

Элайна отвернулась к окну и вновь принялась мять в кулачке шторы:

— Кто тянул Вилара за язык?

— Дорогая, не начинай.

— Кто мог подумать, что он способен на предательство.

Адэр усмехнулся:

— Он не предатель.

— А кто? — спросила Элайна, опустив голову.

Адэр посмотрел на поникшие плечи сестры, подрагивающие пальчики, сжимающие ткань. Неужели она до сих пор равнодушна к Вилару?

— Он друг, который хотел меня спасти.

— От кого? — прозвучал тихий голос.

— От меня самого.

Элайна повернулась к Адэру. Сестре удалось надеть маску и придать себе шутливый вид:

— Поэтому ты стал похож на этот замок? Такой... одинокий. Здесь нет девиц?

— Не знаю.

— Ты не знаешь своих придворных?

— У меня их нет. — Адэр покрутил в руках чашку, поставил на стол. — Как поживают мои племянницы?

— Скучают по тебе. Их некому баловать.

Адэр улыбнулся:

— Почему не взяла их с собой? Им бы здесь понравилось.

— Кто бы сомневался? Ты бы разрешил им сидеть на ступенях, сутулиться за столом, бросаться едой, глотать слова. Продолжил бы учить их врать, не краснея.

Адэр вздохнул:

— Из меня получится плохой отец.

— Самый лучший. — Приблизившись, Элайна уселась на ковер возле ног Адэра. Как в детстве... Опустив руки ему на колени, устремила на него лучистый взгляд. — Почему мой муж не похож на тебя?

— И слава Богу.

— Ты полюбишь, Адэр. И твои похождения прекратятся.

— Ты сама себе веришь?

Элайна пожалала плечиками:

— Я надеюсь.

— Считаешь, что я не люблю Галисию?

Элайна с наигранным видом посмотрела по сторонам:

— А где она? — Вновь направила взгляд на Адэра. — Не отдавай своё сердце кому-то из здешних дам.

— Постараюсь.

— Ты же знаешь отца. Он не позволит тебе жениться по любви. Короли не женятся по любви, как и дети королей. Как дети придворных и титулованных дворян. Тебе придётся оставить сердце здесь, а самому вернуться в Тезар.

— Ты говоришь так, будто я способен на сильные чувства.

— Отец никогда не примет твою избранницу, — промолвила Элайна, словно не услышав его. — Ты женишься на стране.

Адэр насторожился:

— Отец ведёт за моей спиной переговоры?

— Пока нет, но Трой Дадье уже составил список невест.

— Откуда знаешь?

Элайна выдавила улыбку:

— Ты забыл, что мой муж советник Великого?

— Вы с ним почти не видите. Что изменилось?

— Тебя выслали из Тезара, и я поняла свою ошибку. Я бы попыталась не допустить этого. — Элайна сузила глаза. — Я тебя расстроила?

— Ничуть. Брак — это клетка для женщин. Мужчина всегда найдёт потайной выход.

— Похоже, ты неисправим. Тогда, что тебя тревожит?

— Абсолютно ничего, — сказал Адэр и прижался губами ко лбу сестры. Его волнения так заметны? Устал держать себя в руках?

— Какой костюм ты наденешь? — поинтересовалась Элайна.

— Еще не решил.

— Решай быстрее. Я хочу определиться с платьем. Наряд сопровождающей дамы должен гармонировать...

— Элайна! — Адэр отодвинул сестру от себя. — У меня уже есть сопровождающая дама.

— Вот как... Кто же она?

— Малика Латаль.

— Маркиза?

Адэр улыбнулся.

— Графиня? — не унималась Элайна. — Неужели обычная дворянка?

— Престолюдинка.

Казалось, сестру хватит удар — лицо побледнело, по шее пошли красные пятна.

— Ты с ума сошел... — прошептала она.

Адэр выровнял спину:

— Забываешься.

Опираясь на его колени, Элайна с трудом поднялась:

— Ты не вправе нарушать традиции...

Адэр встал:

— Ты говоришь о традициях своей страны. Позволь тебе напомнить: сейчас ты не в Тезаре.

Они стояли друг напротив друга. Она прижимала руки к груди. А он... Он поступит так, как решил.

***

Огромное зеркало увеличивало и без того большую гостиную. Вдоль серых с серебряными вкраплениями стен стояли креслица на низеньких ножках. За все предшествующие дни в них никто не сел и вряд ли кто сядет — даже во дворце Могана, забитом до отказа и нужными, и бесполезными людьми, Адэр не любил посетителей в своих апартаментах.

На темном, почти черном паркете белый ковер с серебристой бахромой. Возле окна софа — мягкая, широкая, обитая серой кожей с тисненным серебряным узором. Что то, что другое — в прошлой жизни незаменимые вещи. Со своей возлюбленной Галисией Каналь Адэр развлекался в спальне, с благородными дамами забавлялся на софе или кушетках, а девиц низкого происхождения подминал на ковре. Здесь же, в замке, софу иногда продавливал коленями, открывая или закрывая окно, а ковер протаптывал сапогами, когда не спалось.

Наверное, борясь с бессонницей, Адэр так и бродил бы по ковру, если бы не нашел

увлекательное занятие — разглядывание в углах гостиной колонн из аспидного камня с выточенными фигурками девушек. Одной безлунной ночью он установил возле колонн канделябры, зажег полупрозрачные свечи. Повинуясь прихоти ветерка, проникающего в комнату через распахнутое окно, огоньки свечей трепетали, отбрасывая блики на черный камень. Подключилось воображение, и выпуклые силуэты девушек ожили.

Адэр какое-то время наблюдал за их танцем, еще барахтаясь в пучине своих дум. Но взор то и дело останавливался на одной фигурке — тоненькой, изящной, с чудным изгибом рук. Сердце застонало: «Галисия». С этого все и началось.

Каждую ночь Адэр разглядывал девушек, выискивая в них сходство со своими любвеобильными пассиями. Округлые бедра — Маньяра. Большая грудь — Ния. Копна кучерявых волос — Лита. Десятки фигурок — десятки имен. Имена закончились, а вверху на колонне остался еще один силуэт, непокорный теням и пламени.

Как ни старался Адэр оживить фигурку, переставляя с места на место канделябры со свечами, она продолжала неподвижно стоять, вздернув подбородок и вцепившись руками в длинное платье. Адэр копался в памяти до изнеможения, силясь вспомнить еще хоть одну горячую подругу, а на ум приходила невыразительная, холодная и грубая, как камень, особа. И Адэр дал последней девушке имя — Малика, надеясь, что не за горами то время, когда ее место в галерее образов займет желанный предмет страсти и утех.

Но сегодня было не до ребячества и глупых забав.

Адэр подошел к зеркалу в позолоченной раме, одернул черный фрак, поправил перекинутую через левое плечо белую атласную ленту, усыпанную алмазами — символ чистоты и открытости. Отступив на шаг, окинул себя придирчивым взглядом. Как всегда безупречен, но глаза... Разволновался, как его встретят? Пустые переживания! Ему будут рукоплескать хотя бы за то, что он сын Великого.

Достал из кармана листок — его речь перед великосветской толпой. Посмотрел на свое отражение, усмехнулся. Сегодня он впервые произнесет чужую ложь. Глядя на себя в зеркало, смял в кулаке лист и бросил в угол комнаты.

Шагая по коридору, прислушивался к гулу далеких голосов. Чем явственнее звучал говор гостей, тем тверже печатался шаг. И когда взору предстали двери Мраморного зала, от бывшего волнения не осталось и следа. Адэр остановился, но лишь для того, чтобы между объявлением правителя и его появлением на пороге прошло положенное по этикету время.

Он шел по мраморной глади моря к возвышению, на котором находилось обычное кресло — по приказу правителя прислуга убрала трон буквально за минуту до прибытия первого гостя. Отвечая легкими кивками на холодные поклоны и невыразительные реверансы, краем глаза рассматривал парадные костюмы мужей и украшения дам. И это нищая страна? Смешать с тезарской публикой — не отличишь, кто есть кто.

Сбоку псевдотрона стояла Малика: кремовое платье с глухим воротом и длинными рукавами (буднично, но терпимо), волосы завязаны на затылке в неизменный узел (могла бы что-то заплести), и взгляд простолюдинки — в пол.

Адэр повернулся к гостям. Позади всех сбоку двери увидел сестру (стыдится). Ничего, скоро все закончится. Пережить лишь вечер.

— Хочу представить вам мою сопровождающую даму — Малику Латаль, — сказал он жестким тоном, желая пресечь насмешки над его выбором.

Малика грациозно присела и спряталась за его плечо.

Тотчас забыв о простолюдинке, Адэр окинул взглядом собравшихся людей — бегло,

бездумно, чтобы не сбиться с заданного настроения — и громко проговорил:

— Я, Адэр Карро, отныне являюсь правителем Порубежья. Хотели вы этого или нет, сейчас не имеет значения — я уже стою перед вами. Я не вправе требовать от вас безграничной любви и слепой веры, но обращаюсь к вам с призывом. Поддержите меня на нелегком пути. Позвольте опереться на ваши крепкие плечи. Помогите мудрым советом. Подскажите мне то, что не услышу. Укажите на то, что не увижу.

Прижал руку к груди:

— Перед вами, Высокородные свидетели, присягаю в верности Порубежью. Клянусь идти по праведной стезе к процветанию страны! Клянусь благими делами приближать благополучие народа!

Мертвая тишина... Неужели дворяне надеялись, что он прилюдно откажется от трона? Или думали, что в торжественной обстановке будет назначен очередной наместник? Видимо, придется покинуть зал под стук собственных каблуков. И что дальше? Дальше он будет править, но только без них.

Под потолочным сводом прозвучал низкий с хрипотцой голос:

— Я, маркиз Мави, продолжатель рода Безбур...

Гости, словно отхлынувшее от берега море, открыли взору седого как лунь человека с гладким лбом без единой морщинки.

— ...клянусь следовать за тобой, Адэр Карро, до тех пор, пока ты идешь по чистому и справедливому пути.

Послышался мягкий, бархатистый голос:

— Я, граф Юстин, продолжатель рода Ассиз...

Гости расступились.

Красивый молодой мужчина — брови взлет, выпуклые губы, подбородок с ямочкой — сделал шаг вперед:

— ...клянусь поддерживать тебя, Адэр Карро, до тех пор, пока твои дела не расходятся с твоими словами.

Со всех сторон понеслись голоса. Самые важные и знатные люди Порубежья приносили клятвы и тут же выдвигали требования. Кому? Сыну Великого? Наследнику престола могущественного Тезара? Будущему владыке полмира?

Стиснув кулак, Адэр вонзил ногти в ладонь. Рукой, прижатой к груди, он, если бы смог, сдавил бы сердце, лишь бы замолчала распирающая его злость. На время. Пока он не придумает, как наказать.

— Они просят то, что вы им сами обещали, — прошептала за спиной Малика.

Место злости мгновенно заняло смятение — он озвучил мысли? Адэр оглянулся. Плебейка с бесстрастным видом смотрела в пол.

Заструилась, как чистый горный ручей, мелодия. Зазвучали переливчатые голоса. И полился рассказ: о солнце — жарком, как сердца людей; о море — таинственном, как их души; о скалах — высоких, как их помыслы; о плодородной земле, любящей своих детей.

Адэр стоял возле кресла в ожидании к себе должного внимания со стороны гостей и молил Всевышнего, чтобы Малика не ошиблась в титуле и имени подошедшего дворянина. Но дамы, обмахиваясь веерами, украдкой поглядывали на свое отражение в зеркалах, мужи, держа бокалы, вполголоса перебрасывались короткими фразами. Даже сестра и та с унылым видом смотрела в окно.

Адэр запаниковал — еще немного и прием превратится в скучную вечеринку с тихой

музыкой, надкушенными бутербродами и недопитым шампанским.

Малика вынырнула из-за плеча и встала рядом:

— Как думаете, о чем они будут говорить после приема?

Адэр неосознанно одернул фрак. Какая разница, о чем? Хотя... Немного о замке, чуть больше о Мраморном зале. Конечно, обсудят кресло-трон. Затем, вероятнее всего, сравнят его с Великим, отметят внешнее сходство. И, пожалуй, все...

— Они знают о вас понаслышке и не могут найти общую тему для беседы, поэтому не решаются подойти.

Адэр заложил руки за спину, перехватив одну другой.

— Помните, вы спрашивали меня, о чем вам говорить с гостями?

Адэр качнулся с пятки на носок.

— Я подготовилась.

Приподняв бровь, Адэр посмотрел на Малику.

— Видите господина, который присягнул вам первым? Маркиз Мави Безбур. Можем начать с него. Рядом с ним супруга Лия. Тридцать лет в браке. У них две дочки. Младшая учится вокалу в Партикураме. Старшая заканчивает педагогические курсы в Бойварде.

Пока они переходили от одной пары к другой, Малика нашептывала о детях, занятиях и увлечениях приглашенных особ. Адэру достаточно было сказать дворянину несколько преисполненных теплоты и сердечности фраз, сделать его супруге пару комплементов, сверкнуть белозубой улыбкой, и собеседники заметно расслаблялись. Громче звучали голоса, звонче играла музыка. Раздавались взрывы смеха. Слуги не успевали приносить с кухни подносы с угощениями.

Далеко за полночь уставшие от вина и разговоров гости выстроились перед псевдотроном в очередь, чтобы попрощаться с правителем. Малика где-то затерялась. Зато Элайна встала рядом с Адэром и, сжимая ему плечо, награждала родовитую знать самыми благосклонными взорами, на какие только была способна.

Под утро последний гость покинул замок. Адэр уходит из зала не торопился. Запрокинув голову и глядя на чаек в мраморном небе, прокручивал в уме разговоры, снова и снова задаваясь вопросом: кто из дворян достоин сесть за стол Совета? И лишь сестра, нарочито громко зевая за спиной, заставила подняться с кресла.

Ведя Элайну через холл, Адэр заметил возле входной двери Малику, Вилара и Муна с переброшенными через плечо котомками. Уже шагая по лестнице, увидел, как Вилар открыл дверь, и предрассветная мгла поглотила сторбленного старца и черноволосую девушку.

***

Яркий солнечный свет заливал спальню. За спиной уютно, по-домашнему, тикали часы. Повернуться к ним и посмотреть, сколько сейчас времени, не было ни малейшего желания. Вот если бы кто-нибудь пришел и откинул одеяло. Весна дышала летним зноем. Что же будет летом, если уже сейчас проскальзывает мысль о ночлеге в саду?

Увидев на прикроватном столике стакан с водой, Адэр приподнял руку, вяло пошевелил пальцами, безвольно уронил. Он мог ночи напролет предаваться развлечениям, без усталости гнать автомобиль или лететь на скакуне. И было достаточно короткого сна, чтобы вновь наполнять бокал вином, хвататься за руль или браться за поводья. Очевидно, разум так утомился на приеме, что забыл, как командовать телом.

Стук в дверь звенящей болью отозвался в затылке. Занавеси всколыхнулись. В комнату

вошел Вилар — каблуки только его сапог так гулко барабаныт по паркету, и только его упитанная фигура может закрыть солнце за окном.

— Как думаешь, что это? — спросил Вилар и протянул Адэру серебряный поднос с горой бумаг.

Адэр дотянулся до стакана, одним глотком осушил его и, откинувшись на подушки, прижал ко лбу прохладное стекло:

— Вилар, давай поговорим позже.

Заскрипела кровать.

Адэр посмотрел на усевшегося в ногах друга:

— Я же сказал: позже.

Вилар высыпал на одеяло бумаги, взял верхний лист:

— «Благодарю Вас, что не обошли мою скромную особу своим Высочайшим вниманием...» Следующее: «Ваши познания поразили меня до глубины души». Вот еще: «Прием в Вашем замке превзошел мои самые смелые ожидания. Я и моя семья не находим слов, чтобы выразить Вам свою признательность...»

Адэр заложил руку под голову и уставился в потолок. Казалось, что Вилар никогда не закончит читать. И странно, хотелось бесконечно слушать приятные слова от людей, которых он уже не помнил.

Друг отложил последнее письмо:

— Может, позвонишь отцу и расскажешь, как все прошло?

— Элайна расскажет.

— А я бы своему позвонил. Я две недели не слышал его голос.

Адэр отбросил одеяло, сел:

— Ты распорядился насчет завтрака?

— Почему ты не хочешь наладить нормальную связь с Тезаром? — не унимался Вилар. — На весь замок один телефон, по которому мы не можем поговорить с кем хотим.

— Лично я ни с кем не хочу разговаривать.

— Я хочу.

— Езжай в город и звони.

— Там даже не знают, как телефон выглядит.

Адэр потянулся и повторил:

— Ты распорядился насчет завтрака?

Вилар взял поднос с письмами:

— Сейчас обед.

Последние десять лет — год в ту или иную сторону не имеет особого значения — как только Адэр входил с друзьями в обеденный зал, сразу отсылал прислугу за дверь. После бессонных ночей или пирушек, или... да мало ли в жизни случаев, когда нет сил и желания контролировать слова и жесты. Поэтому завтракать, а чаще всего обедать без свидетелей за спинками стульев — уже вошло в привычку. Если необходимо провести смену блюд, достаточно позвонить в колокольчик и помолчать несколько минут.

Зная о странной прихоти правителя, слуги бесшумно выскользнули из обеденного зала, оставив двух молодых мужчин без присмотра. Умяв пару булок, от которых исходил дурманящий запах свежееиспеченной сдобы, Адэр сделал глоток горячего кофе и с наслаждением зажмурился.

— Могу я задать один вопрос?

Вялый голос друга заставил открыть глаза. Вилар сидел с потерянным видом и совсем не напоминал того человека, который час назад с воодушевлением читал письма.

— Если он не касается телефона.

— Это личный вопрос.

— Слушаю.

Вилар помешивал чай, не замечая, что проливает его на стол.

— Ну же! — подбодрил его Адэр.

— Нет, он касается приема.

Адэр отхлебнул кофе:

— Спрашивай.

— Почему ты приказал убрать трон?

— Встречный вопрос: почему Великий отправил нас в захолустье, а не в столицу Порубежья?

Глаза Вилара ожили. К лицу прилила кровь. Таким он был на уроках, когда учитель загадывал ребусы и ждал решение от престолонаследника, но отвечал маленький маркиз.

— Наместники двадцать лет управляли страной из этого замка.

— Я не наместник.

— Здесь собраны все документы.

— Их можно перевезти.

— Мы недалеко от границы с Тезаром.

— Зато вдали от цивилизации.

— Тогда почему?

— Великий владел колонией, но ничего, кроме этого замка в глуши, у него не было. Ни особняка, ни дома, ни комнаты в столице или в любом другом городе Порубежья. Да и замок построили лет двести назад никак не для династии Карро.

Вилар вновь принялся помешивать чай:

— Твой отец, будучи владыкой полмира, не нуждается ни в особняках, ни, тем более, в комнатах. Ему даже этот замок не нужен.

Ложечка в его руке замерла.

— А при чем тут трон?

Адэр уставился в чашку. Что ответить другу? Отец умышленно бросил его в страну, где все чужое, и он всегда будет чужим, с единственной целью — показать, что без Тезара он, как этот мраморный трон посреди пустоши, великолепен, одинок и ничтожен. Нет, говорить об этом другу не стоит.

— На троне надо сидеть с гордо поднятой головой, но гордиться пока нечем. — Адэр отставил чашку в сторону. — Давай-ка, возьмем Элайну и съездим к морю.

— Насколько я знаю, она собралась уезжать.

— Поедет ночью. Уснет и не увидит нищих городов.

***

Здесь явно потрудились человек. Расчистил от камней пяточок земли, установил валуны полукругом, оставил не загроможденной лишь полосу со стороны обрыва, откуда открывался вид на море.

Лежа на меховом пледе рядом с Виларом, Адэр наблюдал за сестрой: на краю крутого

откоса стояла неподдельно счастливая молодая женщина и, заслоня ладонью глаза от солнца, вглядывалась вдаль.

— Если бы не земля под ногами, я бы решила, что лечу, — произнесла она и посмотрела на Адэра. Ее лицо светилось искренним восторгом. — Я могу поймать чайку. — Повернулась к морю и вскинула руки. — Адэр! Смотри! Она летит на уровне груди!

— Отойти от края.

Элайна шагнула назад. Какое-то время наблюдала за птицами, покачиваясь в такт шуму волн. И вдруг проговорила:

— Она красивая.

Внезапный порыв ветра поднял клубы желтой пыли и песка, швырнул на камни. Песчинки прощуршали по валунам и исчезли в узких щелях.

— Что? — переспросил Адэр.

— Не что, а кто. Малика. Дикая. Жгучая. После наших постных тезарских дам она, как крепкий обжигающий напиток. Одурманит, и глазом не успеешь моргнуть.

— Ты о ком? О Малике?

— Да, родимый, о ней. Ах... — выдохнула Элайна. — Совсем забыла спросить... — Посмотрела на Вилара. — Тебе передали посылку?

Вилар сел, оттянул воротник сорочки.

Адэр приподнялся на локтях:

— Я что-то пропустил?

— Утром я столкнулась на пороге с рассыльным. Обертка на посылке была немного надорвана, и я увидела ткань. Хорошее платье, но, на мой взгляд, для приема не годится. Вилар, дорогой! Ты совершенно не разбираешься в моде.

Вилар расстегнул верхнюю пуговицу.

— Ты купил ей платье? — удивился Адэр.

— Купил.

— Зачем?

— Странный вопрос. Чтобы тебе не было стыдно за свою даму.

— Адэр, родной, отдай мне Малику.

Молодые люди одновременно повернулись к Элайне.

— У тебя мало служанок? — поинтересовался Адэр после недолгого замешательства.

Сестра отрицательно качнула головой.

— Тогда зачем она тебе?

— Хочу спасти Тезар от позора, — ответила Элайна и усмехнулась. — Хорошо, что никто не видит ваши лица.

— О каком позоре ты говоришь? — спросил Адэр.

— Я пошутила. — Сестра протянула ему руку. — Пора возвращаться. Мне еще предстоит пережить бездорожье домой.

***

Было невыносимо тяжело смотреть на машину, которая уносила частичку души. Элайна стояла коленями на заднем сиденье. К стеклу напряженно прилипла миниатюрная ладонь. Заскользила вниз и сжалась в маленький кулачок. Сестра уткнулась лбом в спинку кресла. Плачет...

Адэр торопливо вошел в замок.

В холле ждал Гюст, прижимая к груди папку:

— Мой господин, я принес бумаги на подпись.

Но Адэр уже поднимался по ступеням. На середине лестницы остановился — может, от тоскливых мыслей отвлекут документы?

— Хорошо! Идем! — сказал он и сбежал вниз.

Кабинет встретил привычной тишиной и на миг показался уютным. Всего лишь на миг, пока взгляд не скользнул по стопкам книг на столе и по заваленным бумагами полкам. Неожиданно вспомнился свой неизменно чистый стол во дворце Великого.

Адэр посмотрел в окно на превратившуюся в точку машину сестры, уселся в кресло.

Гюст достал из папки два листа и положил перед ним:

— Я подготовил два приказа о назначении секретаря.

— Какого секретаря?

— Я один не справляюсь. Я гонец, камердинер, секретарь и слуга в одном лице. Вы созовете Совет, я вообще разорвусь. — Гюст переступил с ноги на ногу. — Первый приказ о том, что вы назначаете меня секретарем и освобождаете от других обязанностей.

— А второй?

— Я нашел среди прислуги более-менее грамотного человека. Пока я выполняю ваши поручения, он будет строчить протоколы собраний.

— Хочешь, чтобы дела Совета обсуждались на кухне?

— Не хочу, но иного выхода не вижу.

— Это все?

Гюст достал из папки еще один лист:

— Я целый день занимался подбором человека на должность смотрителя замка.

В кабинет заглянул Вилар:

— Вы заняты?

— Заходи. Послушай, какие приходится решать вопросы.

Вилар опустил на стул и отрешенно уставился в окно.

— Продолжай, — приказал Адэр Гюсту.

— Я взял список работников замка и попросил каждого поставить галочку напротив имени человека, который, по их мнению, мог бы стать смотрителем. Но вышло маленькое недоразумение. — Гюст положил перед Адэром исписанный лист. — Этот человек у вас уже не работает. Просто я забыл его вычеркнуть.

— Мун, — произнес Адэр, глядя в список. — Он уволен?

— Прошло две недели. Насчет Муна и Малики от вас не было никаких распоряжений.

— Малика тоже получила расчет?

— Да, мой господин. Они прожили в замке почти двадцать лет. Новые наместники набирали новых работников. А вот их, как ни странно, никто не выгонял.

— А я, получается, выгнал. — Адэр постучал пальцами по подлокотникам кресла. — Староват Мун.

— Староват, — согласился Гюст. — Но всех держать в узде сил ему хватало. Я сам видел, как перед приемом он давал прислуге жару. — Кашлянул в кулак. — Прошу прощения.

Адэр еще раз посмотрел на длинный ряд галочек напротив имени старика, устремил взор на Вилара:

— Вернем?

Глаза друга странно забегали.

— Пойду, разузнаю, где они живут, — пробормотал Гюст.

Вилар вскочил:

— Я знаю! Малика показывала свой дом. Разрешите мне поехать.

— Хорошо, езжай.

Вилар пошагал к двери.

Адэр глянул в затянутое сиреневыми сумерками окно:

— Да не сейчас. Утром.

— Это рядом. Я мигом.

Вилар выбежал из кабинета. Из коридора донесся его голос:

— Машину! Быстро!

Адэр жестом отправил Гюста. Заложив руки за голову, уставился в потолок.

***

Ветер врывается в открытые окна автомобиля, хлестал по разгоряченному лицу. Вилар с досадой поглядывал на чернильное небо. Всмотриваясь в ненавистную пустошь, уже понимал — заблудился.

Автомобиль ревел на предельной скорости, колеса рвали землю, выбрасывая из-под себя камни и песок. Фары выхватывали нагромождения бульжников и одиноко торчащие валуны. Неожиданно машину швырнуло в сторону. Раздался металлический скрежет.

Вилар провел рукой по вмиг вспотевшему лбу. Выбравшись из салона, достал из багажника фонарь. Обойдя автомобиль, осветил на искореженное крыло и колеса, вывернутые в разные стороны. Ударил кулаком по капоту, закрутился на месте. Со всех сторон льнула мгла с размытыми очертаниями то ли низкорослых деревьев, то ли кустарника. Порой луна выглядывала в рваную брешь между тучами, но за несколько секунд рассмотреть что-либо не удавалось. Воздух сгущался, и еще сильнее чувствовался запах моря.

Вилар запрокинул голову и застонал от бессилия. Песня крепчающего ветра, взметнувшаяся в небо пыльным потоком, вторила ему.

Вилар упал на сиденье автомобиля. Он столько времени летел по бездорожью с единственным желанием найти и вернуть ту, без которой жизнь теряла смысл. Сквозь завывание ветра слышал тихий голос, в темноте видел блеск бездонных глаз. Слишком жестоким способом Всевышний решил умерить его пыл и остудить горячую голову. И теперь он сидит, прислушиваясь к дыханию ночи и беспомощно взирая в пустоту.

Нет, сидеть нельзя! Да кто он на самом деле, чтобы опускать руки — маркиз или бесхребетный плебей? Городок где-то близко. Стоит только напрячь слух и присмотреться, и

лай собаки или огонек бессонного окна укажет дорогу.

Вилар перекинул пиджак через плечо и пошел вперед, пробивая мглу слабым лучом фонаря. Из мрака проступило очертание холма. Сердце запрыгало — вот удача! Может, сверху получится что-то разглядеть?

Вилар долго стоял на пригорке, досадуя на безлунье. Вдруг потянуло дымком костра. Огня не видно. Вероятно, поздний путник решил переночевать в степи, спрятавшись между валунами. И возможно он подскажет, в какую сторону идти.

Вилар сбежал с холма и пошел на запах дыма.

Над пустошью пронесся вой оголодавшего хищника. Сзади. Идет по следам! Вилар прибавил шаг. По спине заструился холодный пот. Дьявол! Теперь зверюга знает, что он боится.

Вмиг все вокруг наполнилось звуками, словно звериный утробный рев разбудил ночные злобные создания. Над головой зашумели крылья невидимых птиц. Где-то в стороне, зашуршав, покатались камни. Как из-под земли выскочил заяц и, коснувшись ноги, стремглав умчался в темень. Но ничто не тревожило так сильно, как глухое сипение за спиной, переходящее в нетерпеливое урчание. Все ближе и ближе.

Вилар побежал. Фонарь не давал необходимого света, и слабый луч лишь искажал действительность — ямка представляла глубокой рытвиной, кустарник превращался в огромный валун. Пот заливал глаза. Ноги отказывались передвигаться. Страх сковывал тело. Вилар затоптался на месте. Умиравший лучик выхватил чье-то движение, но испугать, и тем более отогнать преследователя, не смог.

В какой-то миг Вилар понял, откуда ждать нападения. Повернувшись лицом к невидимому зверю, перехватил фонарь и, крепко зажав его в кулаке, приготовился нанести удар. Ощущая зловонное дыхание и слыша рвущиеся из глотки хрипы, попятился. И с запоздалым удивлением осознал, что под ногой нет земли.

Размахивая руками, он падал в пустоту. Секунды рассыпались на мельчайшие частички продолжительностью в жизнь. Перед внутренним взором мелькнули отец, Адэр. Внезапно всё поглотила чернота. Чернота глаз Малики.

***

Градмир — столица Тезара, крупнейший город Краеугольных Земель — имел полное право на свою никому не подвластную жизнь. Сам себе хозяин, сам себе господин — принимал друзей и закрывал ворота перед врагами, вершил правосудие и равнодушно взирал на безгрешность, вычерчивал линии судеб и с легкостью рушил надежды.

Окраина столицы походила на центры многих крупных городов — чистые улицы, высокие здания, зеленые скверы и, конечно же, люди с выразительными лицами и целеустремленными взглядами.

По приближении к центру столицы время стремительно бежало вспять. Современные здания уступали место старинным особнякам и замкам. Улицы становились шире, храмы выше, ветер тише.

Дворец Могана — венец творения рук человеческих — смотрел на шумный город с высоты царственного положения. Как бы ни кружили улицы, силясь запутать путников, как бы ни изгибались звонкими ручьями, они стекались к нему.

Дворец, как и Градмир, жил своей жизнью.

В коридорах царило оживление. Важно прохаживаясь, вельможи вели беседы.

Секретари носились с кипами бумаг. Гонцы торопились, сжимая походные сумки. Высокородные дамы не спеша скользили по мраморным плитам, обмахиваясь веерами и кокетливо улыбаясь государственным мужам.

Коридор третьего этажа был пуст. Никто не нарушал тишину шагами, ни единое слово не пролетало под высоким потолком. Караул неподвижно стоял возле двери и, не мигая, смотрел в одну точку. За лакированной преградой заседал Совет.

Великий Моган взирал на дочь, старший советник Трой Дадье взирал на Великого.

Элайна рассказывала о городах с грязными улочками, о людях в мешковатых одеждах, о пустоши и бездорожье. Трой слушал краем уха. Доносы его секретных агентов не были столь сжатыми, как рассказ дочери правителя. От ее женского взгляда ускользнуло то, что не ускользало от соглядатаев и слухачей.

Трой изучал тайные сообщения, лично готовил отчеты и направлял их в кабинет Великого. Раньше эти документы не были помечены грифом «Важно» и потому в любой стопке неизменно оказывались в самом низу. Да и сейчас почти ничего не изменилось — оттиск важности на них не появился. Однако Трой догадывался, что с недавнего времени при закрытой двери серым листам уделялось особое внимание. Моган не выказывал отцовских чувств, но скрыть беспокойство о сыне от старого друга ему не удавалось.

Великий знал о состоянии дел в Порубежье. О том, что творится в замке, до мельчайших подробностей знал только Трой. В одном из донесений промелькнуло имя — Малика. И когда помощники наместника, вернувшись из Порубежья, доложили, что Адэр затеял нечто грандиозное по меркам того края и ни словом не обмолвились о девушке, старший советник заподозрил неладное. Но расспрашивать не стал, дабы не давать повода для непонимающих взглядов и никому не нужных пересудов.

Трой встретился с Элайной перед ее отъездом в Порубежье. В тщательно продуманной беседе выказал обеспокоенность судьбой будущего правителя Тезара. Говорил настолько ухищренно, что ему даже не понадобилось о чем-либо просить дочь Великого. В том, что, вернувшись из замка, она без всякой задней мысли расскажет ему обо всем, Трой был уверен. И такой разговор состоялся.

Известие о сопровождающей даме-простолюдинке озадачило. Ненадолго. Хотя Трой был далеко не молод, память до сих пор хранила очень многое о былых временах. Он помнил, как Моган, придя к власти, упразднил некоторые традиции, посчитав их безнадежно устаревшими. Так почему же Адэр, в чьих жилах течет кровь великого отца, не может поступить точно так же? Счел возможным приблизить к себе толкового человека? — замечательно, что таковой оказался рядом. А то, что происхождением низок — не так страшно. Сопровождающая дама на одном приеме — это еще не советник.

Теперь Трой ждал той части рассказа Элайны, в которой упоминалась бы простолюдинка. Если бы разговор проходил на троих при закрытых дверях, Трой ни о чем не переживал бы. Моган, даже выказав недовольство, внял бы голосу благоразумия. Однако выслушать Элайну пожелал Совет. А потому Дадье приготовился держать бой с теми советниками, кто с непонятным упорством настаивал на замене Адэра очередным наместником.

Наконец Элайна перешла к повествованию о приеме. Взгляд Могана ожил, Восседающие заметно насторожились.

Дочь Великого была искусной сказительницей — слова облачались в видения и проплывали перед взорами мужей: престолонаследник накануне приема, его речь перед

надменными дворянами, их присяга правителю, плебейка за его спиной.

— Великий! — произнес подобный союзу палки и трости Патрик Каналь. — Негоже правителю приближать к себе низшее сословие.

Восседающие одобрительно зашумели.

Трой нахмурился. Переживал не зря. Если к Каналю примкнут другие советники, будет тяжело убедить Могана в том, что нельзя заставлять Адэра действовать по указке.

— Благодарю за исчерпывающий рассказ, — сказал Моган дочери. — Можешь уйти.

Элайна присела и поспешно покинула зал.

— Надо запретить Адэру прибегать к помощи и советам... — Каналь на секунду умолк, вероятно, подбирая слова, — невесть кого.

Трой Дадье поднялся, вскинул голову и словно вырос.

— Кто осмелится указывать правителю, как ему править страной? Вы? Или вы? — говорил он, указывая на советников. — А может, вы? — Прошелся вокруг стола, остановился за спиной Каналья. — Будь ваша воля, вы бы привязали Адэра к юбке своей дочери.

— Это не относится к делу, — промолвил Каналь.

— Вы правы. Это относится к простолюдинке. Ведь причина не в ее происхождении. Если бы Адэр приблизил к себе благородную даму, вы бы все равно возмутились.

Трой заметил, как через зал, согнувшись чуть ли не до пола, прошмыгнул молодой человек в темно-синем костюме телефониста, положил на стол рядом с его блокнотом сложенный листок, и так же быстро выскочил за двери.

— Я поддерживаю правителя Адэра Карро в его начинаниях, — говорил Трой, направляясь к своему креслу. — Он использует любую возможность, чтобы собрать вокруг себя единомышленников — это хороший знак.

Взял со стола записку.

— Рассуждения об опасности присутствия простолюдинки в его окружении считаю преждевременными, — продолжал Трой, раскрывая послание. — Наша задача — держать руку на пульсе событий и вовремя реагировать на его сбой.

Пробежал взглядом по строчкам. Сердце скакнуло к горлу, замерло и неровно забилося.

Старший советник так стремительно прошел через приемную, что секретарь не успел даже вскочить.

Влетев в кабинет, Трой схватил телефон, несколько раз глубоко вздохнул, прижал трубку к уху: «Когда?» — и рухнул в кресло.

***

Утром сообщили, что маркиз Бархат до сих пор не вернулся. Адэр расплылся в улыбке. Остаться на ночь! Как ему удалось уговорить Малику и перехитрить Муна?

Ближе к вечеру радужное настроение побледнело и сменилось тягостным ожиданием. Солнце приникло к земле, а машина друга так и не показалась. Нарастающая волна переживаний вызвала приступ тошноты. Адэр забил тревогу.

Собравшиеся в холле обитатели замка жались друг к другу и, казалось, были искренне удивлены, услышав, что у Муна и Малики есть дом. Заикаясь, они строили догадки. Кое-кто предположил, что смотритель и его воспитанница ушли к морскому народу — уж очень старец походил на ориента.

Прихватив фонари, работники пробродили по пустоши добрую половину ночи и

вернулись ни с чем. Утром поиски возобновились.

Адэр метался по замку. Перебегал от окна к окну в надежде увидеть в воздухе столб пыли, поднятый колесами автомобиля. Ветер, врываясь в залы и комнаты, доносил все что угодно — шелест листьев, пение птиц, скрип ворот гаража, — но только не рев двигателя. День неумолимо приближался к концу. Небо посерело, слилось с землей, на замок опустилась очередная бессонная ночь.

Заслышав топот и гул голосов, Адэр поспешил в холл. Взглянув на охранителей и слуг, упал в кресло. Хмурые лица, скованные движения — всё кричало без слов о неутешительных результатах дня. Искатели сообщили, что, разделившись на небольшие группы, прочесали местность и обнаружили машину с искореженным крылом и вывернутыми колесами. Чуть дальше нашли пиджак. В ближайшем селении никто маркиза не видел. Пустошь хранила молчание — весь день злобствовал ветер, и песок запорошил следы.

День проходил за днем. Адэр требовал продолжения поисков. Безумный взор и побелевшие от напряжения кулаки пугали людей и гнали все дальше и дальше от замка.

Сколько раз Адэр сжимал в руке трубку телефона — сообщать Трою Дадье или все-таки ждать? И что говорить? Молодой, пышущий здоровьем и силой маркиз бесследно исчез в глухой степи? Но так и не поднял трубку с рычага — Вилар жив и точка!

***

Первое, что увидел Вилар — это нависающая над ним каменная глыба. Она то приближалась — даже удалось рассмотреть мелкие трещинки и шероховатости, — то резко взлетала, превращаясь в размытое пятно. Наверное, поэтому казалось, что тело находится в невесомости и постоянно покачивается в такт ударам сердца. Захотелось уцепиться взором за что-нибудь незыблемое, остановить раскачивание брэнной плоти и ощутить под собой твердую землю.

Вилар оторвал взгляд от глыбы и увидел стоявшего на коленях старца. Седые нечесанные пряди спадали на острые плечи. Выцветшие сине-зеленые глаза были окружены мелкой сеткой морщин. Бронзовая кожа обтягивала продолговатое лицо, впалую грудь и жилистые руки.

Старик произнес с акцентом:

— С возвращением.

Вилар пошевелился и вскрикнул. Боль металлическим прутом пронзила спину вдоль позвоночника и вылетела из темечка.

Сквозь шум в ушах пробился скрипучий голос:

— Не спеши.

Прохладные тонкие пальцы иголками впились в виски. Сразу стало легче. Голова просветлела, боль в спине притупилась.

Старик накинул на себя серую холщовую рубаху. Повязал голову белым платком, затянул узел на затылке. Что-то в его лице и движениях было до ужаса знакомо. Если бы Вилар мог, то потер бы глаза, чтобы отогнать наваждение.

— Пить...

Старик легонько приподнял ему голову. К губам прижался край жестяной кружки. Уже допив холодную воду, Вилар ощутил во рту странный кисловатый привкус.

— Что это?

— Трава.

— Где я?

— У нас. Ты болен. Спи.

Старец опустил ладонь ему на лицо и вновь сдвинул виски. Вилар вдыхал знакомый запах и не мог его вспомнить. Мысли лениво ворочались в голове, тело приятно тяжелело. И уже погружаясь в сон, Вилар улыбнулся — ладонь старика пахла рыбой.

Снилось что-то тихое, безмятежное. Но сон бесследно испарился, забрав с собой спокойствие и тишину.

Вилар скользнул взором по плите над головой, скосил глаза. Легкие пенистые облака бороздили лазурное небо. В воздухе парили маленькие серые птицы с длинными изогнутыми клювами. Большие чайки с детским плачем взмахивали белыми крыльями.

Дети... Здесь дети... Вилар с трудом повернул голову.

Загорелые до черноты ребята строили из песка замки, с задорным смехом гонялись друг за дружкой, с разбегу влетали в волны. Женщины в белых платках и серых мешковатых одеждах что-то помешивали в котлах, висящих над кострами. Покрикивали на расшумевшуюся детвору.

Примостившись в тени скалы, смуглая девушка чинила сети. Но в Порубежье не занимаются рыбной ловлей. Значит, это не Порубежье.

— Где я?

Девушка подняла на него удивительные глаза цвета морской волны и крикнула:

— Йола!

Вилар попытался сесть. Все куда-то поплыло: девушка, сети, небо. Плечо стиснула чья-то ладонь и заставила лечь.

— Не спеши, — прозвучал скрипучий голос.

Сквозь туман в глазах удалось рассмотреть старика.

— Кто вы? — спросил Вилар.

— Ориенты. Мое имя Йола.

Вот, значит, к кому он попал...

— Йола будет лечить, — произнес старец и с помощью девушки осторожно перевернул Вилара на живот.

Уткнувшись лбом в плоскую подушку, Вилар старался вспомнить, что читал о морском народе. На ум пришла лишь сказка о способности ориентов дышать под водой.

Старческие пальцы с не старческой силой вонзались в шею и плечи, костяшками вдавливались в позвоночник. Спина горела огнем, а холодный озноб сотрясал все тело.

— Хорошо! — сказал Йола и, уложив Вилара на спину, подоткнул под него одеяло. — Два дня спал и лежал ровно — очень хорошо.

— Два дня?!

— Два дня мало.

— Как я здесь оказался?

— Йола сболтнет. Великий накажет.

— Вы спасли жизнь человека. За это не наказывают.

Старик неопределенно пожал плечами и отвернулся.

В голове крутилось — Великий накажет... Великий... Как же он забыл?.. Двадцать лет назад Моган своим беспрецедентным законом запер племена морского народа на мизерных клочках побережья и запретил им покидать свои земли. Видимо, в ту злополучную ночь ориенты нарушили закон.

Вилар натянуто улыбнулся:

— Я не расскажу ему.

Йола с сомнением в глазах посмотрел на него.

— Даю слово! — промолвил Вилар.

Старик потер мизинцем кончик носа и начал рассказ. Ориенты действительно покидали свои земли. В ближайших селениях они обменивали рыбу на одежду, капроновую нить и кухонную утварь. Той ночью рыбаки расположились под обрывом в пяти милях от лагеря. Ожидая соплеменников, развели костер. К тому времени они успели вытянуть сети и свалить их под скалой. Сидели кружком, прислушиваясь к непонятному шуму, доносящемуся сверху. И только заметив на краю обрыва силуэт человека, не сговариваясь, схватились за невод и натянули его. Это не спасло незнакомца от удара, но спасло ему жизнь.

— Йола сделал все, что умеет, — сказал старец.

Вилар потянулся к его руке и крепко, насколько смог, сжал сморщенные пальцы:

— Йола, дорогой! Спасибо! — Зажмурился, испугавшись, что непрошеные слезы собьют с мысли. — Мне надо вернуться. Сегодня.

Старик хрипло рассмеялся:

— Вернуться куда?

— В замок. В тот, что посреди пустоши. Я там живу.

— Как твое имя?

— Вилар.

— Вилар не может ходить.

— Отправь кого-нибудь. За мной пришлют машину.

Йола выставил два пальца и, по очереди загибая их, произнес:

— Раз: машина трясет. Два: закон Великого.

— Я уже говорил: Великий не узнает.

— Наместник в замке.

— Да нет никакого наместника, — в сердцах воскликнул Вилар. — Теперь есть правитель Порубежья.

— Правитель? Так значит? — Старик прищурился. — Правитель новый, закон старый.

Болезненная усталость туманила голову. Не было сил ни молить, ни убеждать.

— Сколько тебе лет? — пробормотал Вилар, еле ворочая языком.

— Много.

— И моему отцу... Ему скажут... Страшно подумать...

Мысли стремительно закружились. Вилар пытался выхватить из хоровода хоть одну и вспомнить, о чем говорил секунду назад.

На лицо легла ладонь, издали прозвучал голос:

— Спи.

Проваливаясь в черную бездну, пропахшую рыбой, Вилар прошептал:

— Малика...

Он лежал все под той же каменной плитой. Со стороны моря ориенти вбили невысокие колья и закрепили на них парусину, дабы крепчающий ветер не доносил морскую прохладу. С наступлением сумерек в лагере стало непривычно тихо. Вилар дотянулся до жесткой ткани и приподнял полог.

Мужчины сидели вокруг огромного костра. К небу тянулись оранжевые языки пламени.

От порыва ветра взлетали снопы искр и, сверкнув умирающими звездами, исчезали во мгле.

Ориенты — все как на подбор: невысокие, коренастые, загорелые — походили на акробатов из цирка, восхищавших публику шириной плеч и бугристостью тел. Их движения напоминали взмахи крыльев чаек, речь звучала подобно шуму волн — слова накатывали, взгромождались друг на друга, и достигнув апогея, протяжно шуршали, как галька под отступающим морем.

Старшим на Совете, видимо, был Йола. Когда старик вскидывал руку, все умолкали. Он говорил, затем жестом разрешал продолжать обсуждение.

Женщины бесшумно передвигались по лагерю, склонялись над костерками, помещивали варево, снимали с веревок белье. Детей еще задолго до начала Совета загнали в низенькие самодельные шатры. И за все это время не прозвучало ни единого детского слова, смеха или плача младенца.

Вилар наблюдал за ориентами, до боли в пальцах сжимая жесткую ткань. Не зная их языка, прекрасно понимал, о чем они спорят.

Наконец все высказались. Затянувшееся молчание превратилось в изоощренную пытку. Вилар опустил полог. Откинувшись на подушку, считал удары охваченного паникой сердца.

Послышался говор, заглушенный шумом волн и треском костра.

Из-за парусины появился Йола. Присев на корточки, тихо спросил:

— Вилар скажет Йола, кто такая Малика?

— Откуда ты о ней знаешь?

— Вилар звал.

— Это девушка... она ушла из замка. Я поехал за ней, а попал сюда.

— У Малики чёрные глаза?

Вилар приподнялся на локтях:

— Да... Ты с ней знаком?

— А мама... или папа у Малики есть?

— Нет. Только дедушка. Его зовут... — Вилар сморщился, пытаясь вспомнить имя. —

Кажется, Мун.

— Мун?

— Да, точно, Мун.

— В замок пойдем утром. Сейчас спи.

Вилар откинулся на подушку и не сдержал рыдания.

— Не надо, — сказал старик и погладил его по голове.

***

Прикованный к ненавистному соломенному матрасу, Вилар изводил себя переживаниями и еле сдерживал нетерпение. Тихо переговариваясь, женщины складывали в котомки провизию. Мужчины мастерили носилки из двух деревянных перекладин и рыбацкой сети. Вскоре Вилар, замотанный в одеяла, уже трепетал в предвкушении скорой дороги. Ориенты опутывали его веревками. Йола давал указания и проверял прочность узлов.

Процессия из восьми мужчин, двух женщин и старика двинулась в путь. Вилар плавно покачивался на носилках. Бросая взгляд на одеяло, поверх которого бежали толстые шнуры, задавался вопросом — зачем они? Ни подняться, ни тем более убежать он не мог. Каждое движение отдавалось в теле звонким эхом боли.

Чтобы как-то отвлечься от волнений, Вилар посмотрел на бирюзовое море. Ленивые

волны отражали солнечные лучи и, перекачываясь, искрились россыпью драгоценных камней. От их блеска заслезились глаза, и Вилар перевел взор на небо, но, ослепленный ярким солнцем, повернул голову на другой бок и заскользил взглядом по идеально ровной каменной стене. Иногда виднелись небольшие уступы и выбоины с неровными острыми краями. Порой скала плавно перетекала в крутой склон, затем в более пологий спуск, но вскоре неизменно принимала гордое вертикальное положение.

Каждый раз, когда носилки проплывали мимо косогора, Вилар задерживал дыхание. Однако ориентиры равнодушно шагали, поднимая ногами облако белого песка.

— Разве путь вдоль берега короче? — спросил Вилар.

— Путь длиннее, зато легче, — промолвил Йола и поднял указательный палец кверху. — Там пыль и сухой ветер. Морскому народу без морского воздуха плохо.

Воздух был поистине прекрасен — изумительно прозрачный, свежий, бодрящий. Даже песок, вылетая из-под ног ориентров, падал очищенными кристаллами.

Ориенты шли, не сбавляя темпа. Монотонный шум волн, размеренное покачивание носилок убаюкивали. Вилар то погружался в дремоту, то смотрел в широкие смуглые спины. Одна четверка носильщиков сменяла другую. Время от времени Йола брал Вилара за запястье и беззвучно шевелил сморщенными губами.

— Пора, — наконец сказал старик.

Несколько часов пролетело в попытках подняться на край обрыва. Для крепкого мужчины нет ничего проще, чем взобраться наверх, держась за сброшенную веревку. Однако с тяжелой ношей, требующей бережного обращения, задача оказалась не столь простой.

Когда носилки вставали свечой или наклонялись набок, Вилар, кусая губы до крови, сжимал кулаки. Бросая взоры на багровое солнце, готовое нырнуть в море, просил людей поторопиться. Наконец, посмотрев на сумеречную пустошь, измученно улыбнулся — самое страшное уже позади.

Чем дальше от моря уходили ориентиры, тем тяжелее становилось их дыхание. Привалы участились, участилась смена носильщиков. Луна спряталась за тучи, и ночь укутала путников непроглядной мглой.

Раздался дикий, угрожающий рев. Его подхватили рвущиеся в надрыве звериные глотки. Ориенты вдруг закричали. Нет... Это был крик не охваченных страхом людей, крик не загнанных животных и не затравленных птиц. Этот крик несся, словно мощная волна, сокрушая все вокруг и вселяя в сердце ужас.

Внезапно наступила тишина, настолько душная и необыкновенно плотная, что Вилар испугался — оглох. Несколько раз с усилием сглотнул, уловил хриплое дыхание людей и только тогда почувствовал жжение в распоротых веревками ладонях. Такой жуткой сказки он не слышал...

День тянулся так же медленно, как и ночь. Теперь ориентиры во время привалов сидели с закрытыми глазами и пели. Вилар сначала пытался заглушить их протяжное «м» думами, затем считал секунды, складывал их в минуты, а потом ловил себя на том, что его мычание перекрывает голоса ориентров. После таких привалов шаг морского народа вновь становился легким и быстрым, и Вилар, покачиваясь на носилках, на время забывал о боли.

— Скоро! — произнес Йола.

Вилар приподнял голову:

— Ты что-то видишь?

— Отблеск замка, — проговорил старец и потер кончик носа.

— Отблеск? — переспросил Вилар и посмотрел вперед.

На горизонте виднелся замок. И действительно, от него исходило сияние. Вилар рассмеялся — как же он забыл? Это плоские плиты на скатах крыши отражают солнечные лучи. Благодаря им в замке есть свет.

В ту же секунду пронзила внезапная мысль. Смех застрял в горле. Вилар вжался затылком в подушку, пытаясь проглотить комок. Не в силах совладать с волнением, вцепился в веревки. Признаться или промолчать? Но это так низко — струсить в последнюю минуту, когда еще есть возможность все изменить.

Дотянулся до Йола и крепко стиснул его руку:

— Я должен кое в чем признаться.

В глазах старика появилась тревога.

— В замке живет правитель Порубежья — Адэр Карро. Его отец, Великий Моган лишил морской народ свободы, воли и земли, — сказал Вилар и заметил, как напряглись мышцы носильщиков, как женщины, всю дорогу шагавшие сбоку носилок, отстали, как заострился кончик носа Йола. — Опустите меня на землю.

Ориенты подчинились.

— Я не подумал, что это для вас важно, — говорил Вилар, бегая взором по хмурым лицам. — Я не подумал о вас. Простите. Вы можете оставить меня, забрать носилки и уйти. Я не пропаду — до замка рукой подать. Мне уже намного лучше, честно. И я никому не скажу, как здесь оказался. Даю слово. И ради бога простите меня.

Люди молчали, исподлобья бросая взгляды на Йола, а старец смотрел вдаль.

***

Адэр сидел на той же ступени, где некогда сидел Вилар. Надежда жила пять долгих дней. Теперь она билась в предсмертных конвульсиях.

Адэр вскочил и, запрокинув голову, закричал:

— Обманщик! Подлый обманщик! Лгун! Предатель!

Он кричал, брызжа слюной и потрясая кулаками. Звериная злость хлестала раскаленной лавой. Слуги со страхом выглядывали из окон и тут же прятались за шторами.

Адэр замолчал на полуслове. На горизонте при полном безветрии появилось завихрение пыли. Явно не от автомобиля — не та скорость и не те размеры. Но и человек в одиночку не мог сотворить столь заметную пелену.

— Я убью его, если это не он, — прохрипел Адэр.

Он бежал изо всех сил, не замечая ни камней, ни ям. Он уже не бежал, а летел на одном бескрайнем выдохе, не чувствуя ног, не слыша сердца. Он ветер, для которого нет времени, расстояния и преград.

Адэр упал на колени. Вцепившись в веревки, зарылся лицом в колючее одеяло. Слыша, как плачет и смеется Вилар, смеялся и плакал сам.

Провел ладонью по щеке друга, сжал плечо:

— Я ждал тебя.

Вилар улыбнулся и указал на смуглых людей в серых просторных одеждах:

— Это ориентиры — морской народ.

***

Старик сбросил с кровати подушки. Присев на перину, несколько раз подпрыгнул. Ориенты перенесли Вилара с носилок на постель и выскользнули из комнаты.

Адэр привалился плечом к стене возле изголовья:

— Я отправлю кого-нибудь в город за врачом. Но боюсь, он приедет только завтра.

Вилар с теплотой посмотрел на старика:

— Не надо. У меня есть Йола.

Старец помог Вилару снять рубашку и перевернуться на живот. Адэр выпрямился, увидев спину друга, всю в лиловых синяках и ссадинах. Узловатые пальцы старика пробежали вдоль позвоночника, надавили на плечи и шею. Морщинистая пятерня легла на затылок и чуть заметно напряглась. На впавших щеках друга заиграл румянец, дыхание выровнялось. Вилар сомкнул веки. Йола укрыл его одеялом и заботливо подоткнул края.

— Ты можешь остаться? — спросил Адэр, когда друг уснул.

— Йола должен остаться. Ориенты сейчас уйдут.

— Сейчас? Через пару часов стемнеет.

— Здесь сухой воздух. Тяжело дышать.

Адэр жестом приказал Йола следовать за собой.

Сад встретил запахом молодых трав и распустившихся цветов. На газонах вращались фонтанчики, распыляя воду.

Старик глубоко вздохнул:

— Одну ночь они спать тут. — Указал на замок. — Йола спать там.

Слуги предложили вынести в сад кушетки; ориенты, скупно улыбаясь, объяснили, что не привыкли спать над землей. И вскоре траву под деревьями укрыли толстые пледы.

Адэр с Йола разместились в одной спальне с Виларом. Старец лег на полу, Адэр сел в кресло. Йола рассказывал, Адэр хмурился.

Далеко за полночь рассказчик утомился и вяло произнес:

— Вилар встанет. Йола поможет. И женщина.

— Какая женщина?

— Вилар звал ее. Всегда звал. Малика.

— А без Малики нельзя?

— Можно, но будет долго.

Старик зевнул, через пару секунд послышался храп.

Утром ориенты собрались на кухне. Гюст сообщил им, что правитель отлучился по делам и просил не ждать его возвращения.

***

Маленький городок проснулся. Хозяйки с корзинками наперевес потянулись по узким улочкам к местному базару. Молочник, выкрикивая: «Покупаем!», катил перед собой скрипучую тележку. Старик, сидя на деревянном крыльце в кресле-качалке, пролистывал газету. Через пыльную дорогу перебежали куры, тотчас с возмущенным кудахтаньем побежали обратно.

— Вот я вас, — кричала краснощекая баба, размахивая тряпкой.

Уперев кулаки в бока, окинула грозным взглядом неприглядную хибару на другой стороне проулка:

— Слышь, соседка!

— Ась? — прозвучало из раскрытого окна.

— Да ты не аськай, а следи за клушами.

— Чем помешали?

Мун не слушал перебранку товаров. Пересчитав сумки и чемоданы, посмотрел на маленький домик в два окна, на серую скошенную крышу, скользнул взором по заросшему бурьяном палисаднику и покосившемуся частоколу. Удрученно вздохнул. Не часто они с Маликой бывали дома. Зато теперь новый владелец наведет порядок. Ишь, как не терпится ему войти, все топчется и топчется возле порога. Еще и зверюгу приволок. Кот, под стать хозяину — такой же толстый и рыжий, словно услышав скверное слово в свой адрес, выпустил когти и цапнул толстяка за руку. Тот щелкнул кота по носу.

Стоя на четвереньках, Малика шарила ладонью под кроватью.

— Малика! — послышался с улицы голос Муна.

— Иду! — откликнулась она.

Подняла с пола золотое колечко. Протерла подолом платья две изумрудные капли, спрятала в потайной карман. С улицы донесся шум двигателя автомобиля. Хлопнула дверца. Затихли мужские голоса, зато звонко и радостно зашумела детвора.

Малика быстро пересекла комнату, боясь посмотреть в окно. Помедлила возле двери. Вскинув голову, шагнула через порог. Мун бросил на нее горестный взгляд. Новый владелец прижался к стене. Мальчишки плотным кольцом окружили покрытый пылью серебристый автомобиль, возле которого стояли Адэр и охранитель.

— Я как раз во время. Поехали! — произнес Адэр.

— Нам в другую сторону, мой правитель, — сказала Малика и низко присела.

У толстяка отвисла челюсть. Мун беззвучно зашевелил губами. И только рыжий котяра, спрыгнув с рук хозяина, важно прошествовал к правителю и с довольным урчанием потерся о его ноги. Пока Адэр чесал кота за ушком, охранитель жестом указал толстяку на открытую дверь. Тот юркнул в дом.

— Малика! Быстро в машину! И ты, Мун, — приказал Адэр и, не дожидаясь ответа уселся за руль.

Она взяла чемодан:

— Мы не поедем с вами.

Адэр посигналил, чем привел ребятишек в неописуемый восторг. Из маленьких окон высунулись старики. Из ветхих домов высыпали простолюдины.

Охранитель подошел к Малике вплотную:

— Правитель не просил. Или ты не видишь разницы между приказом и просьбой?

— Я вольный человек, а не слуга.

Охранитель выхватил из ее руки чемодан. Щелкнул замок, на землю вывалились вещи. Малика принялась заталкивать их обратно. Носок начищенного до блеска сапога наступил на полотенце. Малика дернула кусок льна на себя, еще раз, еще... Сапог приподнялся. Малика уселась в пыль. Над улицей пронесся смех.

— Пошел прочь! — крикнул Адэр. Опустился возле нее на корточки и тихо промолвил:

— Я не умею просить.

Она смахнула с подбородка слезу:

— И прошу вас — не надо.

Адэр застегнул замки на чемодане, помог Малике подняться:

— Есть разговор. Садись в машину.

Они разместились на заднем сиденье. Малика глядела на Муна, переступающего с ноги на ногу возле котомок. Адэр сидел вполоборота к ней. Она не видела его лица, но чувствовала горячее дыхание.

— Куда вы уезжаете? — устало просил Адэр.

— Я хочу посмотреть мир. Сколько себя помню, каждый день одно и то же: стены, лестницы, сад и пустошь.

— И что бы ты хотела увидеть?

Глядя на Муна, Малика пожала плечами:

— Не знаю. Просто новую жизнь.

— Ты думаешь, что она действительно окажется новой?

— Прошу вас, не мешайте нам.

После недолгого молчания Адэр произнес:

— Вилару тоже чего-то не хватало в старой жизни.

Малика повернулась к нему. На осунувшемся лице резко выделялись скулы. Нос заострился. Из синих глаз вырывался лихорадочный блеск. Как же она не заметила...

— Вы заболели?

— Не я. Вилар.

— Что с ним?

— Несчастный случай.

— Почему вы здесь? Почему не с ним?

— Ему нужна ты, а не я.

— Я не понимаю вас...

Адэр отвернулся. Малика взялась за ручку дверцы.

— Я прошу тебя, — прозвучало в спину. — Прошу тебя вернуться в замок. Ненадолго.

Она открыла дверцу.

— Малика! Я впервые в жизни сказал «прошу». Не заставляй меня пожалеть.

Малика опустила голову. Так просто произнести «нет», но как бы она не храбрилась, новая жизнь пугала. Куда их с Муном занесет? И сможет ли она найти работу и содержать, пусть маленькую, но семью? На то, чтобы куда-то взяли старика, глупо рассчитывать.

Кроме этих мыслей что-то еще удерживало в машине. Прислушиваясь к себе, Малика ощущала тонкую нить, тянущую в замок. словно лишь там ей вновь станет легко дышать и прекратится стонущая боль в груди, которая появилась совсем недавно.

— Мун будет зрителем?

— Пока он находится в замке — да.

— А я? Кем буду я?

Немного подумав, Адэр ответил:

— Ты поможешь маркизу выздороветь.

Малика покачала головой. Значит, ей отведена роль целительной пилюли.

Она вслед за Адэром переступила порог спальни Вилара. В комнате витал вязкий аромат травяных настоек и мазей. К ядреным запахам клевера, полыни, багульника и мяты примешивалось сладковато-тягучее благовоние меда и акации. Воздух одновременно дурманил и бодрил. Как будто сидишь у звонкого горного ручья, свежесть прохладной воды наполняет тело бодростью, а от душистого дыхания ветерка, прилетевшего с цветущих лугов, клонит в сон.

Малика даже на какое-то время растерялась. Воображение так четко нарисовало картину уединения на лоне природы, что не сразу удалось разглядеть тумбочку, сплошь заставленную баночками и бутылочками, глубокие кресла с деревянными лакированными подлокотниками, постеленный на полу плед.

Адэр прошел через комнату и облокотился на изголовье широкой кровати. Смуглый старик в серой холстяной одежде склонился в низком поклоне. Две служанки засеменяли к выходу. Проходя мимо Малики, хмыкнули. Вилар приподнялся на локтях.

Она всю дорогу представляла встречу с маркизом, продумывала слова, которые смогут объяснить ему, что рассчитывать на ее доступность бессмысленно. Теперь смотрела в запавшие глаза Вилара, и облако его нежности окутало ее с головы до ног. Какая же она дурочка, если решила, что Адэр, прикрываясь болезнью друга, вез ее в замок с единственной целью — посмеяться над ней. Малика смотрела на Вилара и знала: он ждал ее, как никого в своей жизни не ждал.

— Малика... — промолвил Вилар и улыбнулся.

Она подняла с пола плед:

— Почему вы в постели?

— Так получилось.

Малика бросила плед на кресло, спрятала за спину руки и сцепила пальцы:

— Вы не похожи на больного.

Конечно, это неправда. Даже несведущему в медицине человеку было понятно, как плохо себя чувствует маркиз. От былой упитанности не осталось и следа: из-под одеяла выглядывали худые плечи, на щеках появились ямочки. Темные тени обвели глаза.

Вилар похлопал по постели рукой, обтянутой бледной кожей:

— Присядь.

Заметив, как Адэр скривил губы, Малика выпалила:

— После долгой дороги не помешало бы пообедать. И вещи за меня никто не разложит.

Адэр хмыкнул и, сбросив плед на пол, развалился в кресле.

— Ты придешь ко мне? — спросил Вилар. — Позже, когда разложишь вещи.

— Конечно.

«А куда я денусь? — думала Малика, шагая к двери. — Теперь я ваша сиделка».

***

Мун совершал обход своих владений. За неделю ничего не изменилось. Слуги, занятые работой, окликали его и поздравляли с возвращением. Он махал рукой в ответ и продолжал путь. Спустившись в сад, заметил между деревьями Адэра с каким-то человеком. Не желая лишний раз попадаться правителю на глаза, пошел обратно. Сделав несколько шагов, медленно обернулся. Все звуки исчезли. Хотелось кричать, но голос пропал.

Мун брел по газонам и клумбам, сминая цветы и ломая побеги кустов. Схватив Йола за рукав, выдавил:

— Брат...

Держа Йола за руку, словно страшись, что тот исчезнет, взлетел по ступеням, как во времена былой молодости. Злился, что слишком длинный коридор, и боялся, как бы от неожиданного счастья не остановилось сердце. Войдя с братом в комнату, разрыдался.

Йола принялся вытирать слезы на его щеках:

— Мун научился плакать.

— Жизнь научила.

Хотелось прижать Йола к себе и не отпускать. Испугавшись, что от переживаний подкосятся ноги, Мун усадил брата на краешек узкой кровати. Примостившись рядом, уронил руки на колени.

— Сколько мы с тобой не виделись, Йола?

— Двадцать четыре года.

— Двадцать четыре, — еле слышно повторил Мун.

Годы пролетели как сон. Вся жизнь пролетела как сон — тяжелый, мучительный. Порой желание проснуться было настолько сильным, что Мун рвал на себе одежды, раздирал ногтями тело в кровь, призывая ангела смерти. И всякий раз вместо ангела появлялся кто-то, ради кого Мун продолжал жить.

— Йола думал, что брат обитает за Долиной Печали.

— Как видишь — нет, — промолвил Мун, разглядывая вздувшиеся вены на руках. — Я пробыл у морун всего три года.

— Йола думал, что с земель морун не возвращаются.

— Они насильно никого не держат.

— Йола думал иначе. А еще Йола знал, что найдет в замке брата.

Мун недоверчиво покосился:

— Откуда?

— Вилар два дня бредил и звал Малику. Редкое имя. Йола знал одну женщину с таким именем. Потом Йола узнал, что в замке жил Мун. Но Йола не знает, куда ушёл Яр.

Мун облокотился на колени, уронил голову на грудь:

— Яра убили.

Йола в голос выдохнул:

— Горе-то какое.

— И жену его... Малику... тоже убили.

Йола обнял Муна за плечи:

— За твоей спиной одни могилы... Чем ты провинился перед Богом?

Мун устремил взгляд в выцветшие глаза:

— Чем мы провинились? Три брата — Йола, Мун и Ахе. И ни у кого нет ни жены, ни детей. Когда мы так сильно нагрешили?

Йола тяжело поднялся. Немного потоптался, разминая ноги. Подошел к окну:

— Почему не вернулся к морскому народу?

Мун хохотнул:

— Потому что морской народ меня выгнал.

— Это было давно. И после смерти Яра обиды уже не имеют значения.

Мун потер ладонями лоб. Перед внутренним взором пролетели события давно минувших дней.

Морун — представительниц древнейшего народа — боялись и ненавидели. Их считали

и до сих пор считают ведьмами, которые превращают мужчин в рабов. Когда Яр — воспитанник Муна — полюбил моруна и решил на ней жениться, ориенти сначала попытались снять с него колдовские чары. Однако обряды и молитвы не помогли: Яр не находил себе места и просился к любимой. Тогда его посадили в клетку, и он начал сходить с ума: отказался от еды, выл день и ночь, грыз деревянные прутья, рыдал, как младенец. Мун сжалился над Яром и помог ему сбежать, за что ориенти назвали его предателем и изгнали из племени.

— Йола виноват перед Муном, — проговорил брат, отведя взгляд от вида за окном. — Йола не понимал Муна.

Мун покачал головой. Все силы ушли, чтобы вопрос прозвучал спокойно:

— Сейчас понимаешь?

— У Йола было время подумать. И... — Брат отодвинул стул от стола. Сел. — Йола надеялся найти здесь Яра и попросить прощения. Теперь вину понесу до самой смерти. — Потер ладонями острые колени. — Мун пойдет с Йола к морскому народу?

— Если морской народ примет моруна, пойду.

Йола хмыкнул:

— Шутишь?

— Нет. — Мун расправил плечи. — Но даже если бы ориенти ее приняли, я бы никогда ее к вам не привел. Потому что чистому и светлому человеку не место среди трусов и лжецов.

Йола вскинул руку:

— Мун... не надо...

— У Яра и Малики родилась дочь Эйра. Но здесь ее зовут Малика. Она взяла себе имя матери.

Йола потер кончик носа:

— Правитель знает, что Эйра моруна?

— Нет.

— Почему она здесь, а не за Долиной Печали?

— Это ее тайна — не моя. — Мун перебрался к столу, взял брата за руку. — Расскажи, как поживает морской народ? Расскажи о море...

— Йола расскажет, но сначала искупит свою вину.

— Воскресишь погибших?

Порывшись в кармане штанов, Йола положил на стол холщовый мешочек.

Мун выпрямил спину:

— Спрячь.

— В мире Муна нужны деньги. Морской народ хочет помочь.

— Спрячь!

— Морской народ говорил на Совете и принял решение.

— Я вышвырну тебя из комнаты.

Вздыхнув, Йола затолкал мешочек в карман.

***

Малика тихонько постучала и заглянула в комнату:

— Мун! — Увидев на сером фоне окна два темных силуэта, пробормотала: — Я потом...

— Иди к нам, дочка, — сказал старик.

Малика в растерянности перешагнула порог. Она надеялась застать Муна одного и расспросить его о брате. Сейчас корила себя за нетерпеливость. Наверняка старики вспоминали нечто приятное, а может даже сокровенное, совсем не предназначенное для чужих ушей.

— Что это вы в темноте? — спросила Малика, лихорадочно придумывая повод уйти.

— Да так. Заговорились.

Мун чиркнул спичкой, зажег стоящую на столе свечу. Пляшущий огонек осветил седые пряди, морщинистые лица, усталые глаза, опущенные плечи.

Мун положил ладонь поверх руки брата:

— Это мой брат Йола.

— Я знаю, — сказала Малика и, улыбнувшись, добавила: — Весь замок об этом гудит. — Пристально посмотрела на стариков. — Вы так похожи!

— Как Вилар? — спросил Йола.

— Спит.

— Посиди с нами, — промолвил Мун.

Малика чувствовала себя лишней. Вдобавок взор Йола вызывал в душе необъяснимую тревогу.

— Вы целый день ничего не ели. Я что-нибудь принесу.

— Йола знал Яра, — еле слышно проговорил ориент.

— Вы знали моего отца? — несмело переспросила Малика, решив, что ослышалась.

— Йола шел сюда встретиться с Яром. Не встретился.

Маленькая комнатка заходила ходуном. Свеча расплодилась сотней подрагивающих огоньков. Малика на ватных ногах приблизилась к столу, опустилась на стул.

Йола полез в глубокий карман широкой штанины. Достал холщовый мешочек, протянул Малике.

— Яр... — Старик обвел комнату взором, будто искал слова в тенях, пляшущих на стенах. — Яр забыл у морского народа.

Малика непослушными пальцами развязала шнурок. На ладонь из мешочка выкатились несколько разноцветных жемчужин.

— Что это?

— Ориенталь. Морской жемчуг. Он твой.

— Я не возьму.

— Это не подарок. Это Яра. Йола возвращает. — Старик сжал ее подрагивающие пальцы. — Неужели Йола зря нес? — Обнял Малику, осторожно, ласково, и прошептал на ухо без малейшего акцента: — Прости меня, дочка.

***

Отъезд ориентов никак не сказался на жизни замка. Коридоры продолжали хранить тишину, изредка нарушаемую звуками шагов прислуги и охранителей. В саду примятая пледрами трава, освободившись от гнета, вскинулась и зазвенела соком. Пыль, поднятая колесами автомобилей, унесших ориентов к морю, успела осесть и исписаться следами ящериц и птиц. Солнце, равнодушно взирая на серые стены и безжизненные окна, палило желтую пустошь так же нещадно, как в предыдущие дни.

А в кабинете за плотно закрытой дверью метался Адэр. С раннего утра он взялся за отчеты, поступившие из различных контор и ведомств. Вагоны, которые в свое время подталкивали наместники, по инерции бежали по рельсам, и за несколько дней, проведенных в поисках Вилара, собралась целая стопа мелко исписанных листов. Скоро к их шгудированию приступят советники, и на стол в кабинете лягут сжатые, с четкой информацией таблицы, какие Адэр видел на столе отца. Но пока...

Месяц назад, когда он впервые взял в руки деловые бумаги, им двигал интерес — чем же одарил его Великий? Если бы Адэр смог оценить по достоинству и принять с благодарностью подарок, то, возможно, простил бы отца. Не смог... Затем появилось желание найти хоть что-то обнадеживающее, светлое, что поможет расправить плечи и двигаться вперед. Не нашел... И в конечном счете занимался рутинной работой по единственной причине: он хотел знать все, или почти все, чтобы ни советники, ни кто-либо другой, не сумели обвести его вокруг пальца, как это сделал отец.

Некоторые документы Адэр изучал, подчеркивал строки, выписывал в блокнот цифры. Некоторые просматривал и откладывал в сторону. Большинство листов без лишних раздумий сминал в кулаке и бросал в корзину для мусора — незачем собирать макулатуру.

Открыто хлебных лавок — три. Закрыто — восемь. Цена на мясо выросла на мор. Почему у порубежских денег такое мерзкое название? Умерших сто сорок, новорожденных сто шестьдесят. Хлеб исчезает, а бедняки плодятся.

Так... Теперь налоги, пошлины и штрафы. Мизер. В прошлой жизни таких сумм хватало разве что на подарки племянницам. Но поднимать налоги нельзя. Это исключительное право Совета.

Рекордно высокая за последние двадцать лет температура воздуха. Метеосводки поступали дважды в неделю, и каждый раз сообщали о рекордах. Ошибка? Возможно. Только зачем ему это?

Плюс двести безработных... Пожар на мебельном заводе, три жертвы. Чей завод? Подданного Партикурама. Тогда не важно — налоги все равно идут мимо казны. Слишком много свободы Великий дал иностранным дельцам, но пересматривать законы вправе лишь Совет.

Заведено сорок три уголовных дела. Пятнадцать преступников отправлены в тюрьмы, пятеро в искупительные селения. Это неинтересно... это тоже не надо... и это ерунда... а здесь загнуть уголок, чтобы не забыть перечитать.

Ближе к вечеру Адэр добрался до низа стопки. Взял фирменный глянцевый бланк с четким оттиском печати банка, пробежал взглядом по строчкам и, бросив лист на стол,

заметался по кабинету.

Он без пяти минут нищий — так гласила финансовая выписка. Почти все, что было в казне, съели расходы на прием. Оставшихся денег едва хватит на содержание замка и жалование многочисленным конторским служащим. Да, он лично подписывал счета. По меркам Тезара суммы были настолько смешными, что даже на ум не пришло сложить их и вычесть из имеющихся средств.

В дверь постучали.

— Что надо? — крикнул Адэр, еле сдерживаясь, чтобы не выскочить в коридор и не надавать оплеух постучавшему.

В щелку просунулась голова Гюста.

— Вы просили родословные вельмож...

Но взглянув на Адэра, секретарь тотчас скрылся.

Адэр подлетел к окну, уперся руками в подоконник. Ему уже не нужны родословные. Его поднимут на смех, если он предложит советникам работать в долг. Как же недальновиден был отец, отправив его в эту глушь. Недруги Великого только и ждут, чтобы с позором выдворить из Порубежья престолонаследника Тезара. И этот позор несмываемым пятном ляжет на честь династии Карро. Отец непомерно много поставил на карту. Зачем?

От удара кулаками по подоконнику зазвенели в рамках стекла. Должен быть выход! Здесь и сейчас! Он обязательно есть! Надо только успокоиться и подумать.

Он бродил по пустым коридорам, кружил по комнате собраний, мерил шагами Мраморный зал. Когда звездную дорогу на огромной картине затянули полупрозрачные сумерки, Адэр перешел в холл. Долго сидел в мягком кресле и даже не понял — он спал или был настолько поглощен мыслями, что не заметил, как его окутал полумрак.

Послышались тихие шаги. Из-под центральной лестницы вынырнула высокая широкоплечая фигура. Немного помедлив, взлетела по ступеням.

— Включить свет! — крикнул Адэр.

Яркий свет люстр заставил зажмуриться. Открыв глаза, Адэр увидел охранителя, стоявшего наверху лестницы.

— Мой господин, — растерянно промолвил он. — Я вас разбудил?

Адэр устремился под лестницу. Влево убегал узкий коридор, перед лицом темнела низкая дверь. Адэр открыл ее ногой. Нащупал на стене выключатель. Тускло загорелась лампа. Взор метнулся по комнатушке, замер на телефоне.

— Мой господин, — прозвучал за спиной срывающийся баритон.

Адэр подошел к столу, снял трубку, прижал к уху.

— Приемная старшего советника Троя Дадье. Кто у аппарата?

— Я объясню, — словно с того света донеслись слова охранителя.

— Охранитель Адэра Карро, — произнес Адэр в трубку.

Раздался щелчок, послышался недовольный голос:

— Что-то еще?

Адэр опустил трубку на рычаг, повернулся к посеревавшему, как стена, человеку.

***

Малика украдкой посматривала на темные окна и сдерживала вздохи. Вилар настолько увлекся рассказом о дорогах в Тезаре, что совсем забыл о времени. Когда из гостиной донесся звук шагов, Малика радостно заерзала — вот и Адэр, ее спаситель. Повернулась на

звук открываемой двери, вскочила со стула. Вилар замолчал на полуслове.

Адэр напрямик от порога направился к Малике, впился в лицо колючим взглядом:

— Кем тебе приходится Мун?

Малика невольно сделала шаг назад:

— Он заменил мне родителей.

— Значит, ты сирота.

Малика коротко кивнула.

— Сколько лет вы в замке?

— Осенью будет двадцать.

— Почему наместники меняли слуг, а вас не трогали?

— Наверное, доверяли нам.

Адэр сверкнул глазами:

— Я не доверяю! Я никому не доверяю!

— Тогда почему мы здесь?

Адэр заложил руки за спину, качнулся с пятки на носок:

— Мун ориент. Он нарушил закон Великого о резервации.

— Он покинул свои земли задолго до закона. Потом у него появилась я. А морской народ чужаков не принимает.

— Это правда. Я не видел среди них людей другой национальности, — прозвучал голос Вилара.

Адэр посмотрел через плечо, вновь направил взгляд на Малику:

— За что закрыли ориентов?

— Не знаю.

— А климов?

— Не знаю.

— А ветонов?

— Не знаю, — с надрывом произнесла Малика и, вмиг лишившись сил от волнения, шепотом добавила: — В законе Великого не говорится о причинах.

Адэр вздохнул с таким видом, словно приготовился разразиться тирадой. И... промолчал.

Малика вытерла о подол вспотевшие ладони. Он не спросил о морунах. Да, закон о резервациях касается трех народов: ориентов, климов и ветонов, но есть еще один древний народ, который самовольно закрыл себя, своих мужей и детей за Долиной Печали. Он ничего не знает о морунах...

— Можно мне уйти? — еле слышно спросила Малика.

Адэр развалился в кресле и жестом приказал сесть. Малика опустилась на краешек стула, подложив под себя дрожащие ладони.

Казалось, что находящиеся в комнате люди затеяли какую-то игру. Каждый смотрел куда угодно, лишь бы не встречаться взглядами, и упорно не издавал ни звука.

Первым не выдержал Вилар:

— Мы говорили о дорогах. Если бы здесь были такие же дороги, как в Тезаре, я бы не лежал сейчас в постели.

— Ты лежишь, потому что послушный больной, — сказал Адэр.

— Пока вы сформируете Совет, я бы мог заняться...

— У меня нет денег на строительство дорог.

— А как же прииски?

Адэр потер лоб:

— Ты знаешь, как делится прибыль?

Вилар отрицательно покачал головой.

— Малика! А ты знаешь?

Малика кивнула.

Адэр хохотнул:

— Вся прислуга знает, а мой будущий советник — нет.

— Не вся, — возразила Малика. — Только я. В архиве хранятся протоколы собраний.

Некоторые документы стали похожи на промокашку, на некоторых потускнели чернила.

Мне приказали переписать их.

Адэр похлопал ладонями по подлокотникам кресла:

— Ну, раз ты такая умная, просвети маркиза.

— Двадцать пять процентов идут на расходы прииска. Двадцать пять — в вашу казну.

Пятьдесят — в казну Великого, — произнесла Малика.

Адэр усмехнулся:

— Вот и вся арифметика. Справедливо?

— Вы можете что-то изменить? — спросил Вилар.

— Я пересмотрю долю приисков.

— Вы не знаете... — произнесла Малика.

— Малика! — перебил ее Вилар.

— Пусть говорит! — откликнулся Адэр.

Она вздохнула. Мун прав: надо держать рот на замке. Поздно...

— Я хотела сказать: никто толком не знает, куда на самом деле уходит доля приисков.

— Отчеты помощников наместника рисуют четкую картину. Прииски купаются в деньгах: начальники строят здания, приобретают мебель, нанимают толпы рабочих.

— Помощники ни разу там не были.

Адэр сузил глаза:

— Ох уж эти взгляды прислуги.

Малика вздернула подбородок. Какие бы ни были ее взгляды, она хоть смотрит прямо, а не презрительно шурится, как он.

— А что ты скажешь об отчетах начальников? — промолвил Адэр наигранно-добродушным тоном. — У меня в кабинете их целый ящик.

Малика улыбнулась:

— Вы же никому не доверяете.

— Начальник не станет писать, что у него все отлично, когда на самом деле плохо.

— Станет.

— Где логика?

— Он напишет всё, что угодно, лишь бы к нему не совались с проверками и не учили его работать.

Адэр откинулся на спинку кресла, забарабанил пальцами по подлокотникам:

— Нелепое утверждение.

— Я не утверждаю, а предполагаю. При мне проводили всего одну проверку, когда на каком-то прииске произошла авария, и два месяца в казну не поступали деньги.

— Сколько лет ты была секретарем?

— Какая разница? В архиве я пересмотрела каждую бумажку. Первое время — да, были проверки. Даже планировали кое-где провести реконструкцию. А потом посчитали — невыгодно — и решили, что и так всё хорошо.

— Сколько в Порубежье приисков? — спросил Вилар.

— Шесть, — ответил Адэр.

— Шесть действующих и два закрытых, в аварийном состоянии, — уточнила Малика.

— В документах про них ни слова, — потянувшись вперед, промолвил Адэр. — А это значит, что вся прибыль с неизвестных Тезару приисков моя.

— На их ремонт нужны деньги, — возразил Вилар.

— Не больше, чем на строительство дорог.

Адэр вскочил, сделал круг по комнате, присел на край кровати:

— Я сам поеду и сам все проверю.

— Адэр! — воскликнул Вилар и тотчас поправил себя: — Мой господин! Прииски того не стоят.

Адэр кивком указал на Малику:

— Посмотри на нее и посмотри на себя. Это стоило того или нет?

Если начались оскорбления, пора уходить. Она поднялась:

— Можно мне уйти?

— Ты едешь со мной.

— Я? Я... не могу...

— Разве я спросил?

Малика с мольбой уставилась на Вилара.

— Надо отправить посыльного с сообщением о вашем приезде, — промолвил он.

Малика приоткрыла рот. Она надеялась, что маркиз будет стоять на своем и отговорит правителя от поездки или вызовется поехать с ним, когда полностью выздоровеет. Похоже, он совершенно не умеет спорить.

— Если вы за две недели перевернули замок, представляю, как там подготовятся к встрече. Едем завтра, — произнес Адэр и обратился к Малике: — Хватит пялиться на маркиза. Лучше принеси из моего кабинета карту.

Она выскочила из комнаты. Пока бежала в кабинет и обратно, шептала: «Только не с ним. Только не с ним». Вернувшись в спальню, вручила Адэру старую, протертую карту.

Он разложил ее поверх одеяла. Скользя по расчерченному полю пальцем, объяснял маркизу:

— Прииски обозначены крестиками. Видишь? Шесть. Не так далеко от замка. — Глянул на Малику: — Где еще два?

— Не помню.

— Но они точно есть?

— Точно! Помощники наместника обсуждали смету ремонта, потом отложили вопрос до весны, а потом наместник умер.

— Давно это было?

— Давно. Пять или семь лет назад. Если надо, я поищу в архиве протоколы собраний.

Адэр свел брови, вероятно, прикидывая в уме, сколько бумаг скопилось за эти годы.

— Ладно, начальников расспросим. — И склонился над картой.

Адэр и Вилар рассчитывали расстояние и время, спорили о необходимости проверки всех приисков, а Малика уныло думала о предстоящей беседе с Муном.

Они редко покидали стены замка — если старик сильно болел или когда новый наместник решал их дальнейшую судьбу. Они приходили в свой дом, Мун запрещал ей показываться на люди, и Малика безропотно смотрела на жизнь из окна. Затем Мун на день-два возвращался в замок, чтобы узнать решение ставленника Великого, а она, сначала опасливо, затем все смелее, бродила по улицам, наслаждаясь свободой. И никому не было дела до ее глаз, никто не спрашивал о морунах. Занятые своими делами люди, казалось, начисто забыли о таинственном народе, исчезнувшем сто лет назад.

Но бывало, что какая-нибудь старуха на базаре, указывая на нее, говорила капризному внуку: «Не будешь слушаться, моруна утащит». И Малика поняла: не стоит бояться разоблачения там, где про морунов ходят детские сказки, где вживую никто их не видел. Но Муну это не докажешь.

Завтра она вместе с Адэром отправится в Бездольный Узел — так называется район, где расположены прииски. Долина Печали, за которой живут моруны, находится в другой стороне. Значит, опасаться нечего. Но Мун...

— Уснула? — из раздумий вывел резкий голос. — Иди, собирайся. На рассвете выезжаем.

— Мы поедем как простые инспекторы, — сказал Адэр, когда за Маликой закрылись двери.

— Зачем она тебе?

— Инспекторы в одиночку не ездят.

— С тобой будут охранители.

— Не будут. Они служат Тезару, а не мне.

— Твой отец не одобрит.

— Меня меньше всего волнует чье-то одобрение.

— Возьми кого-нибудь другого, — настаивал Вилар.

— Взять больше некого. — Адэр посмотрел на подрагивающие руки друга. — Что с тобой?

— Ничего. Обычная слабость.

— Я привез тебе лекарство от всех болезней, а ты до сих пор себя неважно чувствуешь? Может, стоит пересмотреть дозировку?

— Адэр...

— Она не так хороша, как ты думал?

— Адэр! Пожалуйста!

— Или ты копишь силы?

— Адэр! Прекрати!

Адэр нахмурился:

— Ты случайно не влюбился?

— В кого? — измученно спросил Вилар.

— Вот я и думаю: в кого?

— Да, она мне нравится. Нравится как человек.

— Надеюсь на твое благоразумие. — Адэр облокотился на спинку кровати. — Кажется, я понял, почему в Порубежье такая нищета.

— Почему? — тихо промолвил Вилар.

— Казна мельчала от наместника к наместнику. То, что можно было вложить в страну,

они складывали в карман. Но меня мучает другой вопрос: почему страна, в которой всегда добывали драгоценные камни, стояла на коленях задолго до грабительской доли моего отца? — Адэр прошелся по комнате, задержался возле окна. Тяжело вздохнул. — Ладно. Пойду, озадачу костюмера.

***

Езда по бездорожью стала лучшим лекарством от злости и смятения. Вырвавшись из замка, Адэр другими глазами смотрел на мелькающие за окном картины. Безбрежная пустошь дышала волей, знойный ветер летел птицей, небесная лазурь раскинулась морем, махровые облака превратились в корабли.

Он вдыхал соленый воздух, и былая сила возвращалась к нему. Он крепче сжимал руль, и в него перетекала мощь машины. И не так ужасно, что рядом сидит серое пятно, а не нежное создание. Когда вокруг такое раздолье, мелкие огрехи не волнуют.

Недолгая поездка представлялась веселым приключением, или спектаклем, где он исполняет роль рядового служащего и даже одет подобающим образом: устаревшего покроя шелковая рубашка и штаны из недорогой ткани. Где костюмер нашел одежду? Вероятно, у охранителей. У кого еще такой рост и размах плеч, как у него?

Но от своих сапог Адэр не смог отказаться. Носок отполирован так, что казался не черным, а серебряным — посмотришь и свое отражение увидишь. Между головкой и голенищем почти незаметные складочки, кожа мягкая, но отлично держит форму. И главное — сапоги чужой ногой не пахнут. А если потоптаться в пыли и песке, никто не обратит на них внимания.

И от машины не смог отказаться. Мощная, сверкающая серебром, как сапоги, с огромным баком для горючего, она, словно второе «я», прикипела к хозяину. О ней можно сказать — если кто-то спросит, — что это подарок правителя за заслуги.

— Придумай мне имя, — обратился Адэр к Малике.

— Зачем?

— Ты не можешь обращаться ко мне «мой господин». Какое имя тебе нравится?

— Яр.

— Ухажер?

— Нет. Так звали моего отца.

— Хорошо, Яр так Яр. Тебе придется обращаться ко мне на «ты».

— Это еще почему?

— Где ты видела, чтобы рядовые инспекторы обращались друг к другу на «вы»? А ну, скажи мне «ты».

Малика уставилась в окно.

— Говори! — требовал Адэр. — Ну же!

— Вы взяли меня, чтобы посмеяться?

— Своими глупыми капризами ты все испортишь.

— Я вас никак не буду называть, — отрезала Малика.

За окном проплыло стадо облезлых коров, топчущих редкую траву. За автомобилем с криками побежали мальчишки-пастухи, подкидывая в небо хлысты и фуражки. Глядя на них, Адэр смеялся и сигналил.

Впереди сквозь знойное марево проступили очертания домов. Адэр помахал сорванцам и нажал на газ.

Машина ехала, похоже, по единственной улице вымершего селения — ни поворотов, ни переулков, ни души. Лачуги из глины, накрытые соломой, чередовались с развалинами. Во дворах на провисших веревках колыхалось заштопанное белье. Кое-где возле калиток лежали собаки, уныло опустив на лапы острые морды. На почерневших заборах сидели коты. Те и другие провожали машину тоскливыми взглядами. И запах...

— Чем это пахнет? — спросил Адэр.

— Вином.

— Я знаю, как пахнет вино.

— Кислым вином.

— Нет. Тут что-то другое.

— Выпитое кислое вино.

— Не-е-ет... — протянул Адэр. Заметив улыбку Малики, быстро закрыл окна и прижал рукав к носу. — Ну и вонь...

Все же улица была не одна. Проехав поворот, Адэр затормозил, сдал назад.

— Куда теперь? — спросил он, взирая на развилку.

Малика глянула по сторонам. Вскинула руку:

— Смотрите!

Сбоку, над лачугами, была видна крыша: настоящая, не из соломы и фанеры, а из синей, как небо, черепицы. Адэр свернул на ровную, хорошо утрамбованную дорогу.

Вид за окном менялся: чем четче вырисовывалась на фоне облаков яркая кровля, тем выше и богаче становились дома. На некоторых крышах заблестели в лучах солнца квадраты плоских плит — значит, домочадцы со светом. Улицу перебежала курица с выводком. За каменными заборами загоготали гуси, загремели цепи, раздался многоголосный хозяйский лай — здесь уже есть что охранять.

Машина догнала двух девушек в цветастых платьях: косы до пояса, на щеках румянец.

Опустив стекло, Адэр скользнул взором по стройным фигуркам:

— Не подскажите, как проехать к прииску?

Девчонки переглянулись, прыснули в кулачки. Одна игриво махнула рукой в обратную сторону:

— Вам туда.

Но Адэр медленно поехал вперед, посматривая то в лобовое стекло на черепицу, то в зеркало заднего вида на селянок. Поймал на себе взгляд Малики.

— Хочу посмотреть особняк, — сказал он и мысленно выругался — перед кем отчитывается?

До особняка дому было далеко, однако по меркам селения это был не дом, а дворец. Красивое добротное здание в два этажа: серый камень, большие окна, резные ставни. Что находилось во дворе — скрывал глухой забор. На скамейке возле калитки важно восседал пухлый, как взбитые сливки, мальчуган. Малец выковыривал из надкушенного ломтя колбасы сало и бросал породистым собачкам, прыгающим возле его толстеньких ножек.

Адэр развернул машину. Проезжая мимо девушек, не стерпел — посигналил и нажал на педаль газа.

***

Они сидели в кабинете, ожидая начальника. Высокие потолки, хрустальная люстра, сверкающий паркет, массивная мебель — все производило приятное впечатление. Секретарь

в дорогом деловом костюме развлекал рассказами об условиях работы на прииске. Малика смотрела в окно. Постукивая пальцами по лежащему на коленях блокноту, Адэр наблюдал, как девица в узком платье расставляет на столе фарфоровые чашки. Если бы в какой-либо конторе Тезара прислуга в таком же наряде подавала посетителю чай, то через пять минут не было бы ни прислуги, ни конторы. Но здесь не Тезар, и с правилами приличия в этой стране вряд ли знакомы. И даже не в платье дело, а в двух каплях темно-фиолетового аметиста в девичьих ушках.

Когда девица и секретарь удалились, Адэр произнес:

— У слуг слишком много денег.

Малика приблизилась к окну:

— Интересно, где прииск?

Дверь распахнулась, в кабинет вкатился полный человек с необхватной грудью и лежащим на ней вторым подбородком. Принеся тысячу извинений, мол, задержали служебные дела, расшаркался перед гостями. Втиснулся в кожаное кресло во главе стола. Немного поерзав, по-хозяйски сложил руки на шарообразном животе:

— Огромная честь принимать у себя посланников правителя, дай ему Бог долгих лет жизни. Чем обязан?

— Расскажите в двух словах: как распределяете долю прииска?

Адэр спросил без задней мысли, для галочки. Решение принято, и можно ехать дальше. Но что-то удерживало на месте. Глаза... Заплывшие жиром глазки суетливо бегали по комнате.

Начальник вытер пухлой ладонью лоб:

— Давно не помню такого пекла в середине весны. Мне жаль, что вам пришлось трястись по ужасной дороге. Автомобиль-то новенький...

— Где прииск? — поинтересовалась Малика, перейдя к другому окну.

— Не желаете чаю или чего-нибудь покрепче?

— Я достаточно четко сформулировал вопрос? — произнес Адэр.

Начальник занервничал еще сильнее. Слова посыпались как приторно-сладкие ягоды из прохудившейся корзинки. Подбородок, вызывая омерзение, вибрировал на надутой груди. Малика и Адэр, не перебивая, слушали непрекращающуюся болтовню.

Первым устал Адэр:

— Хватит!

Начальник проворно выбрался из кресла. Обежав стол, протянул потную ладонь:

— Рад был знакомству.

Не сдержав брезгливую волну, Адэр скривился и повторил вопрос Малики:

— Где прииск?

Похлопывая руками по пышным бедрам, начальник вернулся в кресло:

— До него две мили. Знаете ли, у меня аллергия на пыль. Как подышу, глаза слезятся. Пришлось построить контору здесь.

— Сколько у вас рабочих? — поинтересовалась Малика.

— Несколько сотен.

— Точная цифра, — произнес Адэр и открыл блокнот.

— Семь сотен, — выпалил начальник.

Адэр посмотрел в записи:

— Семьсот двадцать.

— Точно! — радостно воскликнул начальник.

— Все из вашего селения? — спросила Малика.

— Пришлых нет, все местные.

Усевшись рядом с Адэром, Малика тихо сказала:

— В селении должно проживать как минимум три тысячи человек. Рабочие, жены и дети, старики. Посчитайте навскидку.

Начальник приподнялся над креслом:

— Что посчитать?

— Семь сотен работают, — прошептала Малика, — а где остальные?

Адэр кивнул — в память врезались безлюдные улицы, особенно запомнился запах мочи.

Подойдя к окну, вынудил начальника повернуться к нему лицом. В солнечном свете стали заметны бисеринки пота на выпуклом лбу и подрагивание мясистых губ.

— Покажите ведомости за последние полгода, — произнес Адэр.

— Если вы думаете, что такой важный документ лежит у меня под рукой, то ошибаетесь, — неожиданно окрысился начальник. — По закону он хранится в надежном месте. Не хочу утомлять вас излишним ожиданием, но сию минуту предоставить вам ведомости не могу.

— Они у вас дома? — спросила Малика.

— Совершенно верно!

— Поехали, — сказал Адэр и направился к выходу.

Начальника словно выдуло из кресла.

— Подождите! — Он подлетел к двери, прижался к ней спиной. — Совсем запомнил. Не иначе как сегодня я захватил их, хотел поработать. Сейчас принесу. — И выскочил из кабинета.

Адэр сел рядом с Маликой.

— Думаете, мертвые души? — спросила она.

— Уверен.

Начальник вернулся через пять минут с пустыми руками и в мокрой на груди рубашке — хотел привести себя в чувства?

Семенящей походкой подошел к Адэру, вытер руки о штаны:

— Можно вас на пару слов?

— Говори.

Начальник задышал в ухо, обдавая запахом лекарств:

— Простите, я забыл, как вас зовут.

— Яр.

— Яр... Только вы поймете меня. Как мужчина мужчину. Жена, дети — это рутина. А молодому, полному сил мужчине нужно вдохновение. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Понимаю.

— А вдохновение дорого стоит. Очень дорого.

— Поехали на прииск.

***

Адэр остановил машину возле серого здания, больше похожего на тюрьму, чем на проходную прииска. Малика с необъяснимым страхом посмотрела на окна за толстыми решетками, на массивную железную дверь без ручки, зато с отверстием-глазком. В обе стороны от здания тянулся без единого просвета бетонный забор с несколькими рядами колючей проволоки на вбитых наискосок штырях. На покатой крыше проходной сверкали в лучах солнца плоские плиты и громоотводный шпиль.

— Ты идешь? — спросил Адэр у Малики.

Боясь передумать, она открыла дверцу. Сзади то ли вздохнул, то ли всхлипнул начальник.

— А ты сиди, — бросил Адэр через плечо.

В ответ послышалось невнятное бормотание и шмыганье носа.

Они подошли к двери. Адэр несколько раз ударил в нее кулаком. Малика посмотрела на темное, будто чем-то заклеенное с обратной стороны, круглое отверстие.

— За нами наблюдают, — прошептала она.

В подтверждение слов темнота за глазком всколыхнулась, на миг впустив в себя лучик света. Видимо, сменился наблюдатель.

— Кто такие? — как из бочки раздался голос.

Адэр поднес к отверстию предписание о проверке прииска.

— Без начальника не пуцу, — после непродолжительной заминки прозвучало из-за двери.

— Ладно, — еле слышно проговорил Адэр, — будь по-твоему.

Вытащил из машины трясущегося начальника, подтолкнул к глазку. Загрохотал засов, дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы увидеть нечесаного охранника с обрюзгшим лицом и крошками хлеба в кудлатой бороде.

— Девицам сюда нельзя.

Малика боролась с желанием нырнуть в мягкий салон автомобиля и сжаться испуганным воробушком, чтобы ее никто не видел и не слышал. Но боязнь оставить Адэра одного взяла верх.

— Я Малика Латаль. Мое имя есть в предписании.

— Да ну? А как начальник на это смотрит?

Адэр толкнул толстяка в спину, тот часто закивал, издавая неразборчивые звуки. За дверью посовещались, бородач посторонился, и Малика вслед за Адэром и начальником вошла в здание. И только тогда поняла, насколько был прав охранник.

Проходная представляла собой узкое, длинное, с низким потолком помещение, освещенное белыми лампами. Вдоль одной стены стояли в ряд скамейки; на них лежало тряпье. Несколько человек ощупывали нечто, похожее на штаны и рубахи. Малика четко увидела, как тонкие пальцы со знанием дела перебирают складки, сгибы и швы.

Возле противоположной стены... Малика ахнула и отвернулась. Там толпились обнаженные мужчины, прикрывая руками то место, где сходятся ноги.

«Я ж говорил: девицам нельзя». — «Потерпит. Что за люди?» — «Ночная смена». —

«Так уже обед». — «Все по инструкции. Сначала слабительное. Пока действует — обыск».

Послышались неторопливые, как на прогулке, шаги. Это Адэр. Стук его каблучков Малика смогла бы различить среди сотен стуков.

«Какие камни добываете?» — «В основном жадеит, немного аметиста и малость александрита». — «Что нашли за смену?» — «Ничего». — «Совсем ничего?» — «Вот промоем их, окаянных, может, что-нибудь найдем».

Малика повернула голову. Адэра не увидела, зато заметила два стола и сейф между ними. За одним столом под невыносимо яркой настольной лампой, перед маленькими, как в аптеке, весами сидел человек с круглым стеклышком в глазу и рассматривал Малику. За другим столом что-то выводил в тетради учетчик: на шее накрахмаленный, в прошлом белый воротничок, на локтях протертые нарукавники.

За спиной продолжалась беседа: «Воруют?» — «Воруют, мать их так! И в уши заталкивают, и глотают, и..., да-да, туда тоже».

Вновь шаги Адэра.

«Э-э! Господин! Туда нельзя!» — «Что там?» — «Там из них слабительное выходит». — «Сколько рабочих на прииске?» — «А бес его знает. Вы у начальника спросите...» — «Человек семьсот будет?» — «Смеетесь? Может, триста, а может, меньше».

— Малика, идем!

Глядя в бетонный пол, она поплелась за Адэром и начальником. Краем глаза видела опухшие колени рабочих, их стопы в узлах и шишках. Выйдя из проходной, подняла голову. Сделав выдох, не могла себя заставить сделать вдох. Адэр прижал к носу рукав.

— Туда? — глухо спросил он у толстяка, и, не дожидаясь ответа, толкнул его в сторону огромного бака, стоявшего вертикально на металлических опорах. — Малика! Не отставай.

Вокруг, куда ни глянь, все та же пустошь, огороженная забором. Чем дальше они отходили от здания, тем нестерпимее становился запах, словно прииск был спрятан не только от внешнего мира, но и от свежего воздуха. Адэр уже зажимал нос и рот ладонями.

Они приблизились к вбитым в землю железным цилиндрам с длинными ручками и шлангами, которые тянулись к верхней части бака. Увидев выходящую из его днища запотевшую трубу, Малика сообразила: в баке вода, и вероятно, с помощью этих непонятных устройств ее качают с глубины. Здесь же находился самодельный душ с бочкой для сбора дождевой воды — такой же был у них с Муном на заднем дворе дома.

Толкая перед собой начальника, Адэр шел вдоль проложенной поверх земли гибкой трубы. Толстяк то и дело вытирал ладони о штаны и шмыгал носом. Чтобы не видеть мокрую от пота рубашку на его полукруглой, как грудь, спине, Малика прибавила шаг.

Адэр схватил ее за локоть:

— Смотри под ноги.

Она опустила глаза. Совсем уж внезапно появился в земле провал: тесный, не очень глубокий. Вниз бежала узкая тропинка, выдолбленная в каменной стене, и скрывалась в расщелине. Туда же тянулась труба. Возле входа на плоском пяточке, отполированном сотнями ног, из железной корзины торчали факелы. Стены, тропинка — в изломах и трещинках — казались зыбкими, непрочными.

Зажимая нос, Адэр долго смотрел в яму. По его виду было понятно: идет борьба с каким-то страхом.

— Пойдемте обратно, — промолвила Малика. — Все, что надо, мы увидели.

Адэр поставил ногу на тропку, поводит подошвой сапога по камню.

И тут начальник прииска выплюнул — не уныло сказал, не промычал, — именно выплюнул как оскорбление:

— Сапоги дорогие. Жалко.

— Стойте здесь, — произнес Адэр и начал осторожно, ведя одной рукой по стене, второй зажимая нос, спускаться по дорожке.

Несколько раз поскользнулся — идти босиком было бы намного безопаснее. Наконец ступил на пяточок перед входом в пещеру. Ругнувшись, зажег факел (пришлось убрать ладонь от носа) и скрылся во мгле.

Сколько его не было — десять минут, полчаса? Каждая секунда тянулась невыносимо долго. Малика ходила вдоль обрыва, не отрывая взора от расщелины. Оглянулась. Толстяк, словно подхваченный шквальным ветром мяч, катился к проходной.

— Стой!

У мяча замелькали пятки.

— Адэр! — позвала Малика, глядя в яму. Не услышав ответа, что есть мочи заорала: — Яр!

Выскочив из темноты, Адэр отбросил горящий факел и взлетел по дорожке. Выбравшись из провала, уперся руками в колени.

— Он... — Адэр поднял голову, и Малика умолкла на полуслове, увидев мертвенно белое лицо, неестественно круглые глаза и обескровленные губы. Выдавила из себя: — Что там?

Хватая ртом воздух, Адэр вновь согнулся. Его вырвало прямо на облепленные глиной сапоги. Помчался к душе. Привалился плечом к деревянной шаткой стойке. Его снова вырвало. Долго крутил кран, изрыгая проклятия. Постучал по бочке. Она загремела — пустая.

— Что там? — подбежав, спросила Малика.

Адэр понесся к проходной, выкрикивая:

— За мной! Быстрее!

Они вбежали в здание. Возле скамеек одевались рабочие. В дальнем углу столпились охранники. Адэр растолкал их. Взору предстал сидящий на стуле начальник.

— Я не хотел...

Адэр нанес ему сильный удар кулаком в нос. Толстяк вместе со стулом завалился навзничь и, взыв, закрыл руками окровавленное лицо. Никто не успел опомниться, как Адэр нанес удар сапогом в бок. Начальник согнулся, будто сломанная толстая ветка, и закричал.

Малика схватила Адэра за рубаху:

— Яр! Не надо!

Охранники вцепились в Адэра и потащили в сторону, но он извернулся и нанес еще один удар кулаком толстяку в ухо. Крик начальника оборвался.

Пока Адэр приходил в себя, а точнее, пока толстяка приводили в чувства, Малика, сжимая виски, вышагивала взад-вперед вдоль скамей, за которыми спрятались полуобнаженные рабочие. Пыталась стуком своих башмаков по бетонному полу разбудить себя, настолько все происходящее казалось нереальным.

— Поехали! — прозвучал kloкочущий злобой голос.

Малика посмотрела на людей, державших под руки начальника, на потирающего разбитый кулак Адэра, и, еле переставляя ноги, пошла к выходу.

Она топталась возле машины, поглядывая то на закрытую дверь проходной, то на пустошь, не зная, куда бежать и где искать спасения, если в Адэре вновь проснется зверь. Ноги ватные, в голове туман — далеко не убежишь. Дверь поспешно закрыли, проскрежетали щеколдой и даже под страхом смерти вряд ли откроют.

Адэр достал из багажника ветошь, кинул сжато в комок на заднем сидении начальнику:

— Не запачкай салон.

Вытащил из багажника канистру с водой. Вылил на себя. Встряхнул головой, орошая воздух сверкающими брызгами. Водой из второй канистры помыл сапоги. Достал бутылку вина, зубами вытащил пробку. Долго полоскал рот, поливал руки. Закрыв глаза, остатки выплеснул на лицо.

Сделал несколько больших глотков из второй бутылки, протянул Малике:

— Пей!

— Зачем?

— Пей!

Малика попятилась:

— Не буду.

Сверкнув глазами, Адэр схватил ее за руку:

— Пей, а то залью!

Малика глотнула, закашлялась.

— Ты никогда не пила вино?

Она отрицательно качнула головой.

— Так надо, Малика, так надо, — с неожиданной усталостью промолвил Адэр. — Не дай бог подцепить заразу.

— Что вы там видели?

Он допил вино и выдохнул:

— Рабов. — Кивком указал на проходную. — Я их здорово напугал.

— Вы меня напугали. Нельзя так. Не пристало правителю кулаками махать.

— Я инспектор. — Закинув руки за голову, Адэр потянулся до хруста в костях. — Впервые в жизни обычный человек.

***

Машина медленно катила по улице, на которой проживали зажиточные селяне. Адэр на долю секунды притормаживал возле каждого дома и смотрел в зеркало заднего вида на начальника, сидевшего с потерянной миной. Малика разглядывала свои руки, сложенные на коленях, и тяжело вздыхала.

Адэр притормозил перед домом с крышей из синей черепицы. Стоя возле калитки, пухлый мальчуган на этот раз держал ломоть пирога. Начальник не пошевелился.

Малец приблизился к автомобилю, с улыбкой посмотрел на Адэра. Глянув ему за спину, прошептал:

— Папа?

Начальник запричитал, размазывая по лицу кровь, сопли и слезы. Малика затолкала под себя дрожащие ладони и устала на дорогу.

Как оказалось, в селении была еще улица. Адэр вел машину между неухоженными

огородами с одной стороны и различными строениями с другой стороны. За окном проплывали неказистая гостиница, питейный дом, рынок с пустыми прилавками, белое здание банка — объявление на двери гласило: «Только для прииска», и опять трактир. Толкаясь в очереди перед продуктовой лавкой, бабы кричали и ожесточенно размахивали руками. На пару секунд умолкли, заметив автомобиль, и вновь разразились ругательствами.

Миновав перекресток, Адэр заглушил двигатель возле дома с вывеской: «Охранительный участок». На крыльцо вышел молодой вихрастый человек в темно-зеленой форме стража порядка, на груди поблескивал жетон.

Даен, так представился хозяин участка, провел посетителей в дом. Две смежные комнаты были разделены решетчатой дверью с навесным замком, в обеих по старенькому столу и паре стульев.

— Мой кабинет и камера, если надо, — указал Даен на соседнюю полутемную комнату. — Стол, стулья вынес, замок чик, и готово. Но там нет окна, а на солнечный аккумулятор нет денег. Может, сядем здесь, в приемной?

— Его туда, — кивнул Адэр на начальника.

Страж глянул толстяку в отечное посиневшее лицо с опухшим носом и оплывшими губами. Судорожно сглотнул:

— Здравствуйте...

Вскоре начальник прииска при свече писал сам на себя докладную: сколько чего присвоил, за какой период. Малика и Адэр сидели в приемной за столом напротив стража. Даен смешно хмурил брови, стараясь казаться грозным, однако лучистые, по-детски открытые глаза предательски выдавали мягкий нрав.

— Пьянство всему причина, — говорил Даен. — Получают «кот наплакал» и все «слезы» пропивают.

— А если я цифру не помню? — раздался голос толстяка.

— Лучше написать больше, чем меньше, — ответил Адэр. — И я прощу ошибку.

— А потому разборки, воровство, иногда убийства, — продолжил Даен. — Взять бы за шкирник, встряхнуть что есть мочи, и в лоб, чтобы горилку из памяти выбить. — Ударил кулаком по столу и развел руки. — Не могу! Жетон, будь он неладный, не позволяет. Если мокрое дело, то да, сразу под замок. А если подерутся мужики или лопату стацат, или мешок картошки... Ежели всех в искупительные поселения — бабы с детишками с голоду помрут. Смотрю я на это... — Даен горько улыбнулся. — Одно название — страж порядка.

— У меня всё, — донеслось из кабинета.

— Перечисли имущество родни.

Прозвучали тихие стенания.

Страж бросил взгляд на Малику, почесал затылок:

— У него родственников — вся главная улица. До утра просидит.

По крыльцу прогрохотали башмаки, в комнату вбежала растрепанная женщина в добротном платье — на шее сползшая с головы косынка узлом в бок, на поясе фартук в муке, в руке скалка. Подлетела к столу и скалкой по нему хрясть, что стекла в окошке звякнули.

— Ты что ж это, палач, творишь, — напала селянка на стража. — Порядочного человека бить? Я ж тебя, изверг, самого в кутузку закрою!

Даен выставил перед собой руки:

— Тетя Фаня, не кричите. Мы во всем разберемся.

На пороге смежной комнаты появился начальник:

— Фанечка... Золотце...

Женщина выронила скалку, бросилась к мужу на шею, заголосила:

— Люди добрые! Да что ж это делается. Вашего кормильца бьют, а вы о ступеньки носки сбиваете.

С улицы донесся гул, будто кто-то разворошил осиное гнездо. Малика побледнела. Даен подошел к окну, нахмурился. И лишь Адэр рассматривал разбитый кулак с таким видом, словно только что услышал обнадеживающий диагноз врача.

Со словами «Да мы вас...» селянка кинулась к двери.

— Я конфискую дом, — сказал Адэр.

Уже взявшись за дверную ручку, Фаня обернулась:

— Какой дом?

— Ваш.

Уперев руки в бока, она двинулась к Адэру:

— Ты кто такой?

— Вашего сына отправлю в приют...

— Да кто ты...

— ...если ты сейчас же не замолчишь.

— Фанечка, делай, как он говорит, — проблеял начальник.

Не переставая оглядываться на Адэра, она приблизилась к мужу:

— Да кто он...

— Он страшный человек, — прошептал начальник и, обхватив жену за плечи, разрыдался. — А я плохой человек.

Адэр сжал-разжал кулак, неторопливо прошел через комнату, приоткрыл двери. Перед крыльцом собрались зажиточные люди, одетые с иголочки.

— Родня?

— Родня, — еле слышно призналась Фаня.

Адэр вернулся на свое место, сложил на столе руки:

— Если не разойдутся, я конфискую их имущество.

У Фани подкосились ноги. Начальник подтолкнул ее к двери:

— Делай, как он говорит.

Вскоре начальник и его жена сидели перед свечой. Тихо переговариваясь и всхлипывая, писали подписку о невыезде из селения.

— Почему на крайней улице так воняет? — спросил Адэр у Даена.

— Так то ж рабочая улица.

— И что?

— Там, что ни развалины, так отхожее место. Мужики идут с трактира и заскакивают. Улица длинная, пока домой донесешь.

Начальник с женой положили перед Адэром бумаги.

— На прииск ни ногой, пока не приедет комиссия, — сказал он. — Если сбежите, найду.

Взял докладную и опись имущества. Долго изучал их, потирая подбородок. Какое-то время сидел, глядя на начальника, а тот сдувался прямо на глазах, беспрестанно вытирая то лоб рукавом окровавленной дорогой рубашки, то ладони о добротные, но словно пожеванные коровой, штаны.

Наконец Адэр произнес:

— Даю две недели, чтобы вернуть украденные деньги.

Толстяк схватился за сердце:

— У меня нет...

— Родные помогут. Они ведь тоже замешены?

— А если откажут?

— Без суда и следствия отправишься в тюрьму.

Фаня привалилась плечом к мужу и еле устояла на ногах.

— Без суда? — прошептала Малика.

— Проводи их, — приказал Адэр Даену, и, когда за супругами и стражем закрылась дверь, повернулся к Малике. — Что ты сказала?

— Он имеет право на защиту.

— Кто так решил?

— Наказание назначает суд.

Адэр схватил ее за локоть и притянул к себе. Его глаза полыхнули безудержным гневом.

— Я — закон, я — суд. Мне продолжать?

Малика вырвалась, отскочила к окну:

— Вы Всевышний?

— На этой земле — да!

— Всевышнему потребовалось семь дней, чтобы сотворить мир. Вам же хватит минуты, чтобы его разрушить.

Подлетев к Малике, Адэр вскинул руку. Она сжалась в ожидании удара. А он указал в окно:

— Ты это называешь миром?

— Они другого не знают!

— Здесь жалость неуместна.

— А справедливость?

— Ты часто с ней сталкивалась?

— Нет. Но хотелось бы.

— Жалость и справедливость не уживаются рядом. Начальник похитил деньги, устроив на работу мертвые души. Разве несправедливо вернуть в казну наворованное?

— В казну? Если уж быть справедливым до конца, то он похитил деньги не из казны, а у рабочих.

Скрипнула дверь.

— Еле до поворота довел, — проговорил Даен, топчась возле порога. — Врача в селении нет. Надеюсь, сам оклемается.

— Жалко его? — спросил Адэр.

— Человек ведь.

— А те, кто живет на рабочей улице, не люди?

Даен отвел взгляд.

— Сколько в селении стражей?

— Я один.

— С ума сойти... — пробормотал Адэр, кивком позвал Малику и вышел на крыльцо.

Посещение следующих трех приисков не принесло успокоения. Адэр и Малика двигались, словно марионетки, руководимые неведомой рукой. Подъезжали к дому

начальника. Не останавливаясь, мчались на прииск. Малика сидела на проходной, Адэр ненадолго уходил. Возвращался мрачнее тучи. Затем ехали в контору — все они находились в нескольких милях от прииска. С причитающим начальником летели в охранительный участок. Ночь проводили в тревожном забытьи на узких кроватях постоянного двора. И вновь шли навстречу серому дню, точной копии предыдущих дней.

***

Ветер безмолвствовал, и над разморенной духотой пустошью стоял убаюкивающий стрекот кузнечиков. Малика дремала, отвернувшись к окну. Уныло глядя на бегущую перед машиной колею, Адэр мысленно готовился к тяжелой и совсем не нужной ему встрече. При виде сытых рож и тучных тел, спрятанных под дорогими костюмами, в нем просыпалась злость. Не потому, что кто-то накопил жир и сколотил состояние на обмане трудяг — было невыносимо трудно сохранять спокойствие на похоронах своей надежды.

Конечно, можно стереть из памяти худые, облепленные грязью лица рабочих, их затравленные взгляды, изможденные тела, и пересмотреть долю приисков. Этого никто не заметит — на рабочей улице все так же будет вонять выпитым кислым вином. Но тогда чем он, правитель страны, отличается от начальника-вора? И Адэр взирал на припорошенные песком две канавки, понимая, что четыре дня назад, покинув замок, пошел не той дорогой.

Из раздумий заставил вынырнуть нарастающий стрекот кузнечиков, словно прыгающие крылатые твари всем скопищем несутся навстречу. Вдали из-за нагромождения валунов появилось густое сизое облако. Оно быстро приближалось, увеличиваясь в размерах, будто ветер катил по земле клуб спутанных сухих веток, неустанно наматывая на него пожухлую траву и поднимая темно-серую пыль. Только ветра нет, и пыль в пустоши желтая. Раздался отрывистый хлопающий звук, облако потемнело.

Малика проснулась, закрутила головой, с вопросом посмотрела на Адэра. Он остановил машину, закрыл окно. Сквозь свинцовую пелену вырисовывались размытые очертания человека, не размашисто шагающего, не бегущего... Обман зрения? Адэр до рези в глазах всматривался в дымчатую завесу. Не обман — человек ехал на мопеде!

Мужик — в картузе, надетом задом наперед, и в больших, почти во все лицо очках с выпуклыми стеклами — на секунду притормозил возле автомобиля и что-то крикнул. Крутанул ручку и был таков.

Адэр проводил взором облако, плюющее дымом:

— Что он сказал?

— Пригласил в гости, — не слишком уверенно ответила Малика.

Адэр разложил карту, взглянул на компас. Ошибки нет, они едут по самому бедному району страны, который так и называется — Бездольный Узел. Тот, кто придумал название, обладал хорошим чувством юмора или был, по крайней мере, наблюдательным — если все шесть селений, безлико обозначенных цифрами, соединить одной линией, получится петля. И раз они не сбились с дороги, где нищий селянин взял мопед?

Адэр бросил карту через плечо, схватился за руль и со вспыхнувшим интересом погнал машину к горизонту.

***

На высокое крыльцо охранительного участка вышел командир стражей порядка: ростом под верхний брус дверного косяка; в плечах косая сажень; шея крепкая, жилистая, как дубовый сук. Одернув темно-зеленую рубаху так, что на мощной груди затрещала ткань, страж упер кулачищи в бока, из-под густых черных бровей окинул ястребиным взглядом улицу.

Над крышами — соломенными и дощатыми, покрытыми серым сланцем и серебристым железом — только-только показалось солнце, хотя сейчас далеко не раннее утро. Пока светило после глубокого ночного сна вскарабкивается лучами по горному кряжу и добирается до селения, спрятанного в низинке, проходит несколько часов.

На некоторых крышах поблескивают плоские плиты, от них в разные стороны тянется тонкая паутинка проводов — хозяева делятся с соседями светом. Конечно, при таком раскладе лампочки горят не в полный накал, и поздним вечером нельзя вышивать или писать письма, или выполнять любую другую работу, требующую напряжения глаз, зато домочадцы и живущие вблизи селяне вдыхают свежий воздух, а не удушливый дым сальных плашек или керосиновых ламп.

С высоты крыльца охранительного участка хорошо просматривались чистые квадраты дворов, посыпанные белым морским песком и обнесенные низкими каменными оградами — где-то камни лежали глухими ровными рядами, словно соты, а у кого-то заборчик с просветами походил на ажурное вязаное полотно.

Кое-где перед домами буйствовали яркими красками цветники. Здесь живут истые хозяева, раз не поленились дошагать до моря, собрать выброшенные на берег водоросли и удобрить скудную почву. У таких и огороды, как у климов, с густой сочной зеленью, что даже клочка земли не видно. Но о климах селяне не любят вспоминать — на душе становится тошно.

Страж посмотрел в другую сторону.

Возле хлебной лавки о чем-то оживленно судачили бабы: на худощавых фигурах неброские платья из домотканого полотна; на шеях пестрые платочки; на ногах башмаки с большой пуговицей на тупом носке; в руках плетеные из лозы кошелки, наполненные всякой всячиной, необходимой любой хозяйке. И вряд ли ошеломляющая новость собрала товарок в кружок, скорее бабья слабость — чесать языками при любом удобном случае.

Перед витриной со сладостями молчаливо толкались детишки. Сжимая в ладошках монетки, никак не могли решить — на что потратить свое «состояние». Чей-то пальчик уткнулся в стекло, указывая на большой, ярко украшенный пряничный домик, щедро политый медом и покрытый глазурью, и детвора загомонила, будто стайка взбудораженных воробьев.

Около калитки постоялого двора комнатная девка лениво трясла половичок, сшитый из пестрых обрезков ткани. Из окна гаркнул хозяин, и девка, перебросив коврик через плечо, поплелась на задворки.

Из трактира вывалился мужик и тотчас шмыгнул назад — неужто успел раскосыми глазенками заметить стража? Наверное, вытирает сейчас пот со лба и радуется, что

пронесло, или клянет того, кто придумал открыть питейный дом в самом неудачном месте.

С заднего двора банка выехали две машины с тезарскими флажками на капоте. Первую в округе прозвали «сундуком»: прямоугольная, как ящик; спереди узкая полоска стекла; сзади дверца; по бокам скобы; в середине драгоценные камни, которые прииск сдал в банк. Вторая — с большими темными окнами для хорошего обзора изнутри. В ней охрана, сколько человек и как они выглядят — никто не знал, даже командир стражей.

Еще не успели банковские машины скрыться за поворотом, как с другой стороны улицы донесся рев двигателя.

***

Адэр вел автомобиль по непривычно широкой улице, глядя то на баб и детишек, сгрудившихся перед магазинчиками, то на могучего стража, стоявшего на крыльце охранительного участка, то на мужика возле общественной бани, который, увидев машину, быстро принял важный вид. За окном проплыли трактир, постоянный двор и неизменно белое здание банка с синей вывеской на стене и объявлением на двери «Только для прииска». Остановиться бы да спросить, где живет начальник, но чересчур людно — лишний шум пока ни к чему.

Вдоль дороги теснились опрятные дома с узорчатыми оградами из камня. Девочки в ярких платьях прыгали на скакалках и громко выкрикивали считалки. Мальчишки в клетчатых штанах и в рубашках, расстегнутых до пупка, гоняли на велосипедах, раскручивая трещотки, от которых звенело в ушах. Помчались за машиной. Когда Адэр свернул на другую улицу, шумная детвора наконец-то отстала.

Адэр притормозил перед сидящим на лавочке стариком:

— Как называется ваше селение?

Селянин поднялся, снял выгоревшую на солнце кепку и с гордостью произнес, как гимн пропел:

— Прииск «Рисковый». — Улыбнувшись, добавил: — Заходите в гости.

— Благодарю. В следующий раз непременно зайдем, — ответил Адэр. — Как проехать к дому начальника прииска?

Селянин принялся водить протянутой плашмя ладонью из стороны в сторону, будто елозил тряпкой по столу:

— Поворот сюда, потом туда. Раз-два. Третий поворот сюда, а там и дом. Увидите резной конек на крыше — значит, не ошиблись.

Вскоре Адэр вел машину по нужной улице, выискивая конька. Хорошо, если он будет большой и сразу бросится в глаза. Нет, все-таки маленький — старик сказал бы «конь», а не «конек».

Достигнув конца улицы, Адэр развернул автомобиль и поехал еще медленнее, барабанил пальцами по рулю. Терпение иссякало.

— Заходите в гости, — раздался женский голос.

Адэр ответил селянке: «Непременно», — и поинтересовался, где дом начальника прииска.

— Вы его проехали. — Селянка вскинула руку, указывая назад. — Видите крышу с резным коньком?

Должно быть, этот злополучный конь совсем крошечный, раз он его не заметил.

— Я плохо вижу, — четко выговаривая каждое слово, промолвил Адэр. — Просто

скажите, какой по счету дом.

— Четвертый, — пробормотала селянка и торопливо пошла вдоль забора.

Никаких коней на доме не было, зато к верхнему углу крыши была прибита тонкая доска — полукруглая, как раскрытый веер, с вырезанными насквозь завитушками. Это он?..

Адэр пробежался взором по низкой изгороди из прутьев, по старым каменным стенам в трещинках и расколах, по ситцевым занавескам в сборочку и глиняным горшкам с цветами. Сбоку дома под навесом из парусины стоял выдавший виды мотоцикл.

Между дощечками калитки протиснулась маленькая собачка — ушки надломленным зонтиком, хвостик торчком — и мягко так: «Тяв».

Из окна выглянула женщина. Отодвинув цветок с разлапистыми листьями, спросила:

— Вы к Анатану?

Адэр смотрел в простоватое, в оспинках лицо, силясь вспомнить, от чьего имени приходили отчеты, а хозяйка, приподняв белесые брови, добродушно улыбалась. Ну, если веер с узорами — конек...

— К нему, — ответил Адэр и заглушил двигатель.

— Он на прииске.

— Папа на работе, — прозвучал детский голосочек.

Над изгородью показалась голова девчушки с тонкими, как карандаши, косичками.

— Аля! — окликнула ее мать.

Девочка уселась на крыльцо, уперлась кулаком в щеку.

— Заходите в гости, — пригласила хозяйка.

Девчушка взяла со ступени трещотку, крутанула.

— Аля! — Мать постучала пальцем по подоконнику. — Не видишь, мы разговариваем?

— Где контора вашего мужа? — поинтересовался Адэр.

— Где ж ей быть? На прииске. А зачем вам?

— Хотим посмотреть.

— Анатан ждет вас? — с тревогой в голосе произнесла хозяйка. — Подождите, я сейчас. — И скрылась за занавеской.

Над изгородью вновь появилась голова девчушки с круглыми от притворного страха глазками.

— Там чудища! — Аля подняла над прутьями трещотку. — Возьми.

Адэр щелкнул зубами, чем вызвал у девочки радостный визг, и завел машину.

На крыльцо выскочила хозяйка:

— Пойдите! — Припустила к калитке. — Подождите!

Адэр вдавил педаль газа в пол. Посмотрел в зеркало заднего вида. Жена начальника со всех ног бежала за ними по улице, размахивая руками. Все повторялось, разве что распорядитель прииска додумался не выставлять напоказ свои доходы, а значит, придется потрудиться, чтобы уличить его в воровстве.

***

Всё вокруг казалось враждебным и лживым. Не желая разговаривать с криводушными селянами, Адэр разузнал у детворы, в какой стороне находится прииск. Из множества тропинок, уводящих от поселка в нужном направлении, выбрал самую протоптанную. Вполне возможно, что именно по ней сотни рабочих добираются до месторождения рубинов — одних из наиболее дорогостоящих драгоценных камней.

Адэр неторопливо объезжал валуны и ямы, кусты с колючками и засохшие деревья, стараясь не потерять из виду дорожку, бегущую через непривычно желтую с бронзовым отливом пустошь. Вдали виднелись туманные очертания холмов.

В песке появились странные серые нити — точно седые волосы в золотистой шевелюре. С каждой минутой нити делались шире, длиннее. И вскоре по пустоши потянулись дымчатые полосы-пряди.

Адэр затормозил. Открыв дверцу, набрал полную пригоршню седой пыли. Пепел... Отряхнул руку. На коже осталась скользкая, маслянистая пленка.

— Как думаете, о каких чудящах говорила девочка? — прозвучал взволнованный голос.

Вытирая ладонь тряпкой, Адэр покосился на Малику и промолчал. С недавних пор от ее черного взгляда нет-нет да и пробежит мороз по коже. Или он это придумал? Истосковался по нежному взору Галисии, по гибким рукам, тонкой талии и горячему дыханию на своих губах? Возможно. В Тезаре редкая ночь проходила в холодной постели. И чаще всего в ней была его хрупкая и кроткая Галисия Каналь...

Меньше чем через час Адэр заглушил двигатель примерно в сорока шагах от сторожки — к ней вела слишком узкая для проезда тропа, по бокам которой то там то тут темнели участки земли, покрытые пеплом. Дощатое строение с одним оконцем стояло на деревянных сваях. Высокие ступени взбегали к прочной двери. Ветерок перебирал на крыше темно-золотую солому. Чуть дальше — за домиком — возвышались кучи песка и камня.

Из сторожки вышел старик и, поигрывая трещоткой, направился к автомобилю. Местный дурачок? Хорош же начальник, если доверил охранять государственное добро больному человеку.

Адэр достал из бардачка блокнот, открыл дверцу.

— Что это с ним? — обеспокоенно произнесла Малика.

Старик опрометью неся к машине, лихорадочно дергая шнур с деревянными пластинками. Над пустошью летел сухой звонкий треск.

От вида сумасшедшего сторожа сердце ёкнуло и забилось где-то под коленками. Адэр захлопнул дверцу.

— Какого черта вам надо? — крикнул старик, прильнув к окну морщинистым лбом. Дурацкая детская игрушка в его руках не переставала трещать. — А ну вон отсюда!

Адэр сжался как пружина. Стиснув зубы так, что сам увидел на скулах собственные желваки, припечатал к стеклу предписание о проверке прииска.

— А ты мне бумажку не тычь, — не унимался старик. — Проваливайте! Живо!

Еще пытаясь совладать с рвущейся наружу яростью, Адэр толкнул дверцу, но сторож, видимо, подпер ее коленом.

— Проваливай и баста! Не то собак спущу.

— Он не шутит, — прошептала Малика. — Давайте уедем.

Пружина внутри Адэра резко распрямилась, даже показалось, что в ушах взвизгнула сталь витков. Он опустил стекло, схватил сторожа за ворот рубахи. Сделав молниеносный оборот кистью, намотал ткань на кулак и по плечи втянул горлодера в салон. Обветренное, с дряблой кожей лицо покраснело как переспевший арбуз, рот искривился ржавым гвоздем, глаза вылезли из впадин и стали похожи на глаза бульдога. Странное дело, но трещотка продолжала звонко трещать. И совсем уже странно: Адэр четко ощущал, как ему в спину бьется волной страх Малики.

Он ослабил хват и процедил сквозь зубы:

— Мне нужен начальник.

— Так бы сразу сказал, — прохрипел сторож. — Я провожу вас.

Адэр оттолкнул старика от машины:

— И выбрось эту идиотскую игрушку.

— Нельзя. Ады проснутся.

— Это кто?

— Собаки.

Пока, хлопая ладонью себя по груди, старик прокашливался, Адэр смотрел по сторонам, пытаясь не встречаться с Маликой взглядом.

— Я не горжусь собой, — неожиданно для себя промолвил он. — Но иного способа взять себя в руки я не нашел. — Открыл дверцу. — Можешь остаться.

Он шел, глядя Малике в спину, и усмехался. Как, должно быть, нелепо смотрится их маленькая компания, шагающая по извилистой дорожке между большими пятнами пепла, расплескавшимися точно грязные лужи. Впереди полоумный дед раскручивает трещотку, за ним идет Малика. Вертит головой туда-сюда, высматривая обещанных собак. И он — в рубашке, пожелтевшей от стирки дешевым мылом, в сморщенных, не первой свежести штанах, и в припыленных сапогах, по которым стоит пройти щеткой, и в носках отразятся плывущие по небу облака.

Поднявшись по ступеням, старик толкнул плечом дверь сторожки, пропустил Адэра и Малику, сам вошел следом. Домик изнутри походил на палату в лечебнице для умалишенных: пол и стены были обиты толстым войлоком.

— Так вы, значит, ничего не знаете, — сказал сторож, и, не дожидаясь ни вопроса, ни ответа на свои слова, бросил трещотку на укрытый дерюжкой топчан. Смахнул рукавом паутину с оконной рамы. — Смотрите. — И когда Малика и Адэр уставились в окно, легонько хлопнул дверью.

Пятна пепла перед домиком взбугрились, встрепенулись, подняв в воздух серые хлопья. Миг, и хлопья вновь укрыли землю дымчатым слоем, открыв взору тонкокостные, обтянутые свинцовой кожей скелеты собак, замерших в стойке для нападения.

Адэр и Малика отпрянули от окна.

— А! Красавцы! Прямо из ада встали, — с искренним восхищением произнес старик и постучал в стекло.

Собаки повернули морды к дому: литой, без отверстий нос, плотно прижатые к черепу уши-монетки, затянутые беловатой мутной пленкой глаза.

Адэр вновь прильнул к окну:

— Слепые.

— И глухие, и запахов не слышат. Зато чувствуют содрогание воздуха и земли, — сказал старик и через секунду тихо добавил: — Я так думаю.

— Откуда они? — спросила Малика.

— А кто ж их знает? Пытались прикормить, приручить, значит. И хлеб приносили и мясо — не едят, а птиц на лету хватают, и зайцев хватают, и мышей, и диких собак. Кровь им нужна. Живая кровь. А трещотки боятся. А теперь вашей машины боятся, значит, — говорил важно, с расстановкой старик. — А вам повезло, не загрузили в их норах. А могло не повезти.

— Норы глубокие? — спросил Адэр.

— Где по колено, а где батогом дна не достать. И спят они там, пока содрогание их не разбудит.

— Получается, к прииску никто незамеченным не пройдет, — произнес Адэр.

— Получается так, — согласился старик. — Трещотку за версту слышно. Слышите?

В сторожку сквозь войлок действительно пробивался звонкий треск. Вскоре мимо брошенной машины проехал на велосипеде человек, одной рукой держа руль, другой раскручивая шнур с пластинками. Ады повернули головы в его сторону, припали к пеплу и словно растеклись.

— Надо же, успел! — обрадовался курносый паренек, войдя в дом. — Тетя Тася отправила за вами вдогонку, предупредить о собаках.

— Пошли искать начальника, — нетерпеливо сказал Адэр.

Они шли по дорожке мимо нагромождений из камня и куч песка и глины. Норы адов исчезли. Старик надел на шею шнурок с дощечками и, шагая впереди, по-хозяйски размахивал руками:

— Там месторождение приказало долго жить. А там порода, что алмаз, ничем не пробьешь. А вон... — Указал на два небольших здания, виднеющихся между отвалами пустой породы. — ...Контора и приемный дом. Рубины принимают, значит. Мы сперва на объект заглянем, Анатан в конторе редко сидит. А оттуда... — Старик махнул рукой в сторону высокой деревянной вышки с шатровой крышей. — ...Прииск как на ладони.

Выйдя из-за очередной груды остроугольных камней, они остановились на краю глубокого котлована. Вероятно, именно так выглядит муравейник изнутри. Внизу, по колению в воде копошились рабочие: одни орудовали лопатами, другие раскачивали огромные сита. Облепив противоположный склон, люди отламывали твердую породу кирками и мотыгами. Над обрывом стояли несколько человек. Вцепившись в веревки, вытягивали из ямы ведра, наполненные глиной.

— Анатан! К тебе, — крикнул старик, сложив руки в рупор.

На дне котлована от толпы рабочих отделился невысокий худощавый человек в резиновых сапогах до середины бедра и устремился вверх по дорожке, похожей на сброшенный вниз серпантин.

Через несколько минут загорелый, средних лет мужчина — с веселым искристым взглядом и выгоревшими на солнце короткими волосами — поклонился Малике. Вытер руку о рубаху, протянул Адэру:

— Анатан Гравель.

Стиснув крепкую ладонь, Адэр почувствовал шершавые мозоли.

Немного позже, сидя на деревянных стульях в кабинете начальника и держа запотевшие стаканы с холодной водой, Адэр и Малика наблюдали, как Анатан достает из старенького сейфа стопки документов и раскладывает на столе.

— Это карточки рабочих. Это расчетные ведомости, — объяснял он, похлопывая рукой по пачкам. — Здесь копии моих отчетов. А это сводные таблицы по добыче камней за последние пять лет.

Пролистывая бумаги, Адэр почти не вникал в цифры. Он слушал мелодичный тягучий голос, смотрел в открытое простодушное лицо Анатана и понимал, что прииском заправляет настоящий хозяин.

— Копаем до подземных вод, промываем каждую песчинку, копаем дальше. Вот и вся наша работа, — говорил Анатан, подталкивая к Адэру очередную пачку. — Мне бы машины, как в Партикураме. Есть такие — с черпаком, вокруг колес гусеницы, и едут они везде, что по грязи, что по камням.

— Откуда знаешь? — спросил Адэр.

— Ребята с заработков вернулись. От них и знаю.

— Почему вернулись?

— Говорят, дома лучше. Здесь хоть и кроют крепким словцом, зато на родном языке. А еще мне бы машину рабочих возить.

Адэр усмехнулся:

— Где топливо возьмешь?

— А вы где берете?

— Из Ларжетая привозят.

— Из столицы, значит. А в Ларжетай откуда привозят?

— Из Тезара.

Анатан присел на край стола:

— А мы ведь в Ларжетай по топливо не ездим, и в Тезар не ездим. Я как-то разведку проводил, колодцы копал. Вытягиваю из одного колодца ведро, а вода горючим пахнет.

Адэр насторожился:

— Горючим, говоришь?

— Ну да. Раз написал наместнику, два. Молчок! Ну, тут умельцы нашлись, из этой воды топливо гонят. Правда, это топливо доброго слова не стоит. Мопеды трещат, дымом плюются. Но едут!

— Далеко колодец?

— А я вам на карте покажу, — сказал Анатан и достал из сейфа потертую временем карту.

За разговорами незаметно пролетел день, за окном потянулась вереница рабочих.

— Дневная смена? — спросила Малика.

— Мы ночью не работаем, — ответил Анатан. — Вокруг ады. В потемках в нору нырнешь — никакая трещотка не поможет. И в темноте много не намоешь.

— У тебя рабочих гораздо больше, чем на других приисках, — промолвил Адэр, взглянув в блокнот. — А объем добычи скачет.

— На моем объекте самый тяжелый труд. Попробуй-ка, вгрызись в глину и камни, дойди до месторождения, и все вручную. Представляете, сколько рук надо? Да вы сами все видели. А насчет добычи... Пока роем — пусто, начинаем мыть — густо, мороз ударил — взрываем, оттаяло — вновь начинаем рыть.

— Как насчет воровства? — спросил Адэр.

Анатан посмотрел с удивлением:

— Какого воровства?

— При обыске рабочих камни находили?

— Что вы такое говорите? Мы никого не обыскиваем.

Адэр покачал головой:

— Значит, воруют, а ты потворствуешь.

— Бог с вами! Куда им с камнями бежать? Разве что в Ларжетай, и продать их за бесценок. Во-первых, это опасно — нашего брата в столице не сильно празднуют. Во-вторых, дорога туда и обратно дороже обойдется. И без разрешения командира стражей из селения никто не выходит. А командир у нас, знаете, какой? Кулачище что мои два кулака. Если даст кому понюхать, мало не покажется. — Анатан посмотрел в окно. — Уходить надо. Скоро стемнеет. — И принялся складывать документы в сейф.

Адэр и Малика вышли на крыльцо конторы. Серые сумерки уже окутали сизым пологом горы на горизонте. Груды камней и кучи глины теперь казались черными. Остывший воздух потяжелел от влаги, и четко чувствовался запах мокрых деревянных ступеней. На вышке, вонзившейся острой крышей, словно копьем, в низкое небо, засветился огонек. Адэр поежился — не хотел бы он остаться в таком месте один на один с темнотой.

За спиной скрипнула дверь, в замке проскрежетал ключ, тихонько звякнула трещотка.

— Хочу пригласить вас в гости, — сказал Анатан, спустившись с крыльца. — Постоялый двор у нас так себе, и кормят там неважно.

— Не поздновато для гостей? — поинтересовался Адэр.

— Мы рады любому гостю, — ответил Анатан и надел на запястье шнур с деревянными пластинками.

***

На пороге дома их встретила Тася, жена Анатана. Радушно улыбаясь, пригласила в дом.

— Я хотела вас предупредить. А вы? Фьють! — проговорила она, заведя гостей в просторную комнату.

— Ваша дочка предупредила, — произнес Адэр и оглянулся. Анатан подошел к дому вместе с ними и словно испарился.

— Аля? — Тася усмехнулась. — Все-то она знает. — Кивком указала на один из трех дверных проемов, завешенных ситцевыми занавесками. — Спит егоза. А сын огород поливает.

Присев на скамью сбоку двери, Малика принялась развязывать шнурки на серых стоптанных башмаках. Адэр растерялся. Снять сапоги — но он никогда не ходил по полу босиком. Остаться обутом — но хозяйка прошлепала стопами по свежеекрашенным половицам к старинному громоздкому комоду.

— Да вы скидывайте сапоги. Чай надоели за целый день, — промолвила Тася и выдвинула ящик.

Адэр примостился рядом с Маликой — она быстро спрятала ноги под лавку — и окинул комнату взглядом. Напротив, в простенке между окнами, большое трюмо, в щель между зеркалом и рамой уголком вставлена пожелтевшая фотография. Крышка трюмо усеяна безделушками — фаянсовая шкатулка с отколотой глазурью, фарфоровые слоники, шарики из разноцветного стекла. В углу комнаты креслице и низкий столик, на нем корзинка с клубками ниток и воткнутыми в них спицами. В другом углу горка, на полочках глиняная посуда. Посреди комнаты — круглый стол, накрытый вязаной скатертью.

Держа перед собой просторную рубаху, Тася повернулась к Адэру:

— Купила отцу на день рождения. Он всю жизнь на кузне работал. Сейчас немножко стух, в смысле, поуже стал. Должна вам подойти. — Понюхала ткань. — Новенькая. Настоящим льном пахнет. — Зубами оторвала этикетку. — Чего ж вы не разулись? Я вам калоши дам. В калошах сподручнее.

Адэр притронулся к подбородку — показалось, что отвисшая челюсть коснулась груди. Уловив в зеркале собственный жест, посмотрел на свое отражение: лицо — вытянутое, серое, как платье Малики, глаза — две большие синие пуговицы.

Тася заметила его замешательство:

— Если сапоги широкие, можете не снимать.

Адэр встал:

— Выйду на воздух, Анатана подожду.

— Анатан парную проветривает, угар выгоняет, — сказала Тася и вытащила из комода льняные штаны. — Идемте, покажу, где банька.

Адэр тяжело перенес последние дни. От воспоминаний о постоянных дворах, плесневелых ваннах, узких жестких кроватях и пропахших сыростью постелей бросало в дрожь. От слова «банька» по спине побежали такие же мерзкие мурашки.

Спотыкаясь в потемках о невидимые растения, Адэр шел за Тасей по огороду. Безлунное, затянутое черной пеленой небо сливалось с крышами домов. Издалека доносился сиротливый лай собаки. Где-то ухнула ночная птица. Вдруг захотелось сбежать. Тихо повернуть назад, незаметно выбраться на улицу, сесть в машину и унести куда угодно, лишь бы подальше от смехотворной и унижительной роли рядового инспектора. Но что-то заставляло передвигать ноги и, стиснув зубы, вглядываться в виднеющиеся впереди смутные очертания низенького строения, которое казалось зловещим.

Тася уперлась ладонями в двери. Раздался насадный скрип, и в крошечный мрак вырвался сноп света.

— Анатан! Встречай, — крикнула Тася, вложила Адэру в руки штаны с рубахой и, пошагав обратно, растворилась в темноте.

Адэр вошел в тесный предбанник, освещенный керосиновой лампой, закрыл за собой дверь. Воздух мгновенно стал осязаемо плотным. Заложило уши.

В противоположной стене открылась дверца, выпустив облако пара. На пороге появился Анатан в исподних штанах.

— Давай-давай. Раздевайся, — протараторил он и скрылся в водянистом тумане.

Адэр сел между стоявшими на скамье ушатами с водой. Рядом на табурете — махровые полотенца. На крючках, вбитых в стену — рабочие вещи Анатана и чистая льняная одежда, на полу — высокие резиновые сапоги, облепленные глиной, и блестящие калоши.

— Яр! Чего так долго? — раздался голос из-за дверцы.

Адэр разделся, обмотал вокруг пояса грубое на ощупь полотенце и вошел в парную. Опустившись на прогретую деревянную полку и глубоко вдохнув горячий воздух с примесью какого-то запаха — то ли травы, то ли цветов, — неожиданно для себя улыбнулся.

— Хорошо? — спросил Анатан, усевшись рядом.

— Хорошо, — протянул Адэр, осматриваясь.

В углу тускло горел фонарь, освещая бревенчатые стены, маленькое запотевшее оконце с форточкой, деревянную бочку с водой, низкую каменную печку, в черном зеве которой алели угли.

Адэр поймал на себе напряженный взгляд:

— Что-то не так?

Качнувшись вперед, Анатан поднялся:

— Залезай повыше, я жару поддам. — И набрал в ковш воды.

Адэр растянулся на верхней полке, со смешанными чувствами закрыл глаза. Тело нежилась в тепле, чистоте и свежести, а разум противился — уж лучше затыкать нос в постоялом дворе, чем ходить нагишом перед плебеем.

— Готов? — произнес Анатан.

Адэр повернулся к нему лицом, но не успел спросить, к чему надо приготовиться. Анатан выплеснул воду из ковша на горку камней, лежавших на печи.

Казалось, что уши свернулись в трубочку. В лицо впились сотни раскаленных игл.

Обжигающий воздух застрял в горле. После второго ковша Адэра сдуло с полки на дощатый пол. Анатан расхохотался.

Они выскочили в предбанник. Обливались из ушатов то ледяной, то горячей водой. Забежали обратно в парную и, усевшись рядом, рассмеялись. Над чем смеялся Анатан — одному Богу известно. Адэр представлял глаза отца, узнай он, где сейчас его сын. Из груди рвался смех, а хотелось выть — как же низко пал будущий владыка полмира.

Адэр облокотился на колени, опустил голову. Это всего лишь спектакль. Скоро представление закончится, он пойдет за кулисы, скинет ненавистную маску и вычеркнет из памяти дни позора.

— Тебе плохо? — спросил Анатан.

— С чего вдруг? — произнес Адэр и забрался на верхнюю полку.

Ни шипение камней на печке, ни обжигающий пар, ни раскаленный воздух, опаляющий горло, уже не смогли согнать его на пол. Тело разомлело и словно растеклось как растопленный воск, по доскам.

Анатан похлопал Адэра по плечу:

— Хватит. В бане главное — не переусердствовать.

Адэр надел льняные штаны и рубаху, с огромным трудом всунул распаренные ноги в сапоги. Увидев, как Анатан запросто обул калоши, понял, что имела в виду Тася, говоря об удобстве резиновых башмаков.

Выйдя из бани, с невыразимым удовольствием потянулся и, запрокинув голову, замер. Грозди звезд искрились так близко, что чудилось — протяни руку и сможешь сорвать их, сжать в кулаке, и между пальцами заструится сверкающий сок.

— Красиво, — раздался мелодичный голос.

— Красиво, — эхом повторил Адэр, глядя в небо.

— Посмотришь на это, и хочется жить, — сказал Анатан и побрел к дому, в котором, словно маяк, одиноко светилось окно.

***

На тарелках паровал картофель, политый маслом и посыпанный кружевами петрушки, переливалась золотистая капуста, украшенная стрелами зеленого лука, горкой возвышались кусочки черного хлеба.

Из-за ситцевой занавески появилась Малика. Шмыгнула серой мышкой через комнату, тихонько скрипнула дверь.

Анатан достал из шкатулки несколько монет:

— Пол! Поди сюда!

Из кухни выбежал парнишка пятнадцати лет, одетый в майку и клетчатые штаны. Он поразительно походил на Анатана — такое же открытое лицо, светлый взгляд и искренняя улыбка, короткие, выгоревшие на солнце волосы и загорелое, не по возрасту жилистое тело. Бросив Адэру «Здрасте», Пол застыл возле отца.

Анатан протянул ему деньги:

— Сбегай в питейный дом.

Адэра передернуло от воспоминаний о запахе выпитого вина.

— У меня есть отличное вино. Сейчас принесу.

Выскочив на улицу, он долго мерил двор шагами. Ему уже приходилось обедать за одним столом с Маликой, теперь предстоит пережить еще большее унижение — распивать вино с простолюдинами. Ко всему прочему на столе нет ножей, только вилки. И четыре тарелки вместо двенадцати.

Вернувшись в дом, Адэр дал Анатану бутылку и кольцо копченой колбасы. Опустился на скамью возле двери. Немного подумав, скинул сапоги и с ранее неизведанным удовольствием вытянул ноги на домотканый коврик. Странно, впервые в жизни его чувства были столь противоречивыми, а мысли путанными.

Из смежной комнаты вышла Тася, держа на руках дочку:

— Проснулась егоза. Не помешает, если посидит в углу?

Адэр пожал плечами — разве от его желаний что-то зависит? Былая бодрость сменилась непомерной усталостью. Вот бы завалиться прямо на скамью и забыться беспробудным сном.

Хозяева принесли из соседней комнаты стулья. Поглядывая на Адэра и тихо перешептываясь, расставили их вокруг стола.

— Прошу откусать, — сказал Анатан.

Слава Богу, догадались, что он уже не в силах ждать.

Услышав скрип двери, Адэр обернулся. Цветастый халат хозяйки пришелся Малике не по размеру, и, подвязанный поясом, превратился в довольно фривольный наряд: глубокий вырез, сползающие с плеч рукава, широкая, колом стоявшая юбка. Влажные волосы, собранные на затылке, при свете лампы отливали синевой. Малика с явным смущением села за стол и потупила взгляд.

Вознеся благодарение Всевышнему за хлеб и воду, Анатан принялся раскупоривать бутылку:

— Я, вообще-то, не пью. Только по большим праздникам. Но сегодня настоящий

праздник — гости в доме.

В щелке между занавесками мелькнуло лицо Пола.

— Почему дети не садятся за стол? — спросила Малика.

— Малы еще трапезничать с гостями, — вытаскивая пробку, произнес Анатан. — На кухне поедят.

Пока он наливал в глиняные кружки вино, Адэр рассматривал Алю, сидевшую в кресле. Сколько ей? По виду такого же возраста, как его меньшая племянница. Только у той в косах атласные ленты, а не веревочки, и кукол целая комната, а у этой тряпка, в нескольких местах обмотанная шнуром — там, где шея, пояс и стопы. Платице чистое, с кармашками, но какое-то взрослое — словно сняли со старухи, уменьшили в размере и надели на ребенка. И этот взгляд... Девчушка, прижимая куклу к груди и вытянув шею, смотрела на заставленный тарелками стол.

— Можно я поговорю с вашей дочкой? — спросил Адэр.

— Чего ж нельзя? — ответила Тася. — Аля! Подойди! С тобой господин хочет поговорить.

Аля подбежала к Адэру, вытянувшись по стойке «смирно».

— Здравствуй, Аля!

Девчушка кивнула.

— Кушать хочешь?

Аля посмотрела на мать.

— Она недавно ела.

Вмиг худенькие плечи поникли. Качнув косичками-карандашами, к груди склонилась голова. Аля поплелась обратно к креслу.

С отвратительным чувством, будто лично шлепнул по детской руке, тянувшейся к тарелке, Адэр откинулся на спинку стула. Он никогда не видел таких восторженных глаз, устремленных на еду.

Анатан поднял кружку:

— Гостям первый тост.

— Вы сказали, что сегодня праздник, — проговорил Адэр.

— Так и есть.

— Какой же праздник без детей?

Хозяева переглянулись.

— Пол! — крикнул Анатан. — Тащи стул и тарелку.

Тася усадила дочку к себе на колени.

Потягивая вино, Адэр наблюдал за детьми. Он не подозревал, что с таким аппетитом можно есть обычную колбасу с черным хлебом. В памяти еще были свежи воспоминания, как с десяток нянек лезли из кожи вон, уговаривая его племянниц испробовать то или иное изысканное блюдо.

— Настоящее лакомство, — смущенно промолвила Тася, вытирая мордашку Али полотенцем. — С колбасой у нас беда. Мясо подорожало. Второй раз за месяц. И стоит целых пять моров. А колбаса и того дороже. Анатан на этой неделе получил три мора. Тут уж не до лакомств. И с мукой начались перебои. И с молоком. Если картошка с капустой не уродит, вообще будет горе.

— Давно перебои? — спросила Малика.

— А как пришел новый наместник, так и начались.

— Правитель.

— Ну да... правитель, — проговорила Тася. — Сейчас еще ничего, держимся. Даже на зиму денежку откладываем. Зимой-то Анатан ничего не приносит. — Подперла щеку кулаком, направила на Адэра тусклый взор. — Почему ничего не кушаете?

— Я не голоден.

— А вино пьете.

Глядя Тасе в глаза, Адэр сделал глоток. Что сказать ей? Что жалеет о потерянном времени и попусту растроченных силах, и вином тушит злость?

— Вы ведь не здешний, — сказала Тася. — Какой-то вы другой. И смотрите по-другому, и все молчите.

— Чего прицепилась к человеку? — напал на нее Анатан. — Устал человек. Не видишь?

— Я приехал из Тезара.

— Из Тезара? Вон оно как, — промолвила Тася.

— Чему удивляешься? — проговорил Анатан. — Правитель из Тезара, вот и людей своих позвал. Наши-то работать не хотят. В потолок плюют либо перед чужими правителями выслуживаются.

— Не все, — возразила Тася. — Маркиз Ларе в потолок не плюет.

— Маркиз Ларе — доктор, — пояснил Анатан. — Его имение за Горным прииском, на меже Бездольного Узла и Нижнего Дола.

— От нас, правда, далековато, — произнесла Тася, — но кто заболел — сразу к нему. Никому не отказывает. И к нам приезжает. Детишек осматривает, стариков. Говорят, он сам придумывает лекарства.

Адэр вновь поймал на себе пристальный взгляд Анатана:

— Почему ты на меня так смотришь?

Анатан почесал мизинцем затылок:

— Вам никто не говорил, что вы похожи на Великого?

Сколько же потребовалось усилий, чтобы смех прозвучал непринужденно и искренне.

— Я серьезно, — сказал Анатан.

Адэр допил вино:

— Ты видел Великого?

Анатан приблизился к трюмо, вытащил из-за рамы снимок, положил перед Адэром:

— Это привез наш командир стражей. Он семнадцать лет служил в Тезаре.

Адэр взял фотографию. Зал Приемов. Толпа вельмож. На престоле Великий. И он пятнадцатилетний престолонаследник Тезара, преклонив колена, стоит перед отцом. На снимке запечатлен момент перед началом одной из самых важных церемоний в его жизни.

По традиции, принятой родоначальником династии Карро, когда наследнику исполняется пятнадцать лет, правитель клянется передать ему престол в свой последний день. В руки мальчика вкладывают скипетр, символ королевской власти, над головой держат тяжелую корону, усыпанную драгоценными камнями. И наследник приносит ответную клятву принять престол в свой первый день.

От всколыхнувшихся воспоминаний запершило в горле. Адэр подвинул кружку к Анатану:

— Наливай. — Сделав пару глотков, спросил: — Сильно похож?

— Как по мне, так не сильно, — протяжно, словно сомневаясь, ответил Анатан. — Он старый, а вы молодой.

Адэр закрыл фотографию ладонью:

— Что ты знаешь о заброшенных приисках?

— Сейчас карту принесу, — сказал Анатан и вышел из комнаты.

Тася понесла сонно посапывающую Алю в спальню. Пол забегал, убирая со стола посуду.

— Я забыл в бане одежду. Иди, принеси, — прошептал Адэр Малике.

— Я постирала ее и повесила сушиться.

— Хоть в чем-то от тебя польза.

Анатан разложил на столе карту, ткнул в нее пальцем:

— Первый здесь. В десяти милях к северу. Прииск старый, можно сказать — древний, требует коренного переустройства. Там добывали полудрагоценные камни — горный хрусталь и малахит. Начальство посчитало, что его дешевле закрыть, чем перестроить.

— А второй?

Анатан заскользил пальцем по карте:

— Вот здесь, в горах на берегу моря. Я был там, правда, очень давно, но одного раза мне хватило, чтобы отбить охоту лазать по горам. — Его черты лица исказились то ли от страха, то ли от отвращения. — Опасное и жуткое место. Узкие провалы, разрушенные штольни, глубокие пещеры. Еще этот ужасный грохот — рядом находится Ущелье Испытаний. Там мощные водопады. Такой шум не всякий выдержит.

— Что на этом прииске добывали?

— Алмазы. А такие прииски просто так не бросают.

Глядя на карту, Адэр постукивал кулаком по губам. Попытки найти новый источник для пополнения казны потерпели крах. Видимо, придется вернуться к первоначальному замыслу. Тем более что Анатан с рабочими неплохо получает, раз удаётся откладывать деньги.

Адэр допил вино, поводит дном кружки по столу:

— Правитель хочет изменить долю твоего прииска.

Лицо Анатана вспыхнуло.

— Увеличить?

— Уменьшить.

Взор Анатана потух.

— Ему виднее.

— И всё? Ничего больше не скажешь?

— А что тут говорить? Яблоко от яблоньки недалеко падает.

— В смысле?

— Вашего Адэра Карро, как и вашего Могана Великого, волнуют деньги, а не люди.

— Не забывайся!

— Это они, видать, забыли, кто им деньги добывает.

Адэр хлопнул ладонью по столу:

— Довольно!

В просвете между ситцевыми шторками показалось перепуганное лицо Таси.

Упираясь кулаками в карту, Анатан навис над столом:

— Мой дед всю жизнь вкалывал на этом прииске. И что он видел? Как князья, маркизы и прочий сброд набивали карманы камнями. А работяги ютились в лачугах, ели лепешки из крапивы и пили воду из луж. Мой отец пятнадцать лет отвоевывал каждый мор у Тезара, поднимал на ноги селение, работяг превращал в людей. И вот приехал ты — внимательный,

отзывчивый — и вдруг говоришь, что твой правитель хочет отбросить нас на двадцать лет назад? А я с тобой за одним столом сидел. Как же после этого я людям в глаза смотреть буду?

Адэр поднялся:

— Разговор окончен.

— Ты заподозрил в воровстве моих рабочих? Ворует твой Тезар!

— Прикуси язык! — процедил сквозь зубы Адэр и, всем телом почувствовав прожигающий насквозь взор, повернулся к Малике. — Хватит на меня глазеть!

— Сдаешь в банк десять камней, а тебе говорят, что три не ювелирного качества, и в отдельный ящик сгребают, — не унимался Анатан. — Но я-то не дурак. Я сызмальства в камнях разбираюсь.

— Что ты сказал?

— А что слышал. И платят не за вес, чистоту и цвет, а за штуку, будто мы яйца сдаем.

Из комнаты донесся плач Али. Адэр оттянул ворот рубахи, посмотрел на побледневшую Малику, на вжавшегося в кресло сынишку Анатана и тяжелой походкой вышел из дома.

Он сидел на крыльце и заставлял себя вслушиваться в ночную тишину. В голове вихрем носились мысли — болезненные, колкие. Как уличить Анатана во лжи, и как его наказать? Если бы не Малика, первый вопрос даже не возник бы. Но пять дней назад она взывала к справедливости. Хорошо, он будет справедлив.

Вломиться в отделения банка, не имея на руках предписания о проверке и не разбираясь в банковском деле, Адэр не мог себе позволить. Вдобавок ко всему, в отделениях работали чиновники из Тезара — они могли его узнать. И на каком основании требовать отчета от проверенных людей, выдержавших испытание временем и расстоянием? Надо быть идиотом, чтобы усомниться в их честности. А значит, то, что придумал Анатан — его личная беда. Но как же доказать его обман?

Послышались тихие шаги, скрипнула половица. Адэр напрягся — когда внутри царит хаос, наружу лезет злость, и справляться с ней стало всё труднее. До упора открылась дверь. Повисла тишина, в которой особо четко чувствовалось чужое присутствие, и ощущался нерешительный взгляд в спину.

Раздался еле слышный вздох; Анатан сел рядом:

— Прости. Я погорячился.

— Послушай, как тихо, — перебил его Адэр. После долгого молчания проговорил: — Утром мы едем на шестой прииск.

— «Горный»?

— Не знаю, как он называется. Шестой и все. Ты поедешь с нами.

— Как скажете.

— Был там?

— Был. Тамошний начальник — мой друг детства.

Подумав, что всю дорогу придется слушать приторный голос простолюдина и смотреть в притворно искреннее лицо, Адэр спросил:

— Мотоцикл на ходу?

— На ходу. На нашем горячем он еле тянет. Вам придется ехать медленно, чтобы я не отстал.

— У меня в багажнике две канистры топлива. Хорошего топлива. Из Ларжетая.

— Ладно. Только с утра в охранительный участок заскочим. Получу разрешение на

выезд из селения. — Анатан сжал Адэру колена. — Прости меня.

Лежа в мягкой, с запахом полевых трав постели, Адэр смотрел в потолок. И лишь под утро заставил себя закрыть глаза.

***

Из-за узенького столика, приставленного к стене сбоку двери, вскочил крепко скроенный молодой человек в форме стража порядка.

— Где Крикс? — спросил Анатан.

— У командира тренировка. Позвать?

— Зови.

Чеканя шаг, страж подошел к окну, выходящему на задний двор, крикнул: «Крикс!» Придвинув табуреты к добротному, с множеством ящичков секретеру, произнес: «Прощу», — и вернулся на свое место.

Усевшись между Маликой и Анатаном, Адэр осмотрелся. Дверь в соседнюю комнату закрыта. Этажерка в углу заставлена книгами. На грубо сколоченной тумбочке стоят глиняные чашки и старинный чайник — такой сейчас увидишь разве что у скупщиков старья. Возле входной двери на вешалке висят темно-зеленая рубашка с жетоном и шинель с погонами старшего офицера тезарской армии. Адэр мысленно выругался — как же он забыл, что командир стражей служил в Тезаре?

Они с Маликой вошли в охранительный участок по привычке. Вопросов к блюстителю порядка не было — ответы получены еще вчера, когда машина катила по улицам. А значит, самое время уйти, и дожидаться Анатана на окраине селения. Пока Адэр раздумывал, как объяснить дежурному свой уход, утекли драгоценные секунды. По ступеням прогрохотали сапоги, и на пороге возник могучий человек. Майка с разводами от пота, казалось, вот-вот лопнет на его широкой груди. На руках и плечах бугрились мышцы.

— Крикс Силар, командир стражей порядка прииска «Рисковый», — представился богатырь. — Чем обязан?

— Я уезжаю на прииск «Горный», хотел бы получить разрешение, — промолвил Анатан. — А это, — указал на Малику и Адэра, — инспекторы Яр и Малика. Мы вместе едем.

Командир осмотрел Адэра с головы до ног, с невозмутимым видом снял с вешалки рубашку и без единого слова прошел в смежную комнату. Забрякал умывальник, в железный таз ударила струйка воды, послышалось фырканье.

— Сколько у вас стражей? — тихо спросила Малика.

— Трое, — так же тихо ответил Анатан. — Один дежурит в участке. Один ходит по улицам, следит за порядком. Ну и командир. Еще четверо — добровольцы, на довольствии селян. Охраняют прииск.

Через минуту Крикс, одетый по форме, с мелкими каплями воды в коротких волосах, уселся за секретер, выдвинул ящик.

— Чья машина? — спросил он, вытаскивая потрепанную тетрадь и ручку.

— Моя, — ответил Адэр.

— Откуда такие доходы?

Адэр усмехнулся. Из-под густых черных бровей в него вонзился цепкий взгляд.

— Я видел немало государственных служащих, но на такой машине вижу впервые.

— Получил за заслуги перед правителем.

— Я семнадцать лет служил Великому, а хожу пешком.

— А я всю жизнь служу Адэру Карро и езжу на машине.

Крикс открыл тетрадь, обратился к Анатану:

— Цель поездки.

— Рабочая.

— У кого остановитесь?

— У начальника прииска Лабичи.

— Когда вернетесь?

— Через пару дней, — ответил вместо Анатана Адэр.

Крикс заскрипел ручкой, что-то выводя в тетради.

— Адэр Карро за заслуги только машину и сапоги выдает? — как бы между прочим спросил он. — Костюм не заслужили?

Адэр передернул плечами.

— Зачем вы всё записываете? — поинтересовалась Малика.

Адэр с удивлением посмотрел на нее. Решила уйти от скользкой темы? Похвально.

— Если не дай бог человек исчезнет, я знаю ответы, по крайней мере, на три главных вопроса: куда, к кому, зачем, — произнес Крикс, трижды хлопнув широкой ладонью по тетради.

— У вас исчезают люди? — настороженно спросил Адэр.

— Сейчас нет. Раньше случалось. До меня.

— Пять лет назад брат командира повел сынишку к доктору, и оба пропали, — тихо сказал Анатан. — Крикс бросил службу и вернулся в селение.

— Вы нашли их? — обратилась Малика к стражу.

Тот, глядя в тетрадь, мотнул головой.

— К доктору с пустыми руками не ходят, — произнесла Малика. — Кто-то позарился на их кошельки.

— Во-первых, маркиз Ларе за лечение денег не берет, — отозвался от двери дежурный по участку.

Адэр хмыкнул. До чего же плебеи наивны и доверчивы.

— Во-вторых, — продолжил дежурный, — воровская масть руки кровью не пачкает. Они живут по своим законам, которые, порой справедливее...

— Помолчи, — перебил паренька Крикс.

— Вы думаете, их нет в живых? — еле слышно спросила Малика.

— Я ничего не думаю.

— Пока вы не узнаете, что произошло с ними, нельзя терять надежду.

— Я должен надеяться, что мой брат тронулся умом? Бросил любимую жену, забрал семилетнего хромого ребенка и вместе с ним шатается где-то по стране?

— Вайс был хромым с рождения, — вставил Анатан.

— Довольно об этом, — отрезал Крикс, развернул к Анатану тетрадь, протянул ручку. — Распишитесь. — Перевел взгляд на Адэра. — Вы знаете, что рядом с прииском «Горным» находится лагерь смертников?

— Искупительное поселение?

— Нет. Лагерь смертников.

— Смертники — это кто?

— Убийцы, извращенцы, насильники.

Адэр нахмурился. Отчеты судебных комиссий он просматривал бегло, для галочки. А доклады надзирателей вообще не читал.

— Разве в Порубежье разрешена смертная казнь?

— Формально — нет. А фактически — лимит длительности жизни эти нелюди уже исчерпали.

— Их... умертвляют?

— В этом нет необходимости. Лагерь расположен в каменном котле с отвесными, гладкими склонами, на высоте трех миль над уровнем моря и на глубине сорок метров. Там суший ад и сам чёрт хозяин. Эти нелюди в жаркую пору своей жизни много нагрели, а потому в аду не горят, а мерзнут.

— Только пользы от них никакой.

— Они добывают сапфиры. Залазят в ледяную реку и роют.

Адэр повернулся к Анатану:

— На прииске работают заключенные?

— На «Горном» работают вольные люди. В котле — смертники.

Вот так сюрприз! Ни в одном документе не говорилось о втором месторождении.

— Можно вас на пару слов? — проговорил Крикс и провел Адэра в соседнюю комнату. Плотно закрыл дверь. Со стуком приставив сапог к сапогу, встал навтыжку. — Мой правитель!

Адэр жестом приказал говорить тише.

— Разрешите поехать с вами, — вполголоса проговорил Крикс.

Адэр прошелся вдоль топчанов, застеленных солдатскими серыми одеялами. Помедлил возле распахнутого окна, глядя на ребятишек, окруживших автомобиль.

Взять Крикса с собой — и рядом будет еще один свидетель его унижительной игры в обычного человека. Достаточно Малики. Она хоть не встает поперек дороги и почти все время отмалчивается. Командир же будет кружить вокруг да около, как всполошенная птица над гнездом.

— В лагере смертников хорошая охрана? — спросил Адэр и, с трудом оторвав взгляд от восторженной шумной детворы, посмотрел на Крикса. — Непонятен вопрос?

— Понятен. Я хотел бы сказать — охрана никудышная, чтобы вы передумали ехать. Но скажу — лучше некуда, причем без единого надзирателя. В каменном котле охрана не нужна.

— Вход и выход из лагеря есть?

— Есть. Вход — сверху в петле веревки. Выход — вниз, с высоты сто метров на скалы, вместе с горной рекой.

— Водопад?

Крикс кивнул:

— Так точно.

— Если нет надзирателей — кто же заставляет людей работать?

— Не кто, а что. Еда. Лабичи сбрасывает ее в обмен на камни. Он давно нашел это месторождение, но своим людям не разрешал туда спускаться. Последний наместник придумал смертников.

Адэр стиснул зубы. Еще один обман? Подданный Тезара не мог принимать участие в этой безумной жестокости. Но всматривался в суровое лицо командира с высоким лбом, глубокой морщиной между бровями и кристально чистым взглядом, и понимал — Крикс не

врет.

— Ты мне не нужен, — проговорил Адэр.

— Я дал клятву стоять на защите жизни и чести династии Карро. От этой клятвы меня никто не освобождал.

— Инспекторы не ездят со стражами. О том, что я не тот, за кого себя выдаю, никто не должен знать. Так надо, командир Крикс Силар, в интересах чести династии Карро.

После внутренней борьбы, отразившейся на хмуром лице, командир стражей приблизился к кровати, вытащил из-под матраса охотничий нож.

— Мне будет спокойнее, если он будет у вас.

Глядя на клинок с полукруглым, как рыбий хвост, лезвием, Адэр нахмурился:

— Ты предлагаешь мне взять в руки нож?

— Мой правитель, Порубежье не Тезар...

— Порубежье, как и Тезар, входит в «Мир без насилия», — перебил Адэр Крикса. — Хранение и ношение любого оружия карается законом.

— Возможно, в Тезаре насилия нет. Зато в Порубежье его предостаточно.

— Если бы это было так, меня бы предупредили.

— Никому в голову не пришло, что вы станете разъезжать по стране как рядовой инспектор.

Адэр вздернул подбородок:

— Ты кто такой?

Сжимая в кулаке нож, Крикс вытянул руки по швам:

— Командир стражей порядка селения «Рисковый», мой правитель.

— Нарушитель закона не может быть командиром стражей.

Крикс побледнел.

— Я не ношу оружие, — заскрежетал его голос. — Я его храню. А знаете, почему? Потому что я готов нарушить все законы, если чья-то жизнь окажется в опасности.

— Я вернусь через два дня. Будь готов к серьезному разговору.

Отъехав от охранительного участка, Адэр вдруг поймал себя на мысли, что разрывается между двумя противоречивыми желаниями: первое — приблизить к себе человека, готового встать на его защиту; второе — больше никогда его не видеть.

***

Мотоцикл летел к горизонту. Сделав круг, возвращался к автомобилю. Анатан светился от восхищения и, широко улыбаясь, показывал большой палец. Адэр не разделял его радости; мысли были заняты шестым прииском. Как оказалось, сапфиры добывали на двух месторождениях, однако последние три года вливания прииска в казну были мизерными. Предстояло докопаться до причины.

Внимание привлек столб посреди пустоши. Стрелка на прибитой к нему доске указывала на растекшиеся в знойном мареве горы. Надпись гласила: «Мертвецкая — 3 мили». Анатан поехал в сторону скал. Малика вцепилась в платье и побледнела.

— Шутники, — пробормотал Адэр.

Небольшое селение встретило ледящей кровью тишиной. Ветер бесшумно гнал облако пыли по безлюдной искривленной улице, кидал горсти мелкого песка в закрытые окна и двери, трепал стебли соломы, свисающие с крыш лачуг. Низкие заборы из кольев, вбитых в землю один подле другого, отбрасывали тени, вонзающие острые зубья в ухабистую дорогу.

Заглушив двигатель, Адэр наблюдал, как Анатан приваливает мотоцикл к частоколу, идет через двор дома, исчезает в темном дверном проеме.

Прошло пять минут, десять, Адэр заволновался — вдруг Анатан рассказывает другу о ночном конфликте. Приказав Малике оставаться в машине, выбрался из салона. Неожиданно завыла собака. По затылку колкой вереницей пробежали мурашки. Из ниоткуда возник ворон. Шумно взмахнув черным плащом, уселся на забор. Сверкнув глазом-угольком, то ли застонал, то ли тяжело вздохнул.

Сопровождаемый скорбным взором птицы, Адэр торопливо вошел в перекошенную калитку, в три шага пересек двор и почти вбежал в охваченную сумраком прихожую — в нос ударил запах свежих досок и цветов. Нащупал сбоку дверь — печально скрипнули петли. Переступив порог, споткнулся о ведро с водой.

В углу на зеркало брошена черная ткань. Через пустую комнату протянулись два ряда скамеек, сколоченных на скорую руку. На одной сидели Анатан, ссутулившись, и старуха, комкая скрюченными пальцами половую тряпку. Анатан произнес безжизненным голосом: «Я... я просто не верю». И уронил голову на грудь.

Досадуя на свою нетерпеливость, заставившую ринуться в дом, Адэр рассматривал плавающие в ведре кроваво-красные лепестки. Еще жалел, что не начал проверку с этого прииска — кто теперь ответит на его вопросы?

Хлопнув ладонями по коленям, Анатан поднялся:

— Езжайте в контору. Я попрощаюсь с другом.

Проехав за Анатаном до окраины селения, Адэр проводил взором мотоцикл, уносящий понурого ездока к толпе людей на горизонте. Посмотрел на Малику — ее глаза влажно блестели. Повел машину в сторону горбатых гор, которые представляли собой нагромождение кряжей и хребтов, поросших реденьким лесом.

В ярком солнечном свете были четко видны скалы, лежащие с наклоном, как на полке, которой не хватило книг. В небо вонзались искривленные вершины, похожие на дымок потухшего костра. Серели вогнутые утесы, будто ветер нещадно бил их в самую сердцевину.

Через час Адэр остановил автомобиль у подножия горы. Из вытянутого, как казарма, каменного строения вышел худой, точно иссохший страж. От уголка губы к виску тянулся уродливый шрам, отчего казалось, что человек криво усмехается. Пустой рукав рубахи был заправлен за пояс штанов, из второго рукава торчала трехпалая кисть, обтянутая желтой кожей.

— Страж порядка прииска «Горный», — произнес человек и, выслушав Адэра, простонал: — Ну, сколько можно? — Затряс изуродованной рукой, указывая на контору. — Что тут каждый месяц проверять? — Зашагал к двери, бормоча недовольно: — Ездите ездите. И горячего вам не жалко. — Резко обернулся. — А я ничем не могу помочь. Все документы в сейфе, ключа нет. О нашей беде слышали?

— Что случилось с начальником? — поинтересовался Адэр.

Страж жестом позвал за собой и, обойдя здание, указал на тесную с острыми краями тропинку, избегающую по склону горы:

— Оттуда сорвался. — Направил один из трех пальцев Адэру под ноги. — А сюда упал. Все внутренности отшиб. Крепкий был мужик, еще три дня мучился.

Адэр невольно сделал пару шагов назад:

— Где находится прииск?

— Вольный или смертников?

— Вольный.

— Две мили вверх и вглубь двадцать метров. Хотите посмотреть? Но сейчас там никого нет. Все на проводах Лабичи.

Адэр с содроганием взирал на скалу. Он видел пять приисков, и надо бы глянуть на последний...

— Нести страховку? — с ехидцей в голосе спросил страж.

***

Малика подошла к мутному, в грязных разводах окну. Заложив руки в карманы штанов, Адэр неторопливо шагал к деревянной перегородке в конце длинного помещения. Справа вдоль стены стояли скамейки, слева — узкие, высокие ящики с дверцами.

Сзади семеня шагнул страж:

— Добросердечный был мужик. Как ни день, так мешок еды относил бандюгам. А взамен что? Когда — горстка камушков, маленьких, точно горох, а когда и шиш.

Адэр нахмурился. Еще один вопрос — зачем разбивать лагерь смертников на заведомо убыточном месторождении, — ответ на который он вряд ли получит.

Открыл сапогом дверцу ящика. На гвоздике — брезентовые штаны и куртка, внизу — ободранные ботинки на толстой двойной подошве с твердым и прочным на вид носком.

Страж вынырнул из-за спины:

— Рабочая одежда. А башмаки из самого Тезара. — Взял ботинок, перевернул. — Клеймо видите?

Адэр приблизился к перегородке. Возле нее лежали погнутые кирки, карабины, крючья, мотки истертого капронового шнура и обшарканной крученой веревки.

— Страховка. И все равно калечатся, бедолаги.

Адэр посмотрел в криво усмехающееся лицо. Еле сдержав брезгливую гримасу, отвернулся.

— У нас в селении каждый пятый инвалид. И вот что обидно — Лабичи днем и ночью

как ящерица, а на тропе не устоял.

Адэр заглянул за перегородку — умывальник, стол, табурет, сейф и засиженное мухами окно.

Страж обвел камору рукой:

— Тут сидел наш начальник.

Адэр вернулся к столу возле входной двери. Покосился на сейф, опечатанный банковской печатью. Сел на шаткий стул, покрутил в руках увеличительное стекло, передвинул с места на место весы.

— Приемщик принимает камни по весу? — спросил он и понял свою ошибку — услужливо склонившись над его плечом, страж обдал стойким запахом давно немытого искалеченного тела.

— По штукам. Оценщик все смотрит, все проверяет. И если с камушком что-то не так — сразу в сторону.

— Значит, камни бракует оценщик, а не тезарский банк, — проговорил Адэр, закрыв нос ладонью.

— Вы инспектор — вам лучше знать эту кухню.

— Можешь идти, — промолвил Адэр, больше не в силах цедить кислый воздух сквозь пальцы.

— Я могу рассказать, как пользоваться страховкой.

— Уйди! — рявкнул Адэр и, когда страж удалился, грохнул кулаком по столу. — Надо ввести штрафы за простой!

— Проявите сочувствие чужому горю, — проговорила Малика, глядя в окно.

— В Порубежье ежедневно умирают сотни людей. Если всем сочувствовать, никаких чувств не хватит.

Малика бросила на него полный жгучего упрека взор, вновь отвернулась к окну:

— Анатан едет.

Немного погодя в контору вошли Анатан и мужик уродливой внешности: ноги изогнуты иксом; лицо плоское, словно по нему прошлись теркой; одно плечо выше другого.

— Извините за задержку. Еле нашли ключ от сейфа, весь дом перерыли, — сказал Анатан. — А это Драй, помощник Лабичи. Поможет составить опись документов.

Открыв сейф в коморке начальника, Адэр присвистнул — все полки были завалены бумагами. Анатан принес стул для Малики и принялся выкладывать стопки на стол, за которым уже сидел Драй, держа огрызок карандаша.

— Да разве ж опись составляют карандашом? — воскликнул Адэр.

— Химический, — произнес помощник начальника, — чтобы дважды не писать. Смочишь второй листик водой, к этому прижмешь и на тебе копия.

— Копию придется читать в зеркале!

— Кому надо — прочтет.

Адэр принялся пролистывать бумаги:

— Ищите расчетные ведомости. Желательно за последнюю неделю.

Вытащил потертый, с загнутыми уголками печатный лист, сложенный ширмочкой — перечень драгоценных камней, выставленных на ювелирные торги в Тезаре, с фотографиями, подробными характеристиками и указанием первоначальной стоимости. Старый перечень, трехгодичной давности.

— Драй! Расскажи о лагере смертников, — приказал Адэр, рассматривая фотографии

камней.

— Лабичи не сильно о нем распространялся. Знаю, что носил еду, возвращался с камнями. Камни — дрянцо, половина в брак уходила. А больше ничего не знаю. Даже где лагерь — не знаю. Так... приблизительно.

— А вы меня спросите, — произнес Анатан, вытаскивая из сейфа очередную пачку. — Я расскажу.

— Рассказывай.

Анатан положил бумаги на стол, отряхнул ладони:

— Три года назад приезжает ко мне Лабичи и говорит, мол, наместник приказал найти в горах место для бандитов. Чтобы не сбежали, и чтобы польза была. Еще сетовал, что придется самому кормить их.

— Путаешь ты все, — возразил Драй. — Сначала Лабичи месторождение нашел, а уж потом лагерь открыли.

— Сам ты путаешь.

Адэр бросил лист на стол:

— Хватит болтать! Займитесь делом!

В беспросветном будущем забрезжил лучик надежды — пока еще смутной, несформировавшейся. В истории со смертниками замешан подданный Тезара — это козырь в рукаве. А может, даже не один...

— Драй! Камни бракует оценщик. Верно?

Просматривая документы, Драй кивнул.

— А дальше?

— Отдает приемщику.

— Анатан! Каким образом здесь замешан банк?

— Оценщик и приемщик приставлены к нам тезарским банком и действуют согласно предписаниям, в которых четко написано — вывозить все, что добыто за день.

— Верно, — подтвердил Драй. — Увозят все подчистую.

Еще один вопрос, в котором стоит разобраться: если камни не ювелирного качества — зачем они Тезару?

— Ведомость за прошлую неделю подойдет? — спросил Драй и вручил Адэру несколько сшитых листов.

Вот начальник и попался — список длинный, намного длиннее ряда ящиков с рабочей одеждой.

Адэр вернул документ Драю:

— Чужих имен нет?

Тот скользнул искривленным пальцем по строчкам:

— Это рабочие. — Перевернул лист. — Это инвалиды. — Перевернул еще одну страницу. — Это вдовы. Чужих имен нет.

— Начальник использует деньги прииска по своему усмотрению, — холодно проговорил Анатан, вытаскивая из сейфа коробку, обмотанную шнуром. — Я тоже содержу трех инвалидов.

— Мужики, правда, ворчат. Привычка у них такая — жить одним днем, — сказал Драй, — хотя умом всё понимают.

Анатан зубами развязал узлы на шнуре, открыл коробку:

— Бог мой... — Бережно выложил на стол пятнадцать крупных сапфиров — небесно-

синих, восхитительно василькового оттенка, с шелковистым отливом.

— Это что? — спросил Адэр.

Драй забормотал, заикаясь:

— Не знаю. Клянусь. У меня даже ключа не было. Клянусь.

— Я знаю. Ваш Лабичи вор! Малика! Зови блюстителя порядка.

Когда вслед за ней в каморку вошел калека, Адэр указал на камни:

— Заводи дело по факту кражи.

— Кто украл?

— Начальник прииска.

Рассматривая сапфиры, страж прошелся вокруг стола:

— А никакого дела не будет.

Адэр опешил:

— Как это?

— До сдачи в банк камни принадлежат прииску и в данную секунду находятся в конторе. Где вы увидели кражу?

— Они находятся не просто в конторе, их нашли в сейфе, — произнес Адэр мягко, не спеша, будто перед ним стоял умственно отсталый человек.

— Да понял я. Не дурак, — взъерошился страж. — Я бы тоже в сейф положил. А то знаете ли, ходят тут всякие...

— Ты ни черта не понимаешь, — говорил Адэр с улыбкой. — Начальник должен сдавать камни в банк.

— Может, не успел.

— А сложить в коробку и обмотать шнуром времени хватило?

Страж покрутил коробку в искалеченной руке, пощупал шнур:

— Видимо, хватило. Что дальше?

— Вор должен понести наказание.

— Вы, видать, забыли — Лабичи умер.

Если бы не чувство отвращения, Адэр схватил бы стража за грудки и крепко встряхнул.

— Заводи дело!

— Не понимаю — зачем вам?

— Я конфискую его имущество, чтобы другим было неповадно.

Страж потер нос трехпалой кистью:

— Могильный камень — вот его имущество. Он вам нужен?

Адэр подошел к окну, забарабанил пальцами по растрескавшемуся подоконнику. В сокровищах сапфиров явно присутствует преступный умысел. Но как это доказать?

— Я могу задать несколько вопросов? — прозвучал голос Малики.

Адэр пожал плечами:

— Спрашивай.

Малика направила на Драю участливый взгляд:

— Мне очень жаль, что с вашим начальником случилось горе. Жаль его семью. У него есть дети?

Драй облокотился на крышку стола, обхватил ладонью лоб:

— Трое.

— Я хочу, чтобы они с гордостью вспоминали об отце. А это зависит от вашей честности. Вы понимаете меня?

Драй кивнул.

— Как часто у вас проводились проверки?

— Каждый месяц.

— В течение года, двух лет...

— Трех.

Адэр сдвинул брови. К чему она клонит?

— Значит, с тех пор, как в котле появились смертники, к вам постоянно приезжали инспекторы, — вкрадчиво звучал голос Малики.

— Получается так.

— Довольно! — сказал Адэр.

— Анатан! Когда на вашем прииске была последняя проверка? — продолжала Малика.

— Так сразу и не вспомнишь. Кажись, пару лет назад. Точно! Осенью. У меня откос от дождей обвалился. Мы два месяца ничего не сдавали в банк.

Она посмотрела на Адэра:

— Я говорила вам об этой проверке. Об остальных не слышала.

— Хватит, — произнес Адэр, еле сдерживаясь, чтобы не закрыть ей ладонью рот.

— Я всего лишь хочу разобраться.

— Теперь уже ничего не докажешь. Оставим все, как есть. — Адэр кивком указал на камни. — Вероятнее всего, это отбраковка.

— Да вы что? — воскликнул Драй. — Такие камни — редкость.

Порылся в ящике стола, достал лупу, долго рассматривал кристалл. Протянул лупу Анатану:

— Посмотри звездочку. Вроде бы шесть лучей.

Анатан навел увеличительное стекло на камень.

— Разбираешься в сапфирах? — спросил его Адэр.

— И сапфир, и рубин — это корунды. Только рубин красный, а сапфиры всех других цветов.

Адэр закружил по комнатке, прислушиваясь к спору знатоков. Внутренний голос перекрикивал их голоса. Адэр не верил ему. Не хотел верить. Но голос упорно твердил: камни забирал наместник, а Лабичи — соучастник. Или жертва обстоятельств?

— Я не ошибся. Эти сапфиры ценны, как алмазы, — промолвил Драй и принялся складывать камни в коробку. — Завтра сдам.

— Сколько вам за них заплатят? — спросила Малика.

— Тридцать моров за штуку.

Адэр принялся перерывать на столе документы. Листы заскользили по крышке, закружили в воздухе, полетели на пол.

— Подождите-подождите, — взмолился Драй. — Этак я до утра не управлюсь.

Адэр вытащил из-под бумаг листок-ширмочку. Развернул. Посмотрел на обведенную карандашом фотографию сапфира и его стоимость, прикинул в уме — сколько это на моры. Сто... Стартовая цена не ограненного камня — сто моров... Может, он качеством выше или весом больше, а может, цветом чище. Хотя нет, таких изумительных сапфиров, как эти, Адэр никогда не видел. Даже если закрыть глаза на все преимущества кристаллов Лабичи, то все равно — где тридцать моров и где сто?

Адэр подошел к окну, такому же мутному, как мысли. Нет... не Лабичи жертва обстоятельств, а он. Но это Его страна, Его земля, Его камни. Его смертники, черт возьми!

— Месторождение — назову его «Котел» — ни в одном из ваших отчетов не значится. Следовательно, ни «Котел», ни сапфиры не принадлежат прииску «Горный». — Адэр посмотрел на Анатана. — Назначаю тебя управляющим «Котла».

— Я не хочу.

— Я не спрашиваю.

— Э-э! Подождите! — заегозил Драй. — Как это сапфиры не принадлежат прииску?

Упершись кулаками в стол, Адэр пригнулся к нему:

— Принадлежат?

— А то как же! В нашем сейфе? В нашем. Значит, наши. А то, что получается, мы за них ничего не получим?

— Получишь. Срок. За утаивание от правителя существование месторождения и за сокрытие от Тезара реальных объемов добычи. Что то, что другое приравнивается к краже в особо крупных размерах.

— А я тут при чем?

— Ты должностное лицо второго уровня. После смерти первого лица на тебя автоматически возлагается полная ответственность за прииск.

— Чего? — Драй покосился на Анатана. — Чего он сказал?

— Теперь ты отвечаешь за нарушение законов, — произнес Адэр.

Драй уставился на стража:

— Чего он от меня хочет?

Тот вытер изуродованной кистью нос:

— О «Котле» знал?

— Ну, знал. — И тут в глазах Драя словно что-то щелкнуло. — Нет! Я даже не знаю, где он находится.

— Сапфиры из сейфа твои?

— Бог с вами! Откуда?

Адэр кивнул Анатану:

— Принимай «Котел».

— У меня своей работы полно.

— А здесь никакой работы нет. Будешь приезжать утром — что тут ехать? Заберешь у смертников камни, сбросишь еду, и обратно.

Черты лица Анатана исказились. Теперь Адэр знал — от страха и отвращения.

— Я пришлю тебе топливо. Много топлива. Чуть позже арендую в банке сейф, чтобы ты ничем не рисковал. Сейчас твоя задача — найти лагерь.

Драй хлопнул ладонью себя по лбу:

— Их же надо покормить.

— Камни забрать, — произнес Адэр и спросил у стража: — Сколько у тебя людей?

— Я один.

Адэр выудил из кармана монеты. Хотел сунуть калеке в руку, но, глянув на уродливые холмики вместо пальцев, положил на стол:

— Наймешь проверенных людей и установишь в конторе круглосуточную охрану.

Страж сгреб деньги:

— Двадцать моров?

— Мало?

— Да тут столько будет охраны...

— А я отказываюсь, — упорствовал Анатан. — Пусть Драй «Котлом» занимается.

Драй вместе со стулом отодвинулся от стола и вытянул искривленные ноги:

— Как?

— Мы в постоянный двор. Вечером увидимся, — сказал Адэр и жестом позвал Малику.

— У нас нет постоянного двора, — произнес страж. — Можете у меня переночевать.

— Или давайте ко мне, — предложил Драй.

Нет... Все что угодно, но только не искалеченные руки, ноги и эта вонь...

— Мы возвращаемся в «Рисковый», — сказал Адэр и стремительно вышел из каморы.

— Скажете Криксу и Тасе, что я задержусь, — донесся голос Анатана.

***

Нещадно палило солнце. Вдали редкие деревья и кустарники погружались в искристое озеро. Как Адэр ни стремился приблизиться к воде, она отодвигалась, и расстояние между миражом и машиной оставалось неизменным.

— Вы закроете лагерь? — спросила Малика, глядя на блеск и переливы раскаленного воздуха над самой землей.

Адэр усмехнулся. Мало того что лагерь останется нетронутым, «Котел» будет непрерывно наполняться.

— Прошу вас, проявите милосердие к несчастным людям.

Сначала ей была нужна справедливость, затем сочувствие, сейчас милосердие. К чему она будет взывать завтра?

— Это не люди. Это убийцы и насильники.

— Их приговорили к лишению свободы, а не к смерти, — упиралась Малика.

— Когда суд человеческий бессилен, его место занимает Божий суд, — произнес Адэр.

— Богом для них был наместник.

Скорее палачом. Но об этом он Тезару не скажет, дабы впоследствии не бороться с ним за «Котел».

— А теперь кто? Вы?

Адэр резко затормозил. Малика чуть было не припечаталась к ветровому стеклу, но успела упереться в него руками.

— Давай, проси о милости. Я сжалюсь и отпущу всех убийц восвояси, — сквозь зубы цедил Адэр. — Пусть гибнут люди и пропадают дети, пусть небо заливают мир слезами, пусть земля вздувается буграми могил. Тогда ты будешь счастлива?

Малика распахнула глаза:

— У вас темная душа. Вы в ней заблудились.

Адэр вдавил педаль газа в пол.

Совсем неожиданно изменился вид за окном. Еще недавно вокруг простиралась пустошь, усыпанная камнями. Вдруг дорога пошла резко вверх, со всех сторон подступили скалы. Вскоре проезд сузился настолько, что, проезжая мимо отвесного склона, автомобиль цеплялся боковыми зеркалами за сухие ветки, торчащие из расщелин.

Адэр с тревогой смотрел вперед. Он бы повернул обратно, но не было площадки, пригодной для разворота. Наконец машина выкатила на более-менее просторный пятак. Сбоку, в скале темнела пещера; солнце освещало ровное дно и низ стен, покрытых солевыми разводами.

Адэр немного проехал вперед, сдал назад — салон утонул в полумраке грота. Заглушив

мотор, бросил Малике:

— Жди здесь.

— Не стоило волноваться. Я не боюсь солнца.

— Меня больше волнует кожа сидений, — промолвил Адэр и выбрался из автомобиля.

Вскарабкался по скользкому пологому склону. Обойдя отполированный ветром камень, оглянулся на шагающую сзади Малику. Устремился вперед, высматривая проходы между обломками скал.

Раздалось тихое «ох», послышались хлопки по платью. Упала? Адэр хмыкнул и переключил внимание на непонятный шум: будто по камням шуршали тонны песка, падая с большой высоты. Нет. Так ревет мощная горная река, обрушиваясь со скалы.

— Вы идете в Ущелье Испытаний? — прозвучал встревоженный голос Малики.

Адэр прибавил шаг — его темная душа неслась навстречу неизведанным ощущениям. Если одни лишь раскатистые звуки заставляют сердце судорожно биться, кровь стучать в висках, а восторженный крик рваться из груди, то что же ждет его, когда алмазные брызги водопада накроют с головой?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Вскоре все звуки перекрыл грохот. Удивительно — сквозь него сумел пробиться крик Малики:

— Стойте!

Адэр неторопливо обогнул валун-великан.

— Яр! Стойте!

Ужас в голосе заставил остановиться. Малика вцепилась Адэру в рукав. Ткань передала телу сильную дрожь пальцев простолоюдинки.

— Возвращайся, — прокричал Адэр, взглянув в посеревшее лицо.

Малика крепко схватила его за локоть, притянула к себе. Приподнявшись на носках, сказала в ухо:

— Мы здесь не одни.

Адэр посмотрел по сторонам. Лучи солнца пробивались сквозь рваные облака. Тени глыб и камней меняли очертания, отчего казалось, что всё вокруг находится в непрерывном движении.

— Это всего лишь тени.

Малика вновь притянула его к себе:

— Справа.

И тут Адэр почувствовал взгляд — не зверя, ни хищной птицы, — злобный взгляд человека.

— Кто здесь? — во все горло прокричал он. — Выходите.

Из-за валуна показался рослый мужик — лохматые седые волосы, лицо в шрамах, под нависшим тяжелым лбом колючие глаза, — одетый в грязную рваную одежду с чужого плеча. На ногах стоптанные ботинки на двойной подошве с твердым и прочным на вид носком. В изуродованных подагрой руках кнут из перевитых веревок.

Адэр закрыл собой Малику. Человек почесал концом рукоятки за ухом, указал на дорожку, ведущую вниз.

Адэр оглянулся в поисках пути для отступления и похолодел. Сзади стоял обнаженный по пояс человек в штанах-лохмотьях, подвязанных шнуром. Грудь и бока были изуродованы рубцами, словно поезд протащил человека по шпалам. Мужик жестом указал на ту же

дорожку.

Крепко держа Малику за ледяную руку, Адэр брел между камнями. Мыслей не было. Внутри царилла пустота, и все происходящее казалось сном. Через кончики пальцев Малики ему в ладонь бился страх, еще глубже загоняя в состояние крайнего недоумения — разве в жизни такое бывает?

Сколько они шли — пять минут, час, вечность? Шум водопада теперь доносился с другой стороны гор. Солнце клонилось к верхушкам валунов, удлиняя тени. Послышался прибой. Адэр взглянул на Малику. Она коротко кивнула — их ведут к морю.

Тропинка нырнула в полукруглый межгорный провал и вывела к костерку, возле которого развалились несколько человек — изувеченные, немывые, нечесанные. С трех сторон высились горы, виднелись глубокие продольные трещины и черные пещеры. Далеко впереди море сливалось с небом, и как из-под земли раздавался мерный звук волн, бьющихся в скалу. Сбоку жались друг к другу ветхие постройки из глины и камня, накрытые дырявыми крышами. Между вбитыми в стены палками была протянута веревка. Ветер трепал развешенные лохмотья. Возле корыта спиной к костру сидел на корточках старик-карлик.

— Получай, Оса, гостей, — проговорил мужик с кнутом, обойдя Адэра.

Оса — узкоплечий оборванец с пугающими углублениями под ребрами (словно живот прирос к хребту), с потускневшей татуировкой-крестом на впалой груди — поворошил хворостиной угли.

— Куда путь держим? — проскрипел он, точно у него в горле закрутились несмазанные колеса.

— На прииск «Рисковый», — ответил Адэр.

Карлик повернулся лицом к костру. Это не старик... это седой ребенок. Пальцы Малики задрожали. Адэр еще крепче сжал ее руку.

Оса отмахнулся от назойливой мухи. Глядя на Малику, языком смочил коросту на растрескавшихся губах:

— Так «Рисковый» с обратки гор.

— Мы хотели сократить путь и заблудились, — произнес Адэр.

Оса вытер рукой рот:

— Откуда путь держим?

— Из прииска «Горный», — промолвила Малика. — Мы были на похоронах.

— Кто умер?

— Лабичи.

Мужики переглянулись.

— Начальник прииска, — сказала Малика. — Слыхали про такого?

— Не приходилось, — проскрипел Оса, сведя брови. — Хлыст, а ты слыхал?

Мужик с кнутом сплюнул на землю:

— Что же с ним приключилось?

— Сорвался с горной тропы.

— А вы кто такие? Родичи что ли?

— Нет. Мы приехали с Анатаном. О таком тоже не слыхали?

— Не слыхал.

— Теперь мы... нам... — пробормотала Малика и умолкла.

Не понимая, что происходит, Адэр посмотрел на нее — на окаменевшем лице выперли скулы, губы сжаты, глаза... у нее такие огромные глаза... И неподвижный взор...

Адэр проследил за ее взглядом. Седой мальчишка, сильно хромая, шел вдоль веревки.
Неужели племянник Крикса?
Неосознанно вырвалось:
— Вайс?
Вскрик Малики. Боль в затылке. Мрак.

***

Под высоким, ослепительно белым сводом парили сизые голуби. Бам... гудело протяжно, тяжело, отдаваясь в невесомом теле.

— Господин... — пробилось сквозь тягучий звон колокола.

И крылья птиц затрепетали, развернулись парусами.

— Яр...

Бам...

— Адэр!

Бам-бам... это не колокол... это сердце. Удар за ударом — чаще, звонче, жестче.

Он судорожно сглотнул. Непроизвольное движение гортани вызвало прострел в висках. Сжать бы их, но кто-то сзади держит руки, впиваясь в запястья тонкими, раздирающими кожу пальцами.

— Тихо, Адэр. Тихо...

И голос знаком. Где он слышал его раньше? Думать мешал крепчающий шелест полупрозрачных парусов. С каждым ударом сердца он становился все громче. Ткань затрещала, уже не в состоянии сдерживать шквальный ветер. В ушах раздался хлопок, от которого, казалось, лопнули перепонки. Адэр вскрикнул и открыл глаза. В тот же миг оглушил шум прибоя.

Глубокий вдох, еще один, еще... Звуки приутихли. Из размытой пелены проступили грязно-желтые глиняные стены и сколоченная из досок дверь. В узкие щели проникали полоски света и тянулись по полу к лицу. Земля под щекой источала мерзкий сладковатый запах. К неестественно выгнутому горлу подступила тошнота. Скрутиться бы в калачик, вдавить кулаки в желудок и вывернуть наизнанку...

Адэр дернулся. В кожу врезались веревки — руки связаны за спиной. Скосив глаза, увидел лицо Малики.

— Как вы? — прошептала она мертвенно-белыми губами.

Рванувшись всем телом, Адэр перекатился через живот на другой бок. Стена, только чуть дальше, сплошь покрыта расплывчатыми серо-зелеными пятнами. Плесень... Отталкиваясь ногами от пола, отполз на середину лачуги, посмотрел вверх. Потолка нет, прогнившая крыша того и гляди рухнет на голову.

— Где я?

— Прошу вас, говорите тише.

Адэр взглянул на Малику. Она лежала на боку с заведенными за спину руками. Растрепанные волосы походили на воронье гнездо. Подол платья скомкался и приоткрыл ноги в длинных кровоточащих ранах, словно девушку протащили по камням.

Адэр поелозил по полу, сел:

— Что происходит?

— Тише.

— Как я здесь оказался?

— Вы не помните?

Мысли заметались, вызывая из памяти обрывочные воспоминания: пустая бочка в

самодельном душе, кроваво-красные лепестки в ведре с водой, старые ботинки на двойной подошве, калека-страж, хромой седой мальчишка. Холод ужаса пробежал по загривку и забрал остатки сил.

Адэр завалился на бок. Боясь потерять сознание, считал пятна на стене и убеждал себя, что это всего лишь очередное унижительное действие. Вот-вот распахнутся двери, и на пороге объявится «спаситель». Скажет, что чисто случайно оказался в горах и решил заночевать в лачуге. Затем представится братом, сыном или отцом впавшего в немилость начальника-вора. И далее по схеме «теперь вы у меня в долгу».

— С тобой о чем-то говорили? — спросил Адэр.

— Нет.

— Может, что-то спрашивали?

— Нет, — произнесла Малика. — Что с нами сделают?

— Ничего. Это розыгрыш. Чья-то глупая шутка.

— Вы сами в это верите?

Верил ли он? Конечно, нет. Но из-за смятения на ум ничего дельного не приходило.

Адэр попытался встать, и не смог подняться даже на колени — кружилась голова и подгибались ноги. Повертелся, поерзал, кое-как добрался до двери. В щелке между досками был виден костер, над ним дымился казан. Порыв ветра донес запах вареной рыбы, смешал его с душком плесени и втолкнул в легкие мерзкую вонь. Рот наполнился горечью.

Адэр улегся навзничь. Кулаки вдавились в поясицу. Глядя в небо, разорванное на клочья проломами и дырами в крыше, стало легче дышать.

Донеслись хлесткие щелчки. Адэр вновь придвинулся к двери. Кто-то, стоя снаружи, закрыл собой обзор. Прозвучала многоярусная брань. Рядом раздались стоны и сдавленное дыхание.

Адэр прильнул щекой к полу. В зазоре между досками и землей увидел, как по острым камням передвигаются руки и разодранные в кровь колени — люди ползли на четвереньках.

Отпрянул назад, отказываясь верить глазам. Воображение... Конечно! Всеми виной разыгравшееся воображение...

Снова припал к просвету. Это самое ужасное, что он видел в жизни. У людей были искалечены стопы, словно кто-то нещадно прижигал их раскаленным железом и изощренно выворачивал пальцы.

Не в состоянии сдерживать дрожь, Адэр прижался спиной к стене. И только сейчас заметил в дальнем углу, под самой крышей, железный крюк и свисающую с него цепь.

Устремил взгляд на покрытый темными пятнами земляной пол. Втянул в себя тошнотворный сладкий запах и вспомнил: именно так — кровью, болью и страхом — пахло от косули, угодившей под колеса его автомобиля.

Адэр знал, что нельзя поддаваться панике — она лишает способности контролировать чувства и эмоции и вынуждает действовать необдуманно. Он слышал, что в состоянии повышенного нервного напряжения нередко пробуждается защитник рассудка, который разрывает все связи с реальностью и спасает от безумия. Знал, слышал, но не воспринимал чьи-то бредовые идеи всерьез. Сейчас, взирая на засохшие пятна крови на полу и прислушиваясь к мыслям, пропитанным безудержным ужасом, Адэр стремительно погружался в состояние полного оцепенения. Перестало существовать время, исчезли звуки, испарился страх, в пустоте растворился мир.

Из ступора вывел душераздирающий крик. За ним последовал взрыв мужицкого хохота,

полного желчи и яда. Адэр встрепенулся. Оказывается, уже стемнело. Сквозь проломы в крыше виднелись далекие звезды. Из щелей и дыр тянуло насыщенным влагой холодком. Шум прибоя отражался от скал многократным эхом и вызывал в задеревеневшем теле внутреннюю дрожь.

Сердце ухнуло в яму...

— Малика, — прошептал Адэр. — Ты здесь?

Всмотрелся в темноту. Разглядев силуэт лежащей на полу девушки, перевел дух. Подвигал плечами, ногами. Ощутил в мышцах болезненное покалывание вперемежку с нестерпимым жжением. Попытался пошевелить пальцами — бесполезно, запястья слишком туго стянуты.

— Малика! — вновь позвал Адэр.

Будто в ответ на его призыв проскрежетала задвижка, отворилась дверь, и ввалились двое. Один — долговязый, как веха, в рваной майке на изувеченном теле — держал горящий факел. Чадящий дым вытеснил из лачуги тошнотворные запахи.

Второй, Хлыст, — вроде бы так обращался к нему Оса, — поставил перед Адэром черепяную плоску:

— Жри.

Он уставился в черепок; на поверхности мутной жижи проблескивал, как молния, оранжевый огонь факела:

— Что?

— Лакай. Знаешь, как собачонка лакает? — Хлыст почавкал.

— Я не собачонка, — сказал Адэр и, забыв о головокружении, тошноте и затекшем теле, поднялся на ноги.

Он был на голову выше мужиков, намного шире в плечах, да и сытая жизнь обеспечила ему превосходство над голодранцами.

Хлыст сделал шаг назад:

— Ты куда это пятки намылил? — Суетливо вытащил из-за пояса кнут, указал в дальний угол лачуги. — Давай-ка туда.

Щелкая крученой веревкой перед лицом Адэра, вынудил его попятиться и вжаться в стену, покрытую крошечными каплями влаги:

— На колени!

— Я ни перед кем не встаю на колени.

— Слышь, Жердьяй, какие мы гордые, — обратился Хлыст к приятелю и, перехватив кнут, со всей силой вонзил конец рукоятки Адэру в солнечное сплетение.

Задохнувшись, он осел на пол. Не успел опомниться, как сзади прогремела цепь, запястья стянуло холодное железо. Сквозь гул в ушах пробился щелчок карабина. Руки с хрустом в плечах вздернулись, вынуждая пригнуться к самой земле. В глазах потемнело.

— То, что ты важная птица, за версту видно, — словно из глубокого колодца донесся голос Хлыста. — Но мы и тебя обломаем.

— Ты еще пожалеешь, — просипел Адэр.

Хлыст ладонью похлопал его по загривку:

— Уже жалею. А сапоги у тебя будь здоров. Хороши сапоги. Слышь, Жердьяй! Сапоги, говорю, что надо. Чур, мои.

— А девка, чур, моя, — откликнулся долговязый бандит.

Хлыст вернулся к Малике, ботинком придвинул к ней плоску:

— Лакай. — Толкнул носком ее в бок. — Оглохла? Жердьяй! Посвети.

Приподняв факел над головой, Жердьяй присел на корточки:

— А ей, похоже, хана. — Пощупал девичью ногу. — Может, отхарим, пока теплая?

Адэр дернулся, завалился вбок. Плечи и спину пронзила боль, удлиняя и скручивая связки. Подтянул к себе локти — откуда только силы взялись, — шаркнул по земле сапогами. Встав на колени, с трудом выдохнул.

Он не видел, как исчез Хлыст. Не видел лица Малики — ее загоразивал сидящий на корточках Жердьяй. Адэр смотрел на грязную пятерню, елозящую по смуглой девичьей коже.

Не заметил, как Хлыст ввел в лачугу Осу. Только скрип дужки вынудил бросить взгляд на бадью в чьих-то руках. Сейчас бы молить о пощаде, посулить весь мир в обмен на свободу, но Адэр смотрел, как мелко дрожат короткие мясистые пальцы, сжимая девичье колено.

Нет... он не мог этого видеть — от дыма факела слезились глаза, рваные тени, бегая по стенам, искажали действительность. И мешало мерзкое чувство, будто лапают его, а не Малику. И дрожат не эти уродливые пальцы, а трясется все его естество, противясь пошлым прикосновениям.

Сквозь вату в ушах пробивался разговор. Послушать бы — о чем говорят, но в голове тренькал чужой голос: «Только не здесь. Пожалуйста, только не здесь». Кто-то выплеснул на Малику воду. От ее кашля прорезался слух.

— Отдай ее мне, — гнусавил Жердьяй. — Все равно ведь подохнет.

Оса почесал впалый живот:

— Угомонись.

— К Хлысту Ташка прибегает, а я гуся вручную гну, — продолжал Жердьяй. — Надоело.

— Да цыть ты! — прикрикнул Оса. Склонился над Маликой. — Ну что? Оклемалась?

Ты помирать погодь. Скажут — помрешь, а сама не вздумай.

Выхватил у Жердьяя факел и вышел из лачуги.

Жердьяй кинулся за ним:

— Оса! Давай ее вместе... я ведь не против.

На фоне открытого дверного проема мелькнул силуэт Хлыста, шкрябнула задвижка.

— Малика...

В ответ хриплое дыхание.

— Что они с тобой сделали? Малика...

— Ничего.

Адэр переступил с колена на колено. Попытался выпрямить спину, руки свело судорогой.

— Малика! Что это стучит?

— Зубы.

— Какие зубы?

— Мои зубы.

Наверное, кто-то непомерно храбрый рассмеялся бы, решив, что девушка пошутила. Но Адэр не был бесшабашным смельчаком. Он тянулся и бился в клейкой паутине страха, и не мог вырваться.

— Малика... Тебе страшно?

— Очень.

— Не бойся, Малика. — Адэр судорожно сглотнул. — Не надо бояться.

— Мне холодно.

— Передвинься на сухое.

— Не могу. У меня вывихнуты плечи.

Адэр на секунду представил, какая это, должно быть, адская боль. И то, что сейчас испытывает он, сильный мужчина, ничто по сравнению с муками девушки.

— Продержись до утра. Хорошо?

— Что будет утром?

— Нас отпустят.

«Нас отпустят, — твердил он, склоняя голову к земле. — Нас обязательно отпустят».

***

Утром никто не пришел. Не чувствуя рук и спины, зато ощущая невыносимый холод, Адэр переступал с колена на колено и смотрел на Малику. Она лежала в той же позе, что и вечером. Вокруг закрытых глаз проступила синева, обескровленные губы крепко сжаты, некогда смуглое лицо приобрело землистый цвет. И лишь маленькие капли пота на лбу и висках дарили надежду, что девушка жива.

— Малика, — тихонько позвал Адэр. — Ты спишь?

— Нет.

— Плечи болят?

— Нет.

— Нельзя все время лежать. Надо хоть немного двигаться.

— Я берегу силы, — произнесла Малика. — Для побега.

О каком побеге она мечтает? Тело раздулось и задеревенело. При малейшем движении казалось, что внутренний огонь сжигает мышцы и обугливает кости. Ступни и кисти замерзли настолько, что ударь по ним, и они раскрошатся на тысячи льдинок.

— Малика, придется сказать этим уродам, кто я на самом деле. И нас отпустят.

— Вы настолько наивны?

Адэр уронил голову на грудь. Нет, он не наивный. Ночь, пронизанная болью и кошмарами, измучила его. Она высосала надежду на спасение, и освободившееся в рассудке место надо было срочно чем-то заполнить — будь то утопия или самообман, — лишь бы животный трепет перед неизвестностью не поглотил разом целиком.

Адэр закрыл глаза. За глиняной преградой сварливо щебечут птицы. Чуть дальше, за горным кряжем, задиристый ветер гонит по пустоши песок. Где-то теплое небо трется о крыши домов. А где-то игривое солнце плещется в лужах на асфальте. Там, за бандитским лагерем, бурлит необычайное по силе и размаху счастье, о существовании которого никто не догадывается. Он сам до вчерашнего дня не догадывался, какое это блаженство — стоять над обрывом и слушать ворчание моря. Или сидеть в тесном кресле и смотреть на спящий сад. Адэр бредил глотком хрустальной воды и запахом чистого тела. Грезил о шелесте листвы над головой и шорохе травы под ногами. Он изнывал по мизерным радостям, которых не замечал ранее, и не знал, что из них складывается счастье.

Открыл глаза. Свет в дырах крыши с каждой минутой становился ярче. Спертый воздух быстро нагревался, будто лачуга была накрыта железом. По лицу струился пот, капал с кончика носа и подбородка в темную кляксу на полу. Пятно приобретало черный с красноватым отливом цвет.

Облизнул пересохшие губы. Неужели он так и умрет — на коленях, — взирая в чужую

кровь?

— Не думайте о смерти, — произнесла Малика.

Фраза, прозвучавшая в унисон его мыслям, ничуть не озадачила. Адэр не знал, что для них лучше — остаться в живых или умереть. О людях, ползающих на четвереньках, решил промолчать.

— А мы ведь здесь не одни, — неожиданно сказала Малика. — У них есть другие пленники.

— Ты читаешь мысли? — пробормотал Адэр.

— У меня было время подумать. Во-первых, они не суетятся, не нервничают. Значит, удерживать людей силой — для них привычное дело. Во-вторых, нас не трогают и ни о чем не спрашивают. Они ждут кого-то. Того, кто решит нашу судьбу. И, в-третьих, в его планы не входит убивать нас, раз мы до сих пор живы.

Клацнула задвижка. Адэр устремил взгляд на двери. При виде сексуально озабоченного подонка свело челюсть. Жердяй, не церемонясь, схватил Малику за шкурку, рывком поднял на ноги и грубо повернул к себе спиной. Не издав ни звука, она уперлась лбом в стену и напряженно задышала. У нее были связаны локти, притом настолько туго, что сквозь ткань платья проступали сведенные лопатки, а скрюченные пальцы приобрели сине-фиолетовый цвет.

Жердяй отбросил веревку в сторону — руки Малики упали вдоль тела, как плети — и, схватив пленницу за волосы, потянул за собой.

Пытаясь усмирить внутренний озноб, Адэр бубнил под нос гимн Тезара, но нет-нет и умолкал в ожидании криков. Слышал шум прибоя, треск костра и завывание ветра в щелях.

Он уже сбился со счета, сколько раз произнес слова, восхваляющие могущество и несокрушимость великой державы. Когда решил, что ему не суждено увидеть Малику, Жердяй втолкнул ее в лачугу, стянул запястья веревкой — на этот раз спереди — и тяжелым шагом направился к Адэру.

Загремела цепь. Щелкнул карабин. Не сдержав крик, Адэр повалился на землю. Мощная горячая волна прокатилась по телу и выплеснулась из глаз жгучими слезами.

От крепкой хватки за плечи сдавило дыхание. Однако Жердяй явно переоценил себя — поставить пленника на ноги ему не удалось. Ругнувшись, вцепился в рубаху (благо она сшита из добротного шелка) и потащил Адэра волоком по полу.

В лицо ударил яркий свет. В спину вонзились острые камни. Скрипнула дужка бадьи. Хлынувшая сверху ледяная соленая вода привела в чувства.

Повернув Адэра набок, Жердяй развязал ему руки:

— У тебя десять минут. — Указал в сторону. — Нужду справлять за тем камнем. Надумаешь сбежать — прижгу пятки. Надумаешь кричать — вырву язык.

Адэр покачался из стороны в сторону, с трудом перекатился на живот. Ушло несколько минут, пока встал на четвереньки.

— Время идет, — промолвил Жердяй.

Адэр заполз за валун. Цепляясь руками за острые края, поднялся. Расстегивая непослушными пальцами ширинку, взглядом пробежался по межгорному провалу.

Слева и справа — отвесные скалы и зияющие чернотой пещеры. Сзади — более-менее пологий склон, покрытый каменными глыбами. Впереди — вытянутое, усеянное валунами плато. Вдали — то ли небо, то ли море; граница между ними не просматривалась. Оттуда доносился шум прибоя.

Двое отморозков сидят на корточках возле расщелины. Из железной корзины торчат закопченные факелы. Еще один мужик помешивает варево в казане над костром. Хромой мальчишка складывает в кучу хворост. Осы и Хлыста не видно. Пусть еще двое охраняют подходы к лагерю. Итого восемь, не считая ребенка — пока не понятно, на чьей он стороне.

Адэр поднял глаза. На вершине вихрастого утеса заметил человека. Черт... Сколько же их? Повернулся к Жердю. От перекоса его губ и злобного прищура стало не по себе. Перед внутренним взором промелькнули обожженные ступни невольников.

— Даже не думай. Отсюда еще никто не сбежал, — произнес Жердьяй и связал ему руки за спиной. — Пошел!

Пошатываясь и спотыкаясь, Адэр побрел к пяти стоявшим в ряд ветхим постройкам. Поймал на себе затравленный взор мальчугана. Коротко кивнул ему. Мальчишка зыркнул по сторонам, будто искал — кому адресован знак внимания, и шмыгнул за угол хибары.

Жердьяй с порога втокнул Адэра в лачугу, хлопнул дверью и клацнул задвижкой. Вмиг стало душно и жарко. Мокрая рубашка с вырванными пуговицами скомкалась на спине, обнаженная грудь покрылась едким потом. Влажные штанины перекрутились на ногах и доставляли больше неудобства, чем удовольствия.

Стоя посреди лачуги, Адэр разглядывал железный крюк под крышей и цепь, на которой он провисел всю ночь, и не мог заставить себя повернуться к Малике. В том, что над ней надругались, ее вины не было. Но мысль, что не было криков и сопротивления, вызывала отвращение. Даже самая развратная девка верещит, когда ее берут силой. И лишь непонятная возня вынудила покоситься в сторону Малики.

Она сидела под стеной, прижимая к груди колени, и пристально рассматривала опущенные на землю кисти рук с синюшными пальцами. Ноги, обутые в серые стоптанные башмаки, стояли на запястьях, точнее, на веревке, которая стягивала их.

— Что ты делаешь? — спросил Адэр, почуяв неладное.

Малика подняла на него замутненный взгляд:

— Какая вам разница? — И вновь уставилась на руки.

Он не нашелся, что ответить. Указывать на недопустимость фразы смешно, когда делишь один короткий поводок с плебейкой.

— Я хочу вправить плечи, — тихо промолвила Малика.

— Ты с ума сошла!

Она безмолвно согласилась, качнув головой.

— Чтобы поставить суставы на место, надо, по крайней мере, разбираться в строении человека, — говорил Адэр, волнуясь и не совсем понимая, откуда взялось это звенящее на высокой ноте волнение, и зачем он вообще что-то говорит.

— Отвернитесь, — сказала Малика и закусила ткань юбки.

Ее челюсти напряглись, на шее вздулись жилы, от натуги затряслись колени. Адэр хотел отойти и не смог — его словно пригвоздило к полу.

Малика сделала глубокий вдох, задержала дыхание и на выдохе резко выпрямила ноги.

Хруст — красивый звук, когда под сапогами хрустит тонкий лед или трещат ветки под тяжестью снега. Когда же захрустели суставы, у Адэра возникло чувство, будто это его кости вылетели из тела, разорвав кожу в лохмотья. Он рухнул на землю. Выгнулся. Обмяк.

— У вас слабые нервы, — произнесла Малика, и ее мертвенно-белые губы едва дрогнули. Откинулась на стену и опустила веки.

Глядя на нее, Адэр понял, что испытал ее боль. Понял, что сходит с ума.

На закате дня Хлыст поставил возле порога две плоски — одну с водой, от второй воняло рыбой и луком. Потоптался на месте и, не произнеся ни слова, удалился. Снаружи донеслись щелчки плети, стоны и хрипы. Под руками и коленями пленников прощуршали камни — бедолаг гнали на ночлег в одну из хижин.

Адэр смотрел в разодранное крышей фиолетовое небо и ждал, когда его захлестнет новая волна безумия.

— Сегодня вечером мы с Анатаном должны были вернуться в «Рисковый», — промолвила Малика.

Ее слова, подобно живительным каплям дождя, упавшим в высохшее русло реки, растормошили Адэра. Он поднялся, неторопливо прошелся вдоль стен, и уже не в состоянии сдерживать шаг, закружил по лачуге, увлекаемый бурлящим потоком мыслей.

В том, что Крикс бросится на поиски, сомнений не было. Сколько пройдет времени, пока командир «прочешет» несколько миль пустоши и гор между двумя последними приисками? С пустошью он расправится быстро — с любого холма она просматривается до горизонта. А горы? И дернул же черт запрятать в грот автомобиль — единственную подсказку, где их искать.

— Вы обратили внимание, что у Хлыста ботинки из Тезара?

Расхаживая по лачуге, Адэр покосился на Малику. Вот только не надо обвинять во всем Тезар.

— Может, он жил в «Горном»? — предположила она.

Жил подонок в «Горном» или забрал ботинки у кого-то из пленников — какая разница?

— А остальные? Похоже, из лагеря смертников есть выход.

Конечно, есть — с водопадом на скалы. Смертникам, видать, повезло, раз отделались рубцами и шрамами.

— Странно, — произнесла Малика, — мое имя вы запомнили с пятого раза.

Адэр не выдержал:

— Ты считала?

— Считала, — в ее голосе послышался вызов. — «Эй! Ты! Стой! Иди!» Вы обращались ко мне как угодно, но только не по имени.

— Ты чем-то недовольна?

— А как зовут племянника Крикса, вы почему-то сразу вспомнили.

— Тори Вайс — так звали мою мать. Тори из династии Вайс, — произнес Адэр, сделав ударение на последнем слове. — Еще вопросы?

— Я сказала все, что хотела, пока у вас не пропало желание со мной разговаривать.

— Считай, уже пропало.

Адэр сделал круг по лачуге. Не на том человеке он срывает злость. Не на том... Но те пока недосягаемы для его гнева, а эта рядом — опороченная, покорная пошлым прихотям и грязным рукам отморожков. И те не знают, кем он является, а эта — живой свидетель его падения.

Думы о собственном позоре убивали его. Что-либо изменить он был не в силах. И откуда брать силы? После ночной прогулки «по нужде» новоиспеченные хозяева их с Маликой судьбы под хохот и улюлюканье пытались принудительно накормить его какими-то обедками. Они вталкивали вонючими пальцами ему в рот то, на что было противно смотреть. Его вырвало.

Окатив Адэра водой, подонки повторили попытку. Его снова вырвало. Мучители не

остановились, пока кто-то не принес корку хлеба, и он не проглотил кусок. Его вздернули на цепи и оставили на долгую промозглую ночь наедине с отравляющими разум мыслями.

Выныривая из кошмарных сновидений и бездонных провалов рассудка, Адэр не различал, где бред, а где явь. Видел в темноте блеск чьих-то глаз и радужную россыпь фейерверка, слышал шипящие голоса и звон хрустальных бокалов, чувствовал горячее дыхание на замерзших пальцах и прикосновение к раскаленному лбу чьих-то прохладных губ.

Когда солнце протолкнуло в щели крыши первые лучи и выгнало из лачуги клочья вязкого и липкого, как тенёта, мрака, Адэр вспомнил о Малике — после измывательств он слишком быстро и глубоко погрузился в себя и выпустил ее из виду.

Малика сидела в уголке лачуги и выглядела одинокой и брошенной.

— Как твои плечи?

Она встрепелулась, взмахнула ресницами:

— Спасибо, уже лучше.

— Скоро все закончится, Малика. Надо чуть-чуть потерпеть.

— Спасибо.

— За что ты благодаришь меня?

— За то, что рядом с вами я ничего не боюсь.

Адэр сумел подняться на ноги и встретить Хлыста, глядя ему в лицо. Нахмурившись, бандит вывел сначала на воздух Малику. Вернувшись, толкнул ее, дрожащую как осинка, к стене. Неуверенной походкой, будто чего-то опасаясь, приблизился к Адэру.

Снимая с его рук цепь, тихо произнес:

— Взбрыкнешь, и ей конец.

Адэр вышел из лачуги и невольно затаил дыхание. Боже все милостивый! Это же Его небо — бескрайнее, синее поле, окаймленное полупрозрачными кружевами облаков. А внутри лазури васильков — Его солнце: беспощадное, раскаленное. А вокруг — Его горы, покрытые таинственной вязью, с косыми, будто срубленными вершинами. А у подножия скалы — Его море. Скрытое от взора, оно, не таясь, заявляет о своем присутствии — недовольно бормочет и угрожающе гудит. А Он намного выше моря, и между ними только небо.

В поясницу воткнулась рукоятка кнута.

— Пошел!

Адэр посмотрел через плечо в изуродованное шрамами лицо, в колючие глаза под нависшим лбом, напоминающим кривой карниз. В седых вскосмаченных волосах копошилась божья коровка — черная с красными точками. Приподняла надкрылья, расправила тонкие нежные крылышки и, подхваченная порывом ветра, исчезла в синеве. Непостижимым образом ужасное и прекрасное уживаются рядом. И это ужасное ходит по Его земле и то лишь потому, что Он разрешает ему ходить.

Хлыст опустил кнут:

— Ты чего?

Адэр отвернулся.

У входа в одну из пещер сидели на корточках двое подонков. Из бездны сознания всплыла уверенность, что невольники там, в глубине черного зева. Вдруг зашевелился зародыш подозрения — это и есть тот заброшенный прииск, о котором говорили Малика и Анатан. Всего лишь зародыш в чреве сомнений.

Адэр разглядел среди глыб молодую женщину в стареньком платье. За спиной большая котомка. В руках корзины, накрытые тряпицами. Фартук с рюшами, поникшими как лепестки увядающих цветов, съехал на бок. Из-под выгоревшей косынки выбилась дерзкая пышная прядь. При виде Хлыста худое, болезненно-бледное лицо озарила счастливая улыбка. Женщина ускорила шаг.

— Подожди, — крикнул ей Хлыст и, развязав Адэру руки, буркнул: — У тебя минута.

До позднего вечера Адэр простоял возле двери, наблюдая в щелку за бандитом и его зазнобой. Он не мог сказать сам себе, о чем думал. Он просто смотрел, как парочка, тихо воркуя, сидит у костра. Изуродованная подагрой пятерня, привыкшая держать кнут, неловко поправила загнувшийся воротничок застиранного платья, неумело затолкнула под косынку непослушную прядь. Напряженно скользнула по худенькой спине и замерла на узелке фартука. Зыркнув по сторонам, Хлыст вскочил, помог подняться своей гостье, и они исчезли из виду.

Мимо двери прошел некто в брезентовом плаще (в такую-то жару!), обдав Адэра запахом прокисшего пота и свежее испеченного хлеба. Еще один, гибрид выродка и франта, — с обнаженным костлявым торсом, исчирканным кривыми шрамами, но зато в кепке и алом платке на шее (чем вдруг напомнил костюмера), — поставил возле костра пустые корзинки. Поворошил угли и скрылся из глаз.

Сквозь шум разгулявшегося ветра пробился счастливый смешок, послышалось довольное урчание (или это урчал сквозняк?), прощуршали камни под ботинками, и парочка появилась в свете костра, плюющего в грязно-розовый воздух раскидистые снопы искр.

К огню подсел Оса. Как только с его языка сорвалось имя подруги Хлыста — Таша, Адэр покинул наблюдательный пост возле двери. Он заполнил в памяти все выемки и пустоты, нанес последний мазок на самую жуткую картину в своей жизни. Ему уже неинтересно, что будет твориться за стенами лачуги. Его не волнует, что произойдет внутри. В нем накопилось столько ненависти, столько ярости и злости, что он перестал бояться смерти — с таким грузом на тот свет не уходят. Осталось дожидаться Крикса и с помощью Тезара стереть Порубежье с лица земли.

Во времени Малика и Адэр ориентировались по тусклому свету в щелях лачуги. Ночью дрожали от холода, днем изнывали от жары. С ними никто не разговаривал. Они сами, утомленные ожиданием, не хотели ни с кем разговаривать.

Их выводили на воздух, окатывали морской водой. Насильно пичкали Адэра рыбой или хлебом, сажали на цепь. Иногда вспоминали о нем утром, иногда после полудня. Снимали с цепи и вновь забывали до позднего вечера. Малика на весь долгий день перемещалась к двери, Адэр мерил лачугу тяжелыми шагами или рассматривал в дырах облака.

Они не обменивались ни взглядом, ни словом. Слыша дыхание друг друга, притворялись глухими и устало барахтались в одиночестве. Они жили под одной крышей, одной жизнью, но в разных мирах.

***

Шли пятые сутки неволи. С раннего утра в лагере царило непривычное оживление. То и дело раздавалась отборная брань, хлопали двери хибар, по камням шлепали босые ноги и шебаршили подошвы башмаков.

Откуда-то сверху донесся тоскливый свист, похожий на песнь умирающей птицы. Прозвучал еще дважды (условный сигнал?). На какое-то время все стихло. Затем понеслась быстрая невнятная речь, будто человек вознамерился за несколько секунд рассказать о жизни, насыщенной важными событиями. Вновь наступила тишина. Складывалось впечатление, что в лагерь пожаловал долгожданный гость. Выслушал отчет и теперь размышляет над словами хозяев, а те боятся сбить его с мысли.

Адэр, если бы мог, давно прилип бы к щелке между досками, но, пристегнутый к цепи, топтался в углу, напрягал слух и косился на Малику, скрутившуюся в калачик возле стены.

Сделал шаг в одну сторону, в другую. Не выдержал:

— Малика! Посмотри, что происходит.

Она с усилием поднялась. Пошатываясь, побрела к двери.

Адэр скользнул взором по висящему мешком платью:

— Малика!

Она посмотрела через плечо — щеки впали, глаза ввалились.

— Тебя не кормят?

— Я не голодна.

Адэр нахмурился. После ночных издевательств с кормежкой он был не в состоянии следить за происходящим. Рассудок требовал отдыха и незамедлительно получал его. А утром будила надежда, что пришел последний день, который он проведет в зловонной лачуге. Ожидание Крикса настолько захватывало, что все вокруг становилось неважным. Но почему не кормят Малику?

Она приникла лбом к двери. Глядя в щель, промолвила с дрожью в голосе:

— Там ракшады.

— Кто?!

— Ракшады.

Малика, безусловно, ошиблась. Во-первых, Ракшада расположена по ту сторону Тайного моря на материке с удивительным названием — Лунная Твердь. Во-вторых, морскую границу Порубежья охраняют рифы, и нет ни единого порта или причала, где смог бы пришвартоваться чей-либо корабль. В-третьих, Тезар и Ракшада — две сверхдержавы — находятся в замороженном состоянии молчаливой войны. Двадцать лет назад они закрыли друг перед другом двери — разорвали дипломатические, торговые и прочие отношения. За прошедшие годы ни разу не обменялись письмами или устными сообщениями. На международные заседания приезжает правитель либо одной, либо другой страны, и никогда — одновременно. Вряд ли какой-нибудь ракшад пойдет против своего владыки и ступит на земли сына Великого, зная, к чему это приведет.

— У тебя разыгралось воображение, — сказал Адэр.

Подергал цепь. Изогнулся, пытаюсь увидеть за спиной карабин. Сделал шаг вперед —

руки вздернулись, плечи заныли, веревка передала вены.

— Отстегни меня, — потребовал он, хотя понимал, что Малике вряд ли удастся исполнить приказ. Ее запястья были по-прежнему туго связаны; кожа отечных кистей, утратив природную смуглость, походила на кожуру несозревшей сливы.

— Им не понравится.

— Им не до меня. Я хочу посмотреть, кто пришел.

— Я же сказала — ракшады.

— Я их вживую не видел — а ты?

— Я видела на картинках, — проговорила Малика, продолжая глядеть в щель. — Последний наместник увлекался историей Ракшады. Я каждый вечер читала ему книжки.

— Сколько их?

— Трое.

— Отстегни меня!

Малика приблизилась. Надсадно дыша, долго теребила звенья цепи, царапала ногтями карабин, зубами грызла узел веревки. Наконец сдалась:

— Не могу.

— Посмотри, что они делают.

Она вернулась к двери. Приникнув в щелке, произнесла озадаченно:

— Рассматривают стекляшки.

— Малика! Какие стекляшки?

— Стеклянные камешки.

Адэр насторожился. Не ограненный алмаз выглядит довольно непривлекательно, и не сведущий в геммологии человек может принять его за остроугольный комочек застывшего стекла. Неужели это и есть заброшенный прииск, от посещения которого его отговаривал Анатан?

— Где они стоят? Возле двери?

— Нет. Возле костра.

— Ты не можешь видеть камни с такого расстояния.

— Ракшад рассматривает их на солнце. Они прозрачные... и блестят. — Малика повернула к Адэру. — Алмазы?

— Не знаю. Возможно.

— Но Анатан говорил, что заброшенный прииск находится возле Ущелья Испытаний.

— Значит, ему нельзя верить. Как и всем остальным.

Малика вновь приникла к щели. Отскочила:

— Идут. — Стремительно приблизилась к Адэру. В глазах лихорадочный блеск, на щеках нервный румянец. — Пообещайте, что сделаете в точности так, как я скажу.

Он заволновался — еще не хватало, чтобы его подруга по несчастью повредила рассудком. Проговорил вкрадчиво:

— Малика... успокойся...

— Это наша единственная возможность вырваться отсюда, — вскричала она.

— Хорошо. Что я должен сделать?

— Вы скажете ракшадам одно-единственное слово «Йола», и вас не тронут. Меня сбросят в море. Меня должны сбросить в море, — говорила Малика вздохом. — Но вы не бойтесь, я выживу. Я могу нырять с любой высоты. И я отлично плаваю — так никто не плавает. Вам надо сказать «Йола». Сказать так, чтобы ракшады услышали и поняли, что вы

сказали. А я приведу Крикса.

Адэр вжался в угол. Тарабарщина пугала сильнее, чем шаги за стеной.

— Пожалуйста, пожалуйста, — частила Малика. — Сделайте, как я сказала. — Неожиданно рванулась к Адэру, уткнулась лбом ему в плечо. — Я боюсь.

Он грубо оттолкнул ее:

— Возьми себя в руки!

Открылась дверь. Порог переступили двое.

Оса установил посреди лачуги табурет. Натянув цепь, вынудил Адэра согнуться в три погибели. Хлыст сбил Малику с ног, пятерней вдавил лицом в бурое пятно. Глядя ей в затылок, Адэр судорожно сглотнул. В Ракшаде женщина, как низшее существо, должна лежать в присутствии мужчин, распластавшись по земле, лицом вниз.

Раздались тяжелые шаги. Бандиты скрутили спины кольцом.

Невзирая на жгучую боль в шее, Адэр приподнял голову. Ранее он рассматривал ракшадов разве что на фотографиях в учебнике истории. Теперь воочию видел могучего темнокожего воина. Это был действительно воин, о чем свидетельствовали выбритые виски. Крайне необычный человек с удивительной и пугающей внешностью: голый торс; от мизинцев до впадин над скулами татуировки в виде спиралей и лиан; прямой нос; блестящие изогнутые брови; миндалевидные темно-карие глаза; длинные черные волосы, стянутые на затылке в конский хвост; дымчатые кожаные штаны; сапоги из шкуры серого льва.

Поигрывая тонким металлическим прутом, воин уселся на табурет. За его мощной спиной застыли двое ракшадов — сочные тени своего хозяина: мускулистые тела; татуировки до локтей; глаза, подернутые поволокой; пепельные замшевые штаны; сапоги из рыжей, как огонь, кожи.

Ракшады равнодушно взирали на Адэра — так смотрят на монотонный унылый вид, проплывающий за окном автомобиля.

— Сколько? — спросил воин неимоверно низким голосом, от которого загудели стены.

— Десять моров, — заискивающим тоном ответил Оса.

Воин поджал темные губы.

Бандит запустил пальцы Адэру в волосы, задрал ему голову:

— Посмотрите хорошенько. Это редкостный товар. Много ли у вас рабов с золотыми волосами? А глаза? Посмотрите, у него синие глаза. Зубы все на месте. Лично проверял. Ногти крепкие. Ростом вышел. И в ширину удался. Вы за него в пять раз больше выручите, чем мы просим.

Воин указал прутом на Малику:

— Сколько?

— Да ни сколько, — произнес Оса. — Не ест, не пьет. Чахнет как скошенная трава.

— Намучаетесь с ней в дороге, — подключился Хлыст. — Братва нижайше просит оставить ее: бельишко заштопать, супец сварить, напряжение снять.

— Развяжи его, — приказал воин.

Хлыст и Оса забряцали цепью, щелкнули карабином, стянули с рук веревку. Ракшад небрежным кивком велел им убраться и, когда подонки закрыли за собой дверь, направил на Адэра холодный взор.

Несомненно, это был не рядовой воин, а важная в своей стране персона. Об этом говорили татуировки, сплошь покрывающие руки, плечи, шею и скулы. Что же еще знал Адэр о Ракшаде? Только то, что знает нерадивый студент, прослушавший вполуха курс

лекций по международной политике.

В той далекой и таинственной стране укоренились дикие традиции и царят безжалостные законы. Там продают своих дочерей, а сыновей забирают у матери, как только та перестает кормить их грудью. Там правителя называют хазир, а Совет — Хазирад. Там в кресле старшего советника сидит верховный жрец, ибо для любого ракшада Всевышний был, есть и будет на первом месте. Там многочисленная армия и не имеющий себе равных флот. Та страна, по величине не уступающая Тезару, подписав всемирный пакт о разоружении, заменила каждый клинок воином, обученным убивать. И той страной правит хазир Шедар Гарпи, который ради престола сжил со свету отца и старших братьев.

Адэр смотрел на воина. Такой не воскликнет с искренним удивлением: «Эй! Парень! Ты как тут оказался?» Не выведет за порог и не похлопает по плечу: «Ну, будь здоров!» В его мужской красоте не было ничего человеческого: лицо походило на выточенную из камня маску, великолепно сложенное тело напоминало изваяние из шоколадного мрамора. И только мерцающие глаза напоминали: это нечто — живое.

Адэр надеялся, что всклокоченные волосы, пятидневная щетина и замызганная одежда собьют воина с толку. Не потому, что боялся разоблачения. А потому, что какой-то воин восседал на прогнившем табурете, как на троне, а он, правитель страны, как презренный раб, еле держался на ногах.

— Жалкое подобие великого отца, — произнес воин.

Узнал...

Адэр вздернул подбородок:

— Кто тебе дал право топтать мою землю?

— Ты не понимаешь, кто здесь хозяин.

— Это ты не понимаешь, перед кем сидишь.

— Понимаю. Перед владыкой клочка карты, повелителем неотесанной гольтьбы, властелином убожества. Мне продолжать? — Воин поднялся, приблизился к Адэру. — Теперь я знаю, почему Моган выдворил тебя из Тезара. Ты не бился с обидчиками насмерть, не вгрызался в их глотки, не пытался сбежать. И сейчас ты сжимаешь кулаки вместо того, чтобы наброситься на меня. Ты — позор своей отчизны. Ты настолько ничтожен, что я даже в насмешку не склоню перед тобой голову.

— Придет время, и ты встанешь передо мной на колени.

Прут рассек воздух, сбоку вспорхнула тень, и Адэр, сбитый Маликой с ног, упал. Все произошло так быстро, что несколько долгих секунд он лежал, тупо наблюдая, как на рукаве серого платья расплывается темное пятно. Опомившись, столкнул с себя Малику, вскочил. Приятели воина свалили его на живот. В подбородок вжалась лоснящаяся шкура серого льва. Адэр дернулся. Ракшады коленями вдавили его в пол.

— Поцелуй великому воину ноги, и он подарит тебе легкую смерть, — прозвучал шипящий голос.

— Поистине великий воин дарит жизнь, — промолвила Малика.

— Молчи, — прохрипел Адэр.

По диким законам Ракшады за слово, обращенное к мужчине, женщину приговаривали к смерти.

— И если ты действительно великий, — наперекор ему вновь заговорила Малика, — отпусти нас.

Воин сел на табурет. Закинув ногу на ногу, принялся что-то выводить прутом на

земляном полу. После недолгих раздумий подал своим сообщникам знак пальцами. Те сползли с Адэра и позвали Осу и Хлыста.

Поднявшись на ноги, Адэр сцепил за спиной руки, расправил плечи, вскинул голову — он готов услышать приговор.

— Даю двадцать моров. Ей на шею камень и с обрыва. Его скормить пещерным крысам, — произнес воин и с невозмутимым видом удалился.

***

Слова ракшада не давали Адэру покоя. Несмотря на конфликт между Тезаром и Ракшадой, воин недружелюбной страны называет Могана великим, а его — жалким подобием.

Отец взошел на престол в шестнадцать лет во времена относительно тихие и спокойные. Народ жил ровно, без особых потрясений, и Тезар походил на пруд со стоячей водой, покрытой ряской и тиной. Моган с юношеским максимализмом расшевелил тяжелое на подъем высокородное сословие, робкое перед новыми и трудными делами, выдернул народ из безмятежного пруда, очистил и оживил воду.

Он действовал с полным произволом — страдали все, но подчинялись, ожидая, когда молодой неопытный правитель споткнется и уже не встанет. Его имя произносили сквозь зубы, смеялись над ошибками, злорадствовали при затруднениях. И только через долгие девять лет, увидев первые результаты произвола короля, подданные заговорили о нем с неподдельным почтением. А еще через пять лет Могану дали второе имя — Великий, ибо его знают современники, его не забудут потомки, ибо его ошибки и затруднения временны, а заслуга перед отчизной вечная.

Почему же он, престолонаследник могущественного Тезара, в свои двадцать пять лет ничтожен и жалок? Потому что у него клочок карты, а не богатая и сильная страна? Потому что у него грубая и неотесанная голытьба, а не сплоченный и преданный народ? Нет. Потому что великий отец променял сына на державу. Как только умерла его единственная любовь — Тори Вайс, — Моган забыл о нем. И как Адэр ни пытался напомнить о себе, Тезар для отца всегда был важнее. Великий собственными руками вылепил из сына презираемого ракшадом пленника, ожидающего смерти в зловонной лачуге.

Адэр перевел взор на Малику. Опустив веки, она неподвижно сидела возле стены. Глаза ввалились, на лбу бисеринки пота, пересохшие губы плотно сжаты. Окровавленная ткань платья, вспоротая прутом, открывала на плече глубокий дугообразный разрез с вывернутой по краям плотью.

Адэр словно раздвоился. Его восхищали смелость и выносливость Малики. Он столько дней черпал из этих далеко не женских качеств собственную силу и понимал, что стержень внутри него — это она, девица из низшего сословия. И в то же время смотрел на нее, как смотрят на грязь под сапогами, боролся с презрением, но ничего не мог с собой поделать.

— Ты ждешь от меня благодарности? — спросил Адэр.

Малика устремила на него взгляд:

— Нет. Не жду.

— Правильно, что не ждешь. Ты поступила очень глупо.

Она изогнула бровь.

— Нет, я ошибся. Твоей самой большой глупостью было не прыгнуть под прут, а заговорить с ракшадом. Будь ты немного умнее, он сохранил бы тебе жизнь. Продолжала бы

ублажать мужиков.

Лицо Малики покрылось красными пятнами.

— Как я понял, ты уже нашла общий язык с Жердям. Ну и как он? Силен в мужских делах?

— Я вас прощаю, — промолвила она.

— Разве я просил у тебя прощения?

— Вы не такой, каким хотите показаться.

— Меньше всего меня волнует, каким я тебе кажусь.

— Сейчас говорит ваша темная сторона.

— Я могу повернуться к тебе другим боком. И уж поверь — ничего не изменится.

— Вы боитесь смерти, и за гнусными словами пытаетесь спрятать страх.

— Пока мы здесь сидели, я сотню раз умер. Теперь я знаю — намного легче умереть один раз, по-настоящему.

Адэр запрокинул голову. В дырах крыши серебрилось небо, а на душе выл ветер, гремел гром и хлестал дождь. Если ему не связали руки и не пристегнули к цепи, значит, неминуемая смерть близка. Чем заняты бандиты? Провожают ракшадов? Или делят деньги? Безусловно, важное занятие. Опять же важнее, чем он.

— Вам надо продержаться одну ночь, — проговорила Малика.

— Я попрошу крыс поедать меня медленнее.

— Мне нужна всего лишь ночь. На рассвете мы с Криксом придем за вами.

Адэр сел рядом с ней, прижался затылком к стене:

— Сколько метров до моря? Сто? Двести?

— Думаю, больше.

— Ты, вероятно, не знаешь, что при прыжке с большой высоты удар о воду все равно, что удар о бетон.

— Я знаю, как надо нырять.

— А вдруг там подводные скалы. Ты об этом не думала?

— Я не думала, что вы так быстро сдадитесь.

— Ты пытаешься подарить мне надежду, но не понимаешь, что навязываешь еще одну ночь кошмаров и мучений.

— Вам так не терпится умереть?

Адэр смотрел в черные глаза как в зеркало. Видел себя изнутри и снаружи и искал в себе силы отвернуться — отражение не нравилось: с виду он этакая заумная ехидна, а душа трясется зайчонком.

— Я не боюсь смерти в глобальном смысле слова, мы все когда-нибудь умрем. Но не хочу умирать долго и мучительно. И если мне суждено умереть сегодня, хочу, чтобы смерть была мгновенной.

Снаружи слышались шаги.

— Это за мной, — сказала Малика и поднялась. — За вами придут, когда стемнеет. Днем пещерные крысы не нападают на людей.

Адэр схватил ее за руку:

— Постой. — Сжал прохладные девичьи пальцы. — Обещаешь за мной вернуться?

— Обещаю.

— Я буду ждать.

Когда Жердьяй вывел Малику из лачуги, Адэр уткнулся лбом в согнутые колени и

обхватил руками голову.

***

Малика все поняла.

Скользнула взглядом по ленивым пенным облакам. Мун говорил, что облака бывают глубокого белого цвета, а небо — ярко-синим, бирюзовым, лазурным или серебристо-голубым.

Посмотрела на солнце, зависшее над горной вершиной, похожей на горлышко бутылки. Говорят, что цвет солнца зависит от высоты над горизонтом. Интересно, какое оно сейчас?

Конечно же, Малика, как и любая другая незамужняя моруна, различала цвета, но видела мир сквозь мутную пленку, которая странным образом делала краски бледными, тусклыми, будто разведенными грязной водой, и при этом не искажала четкость и резкость окружающей картины. Лишь познав плотскую близость с любимым и любящим мужчиной, моруна постигает все разнообразие цвета и его великую силу.

Взор Малики перескакивал с костра на горы, с торчащего из расщелины кустика на шумную стайку пичуг. Она старалась сохранить в памяти все размытые краски без оттенков. Скоро она погрузится в серый мир, ибо принесет себя в жертву. Только так она сможет отомстить.

Жердяй толкнул ее:

— Пошла!

Малика вдохнула соленый воздух и направилась к бандитам, сгрудившимся возле крайней хибары.

Внутри вдоль стен лежали горбатые тюфяки, валялись рваные одеяла и грязное тряпье. На перевернутой бадье сидел седой ребенок.

— Уйди, Вайс, — попросила Малика.

Мальчуган сполз на землю, втиснулся в угол и сжался в комок.

Хлопнула дверь. В хибаре сгустился и потемнел воздух. Малика повернулась к мужикам.

Молчат и прерывисто дышат. Глазют слащаво, с вожделением. Жердяй облизнулся, покосился на пижона в кепке и алом платке на шее. Лысый голодранец с прыщавым лицом сплюнул через губу. Хлыст толкнул локтем Осу. Оса кивнул человеку в брезентовом плаще и капюшоне, скрывающем лицо.

Пока похотливая братия, удерживаемая силой взгляда, робела — переминалась с ноги на ногу, пыхла и потеряно мялась, — Малика считала. Шестеро... Один остался возле лачуги Адэра. Двое возле расщелины сторожат невольников. Один на вершине утеса. Наверное, еще двое засели где-то на подступах к лагерю. Итого двенадцать. Значит, достаточно четверых, чтобы они перегрызли остальных глотки.

С двумя будет покончено здесь же, в этой лачуге. Следующими будут сторож Адэра и надзиратели горемык. Затем испустят дух караульные. Тот, что дежурит на утесе, вероятнее всего, бросится в бега. Возможно, его преследование затянется на всю ночь. Ближе к утру эти четверо передерутся. В конечном счете, останется один. И на рассвете она убьет последнего.

К полудню они с Адэром доберутся до «Рискового». Вечером она вернется сюда, чтобы привести в исполнение свой смертный приговор. Только бросится не в море, а на самую острую скалу. Она сама остановит свое сердце, ибо совсем скоро все ее чувства умрут, и

исчезнет смысл бытия.

Ей суждено пробыть в сером мире всего лишь сутки. Сутки из двадцати двух лет — вычет невелик. А значит, жизнь прошла не зря.

Оса похрустел пальцами, склонил голову к плечу. С показной бравадой приблизился. Попытался растянуть рот в ехидном оскале, но так и замер, приоткрыв изреженный ряд желтых зубов.

— Не смотрите ей в глаза! — гаркнул человек в плаще. Подскочил к Осе, оттолкнул его в сторону. — Не смотри ей в глаза!

Слишком неожиданным и сильным был удар в лицо. Всхлипнув, Малика отлетела назад, затылком впечаталась в стену и стекла на пол. В ушах загудело.

«Твою мать...» — «Какого хрена...» — «Бурнус! Совсем сдурел?»

— Это моруна, — произнес человек в плаще и опустил перед Маликой на корточки.

— Брось, — насмешливо проскрипел Оса. — Моруны все сдохли.

Бурнус скинул капюшон. Смоляные волосы, правильное, с тонкими строгими линиями лицо, серые, как сталь, глаза, черные брови вразлет. Перед Маликой сидел ветон — представитель древнейшего народа Порубежья.

— Хотела обуть нас на обе ноги? Не выйдет, — процедил он сквозь зубы и бросил через плечо: — Отвечаю. Такая, как она, свела моего прадеда в могилу.

— Хватит лясы точить, — возмутился прыщавый голодранец. — Хочешь быть первым — давай. Не задерживай очередь.

— Стадо идиотов, — прошептал Бурнус и поднялся. — Моруны превращают мужиков в рабов. Вы хотите стать ее рабами?

Бандиты переглянулись.

— Сказки все это, — проговорил Жердяй. — Не встает на девку, отвали.

— Моруна нельзя брать против ее желания, — встрял в разговор пижон с платком на шее. — Слышали о проклятии?

— И ты отвали, — выпалил Жердяй.

— И отвалю, — огрызнулся пижон и вышел из лачуги.

— Я слышал, что у моруны светлые волосы, — сказал прыщавый голодранец.

— И бледная кожа, — добавил Хлыст.

— А глаза? — спросил Бурнус.

— Ну, черные. И что? — Хлыст пожал тощими плечами. — У нас в «Горном» баба жила. Вот у той глазищи были, похлеще этой. Муженек топором ее искромсал. Значит, не раб.

— Значит, не моруна, — отрезал Бурнус.

— Да разве ж баба лежит как стелька, коль не по желанию? — прогнусавил прыщавый.

— И то верно, — согласился Оса. — Девка ждет, а мы яйца парим.

— Ага, ждет, когда ты вдуешь, — вставил Бурнус. — Если уж проклинать, то наверняка.

Хлыст навис над Маликой:

— Эй! Шалава! Рассуди нас с братками — ты моруна или нет?

Прыщавый почесал в паху:

— Так она тебе и скажет.

— Брехня все это, — обозлился Жердяй. — Нет моруны и баста! А если у вас кишка тонка, не мешайте. — За лодыжки оттащил Малику от стены. Навалился сверху. — Да что ж ты трясешься? Неужто под мужиком не была?

Малика запрокинула голову. Мальчишка, глядя на нее, беззвучно шевелил губами.

— Вайс! Отвернись!

Жердьяй заерзал, втискиваясь между ее ног:

— Дурочка... расслабься.

— Сынок! Отвернись! — взмолилась Малика.

Жердьяй оттянул ворот ее платья, уткнулся носом в шею:

— А пахнешь-то как! — Лизнул. — Ах, ты ж, моя сладость. — Прижался щекой к ее груди. — Сердечко бьется... — Заскользил пятерней по ноге Малики, приподнимая подол платья. Выдохнул: — Ох, ты ж, Боже мой...

Скрипнула дверь.

— Я вспомнил! — прозвучал от порога голос пижона. — На спине моруны должны быть письмена.

— К черту письмена, — простонал Жердьяй.

— Жердьяй! — промолвил Бурнус. — Давай посмотрим.

— К черту!

— Жердьяй! — гаркнул Хлыст.

Взвыв, бандит сполз с Малики. Перекатил ее на живот. Рванул платье.

Она знала, почему мучители затаили дыхание. На ее спине не просто письмена. По телу бегут строчки, бледнеют, на их месте появляются новые фразы на разных языках и наречиях. Она не могла их прочесть и, тем более, запомнить, но чувствовала, как ежесекундно раздвигаются границы ее сознания, и понимание многих вещей возникает непостижимым образом из ниоткуда.

«Дьявол!» — «Что это?» — «Ведьма...» — «Ну ее на хрен!»

Жердьяй перевернул Малику на спину:

— Ладно... Нельзя без согласия? Не будем. — Развязал ей руки. Встал на колени, спустил штаны. — Возьми его. — Разжал ее пальцы. — Бери, говорю! — Вложил ей в ладонь липкую плоть. Под крышей лачуги пролетело надсадное «ох-х-х».

Подергался взад-вперед:

— А теперь ротик открой. — Обхватил пятерней ее челюсть. — Рот открой! — Попытался всунуть пальцы между стиснутыми зубами. — Открой рот, сука! — Заехал кулаком Малике в нос. — Ори, падла!

От следующего удара лопнули губы.

— Я ж тебе, сука, всю морду расквасю. Открой рот!

От очередного удара заложило уши и загасило свет.

И тут как ахнуло ботинком в бок. Малика скрутилась. Пинок в спину заставил выгнуться и открыть для удара живот. Каждая новая боль заглушала предыдущую. В глаза впивались искры — разве они не должны вылетать из глаз? И дышать можно только в себя — выдохнуть не получается. Вдруг накрыла единая сокрушительная боль и потащила за собой в черный водоворот.

Хлыст стиснул Жердьяю локоть:

— Хватит!

Тот нанес еще удар, который с глухим звуком отскочил от тела девушки.

— Хватит, — произнес Хлыст.

Жердьяй вытер лоб, посмотрел по сторонам:

— Где все?

— Ушли.

Жердяй схватил Малику за щиколотку:

— Теплая. А если мертвую моруну отхарить?

— Кто-то идет. Верхогляд уже два раза свистел.

— Вот дьявол! Остынет, — с досадой сказал Жердяй и постучал по телу окровавленным ботинком. — А с ней что делать?

— Пусть лежит. Потом выбросим.

Жердяй вытер руки о майку и вслед за Хлыстом выскочил из лачуги.

Вайс подполз к Малике. Прижался щекой к вогнанным в землю пальцам:

— Мама...

***

Шагая между обломками скалы, Анатан посмотрел на солнце. Через два часа надо вернуться к Великкамню — Крикс не любит ждать. Если стражи не найдут Яра и Малику куда кидаться? Провалов, расщелин и бездонных пещер в горах целое множество — всем народом Порубежья за год не обойти.

Первым делом команда Крикса обыскала заброшенный алмазный прииск — кто знает, может, инспектор захотел убедиться воочию, что месторождение действительно иссякло. Сегодня пришла очередь Ущелья Испытаний; упоминание о нем слишком часто мелькало в разговорах.

Анатан сомневался, что Яр и Малика отправились посмотреть на водопады, забыв о благоразумии. Они были озабочены задачей, поставленной перед ними правителем, и не походили на идиотов, которые ищут приключения на свою пятую точку. Кроме этого в Ущелье Испытаний вела узенькая дорожка, петляющая в таком же узком скальном коридоре. До входа в коридор пролегал достаточно ровная и широкая долина. По идее, машина инспектора должна быть где-то рядом. А машины нет. Однако Крикс, руководствуясь какими-то своими соображениями, решил все-таки проверить.

Анатан не пошел со стражами — ему хватало испытаний и риска на работе. Оставшись один, посидел в тени Великкамня, прижимая ладони к ушам — рев водопадов разносился на многие мили от ущелья. Потом подумал, что мог бы провести время с пользой. Поднялся на пригорок, окинул долину взглядом. Вскарабкался по ребристому склону горы и увидел вдали море. А если к нему есть спуск... а если к спуску есть проезд, о котором никто не знает... а если... Множество «если» вынудили Анатана пошагать между глыбами и спустя некоторое время привели его к обрыву.

Шум водопадов здесь был еле слышен, зато волны неустанно били в утес с нескончаемым воем и визгом. Вокруг рифов вздымались и оседали шапки серой пены. От сумасшедшей высоты закружилась голова. Анатан сделал пару шагов назад. Уперев кулаки в бока, осмотрелся. За спиной тянулся бесконечный кряж. Слева в заоблачной дымке виднелась гора Дара, пронзившая небо двумя вершинами. Вправо, вдоль края обрыва, бежала извилистая тропка. Может, пойти по ней? А надо ли?

Анатан решил повернуть назад, как вдруг потянуло дымком костра. Принюхался, обнюхивая палец, чтобы безошибочно определить направление ветра, и торопливо пошагал по тропе. Пока шел, раз десять оглянулся — казалось, что кто-то за ним наблюдает.

Неожиданно взору открылся длинный межгорный провал, усеянный камнями. В крутых склонах чернели пасти пещер. Скальные карнизы отбрасывали на плато угрюмые тени. У подножия более-менее покатога косогора в просветах между валунами просматривались... Анатан напряг зрение — там стояли лачуги.

С вершины утеса донесся крик перепуганной птицы. Вновь пахнуло костром, и над острым камнем появился легкий полупрозрачный дымок. Анатану бы тихонько уйти и чуть позже привести сюда Крикса с его ребятами, но он, ни на секунду не задумавшись, направился в сторону ветхих построек.

Возле огня сидели трое. Один — седой, косматый — затолкал кнут за пояс рваных

штанов, с озадаченным видом поднялся:

— Анатан? — Изуродованная шрамами физиономия расплылась в улыбке. — Анатан! Дружище! Не узнаешь?

— Асон?

Мужик раскинул руки:

— Собственной рожей.

— Бог мой! Не верю! — Анатан стиснул друга в крепком объятии. — Жив бродяга. Жив! — Держа Асона за плечи, слегка отклонился назад. — Дай-ка, я на тебя посмотрю. Нет, иди-ка сюда. — И снова прижал друга к груди.

Когда шквал эмоций немного поутих, Анатан посмотрел на лысого мужика с прыщавой мордой, на парня в кепке и алом платке на шее, вновь устремил взор на друга:

— Я не знал, что ты освободился.

— Я сам не знал, — ответил Асон и рассмеялся. — Шучу.

— По амнистии?

— По ней самой.

— Давно?

— Чуть меньше года.

— Ай да Таша... и ни слова ж никому, ни полслова...

— Видел ее?

— Видел. И пацанов твоих видел. И дочку. На похоронах Лабичи.

— Да-а-а... — протянул Асон, потер уголок глаза изуродованным подагрой пальцем. — Не думал я, что братишка помрет раньше меня.

— Почему на похороны не пришел?

Асон метнул взор на приятелей:

— Мы здесь незаконно. В смысле незаконно добычей занимаемся. Горный хрусталь ищем, малахит. А что? Вышли с братками на волю, посидели, покумекали. Кому мы, уголовники, нужны? У всех семьи, дети. Кормить как-то надо. Но ты — могила...

— Ты ж меня знаешь.

— Знаю. Потому и жалуюсь. Нельзя мне светиться в «Горном». Сразу попаду под колпак. На зароботке придется крест поставить. Семья на полку зубы сложит. Вот такая цепь получается.

— Понимаю.

— Вот и живу здесь с братками, глажу пузом пещеры. — Асон тяжело вздохнул. — Да что мы все обо мне и обо мне. Ты лучше о себе расскажи.

— За пять лет ничего не изменилось. Жена, детишки, работа, будь она неладная.

— Слышал, ты начальником прииска заделался.

— Заделался. — Анатан взглянул на клонившееся к горизонту солнце. — Вот я балбес. Мне ж идти надо.

— А чего приходил?

— Людей ищу. Мужчину и девушку. Может, видел? Он высокий такой, с золотистыми волосами, хорошо одет. Она простолюдинка...

— Черноволосая, черноглазая, — перебил Асон. — Они были здесь.

Анатан вытер о штаны вспотевшие ладони:

— Были?

— Ну да. Искали Ущелье Испытаний.

— Когда?

Закатив глаза, Асон задумался. Хлопнул себя по лбу:

— Дней пять назад. Точно! Сегодня пятый день.

— Куда они пошли?

— Туда, откуда ты пришел.

Анатан закурился на месте, озираясь по сторонам:

— Далось им это ущелье.

Асон свел брови:

— Чего высматриваешь?

— Понять не могу, как их сюда занесло. Ну да ладно... — Анатан протянул руку. —

Бывай, дружище. Дай бог, еще свидимся.

Крепко сжав ему ладонь, Асон притянул его к себе и прошептал в ухо:

— Не приходи сюда больше.

Кивнув, Анатан побежал по межгорной долине. Чем ближе становилось солнце, трущееся о край обрыва, тем тяжелее поднимались ноги. Анатан перешел на шаг, оглянулся. Костра не видно. В солнечных лучах блестят валуны. Вокруг тихо и спокойно, а на душе кошки скребут, и сердце слезы льет. Разбередила встреча с другом? Конечно, встреча — а что же еще?

Анатан медленно пошел между камням. Неожиданно что-то ударило в спину. Он обернулся. На земле лежал женский башмак.

Озираясь, Анатан попятился к обрыву — сбоку прозвучал тихий шлепок. Посмотрел в сторону — еще один башмак. Поднял. Обычный женский башмак, серый, стоптанный, в темных точечках и пятнах. Плюнул на носок, потер рукой, посмотрел на пальцы — кровь.

***

Хлыст, Пижон и Прыщ сидели возле костра.

— Ну, что там? — проскрипел Оса, прячась в крайней лачуге.

— Подожди. Пусть отойдет подальше, — ответил Хлыст.

— Зря ты его отпустил, — прозвучал из-за камня голос Жердяя.

Хлыст облокотился на колени, уставился на огонь. С вершины вихрастого утеса долетел тоненький свист.

Через пару минут донеслось:

— Асон!

Хлыст поднялся. Между валунами увидел Анатана:

— Чего тебе?

— Иди сюда.

— Уходи, Анатан!

— Мы с тобой больше не увидимся, Асон. Хочу обнять тебя напоследок.

Хлыст посмотрел по сторонам, подтянул штаны, поправил кнут за поясом.

— Тронете его — убью, — тихо сказал он и потопал к Анатану.

От крепких объятий запершило в горле. Хлыст не помнил, чтобы его кто-то так обнимал — искренне, горячо. И это сипение в ухо было таким трогательным и в то же время по-мужски скупым.

Хлыст довольно хохотнул:

— Да ладно тебе, Анатан. Жмешь как баба.

— Они у вас — я знаю, — прошептал друг детства, щекотнув губами щеку. — Ты обманул меня, Асон. Ты никогда меня не обманывал.

Хлыст опустил ладонь на рукоятку кнута.

Анатан еще крепче прижал его к себе:

— В миле отсюда Крикс с ребятами. Помнишь Крикса?

Хлыст судорожно сглотнул. Еще бы он не помнил Крикса, этого треклятого ублюдка, засадившего его за решетку на долгие двадцать лет. И только чудом попав к брату в каменный котел, ему удалось прервать свой срок.

— Он знает, куда я пошел. Если я через час не вернусь, он заявит сюда. И не один.

— Я ничего не боюсь, Анатан. Мне уже нечего терять.

— Тебе — нечего. А твоей семье? Твоим детишкам?

— Почему-то пять лет назад об этом никто не подумал.

— Давай подумаем сейчас.

— Пустой разговор.

— Я заплачу за них.

— Я сказал...

Анатан стиснул Хлыста так крепко, что слова застряли в глотке.

— Я дам тебе двадцать сапфиров. Двадцать изумительных сапфиров. По сапфиру за каждый год, что ты получил. Целое состояние, которое ты не заработаешь за тысячу тюремных жизней.

— Зачем мне камни? — выдавил Хлыст.

— Продашь в Партикураме. купишь дом. Заберешь семью. Выучишь сыновей. Дочку выдашь замуж. И пролежишь остаток жизни письюшкой кверху в обнимку с Ташей. — Анатан отпустил Хлыста. Широко улыбаясь, похлопал его по плечу. — Думай, Асон. Думай быстрее. Еще немного и твои братки заподозрят неладное.

Хлыст расхохотался. А в голове заметались мысли — как обвести братву вокруг пальца. Делиться с ними желания не было. Значит, надо провернуть дельце так, чтобы комар носа не подточил.

Анатан протянул руку:

— Ну как знаешь...

Хлыст торопливо сжал его ладонь:

— На рассвете возле Великкамня. И никаких Криксов с ребятами. Ты один.

— Договорились.

— Если кинешь меня... я выживу, я живучий. Я убью твою жену.

Анатан выдернул руку. Вытер о рубаху. Молча отвернулся и быстро пошел между валунами.

***

Жизнь лагеря, забившая ключом после ухода Малики, не смогла выдернуть Адэра из мрачных дум. Он размышлял над словами воина, которые не задели — изувечили самолюбие так, что вряд ли удастся его воскресить. Прокручивал в уме фразы, вызывал из памяти образ ракшада. А может, воин прав? Но если согласиться с главарем ничтожной шайки, потеряется смысл пережитого, выстраданного.

Неожиданно перед внутренним взором встал собственный образ — с опущенной головой, с поникшими плечами и подавленным взглядом, — такой беспомощный,

сломленный. В середине все взбунтовалось — мысли, чувства.

Нет... Нет! Он еще увидится с ракшадом. Обязательно увидится! Не сегодня, не завтра, чуть позже, когда будет смотреть на мир сквозь лучи своей славы. И обессмертить имя ему поможет не Тезар, разбуженный и возвышенный не им. И не тезарский народ, слагающий о Могане песни. Он должен собственноручно выточить свое величие из ущербного камня под названием Порубежье. Он должен не просто поднять страну с колен, а заставить ее взлететь.

Сколько потребовалось отцу, чтобы стать Великим? Четырнадцать лет. Он должен сократить этот срок, как минимум, вдвое.

Должен... Не используемое в свою сторону слово вырисовывало цели, ставило задачи. Оно обратилось стимулом и возбудителем стремлений, удививших новизной и высотой.

Приход Жердяя вернул на землю. Долговязый выродок пристегнул Адэра к цепи и затолкал ему в рот окровавленную майку. Извиваясь, Адэр давился желчью и желудочным соком. Жердяй натянул цепь, вынудив вжаться грудью в колени и уткнуться лбом в пол. Вязкая жидкая масса забила нос.

Адэр задышался; перед глазами вращались сверкающие спирали. Гаснущим рассудком понимал, что в лагере нежданный гость, но уже не мог совладать с телом. Когда изо рта вытащили кляп и окатили водой, долго кашлял и отплевывался. Еще какое-то время пытался вспомнить, что произошло. А потом о нем снова забыли.

До рези в глазах всматриваясь в темноту, Адэр висел на цепи и слушал песню сверчка, засевшего между досками крыши. В другом месте — на балконе замка Грёз или даже на крыльце Анатана — под монотонный мотивчик он предавался бы мечтам, но здесь, в ненавистной лачуге, молил Всевышнего заткнуть эту тварь. Сверчок способен стрекотать без перерыва в течение ста минут. Сейчас каждая невыносимо долгая минута прожигала душу как капля расплавленного железа. Адэр торопил время. Желание вернуться в замок и наконец-то приступить к работе достигло высшего предела.

Пришел Хлыст. Мгла скрывала его лицо, но Адэр узнал бандита по запаху. У каждого подонка настолько специфично воняли волосы, одежда и тело, что уже на третий день неволи Адэр безошибочно угадывал, кто войдет в лачугу, намного раньше, чем открывалась дверь.

На фоне сумрачного проема замерло нечто в длинном плаще и накинутом на голову капюшоне. Адэр невольно усмехнулся: а вот и смерть, только косы не хватает.

Хлыст с непонятной медлительностью повозился с цепью, но руки развязывать не стал. Вяло, будто нехотя, подтолкнул Адэра к двери. Таинственная фигура в плаще посторонилась.

В небе, подернутом туманной дымкой, завис рогатый месяц. Свет вокруг звезд был размытым и походил на мутную кайму. Со стороны моря не доносилось ни звука, и тишину над лагерем нарушали ленивый треск костра и настойчивый стрекот сверчка.

Лежа возле огня, Жердяй приподнялся на локтях:

— Ты же хотел его на добычу поставить.

— Передумал, — буркнул Хлыст.

— С чего вдруг? Пусть бы чуток поработал.

— Раб моруны должен сдохнуть, — вклинился в разговор мужик в брезентовом плаще.

— Какой же он раб, если она...

— Если бы не я, — злобно прозвучало из-под капюшона, — ты сдох бы первым.

— Тихо, Бурнус! Чего ты взъелся?

— А не надо под руку зубами щелкать.

Ругнувшись, Жердья улегся.

Повинуясь толчкам Хлыста, Адэр направился в сторону темнеющей скалы. Не выдержал, оглянулся. Костер откидывал пляшущие блики на перекошенные стены и закрытые двери хибар. И только его лачуга, прощаясь, раззявила черную пасть.

Приблизившись к корзине с факелами возле первого зияющего мглой проема, Адэр замедлил шаг. Внезапная мысль заставила неровно, с перебоями забиться сердце. Если бы удалось обхитрить бандитов и забрать у них факел... Достаточно подпалить шкуру одной крысы, чтобы вонь отогнала остальных.

Получив в поясицу тычок рукояткой кнута, Адэр пошел вдоль отвесного склона. Проводил взглядом еще один затянутый сумраком провал в скале и лежащий возле него факел.

— Эй! — донесся от костра голос Жердья. — Вы куда?

— В седьмую, — ответил Хлыст.

— Чего не во вторую?

— Там вода поднялась.

— Булькнуть камушком не хочешь? — крикнул Бурнус и заржал.

Адэр шагал вдоль подножия скалы и, уже не в силах сдерживать дрожь, считал пещеры. Вновь оглянулся. Хибар не видно, и лишь рыжий отсвет обрисовывал контуры валунов, закрывающих костер.

— Про сапоги не забудь, — донесся голос Жердья.

— Не забуду, — откликнулся Хлыст и тихо пробормотал: — Сдались ему эти сапоги.

— Стой, — еле слышно произнес Бурнус.

Адэр увидел расщелину — настолько узкую, что втиснуться в нее казалось нереальным. Пытаясь сообразить, почему бандиты медлят, повернулся к ним лицом.

Хлыст озирался по сторонам. Бурнус глядел на вершину утеса, чернеющего с противоположной стороны провала. По всей видимости, там находился караульный.

Адэр закрутился на месте, силясь рассмотреть на земле хоть один факел.

— Любой человек перед смертью имеет право на последнюю просьбу, — произнес он. — Дай мне спички.

— Зачем? — после заминки бросил Хлыст.

— Я боюсь темноты, — сказал Адэр и стиснул зубы, чтобы не слышать их предательский стук.

— Пора, — вдруг выпалил Бурнус, схватил его за локоть и потащил за собой в расщелину. С другого бока в пояс штанов вцепился Хлыст.

Адэр протискивался между острыми стенами. Бандиты — один толкал его, другой тянул — напряженно сипели и чертыхались под нос.

Адэр застрял. Лихорадочно забился из стороны в сторону. Наконец удалось протолкнуть в щель грудь и связанные сзади руки.

— Давай-давай! Живо! — подгонял Хлыст.

Проход стал чуть шире, но все равно идти можно было только боком. Адэр понял, почему бандиты не взяли факел — воздуха катастрофически не хватало. В ушах гудело. Из-за внутреннего давления в области переносицы казалось, что еще немного, и носом пойдет кровь.

— Двадцать шагов, — произнес Бурнус и остановился. — Пришли.

Трясаясь от страха, Адэр промолвил:

— Я имею право на последнее желание.

— Рот закрой! — рявкнул Хлыст.

— Дай мне спички!

— Заткнись! — прикрикнул Бурнус и зашуршал плащом.

Справа прозвучал звук отскочившего от плиты камешка. Камень зацокал уже где-то внизу. Яма!

Адэр стоял ни жив ни мертв. Он всю дорогу лихорадочно соображал, как справиться с крысами, и даже не предполагал, что его поджидает еще большая опасность — падение с высоты.

— Я забыл, что здесь так узко, — пробормотал Бурнус. Немного покрутился. — Зараза!

Хлыст притянул к себе руки Адэра. Ругаясь и крича, принялся распутывать веревку.

От нехватки кислорода и небывалого волнения голова работала туго. Адэр не мог понять, как бандиты собираются сбросить его в яму, если он стоит между ними?

— Чего так долго? — спросил Бурнус.

— Да щас я, щас, — откликнулся Хлыст. — Чертов Жердьяй! Узлов навязал, что хрен развяжешь.

Наконец Адэр смог легонько сжать-разжать кулаки. В пальцы хлынула горячая кровь.

— Держи, — прозвучал голос Бурнуса. — Да вот же! Вот! Держи.

Адэр не сразу сообразил, что ему в руки тычут жесткую на ощупь тряпку. Плащ? Зачем ему плащ?

— Надевай! — приказал Бурнус. — Живо!

Адэр заерзал. Никак не удавалось расправить скомкавшуюся на загривке грубую ткань, и руки не попадали в рукава.

— Надел? — спросил Хлыст.

— Не получается.

— Дай сюда! — Хлыст выдернул плащ из рук Адэра. — Бурнус, отойди на шаг. Этому уроду места мало.

— Я и так на краешке стою.

— Чуток отклонись, я плащ ему за спину просуну.

Не успев договорить последнее слово, Хлыст вцепился мертвой хваткой Адэру в локоть и с силой толкнул его вперед. Все произошло за какую-то долю секунды. Адэр ничего не успел понять. Услышав удаляющийся крик Бурнуса, заорал как скаженный. Орал так, что оглох.

Чувствуя крепкие пальцы Хлыста на локте, долго стоял, ловя ртом воздух. Казалось, еще секунда, и в груди взорвется сердце. Сквозь вату в ушах пробились далекие стоны Бурнуса и утробный писк ожившей ямы.

Хлыст притянул Адэра к себе и проговорил, обдав запахом гниющих зубов:

— Жить хочешь?

На грани потери сознания Адэр уперся лбом в стену.

— Жить хочешь? — повторил Хлыст.

Адэр кивнул.

— Спрашиваю последний раз: жить хочешь?

Сообразив, что в темноте кивать бесполезно, Адэр выжал:

— Да.

— Я выведу тебя из лагеря и отпущу. Но если что-то пойдет не так — убью.

Адэр — в плаще и накинутом на голову капюшоне — вслед за Хлыстом выдавил себя из расщелины. Руки тряслись, ноги подкашивались, и если бы не притягательный аромат близкой свободы, он свалился бы на землю.

— Втяни шею в плечи и немного присядь, — прошептал Хлыст. — Бурнус был ниже тебя.

Донесся голос Жердяя:

— Во орал! Ну и глотка! Я думал, пещера обвалится.

— Ага. Горластый, — ответил Хлыст.

— Сапоги забрал?

— Забрал. — Хлыст вполголоса выругался и крикнул: — Пойдем, прошвырнемся, а то Бурнус оглох.

Под хохот Жердяя, пошатываясь и не до конца разгибая колени, Адэр побрел за Хлыстом. С каждым шагом все явственнее слышалось дыхание моря. Дорожка побежала наискосок. И вскоре справа, далеко внизу, на ленивых волнах замерцала рябь. Слева потянулись нагромождения глыб.

Адэр вытащил руки из рукавов, расслабил завязки на шее, слегка приподнял капюшон. Ему не терпелось скинуть воняющий прокисшим потом плащ, но Хлыст беспрестанно озирался, явно высматривая кого-то.

В воздухе засмердело затхлой мочой.

— Все ходите и ходите. И не спится вам, — пробурчало слева.

Адэр споткнулся; сердце ухнуло в пятки и заставило окаменеть.

— Мешаем? — спросил Хлыст.

— Да нет. А что это с Бурнусом?

— А что с Бурнусом не так?

— Идет, словно у него болт в заднице.

— Не нарывайся. Он сегодня не в духе, — произнес Хлыст; в голосе колокольчиком звякнула тревога.

Адэр лихорадочно думал, как поступить. Понимал, что незнакомец сказал что-то обидное, хотя не мог сообразить, о каком болте идет речь, и каким образом этот злополучный болт мог оказаться у него в заднице. Попытался представить себя на месте подонка Бурнуса — как бы он отреагировал на оскорбление? Пригнув голову, двинулся на обидчика.

Сокрытый мраком незнакомец хихикнул:

— Да, ладно тебе, Бурнус. Я ж пошутил.

Хлыст обхватил Адэра за плечи:

— Не горячись. Это он спросонья.

Пройдя еще немного вдоль обрыва, Хлыст свернул с дорожки и, цепляясь за камни, устремился вверх по покатому склону. Вдруг пахнуло кровоточащими деснами. В тот же миг раздалось уханье совы.

— Свои, — не останавливаясь, вполголоса произнес Хлыст.

Адэр не знал — радоваться или прийти в ужас от своей необычной способности. Он всегда чутко реагировал на запахи, но до недавних пор не ведал, что вонь настолько разнообразна и многогранна.

— А вы куда? — ударило в спины.

— Не твоего ума дело.

На этот раз они шли довольно долго. Их никто не остановил, не подал сигнал и ни разу не выдал свое присутствие. Следуя за давешним мучителем, Адэр еле сдерживался, чтобы не наброситься на него и не свернуть ему шею.

Чутье подсказывало: смерть Бурнуса не была следствием возвышенного порыва черной и ожесточенной души Хлыста. Бурнус знал о предстоящем побеге. Возможно, сам его подготовил. И вошел в расщелину первым, чтобы остаться в ней и дожидаться приятеля.

Адэр задохнулся от внезапной догадки. Это все подстроила Малика. Конечно! Решила не терять время на поиски Крикса. Наобещала Хлысту с три короба, и ждет их в укромном месте. А Хлыст, чтобы не делиться с Бурнусом, хладнокровно избавился от сообщника.

Бандит подвел Адэра к обломку скалы:

— Стой здесь. — И забрался в углубление в стене.

Послышался шорох вперемежку с ругательствами.

— Держи, — раздалось из ниши.

Адэр подставил руки и от неожиданности присел под тяжестью чего-то податливого, гибкого, замотанного в грубый холст. Ударом молнии пронзила мысль — это тот самый человек, случайно забредший днем в лагерь.

Хлыст прыгнул на землю.

— Что это? — спросил Адэр, борясь с брезгливостью и еще надеясь, что ошибся.

— Хочешь жить — неси.

Липкая ткань передавала холод чужого тела, которое словно растекалось по рукам и свисало двумя тягучими каплями. Шагая между камнями, Адэр боролся с приступами тошноты и головокружением. В реальность возвращали шуршание камней, дыхание за спиной и... Он оглянулся.

— Чего зыришь? — прошептал Хлыст.

— Боюсь погони, — сказал Адэр, пытаясь разглядеть источник нового запаха — то ли сухого дерева, то ли сена, — который упорно гнался по пятам, а зловоние пота и крови упорно перебивало его.

— Погони не будет, — буркнул бандит. — Иди быстрее.

Послышался шум воды. Сначала он доносился издалека, затем загудело под ногами. И вдруг заревело со всех сторон, беспощадно разрывая перепонки.

Земля пошла резко вниз, открывая взору Нечто длинное и узкое, сокрытое плотным туманом. По ту сторону мутного покрывала возвышался темный горный кряж, пронзая пиками предрассветное небо. Из сердцевины этого Нечто торчала верхушка черного камня.

— Великкамень, — с неподдельным почтением в голосе прокричал Хлыст. — Теперь ждем.

На языке крутился вопрос: «Чего ждать и сколько?» Но мысль, что вместе с ответом лицо обожжет смрад гнилых зубов, держала рот закрытым.

Воздух светлел, и ночная мгла безропотно сдавала позиции. Затаив дыхание, Адэр наблюдал, как лениво и плавно оседает туман, освобождая покрытые изумрудным мхом скалы. Как стекает дымящими ручьями с громадного черного камня. Как клубится в этом Нечто — загадочном и протестующем против падения тайной завесы. Неопишуемое пробуждение мира сопровождалось громогласными воплями радости незримых водопадов.

Сквозь полупрозрачную дымку уже просматривалась долина. Зеленел пушистый ковер трав, белели россыпи цветов, и одинокий извилистый ручей прокладывал дорогу к небесам, сверкающим как сталь.

Адэр посмотрел на тонкую малиновую полосу горизонта. Там встает солнце. Там замок. Там его свобода. Но еще более мощный восторг вихрем подхватил Адэра и понес к Великкамню. Возле него стоял человек. Лицо еще нельзя было рассмотреть, но мотоцикл...

Адэр летел по склону, огибая валуны и прижимая к груди тело в дерюжке. Анатан бежал навстречу, размахивая руками.

Хлыст накинул Адэру на шею перекрученную веревку и проорал в ухо:

— Задушу!

Адэр споткнулся, замер. Как отражение замер Анатан. Хотелось крикнуть бандиту: «Я все для тебя сделаю, только отпусти!» Из груди вырвался всхлип. Вдруг потяжелели руки с холодной, как лед, ношей.

Помедлив, Хлыст убрал кнут:

— Если что-то пойдет не так, убью тебя и Анатана.

Долина притушила шум водопадов. До слуха долетали журчание ручья и бойкий пересвист пичуг. Под сапогами пружинила трава. И никакая вонь не была в силах заглушить аромат весенних цветов.

Сегодняшний день стал днем тяжелейших потрясений и небывалых восторгов. И все же в нем осталось место удивлению. Удивил взгляд простолюдина. Он светился такой радостью, такой заботой — так на Адэра еще никто не смотрел, — что смог бы успокоить и согреть самую израненную душу.

— Рад тебя видеть, Яр, — еле слышно произнес Анатан.

— Я тоже, — промолвил Адэр и попытался дотянуться до завязок на шее.

— Дай-ка я. — Косясь на ношу в его руках, Анатан помог скинуть плащ.

— Покажи, что принес, — раздался голос Хлыста.

— Где девушка?

— Пока не покажешь — сделки не будет.

Анатан вытащил из-за пазухи коробку и отдал ее Хлысту. Тот порывисто откинул крышку. Затаптался как гарцующий конь.

Адэру не было необходимости смотреть на содержимое коробки — он знал, что там. Там — цена его безрассудства и самоуверенности, легкомыслия и безответственности. Там — его свобода, которая забрала у страны десятки миль дорог.

Хлыст принялся рассовывать камни по карманам.

— Где девушка? — вновь спросил Анатан.

Хлыст швырнул пустую коробку ему в лицо:

— Не забудь, Анатан — тебе есть что терять.

— Асон! Я не шучу.

Хлыст поднял плащ и попятился:

— Я тоже.

— Ты обещал, Асон, — говорил Анатан, шагая за Хлыстом. — Где девушка?

— Тебе есть что терять, Анатан, — как заведенный повторял бандит. — Не забудь!

Внезапно все, что давало силы, все, что держало на ногах, обратилось в прах. Адэр как стоял, так и сел:

— У меня.

Анатан с непонимающим видом оглянулся.

— Она здесь, — прохрипел Адэр и опустил тело в траву.

Хлыст проворно взбежал на пригорок. Вдруг со словами «Ах ты ж, гадёньш!» бросился

к небольшому камню. Из-за него выскочил седой мальчуган. В тот же миг бандит щелкнул кнутом — веревка обвила тоненькую шею — и рывком притянул ребенка к себе.

— Асон! Прекрати! — закричал Анатан истошным голосом.

Адэр смотрел в красное лицо мальчугана с открытым перекошенным ртом и выпученными глазами. Под его подбородком побелел от натуги грязный кулак Хлыста, обмотанный веревкой.

Анатан вскинул перед собой ладони:

— Асон! Мы тебя не тронем. Клянусь. Только отдай ребенка.

— Ты заплатил за двоих.

— Вместо девушки я возьму мальчишку.

— А болт тебе.

— Я заплатил за живых, а девушка мертва.

— Это мы не оговаривали.

— Яр! Он задушит его! — надрывался Анатан, содрогаясь всем телом. — Яр! Сделай что-нибудь!

— Я устал, — прошептал Адэр. С огромным усилием поднялся на ноги. — Как же я устал.

Пошатываясь и спотыкаясь, пошел вверх по косогору.

— Яр! Ты куда? — крикнул Анатан.

— Обратно.

Хлыст рассмеялся:

— Иди-иди. Я скоро догоню.

— Какая же ты сволочь, — сказал Анатан Хлысту и побежал за Адэром.

— Ты променяешь любимую жену на этого уроды? — промолвил бандит насмешливо.

Адэр шел, а хотелось упасть на колени и заголосить в небо.

— Яр! Подожди!

Он ускорил шаг.

— Даже если ты вернешься к бандитам, чего добьешься? — не успокаивался Анатан. — Ты уже никому не поможешь. Яр!

Адэр рухнул на камень, уткнулся лицом в ладони. Слишком частая смена чувств — от непомерно черных к самым светлым и обратно — истощила его.

— Откуда взялся мальчишка? — спросил Анатан.

— Из лагеря.

— Давай о нем забудем. Будто его не было. Давай?

— Не могу.

— Когда ты шел сюда, ты ведь не думал о ребенке.

— Я не знал, куда меня ведут.

— А если бы знал? Яр! Ты бы подумал?

Совсем некстати Анатан попытался влезть в его тайник души под названием совесть.

— Оставь меня, — простонал Адэр.

Анатан опустил на корточки, сжал ему колени:

— У меня семья. Жена, дети. Я не могу рисковать. Слышишь? Яр! Мне нельзя рисковать.

— Эй! Анатан! — донесся голос Хлыста. — Я согласен.

Анатан подпрыгнул:

— Ну, наконец-то! Ведь знает же, собака, знает, что на мои поиски весь «Рисковый» кинется.

Стоя на пригорке и держа мальчугана за горло, Хлыст указал кнутом на Великкамень:

— Давайте туда. Еще. Дальше. Еще. — И пнул ребенка в спину.

Вайс кубарем покатился вниз. Анатан с Адэром бросились к нему, а мальчуган на удивление живо вскочил и, прошмыгнув под их руками, припал к дерюге, закрывающей тело Малики.

Адэр попытался поднять Вайса. Мальчишка схватился за босую ногу, выглядывающую из-под ткани, и в голос зарыдал.

— Ты ба! — воскликнул Хлыст. — А все думали — он немой!

Анатан пошел к мотоциклу, прислоненному к Великкамню.

— Анатан! — вновь закричал Хлыст. — Если из вас кто-то пикнет, я убью твоих детей.

— Будь ты проклят, Асон! Будь проклят!

Наконец Адэр изловчился и подхватил Вайса на руки. Бросил прощальный взгляд на свою многострадальную спутницу, утопающую в малахитовом ворсистом одре, и устремился к выползшему из-за горизонта солнцу. Он спешил — боялся, что его догонит совесть. А совесть уже билась и стонала на груди, царапая тело детскими пальчиками и не по-детски страдая.

Адэр обернулся:

— Хлыст!

— Чего? — раздалось с пригорка.

— Отдай мне девушку.

— Зачем она тебе?

— Хочу похоронить по-человечески.

— Иди с Богом, пока насчет гадёныша не передумал.

— Я отдам за нее сапоги.

— Иди на хрен со своими сапогами.

— Как ты объяснишь приятелю — почему ты без сапог?

Анатан уговаривал Вайса сесть на мотоцикл, но мальчишка шагал рядом с Адэром, стискивая в кулачке край дерюги. Анатан просил отдать ему Малику, но Адэр шел вперед, прижимая к себе бесценную ношу. Он не видел окружающую красоту — она исчезла без следа в скорбном тумане. Не чувствовал под босыми ногами траву и камни — его тело одеревенело. И ни о чем не думал — его душа застыла.

Он не понял, откуда взялся Крикс. С запоздалым удивлением посмотрел на свои руки, ставшие вдруг легче пуха. Заметил, как командир стражей понес Малику — бережно, как спящего младенца. Уселся в пыль и закрыл глаза.

***

Адэр смотрел на тарахтящий перед автомобилем мотоцикл. Тезарское топливо закончилось, и самодельный суррогат, выгнанный умельцами из колодезной воды, вынуждал Анатана подпрыгивать на сиденье при каждом выхлопе дыма из трубы.

Ветер относил дым в сторону. Чистый воздух врвался в открытые окна машины. Совершив виток по салону, возвращался к Адэру с запахом ядерного мыла (за рулем сидел Крикс), крови (на заднем сиденье лежала Малика, замотанная в дерюгу) и хвороста (в ногах трупа, шмыгая носом, ютился Вайс).

— Куда мы едем? — спросил Адэр.

— К маркизу Ларе, — ответил Крикс.

Адэр силился вспомнить, где слышал это имя, но память молчала.

— Кто такой маркиз Ларе?

— Ярис Ларе — доктор. Вам нужна его помощь.

— Нет, Крикс. Он не поможет.

— Ребенку нужен доктор.

— Ему нужна мама, Крикс. Разворачивай машину. Мы едем в «Рисковый».

— Нет. Мы едем к Ярису Ларе.

— Ты не слышал приказ?

— Слышал. Доктор даст нам заключение о смерти Малики. В противном случае я буду вынужден похоронить ее рядом с бродягами, преступниками и самоубийцами.

Адэр вжался затылком в подголовник:

— Ее похоронят там, где я сочту нужным.

— А я поступлю так, как требует закон Порубежья.

Сжатые губы, насупленные брови и угрюмый взор говорили о непреклонности стража.

Адэр повернулся к ребенку:

— Вайс, к маме хочешь?

Мальчишка уткнулся лицом в пропитанный кровью холст и тоненько заскулил.

— Жестоко, — тихо промолвил Крикс.

Адэр не понял, о какой жестокости идет речь, и по отношению к кому он ее проявил. Но то, что его слова оценивает какой-то страж, вывело из себя.

— Останови!

Когда автомобиль затормозил, Адэр вывалился из салона. На ходу снимая рубаху в пятнах крови, направился к багажнику. Открыв его, стянул штаны, вытащил канистру с водой.

— Давайте помогу, — сказал Крикс, приблизившись.

— Отойди, — промолвил Адэр и открутил крышку.

Раздался звук приближающегося мотоцикла, из клуба дыма вынырнул Анатан:

— Что случилось?

Адэр вылил на себя воду. Достал из дорожной сумки бутылку вина. Поглядывая на Крикса, вытащил зубами пробку, сделал несколько больших глотков. Вино обожгло горло и желудок.

— Вам не стоит пить, — промолвил командир.

— Я не пью. Я уничтожаю заразу. — Адэр ополоснул вином руки. — Анатан! Сколько ты отдал камней?

— Двадцать.

Адэр залпом опустошил бутылку.

— Зато пятнадцать изумительных сапфиров до сих пор лежат в сейфе, — сказал Анатан, криво улыбнувшись.

— Ты нашел «Котел»?

— Нашел. Я хотел поговорить с вами...

— Говори.

— Не могу я с «Котлом». Как посмотрю на них, душа сворачивается.

— Посмотри на тех, кто в машине.

— Да я все понимаю...

— Ты ни черта не понимаешь. Крикс потом объяснит, — сказал Адэр и, уловив непонимающий взор командира, вытащил из сумки куртку и штаны. — Отправляйся домой, Анатан. На всякий случай увези куда-нибудь семью и жди дальнейших распоряжений. И ни один человек не должен знать, что произошло. Тебя, Крикс, это тоже касается.

Анатан крутанул ручку газа и скрылся в облаке дыма.

В голове зашумело, сердце толчками погнало по венам захмелевшую кровь. Адэр надел куртку наизусть, передел. Долго копошился, пытаясь попасть ногой в штанину. Наконец плюхнулся на переднее сиденье.

Крикс дал ему свои сапоги:

— Маркиз Ларе не поймет, если вы будете босиком.

Взирая на безбрежную пустошь, Адэр подставлял лицо ветру и пытался направить скачущие мысли в нужное русло. И вряд ли удалось бы собрать их в кучу, если бы не взгляд через плечо на тело Малики. Винные пары вмиг улетучились.

— Как Анатан нашел меня? — спросил Адэр.

— Благодаря женским башмакам.

Прикрыв ладонью глаза, он слушал, как Анатан вернулся из бандитского лагеря и уехал за сапфирами. Как Крикс со стражами разыскал автомобиль и, помня о желании правителя не раскрывать себя, приказал людям спрятаться за утесом — на тот случай, если сделка с бандитами не состоится. Затем Анатан отправился к Великкамню, а Крикс залег на склоне среди глыб. Потом полз следом, пока Адэр, Анатан и ребенок не вышли из долины.

— Замок маркиза, — проговорил командир.

Адэр посмотрел в окно. Вокруг цвели низкорослые кустарники, чуть дальше зеленела роща. Над кронами виднелось высокое строение из светло-серого камня с башенками и флигелями под дымчатой черепицей. Крикс направил машину к бреши между деревьями с раскидистыми ветвями, и вскоре шины зашуршали по ровной пепельной дороге.

Солнце зависло в зените. Деревья походили на сверкающие бирюзовые снопы и даже пятнышком тени не омрачали гладкие, словно отутюженные полянки. Все вокруг было чистым, светлым, безмятежным. И не верилось, что всего в нескольких милях отсюда находится ад, на заднем сидении лежит труп, а над ним всхлипывает изувеченный ребенок.

Машина проехала вдоль черной кованой ограды и затормозила перед ажурными воротами из тонких полос железа. Сквозь широкие просветы просматривались три аллеи, похожие на растопыренные зубья вилки. Фонтан с птицами из молочного мрамора и

пирамидальные кипарисы закрывали парадный вход в старинный трехэтажный особняк.

Сторож — кряжистый старик в серой униформе и фуражке с узким козырьком — отворил ворота. Выслушав Крикса, указал на аллею, бегущую к правому крылу замка.

Обогнув флигель, командир направил машину к белому вытянутому зданию, расположенному под сенью могучих дубов и разлапистых кленов. Под пение невидимых птиц и перестук дятла в распахнутых окнах вальсировали тончайшие кружевные занавеси, и пританцовывал флюгер на ломаной крыше.

Автомобиль остановился возле двери с решетчатым оконцем и вывеской «Клиника маркиза Яриса Ларе».

Крикс с сомнением взглянул на Адэра:

— Вы сможете выйти из машины?

— Бери ребенка.

Адэр взял тело Малики, Крикс прижал к себе дрожащего мальчика. Выбежавшая сестра милосердия — в белоснежном строгом платье, накрахмаленной шапочке и ботиках на резиновой подошве — провела их просторным коридором в смотровую комнату, пропахшую лекарствами и средствами для дезинфекции.

— Располагайтесь. Маркиз Ларе сейчас придет, — сказала она и удалилась.

Крикс уместился с Вайсом на скамье. Адэр положил Малику на кушетку и подошел к окну, из которого открывался вид на тихий парк, наполненный сочными весенними красками. Но окружающая красота не гармонировала с состоянием души, и Адэр вернулся к кушетке. Усевшись на стул, облокотился на колени.

— К вашим услугам, — прозвучал от порога хрипловатый голос.

Адэр поднял голову. Человек средних лет — короткий ежик посеребренных волос, очки в золотой оправе — расширил серые глаза. Шагнул назад, выглянул в коридор, словно усомнившись — в своей ли клинике он находится. Проверил, на все ли пуговицы застегнут врачебный халат.

— Мой правитель?..

Адэр встал, коротко кивнул:

— Маркиз Ларе!

— Очень неожиданно... Мне доложили, что приехали с прииска.

— Маркиз, осмотрите ребенка.

— Сначала я осмотрю вас, мой правитель.

— Я в порядке.

— Но вы весь в крови!

— Это не моя кровь. Осмотрите ребенка.

Ярис Ларе направил взор на кушетку:

— А это?

— Это труп. Маркиз, не теряйте время.

— Прошу вас, — сказал Ярис Криксу и вывел его вместе с Вайсом из комнаты.

Адэр повалился на стул, уронил голову на грудь. Время остановилось.

— Мой правитель?

Адэр оглянулся. За плечом стоял доктор.

— Почему вы до сих пор здесь, маркиз?

Ярис нахмурился:

— Я уже осмотрел мальчика. — Отодвинул от стола кресло. — Прошу вас, пересядьте.

Когда Адэр откинулся на мягкую спинку, Ярис уселся на стуле напротив. Зачем-то включил настольную лампу и впился цепким взглядом Адэру в лицо:

— Вы себя хорошо чувствуете?

— Я несколько дней не спал и плохо ел. Но сейчас разговор не обо мне. Как ребенок?

— Сильно истощен. Страж сказал, что его нашли в горах.

— Да... в горах...

— Мальчик неоднократно подвергался физическому насилию. На пятках застарелые следы ожогов. На спине...

— Довольно подробностей, — промолвил Адэр. — Вы оставите его в клинике?

— Нет, мой правитель. Все, что я могу — это дать успокоительное, что, собственно, я и сделал. Ребенку нужна помощь квалифицированного специалиста. Его надо показать психиатру. — Ярис покосился на кушетку: — А это?

— Это Малика Латаль, — проговорил Адэр.

— Ваша сопровождающая дама?

— Вы помните ее?

— Как можно забыть такую яркую особу? Что с ней случилось?

— Мы нашли ее в горах вместе с ребенком.

— Вы принимали участие в поисках?

— Да. Мы искали ее пять дней. Я хочу получить заключение о смерти девушки.

Ярис нажал на кнопку вызова. В комнату заглянула сестра милосердия.

— Вели санитару прикатить тележку для трупов, — распорядился маркиз и обратился к Адэру: — Сейчас ее перевезут в морг. Завтра я отправлю заключение к вам в замок.

— Нет, маркиз! Вы осмотрите девушку здесь и сейчас. И сразу дадите мне заключение.

— Я провожу вскрытие в морге.

— Никаких вскрытий, только осмотр.

— Вы хотите забрать тело?

— Да.

Ярис поднялся из-за стола:

— В таком случае я провожу вас в комнату ожидания.

— Маркиз Ларе! Не теряйте время, — произнес Адэр и повернулся вместе с креслом спиной к кушетке.

Послышалось дребезжание стекла в дверце шкафчика, звук разрываемой бумаги, хлопки резиновых перчаток, шуршание дерюги. Надрывный вздох Яриса заставил Адэра приподняться.

— Вам лучше не видеть, — промолвил маркиз надломленным голосом. — Не надо смотреть.

Адэр вжался в кресло:

— Что там, маркиз?

— Значит, это Малика.

— Да.

Казалось, что невнятное бормотание, сопровождаемое шаркающими шагами и скрипом кушетки, никогда не прекратится.

— Не молчите, маркиз!

— Она умерла, вероятнее всего, от кровоизлияния в мозг. Без вскрытия невозможно установить точную причину смерти.

— Когда... — Адэр судорожно сглотнул. — Когда она умерла?

— Не более двух часов назад. Плюс-минус полчаса. Нет трупных пятен, и тело еще не окоченело.

Адэр стиснул подлокотники кресла. Он нес Малику, когда она была еще жива. Он хотел бросить ее возле Великкамня, когда она еще дышала. Он вез ее в машине и не знал, что она умирает. Быть может, она умерла, когда он пил вино.

Вновь прозвучали хлопки перчаток, в умывальник ударила струя воды.

Ярис положил на стол очки. Вытирая салфеткой лицо, сел напротив Адэра:

— В такую жару нельзя вести труп в машине. Он... она в плохом состоянии. Мои люди подготовят девушку к погребению. Родственники пусть приезжают за ней с утра пораньше, пока более-менее прохладно.

— Оставьте меня.

Ярис понимающе кивнул:

— Я распоряжусь насчет ванны и подберу вам одежду.

Маркиз прошелестел за спиной Адэра тканью и тихо вышел из комнаты. Прошло несколько минут, пока Адэр заставил себя подняться с кресла. Еще несколько минут заставлял себя повернуться к кушетке. Тело Малики было накрыто простынею, и если бы не пятна крови на ткани, то можно было решить, что девушка спит, укрывшись с головой.

Адэр потер лоб. Где же найти в себе силы перешагнуть этот день, как будто его не было? Скорбное событие, произошедшее по его вине, не должно омрачать путь к вершине славы.

Похороны матери канули в небытие — в памяти годовалого ребенка и горе, и радость не оставляют следа. Во всех траурных процессиях Адэр плелся за широкой спиной Великого и при первой же возможности смывался. Но то, что над телом усопшего положено произносить речь, он знал. Для очистки совести хотел что-то сказать, и не смог выдать ни слова. К черту пустые слова! Надо просто попрощаться и уйти.

Адэр встрепенулся. А вдруг маркиз ошибся? Он видел Малику всего лишь раз и мог запросто перепутать ее с любой другой черноволосой селянкой. Малику сбросили в море, а Хлыст, желая получить выкуп за двоих, отдал девушку, нечаянно забредшую в лагерь. А Малика, живая и здоровая, в это время разыскивает Крикса. А он, дурак, изводит себя мыслями о неудачном начале правления.

После недолгих колебаний откинул край простыни, с содроганием посмотрел на разбухший окровавленный слепок вместо лица. Шумно выдохнул. Это точно не Малика. Хлыст намеренно изувечил нечаянную гостью, чтобы отвести от себя подозрения в подлоге.

Для успокоения совести Адэр стер уголком ткани со скулы девушки грязь. Оспинка... Очистил висок от прилипшего к коже ворса дерюги. Остроконечная родинка... Он ее помнит...

Поднял глаза к небу, спрятанному за девственно-чистым потолком:

— Тебе мало святых? — Крепко сжал холодные скрюченные пальцы Малики. — Прости...

Сердце перестало биться, только где-то глубоко — под ребрами — чувствовалась его слабая дрожь. И вдруг пронзила жуткая боль. Адэр сквозь зубы цедил воздух, а выдохнуть не получалось — стекленели глаза. Захотелось вогнать кулаки в грудь и выдавить из легких застрявший ком воздуха. Адэр бы так и сделал, если бы не безумная мысль, что через это он уже проходил. Там, в лачуге, когда Малика вправляла плечи, он чувствовал сумасшедшую

боль, знал, что эта боль не его, и думал, что помешался рассудком.

Адэр склонился над трупом:

— Малика! Выдохни. Попробуй. — Легонько надавил ладонями на грудь. — Давай, Малика, давай. Я помогу. — Надавил сильнее. — Выдохни! Малика! — Сорвался на крик: — Дыши! Плебейское отродье! Давай! Мать твою! Дыши!

В комнату вбежали маркиз Ларе и сестра милосердия. В ту же секунду послышалось тихое «Ах...»

***

Крикс открыл перед Адэром дверцу машины:

— Не думал, что маркиз так быстро вас отпустит.

— Я здоров, — сказал он и устало сел на переднее сиденье.

Крикс разместился за рулем, завел двигатель:

— Врачу, конечно, виднее, но я бы уложил вас в постель.

— Сейчас не до отдыха.

— Это понятно, — говорил командир, разворачивая машину, — но ванна, чистый костюм и пара тарелок супа вам бы не помешали.

— Поехали, Крикс!

Командир повел машину к воротам:

— А если честно, я рад, что вы не остались в клинике. Когда на душе плохо, нельзя сидеть на месте.

— Мне хорошо, — промолвил Адэр и рванул ворот куртки: было тяжело дышать, сознание куда-то уплывало.

Крикс покосился:

— Я говорил о себе.

За окном промелькнула роща. Автомобиль полетел по луговой равнине с цветущими кустами.

— Я отдам за вас жизнь, и хочу, чтобы вы это знали, — тихо произнес командир, глядя на колею.

Адэр посмотрел на ребенка, спящего на заднем сиденье:

— Стало быть, он твой племянник.

— Да. Племянник.

— Я догадывался, но не хотел тебя обнадеживать. А ты его не узнал.

— Я видел Вайса один раз, когда ему исполнился годик. Я служил в Тезаре, и меня отпустили на несколько дней в отпуск.

— Почему ты решил, что это Вайс?

— У него под коленом родимое пятно, овальное, как тутовая ягода. У моего брата такое же. Мы еще смеялись, мол, если у следующего ребенка ягодки не будет, значит, жена нагуляла.

Адэр невесело усмехнулся.

— Ну и врожденная хромота, — добавил Крикс и, немного помолчав, произнес: — Я могу спросить?

Адэр кивнул.

— Почему они убили Малику?

— Не знаю. Очнется — расскажет.

Командир сбросил скорость:

— Она жива?

— Жива, Крикс. Жива. Ради бога, поехали!

— Куда едем? В замок?

— Сначала отдадим ребенка маме.

И тут командир впервые дал волю чувствам. Не меняя выражения лица, тихонько или завыл, или засмеялся сквозь стиснутые зубы.

Адэр сцепил руки:

— Ты можешь ехать быстрее?

— Я еду со скоростью, разрешенной законом.

— Черт! Крикс! Сейчас мне плевать на закон! От нас зависит жизнь Малики. Добавь газу!

Машина взвыла и понеслась вперед.

— Как ты оказался в Тезаре? — спросил Адэр.

— Там, где я родился, было две дороги — в тюрьму и в армию. Я выбрал армию.

— А твой брат?

— Мой двоюродный брат родился в другом селении, — промолвил Крикс; пальцы, сжимая руль, побелели. — Вы случайно его не видели? Похож на меня, чуть ниже ростом...

— Не видел.

— Я этих тварей по одной передавлю. Как крыс, — прошептал страж. — А потом пусть меня судят по всей строгости закона.

Адэр изогнул губы. Это была бы самая удачная развязка ужасной истории, если бы страж не посвящал его, правителя — защитника гуманных законов и сторонника праведного суда, — в свои преступные замыслы.

— Нет, Крикс. Твое «передавлю» будет расцениваться, как умышленное убийство. А вот если они окажут сопротивление при задержании или попытаются сбежать... — Адэр многозначительно умолк.

— Так и будет. Они обязательно окажут сопротивление.

— И тогда отряд под твоим командованием уничтожит бандитов.

Поигрывая желваками, Крикс кивнул.

— Есть несколько задач, которые надо решить в первую очередь, — проговорил Адэр. — Необходимо проверить выход из «Котла».

— Проверял, и не раз. Живыми оттуда не выходят.

— Значит все-таки... — Адэр поморщился. — Как звали начальника шестого прииска?

— Лабичи. Прииск «Горный».

Адэр достал из бардачка блокнот и ручку. На последнем листе написал имя. Вырвал лист и смял в кулаке. Последний лист — последняя запись! Он изнасилует память, но заставит ее удерживать имена, названия и даты!

— Значит, преступников вытаскивал Лабичи.

Крикс качнул головой:

— Не факт.

— Ты должен все выяснить.

— Выясню.

— Анатан нашел дорогу, по которой смертников доставляли до «Котла»?

— Прямой дороги нет.

— А как же указатель с надписью «Мертвецкая»?

Крикс скупо улыбнулся:

— Моя работа. Установил, чтобы бродяги не совались. Хотя этот столб — бесполезная штука. Анатан сказал, что без страховки до «Котла» не добраться. И тут начинается непонятное. Я бы преступников через горы не тащил — это риск. И где столько надзирателей-скалолазов взять? Ладно, предположим, скалолазов нашли. Предположим, рисковали бандитами и собой. Но глубина впадины сорок метров! Я не представляю, как можно с такой высоты спустить человека. На веревке. А как его поднять? Опять же на веревке. Это вам не мешок с едой или котомка с сапфирами. Ума не приложу, как это проворачивал Лабичи?

— Ты должен разобраться.

— Разберусь.

Адэр вздохнул — предстояло задать наболевший вопрос:

— У тебя есть надежные люди?

— Есть. Мои сослуживцы. Единственное, они по всей стране разбросаны.

— Сколько их?

— Семь человек.

— Всего семеро?

Крикс хмыкнул:

— Надежные люди в наше время редкость.

— Найди их.

— Найду.

Адэр посмотрел на багряный закат и закрыл глаза.

Казалось, не прошло и пяти минут, как возле уха прогремел голос Крикса:

— «Рисковый».

Автомобиль покатило по безлюдной улочке. Чернильные сумерки еще не успели поглотить узорчатые каменные ограды и квадраты дворов, посыпанные белым песком. Кое-где в окнах светились лампы.

Командир затормозил возле небольшого дома с темным окошком и высоким приступком перед закрытой дверью. Двор, покрытый пучками пожухлой травы, не был огорожен. На крючке, прибитом к перекошенной будке, висел ошейник. На веревке одиноко трепыхалось заштопанное полотенце.

Сжимая руль, Крикс смотрел в пустоту и хмурился.

— У нас мало времени, — напомнил Адэр.

Командир шумно выдохнул, вышел из машины и перестал походить на грозного стража. Нерешительной походкой приблизился к двери, тихонько постучал. Сделал шаг влево, шаг вправо, уперся рукой в дверной косяк, прислонился к нему плечом.

Дверь отворилась, и на пороге появилась женщина в белом платке, наброшенном поверх ночной рубашки. Адэр не видел выражения ее лица, скрытого сгустившейся тьмой. Не слышал разговора. Он смотрел на женские руки, стискивающие на груди концы платка, и чувствовал, как трясутся колени.

Мать Вайса медленно подошла к автомобилю. Взялась за ручку дверцы и замерла. Все, что рассмотрел Адэр, это большие блестящие глаза. Большие не по размеру, а по величине и силе единственного чувства. В них не было слез — она давно их выплакала. И не было счастья — она давно перестала его ждать. В глазах матери засел огромный страх.

Адэр, если бы мог, уже выскочил бы из автомобиля и закричал: «Да смотри же быстрее!» Но не меньший страх приковал его к креслу — а вдруг и он, и Крикс ошиблись?

Женщина открыла дверцу — салон наполнился мягким светом — и опустилась на колени. Командир хотел поднять ее, но она оттолкнула. Осторожно коснулась пальцами стопы спящего ребенка, прильнула губами к острой пяточке. Взобралась коленями на порожек автомобиля. Стискивая концы платка, раскинула руки и, закрыв собой мальчика, превратилась в белую птицу, оберегающую сон птенца.

— Ветер горы облетает, баю-бай. Над горами солнце тает, баю-бай. Месяц солнце провожает, баю-бай. По горам один гуляет, баю-бай.

***

На поездку была отведена неделя, и Вилар особо не волновался десять дней. Вполне возможно, что дороги, а именно их отсутствие, послужили причиной для задержки Адэра и Малики. Пытаясь отогнать мучительные мысли, он усердно тренировал спину и убеждал себя, что сейчас закончит упражнения, выйдет из замка и увидит летящий автомобиль. Но, увы! Стоя на лестнице и вглядываясь в безбрежную пустошь, видел только пустошь. Провожая взглядом солнце, думал: «Завтра. Они приедут завтра».

Приходило завтра, и послезавтра, и следующий день.

Охранители, пойманные на доносах, не раскрывали рта. Костюмер и секретарь ни о чем не спрашивали. Они привыкли к долгим загулам Адэра, и вероятнее всего, решили, что их господин развлекается с простолюдинкой. Вилар не торопился разубеждать их в этом. Однако глубоко внутри поселилось смутное подозрение — Адэр и Малика, вырвавшись на свободу, наслаждаются друг другом, забыв о времени. Адэр почти месяц спит в обнимку с подушкой. Для распутника — немислимый срок. А Малика... близость властного красавца-мужчины вполне могла вскружить ей голову.

Эту ночь Вилар провел сидя в кресле, так и не сомкнув глаз. Когда перед рассветом сгустились сумерки, и до нестерпимого предела сгустились и потемнели мысли, Вилар спустился в холл. Нырнуть бы под лестницу и позвонить Трою Дадье. И тезарская армия мощной волной покатится по всему Порубежью. Трой придумает, как объяснить Адэру внезапное вторжение. Но он сам не сможет объяснить другу, зачем взломал замок, врезанный в запретную дверь по приказу Адэра перед его отъездом.

Более не в силах разрываться на части от ревности и страха за судьбу близких людей, Вилар посмотрел на балкон третьего этажа. Там, в начале коридора, ведущего к апартаментам Адэра, стоит караул. Хотя его не было видно, Вилар точно знал — охранители не сводят с него глаз. Готовый уже отдать приказ собрать всех обитателей замка, обернулся на стон входной двери.

— Автомобиль правителя, — крикнул караульный.

Замок будто ждал этих слов — засверкали многочисленные бра и люстры, где-то хлопнула оконная рама, из служебного крыла донеслось звяканье посуды, послышалось шарканье бабшаков.

Вилар в несколько шагов пересек холл и вышел наружу.

Уличные фонари обдавали тусклым светом площадку перед входом в замок, лестницу и прилегающую к ней аллею. Чуть дальше, кустарники, бегущая между ними дорога и сама пустошь тонули во мраке. И уж совсем далеко предрассветную мглу безжалостно таранили два оранжевых солнца. Сквозь полусонный шорох ветра пробивался шум мотора.

Вилар оглянулся на замерших возле двери Муна и Йола (когда они успели проскочить мимо него?) Скользнул взором по хмурым лицам караульных. Чтобы не выдать волнение нечаянным жестом или мимикой, отошел в сторону и изо всех сил постарался придать себе невозмутимый вид.

Из машины вышли двое. Оба высокие, широкоплечие, в темно-зеленой форме. Один вытянулся по стойке «смирно». Второй взбежал по лестнице. Да это же Адэр!

Где-то на полях разума Вилар сделал пометку, что друг явно заигрался — сначала инспектор, теперь страж. Краем уха слышал его отрывистые приказы и не вникал в их суть. Мир поблек, и всё вокруг сделалось неважным, кроме девушки, которая с секунды на секунду выпорхнет из автомобиля. Ее бездонный взор прошепчет: «А вот и я». Стройная фигурка взлетит по ступеням. Гибкие руки обовьют шею Муна. Но Вилар-то знает, что подрагивание губ, трепет ресниц и легкий румянец будут предназначены только ему.

Еще находясь на пике предвкушения счастья, он вглядывался в темные окна машины, а смутные предчувствия уже стесняли грудь. С легким недоумением посмотрел по сторонам. Все куда-то исчезли. Свет фонарей выхватывал из предрассветной мглы одинокого стража с военной выправкой, который больше походил на деревянного истукана, чем на человека.

Вилар вернулся в холл, поднялся на третий этаж. Тут же, на балконе, ему преградил дорогу караул: с сегодняшнего дня посещение апартаментов правителя возможно только по его приглашению. Неожиданное новшество поразило и наконец-то выдернуло из состояния тупой растерянности. Вилар закрутился на месте. Кричать в пустоту — глупо, юлить перед караулом — бесполезно. Единственное, что можно сделать — отправить к Адэру секретаря и выпросить приглашение.

Вилар устремился к переходу в другое крыло замка.

— Секретарь у правителя, — произнес прозорливый караульный.

Решив во что бы то ни стало дождаться Адэра или Гюста, Вилар облокотился на перила балюстрады. Глядя на занятых уборкой слуг, успокаивал себя: ведь ничего плохого не случилось, раз Адэр в замке. Вероятнее всего, на одном из приисков возникли непредвиденные обстоятельства, которые вынудили Малику задержаться. Сейчас друг приведет себя в порядок и...

От внезапной мысли бросило в пот. Адэр никогда не позволял себе появляться на людях в таком виде: небритый, нечесаный, в странной одежде и, самое главное, в чужих сапогах. Адэр никогда не надел бы обувь с чужой ноги. Значит, нечто серьезное заставило его изменить принципам.

Из-за спин караульных выплыл сонный костюмер. Тощая фигура в халате, накинутом поверх пижамы, сгибалась под тяжестью дорожной сумки с гербом Тезара.

— Правитель уезжает? — произнес Вилар изумленно.

Костюмер пожал плечами и запнулся. Опустившись на четвереньки, принялся полой халата вытирать сумку.

Через холл торопливо протопали Йола и Мун с перекинутыми через плечи котомками.

— Мун! — крикнул Вилар, но за стариками захлопнулась дверь.

Вилар ринулся вниз, вознамерившись догнать ориентов. Обернулся на звук шагов. По балкону шел Адэр: безупречная внешность, надменный взгляд, уверенная поступь. И разве что заострившиеся черты лица и несвойственная другу худоба говорили, насколько тяжелой оказалась поездка по приискам.

Завидев правителя, слуги подхватили ведра, тряпки и шмыгнули в служебный коридор.

— Где Малика? — спросил Вилар.

— С каких это пор ты интересуешься служанками? — промолвил друг, неторопливо спускаясь по ступеням.

— Адэр! Пожалуйста! Где она?

— Она сломала ногу. Мне пришлось отвезти ее к доктору.

Вилар схватился за перила:

— Ногу? Как она умудрилась?

— Ты не знаешь, как люди ломают ноги? Одно плохо — этот доктор ни черта не смыслит в переломах. Поэтому, ты уж извини, я забираю у тебя Йола.

Голос Адэра звучал убедительно, но в синих глазах мелькнуло нечто незнакомое — растерянность. И движение, каким он поправил сапфировые запонки в манжетах шелковой сорочки, было слишком порывистым и не вязалось с величавой осанкой.

Адэр направился к выходу из замка. Вилар смотрел ему в спину и чувствовал, как необъяснимый страх выхолаживает душу.

— Я могу поехать с вами?

На пороге Адэр на секунду замешкался.

— У тебя десять минут, — сказал он, даже не оглянувшись.

Ровно через десять минут Вилар выбежал из замка, держа наспех собранный саквояж. Адэр давал какие-то указания стражу, сидящему за рулем машины охраны. Похлопал ладонью по крыше автомобиля. Страж завел двигатель и покатил по аллее.

В голове роились вопросы, однако решив, что друг сам обо всем расскажет по дороге, Вилар промолчал. И каково же было его удивление, когда Адэр сунул ему в руки карту, улегся на разложенное переднее сиденье и с головой укрылся пледом.

***

Ярис устало опустился в мягкое кожаное кресло. Посмотрел на стопку писем, взял верхний конверт. Так и не распечатав, снял очки, сложил на столе руки и уткнулся в них лбом. Ночь оказалась слишком тяжелой даже для такого опытного и самоотверженного врача, коим был Ярис Ларе.

От прадеда он перенял любовь к народу, от деда унаследовал страсть к медицине, от отца перешла звонкая монета. И потому для маркиза Ларе не существовало ни богатых, ни бедных, он делил всех людей на здоровых и больных, самозабвенно был предан своему делу и не задумывался о доходе.

Но сейчас Ярис чувствовал себя несчастным и разбитым. Он двое суток боролся сс смертью и впервые в жизни отступил. Под утро отправил падающих с ног помощников спать, усадил возле кровати сиделку и просто ушел.

Палаты клиники помнят всех пациентов. Большинство из них бедные люди — богатые предпочитают болеть в роскоши. И порой, проходя мимо приоткрытых дверей или сидя за столиком дежурной сестры и расписывая назначения, Ярис слышал удивительные истории — чем еще может отвлечь ребенка от боли мать или бабушка? Как любой образованный человек, он в сказки не верил. Оказывается — зря. Именно в эту минуту в одной из палат умирает моруна. Это ее он оставил на волю Бога. Оставил не потому, что передумал спасти прищелицу из древнего предания, и не потому, что забыл комплекс мер по реанимации человека. Ярис не понимал, чем Малика цепляется за жизнь, и неведомая сила, удерживающая моруна на этом свете, вгоняла его в дрожь.

Ему приходилось лечить ориентов. Странные люди с необычными способностями, в которых Ярис, честно говоря, не хотел разбираться, интуитивно чувствуя в сказках о морском народе подвох.

Ему случалось лечить ветонов, правда, очень давно, когда в их резервации еще не было бесплатной медицины и необходимого количества врачей. Время до сих пор не умалило восхищение выносливостью этих людей. Их болевой порог был настолько высок, что

невольно из памяти всплывали легенды о ветонском Боге, который выточил из скалы подобный себе удивительный народ.

Во время поездок по стране Ярис встречался с климами. Эти уж точно не его пациенты — разговаривают с растениями, обнимаются с деревьями и никаких лекарств, кроме настоек из трав, не признают.

Теперь судьба свела его с моруной. И то, с чем столкнулся Ярис, пугало больше, чем мистическое поверье о способности этих женщин завладевать душами и сердцами мужчин и подчинять избранников своей воле.

Любой другой врач, будь он хоть самым ярким светилом науки, еще вчера вечером констатировал бы смерть девушки — дыхание отсутствует, сердце не бьется, температура тела равна комнатной температуре. Но как бы он объяснил письма? Ярис увидел их на спине чуть ниже талии, когда санитарки смыли с Малики кровь и грязь перед тем, как перевезти ее в палату, и вспомнил сказку о нестираемой метке морун. Но он не знал, что надписи бегут.

Что только не делал Ярис за эти двое суток: искусственное дыхание, вентиляция легких, массаж сердца, переливание крови — да разве все перечислишь? С вечера моруна по всем признакам была мертва, а письма жили. И сейчас Ярис ждал прихода сиделки с горьким известием, что строчки застыли или исчезли.

Раздался стук в дверь.

Ярис вздохнул, надел очки:

— Войдите.

На пороге возникла сестра милосердия:

— Маркиз Ларе! К вам посетители.

Из коридора донеслись шаги. Так шел Адэр Карро через Мраморный зал к обычному креслу вместо трона — широко, уверенно, чеканя шаг.

Ярис поднялся, ногой задвинул под стол корзину для мусора, пробежался пальцами по пуговицам халата. Прихлопнув карманы, вытянулся посреди кабинета и, когда Адэр переступил порог, склонил голову:

— Мой правитель!

Адэр ответил легким кивком:

— Маркиз Ларе! — И пронзил взглядом.

— Она умирает, — выдохнул Ярис.

— Я не один, — произнес Адэр и уселся в кресло во главе стола.

В комнату вошли знатный молодой человек со знакомой внешностью и двое смуглых, сморщенных стариков, похожих на ориентов.

— Маркиз Вилар Бархат, — проговорил правитель, указав кивком на высокородного мужчину. — Он приехал из Тезара.

Ярис и Вилар обменялись приветствиями.

Адэр движением брови указал на старцев:

— Это родственник Малики — Мун. А это специалист в области травматологии — Йола. Они будут находиться с девушкой, пока она не поднимется на ноги.

— Мой правитель! Насчет родственника — согласен... — промолвил Ярис, окинув взглядом старика в довольно приличном для ориента костюме.

Переключил внимание на старца в одежде морского народа — просторная холщевая одежда и мягкая кожаная обувь без твердой подошвы:

— Позвольте взглянуть на вашу лицензию травматолога.

Старец потер мизинцем кончик носа:

— Йола всю жизнь лечит.

Ярис пригнул голову:

— Простите?

— Йола умеет лечить.

— Простите. Я не расслышал. Сколько лет вы практикуете?

— Йола лечит, а не практикует.

Ярис повернулся к Адэру:

— При всем уважении к опыту и возрасту я не могу позволить человеку без должного образования прикасаться к больной.

— Маркиз! Проводите их в палату!

— Прошу прощения, мой правитель, но в моей клинике действуют определенные правила, нарушать которые никому не позволено. Даже мне.

Адэр поднялся:

— Распорядитесь перенести Малику в машину.

— Ее нельзя перевозить.

Адэр направился к двери.

Через минуту тишину коридора вновь нарушил звук шагов. Маркиз Ларе вел стариков в отделение интенсивной терапии.

***

Со стула вскочила сиделка. Приподняв подол белоснежного платья, присела и слегка склонила голову. Белокурые локоны спрыгнули с покатых плеч и замерли на высокой груди.

— Иди, Вельма, отдыхай, — сказал Ярис.

Девушка выпорхнула за дверь, оставив в палате тонкий аромат таежных лесов.

Ярис приблизился к лежащей на боку Малике. Бросил сокрушенный взгляд на письмена — час назад они бежали намного быстрее. Накрыл простыней спину, усеянную кровоподтеками, повернулся к старикам:

— Вельма все время находится рядом... — И умолк на полуслове.

Адэр ничего не сказал им! Он привез сюда дряхлых, беспомощных людей и даже не удосужился хоть немного подготовить их к сильнейшему всплеску переживаний!

Ярис подхватил Муна под локоть, усадил на стул. Втиснул в трясущуюся ладонь стакан воды с успокоительными каплями. Подошел к Йола, но тот оттолкнул протянутую руку, ущипнул себя за ухо и с нестарческой резвостью подскочил к кровати.

Прикоснулся к шее Малики:

— Сколько?

— Что «сколько»? — переспросил Ярис.

— Сколько не дышит?

— Со вчерашнего вечера.

— Сколько часов?

Тон тщедушного на вид старика был жестким и требовательным. Ярис растерялся. Донедавно простой люд разговаривал с ним как с Богом — полупшепотом. Не зная, как отреагировать на недопустимый образ обращения к себе, взял с тумбочки карту болезни. Пролистывая страницы, пытался вспомнить, о чем спросил ориент.

Йола осторожно повернул Малику на спину. Взглянув на лицо, отшатнулся. Но уже через секунду худые пальцы вонзились в грудную клетку девушки.

— Осторожно! — вскричал Ярис. — У нее сломаны...

— Третья.

— Простите?

— Сломана третья кость. Верх сердца.

Ярис нахмурился.

Старик вдавил в тело ребро ладони:

— И пятая. Низ сердца. — Вогнал пальцы в межреберье настолько глубоко, что, казалось, проткнул кожу насквозь. — Сердце живое.

Ярис снял очки. Надел.

— Сколько не дышит? — вновь спросил Йола.

Ярис скользнул взглядом по записям в карточке, посмотрел на настенные часы:

— Одиннадцать часов.

— Йола нужны минуты.

— Одиннадцать часов и двадцать минут.

— У Йола есть сорок минут.

— Простите, я не понял.

— Ориенты могут долго не дышать. Так понятно?

— Это я знаю. Ко мне приносили мальчика. Ориента, — говорил Ярис, наблюдая за пальцами старика. — Он вдохнул кусочек ракушки. Пока его несли, пока я извлек инородное тело... По идее ребенок не дышал пять часов, хотя я думаю, сломался мой стетоскоп, и потому я не смог услышать...

— Ориенты ныряют на двенадцать часов, — перебил Йола.

— Малика — ориентка? — искренне удивился Ярис и даже успел за долю секунды подумать, что впредь не стоит подслушивать сказки.

— Малика — нет. Отец Малики — ориент.

Фраза, произнесенная стариком минуту назад, наконец-то догнала Яриса. Он окончательно смутился:

— Вы хотите сказать, что ориенты могут обходиться без воздуха двенадцать часов?

— Йола не хочет сказать. Йола уже сказал.

Ярис оттянул воротник рубашки:

— Предположим, вы слышали сердце. Предположим, девушка может не дышать длительное время.

— Двенадцать часов, — вставил Йола.

— Хорошо, я запомню. Но у нее температура такая же, как в комнате. Температура трупа.

— Отец Малики — ориент.

Ярис прижал к виску ладонь:

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Ориент ныряет на двенадцать часов в холодную воду. Ориенту нельзя мерзнуть.

— Вы хотите сказать, что, когда ориент задерживает под водой дыхание, температура его тела понижается до температуры окружающей среды?

— Не ниже двенадцати градусов.

— Вы шутите?

— Йола не умеет шутить.

Ярис расстегнул верхнюю пуговицу рубашки:

— А куда ныряет ориент на двенадцать часов?

— В море. Мун! Помоги.

Ярис посмотрел на старика, сидящего на стуле, и поморщился — в суматохе он явно переборщил с успокоительными каплями.

— Я помогу. Что надо сделать?

— Йола хочет посмотреть спину.

Они осторожно перевернули Малику. Взглянув на письма, Ярис вытер выступивший на лбу пот. Слова побледнели, проступали не все буквы, и лениво бегущие строки походили на прореженные зубья старой расчески.

— Йола не знал, что надпись живая, — сказал старец озадаченно.

— Именно это удержало меня от вскрытия.

Пальцы старика забегали по спине Малики.

— Четвертый выбит. Пятый.

— Не так быстро, — попросил Ярис, нервозно листая карточку.

— Седьмой. Копчик смещен.

— Подождите!

Старик перевернул Малику на спину:

— Сколько у Йола времени?

— Двадцать минут. А что вы делаете?

— Йола хочет знать, почему Малика не дышит.

— Честно говоря, когда я увидел девушку, решил, что у нее вообще не осталось целых костей и внутренних органов. Однако при обследовании методом пальпации оказалось...

Ярис подавился словами. Пальцы старика чуть ли не полностью ушли под ребро Малики.

— Отломки ранили легкое. В себя воздух тянуть можно, а вытолкнуть нельзя. Сколько у Йола времени?

— Десять минут.

— Йола нужна длинная игла, пустая внутри. — Старик поцеловал Малику в лоб. — Потерпи, дочка.

***

Ярис кружил по коридору, нервно потирая ладони.

В его клинике работали доктора почти всех востребованных специальностей. В основном это были выходцы из малоимущих семей, те, кто не гнался за большими деньгами, кто искренне любил медицину, народ и родину. Ярис помогал им с обучением за границей, притом не тратя отцовских денег. Он изобретал лекарства, продавал свои открытия, и статью дохода, не задумываясь, превращал в статью расхода с целью получения в дальнейшем прибыли в виде надежных и самоотверженных соучастников великого дела. Но с травматологами ему не везло. И всему причиной был прииск «Горный», где чуть ли не каждый день случались травмы, чаще всего несовместимые с жизнью.

Иногда врачам улыбалась удача, и они складывали кости в конторе или в какой-нибудь лачуге при свете керосиновой лампы. Но удача — капризная подруга, и зачастую приходилось оказывать помощь прямо на прииске, на высоте двух миль над уровнем моря.

Сподвижники быстро выдохались и уже через месяц, от силы через два, сбегали. Точнее, находили массу причин для ухода из клиники. Радовало одно — Ярис не успел потратиться на дорогостоящее оборудование для травматологии.

Сегодня он стал свидетелем сложнейшей работы, проведенной неспециалистом в том смысле слова, какой он вкладывал в это понятие. То, что сделал ориент, что сотворили его руки и пальцы без какого-либо оборудования и приборов, заставило забыть о правителе. Неизвестно, когда Ярис вспомнил бы о нем, если бы не показавшийся в конце коридора маркиз Бархат в сопровождении сестры милосердия.

— Я говорила, что сюда нельзя, — издалека крикнула девушка, — но они не хотят слушать.

Стараясь ни словом, ни взглядом не выдать негодования, Ярис устремился навстречу маркизу. День явно не задался — вместо того, чтобы уделять внимание пациентам, он вынужден улаживать высочайших гостей, которые ведут себя как хозяева.

— Маркиз Бархат, прошу вас вернуться.

— Почему я не могу проведать больную?

Интерес знатного человека к состоянию девушки из низшего сословия показался Ярису довольно странным, если не сказать — нездоровым. Это ему, доктору, всегда было безразлично, во что одет страждущий — в дорогой костюм или в рубище. Но ровня ему по происхождению спокон веку с прохладцей взирала на нужды и беды прислуги.

— В отделении интенсивной терапии посещение больных запрещено, — произнес Ярис, придав голосу спокойное, но твердое звучание.

— Почему больная с переломом ноги находится в реанимации, а не в обычном отделении?

Вопрос маркиза поставил в тупик. Ярис снял очки, посмотрел сквозь стекла на свет. Правитель отнесся бессердечно не только к убеленным сединами старикам, он скрыл подлинную причину нахождения девушки в клинике даже от своего соратника.

Адэр участвовал в поисках Малики, проявил к ней сострадание и лично привез ее родственника и чудо-доктора — это вознесло его в глазах Яриса на высшую ступень благородства и человечности. Сейчас же правитель упал, точнее, мог упасть, ибо Ярис еще пытался разобраться в подоплеке его неблагоприятного поведения.

— Ноги как раз целы, — сказал он, надевая очки. — И руки целы.

— В таком случае я настаиваю... — начал было Вилар заносчиво, но, слава Богу, ему хватило ума умерить гордыню и обратиться к Ярису уже более уважительно: — Прошу прощения за излишне резкий тон. Вероятно, я неверно истолковал слова правителя о болезни девушки. Конечно, я не имею право нарушать установленные вами правила, но прошу вас в виде исключения позволить мне взглянуть на нее.

— Кем она вам приходится?

— Она... она моя служанка.

Взор Вилара потускнел, плечи поникли. Казалось, маркиз из последних сил держится на ногах. Уж не попал ли в зависимость от моруны этот высокородный мужчина?

Ярис взял Вилара под локоть и повел по коридору:

— Состояние вашей служанки очень тяжелое. Девушка угодила в какую-то переделку и чудом осталась жива.

— Правитель ничего не сказал мне.

Неожиданно в голову пришло объяснение непонятному отношению Адэра к своим

спутникам.

— Возможно, правитель поступил так из гуманных соображений. Вы бы всю дорогу изводили себя безрадостными мыслями.

Другого дворянина возмутил бы даже намек на его чувства к служанке. А Вилар, как ни странно, пропустил мимо ушей скрытый смысл фразы.

Подойдя к палате, Ярис сжал его локоть:

— Если я не ошибаюсь, ваш отец Суан Бархат? Советник Великого по вопросам транспорта и связи?

— Совершенно верно. Это имеет какое-то значение?

— Абсолютно никакого. Простое любопытство, — ответил Ярис и открыл дверь.

Старики вскочили со стульев, согнули спины. Сделав несколько больших шагов, Вилар застыл перед лежащей на кровати девушкой. Ярис боролся с желанием обойти маркиза и взглянуть ему в лицо. Какие же чувства сквозят во взоре потомка одной из самых знатных фамилий Тезара? Ведь если маркиз находится в пленительной власти особы из низшего сословия, его отцу пора бить тревогу, ибо во всем мире ничто не ценится так высоко, как сохранность чистоты высокородной крови.

Мысль, что чужие чувства и чужая кровь не должны его волновать, во всяком случае, не сейчас, когда у него в гостях правитель, заставила Яриса перепоручить Вилара сестре милосердия и поспешить в кабинет.

Адэр смотрел в окно. Даже со спины в его осанке, постановке головы и развороте плеч сквозило столько величия и силы, что Ярис, переступив порог, невольно задержал дыхание — как же престолонаследник Тезара похож на великого отца.

Адэр обернулся:

— Распорядитесь насчет комнат, маркиз Ларе. Мы у вас немного погостим.

***

Поздно вечером хозяин и его знатные гости собрались в гостевой зале, освещенной люстрами из маншеровского хрусталя, который славился непревзойденной ювелирной огранкой и восхитительной игрой всех цветов радуги. Расположившись в глубоких креслах, обитых дымчатой кожей, Вилар и Ярис потягивали из расписных фарфоровых чашек чай, и в воздухе разливался аромат липовых цветов. Адэр бродил по экзотическому тигровому паркету, разглядывая убранство просторной парадной комнаты.

Разговор явно не клеился. И вскоре вялая беседа уступила место настойчивому стуку старинных напольных часов.

Вилар посматривал на стрелки, словно это они затягивают с сигналом отхода ко сну. Ярис, соблюдая все правила этикета, терпеливо ждал, когда правителю надоеет кружить. Каждый раз, когда тот проходил мимо, ставил чашечку на блюдце и вытягивался в предвкушении пожелания спокойной ночи.

Адэр продолжал мерить залу шагами. Причиной бесцельного на первый взгляд хождения вновь была память. Точнее, борьба с ней. Адэр не помнил: маркиз Ларе был на приеме один или с супругой, а этикет требовал проявление внимания к семье хозяина — хотя бы пару фраз или вопросов о домочадцах.

Мелькнула мысль, что неплохо бы иметь под рукой человека, который нашептывал бы нужные сведения, как в свое время нашептывала Малика. Но поскольку такого человека рядом не было, Адэр, чтобы не попасть впросак, искал подсказку в изысканной обстановке.

Мебель, воплощающая в себе тонкий художественный вкус, бесподобно гармонировала с темным полом. Чего только стоило огромное кабинетное бюро — уменьшенная копия замка маркиза, — явно выставленное в зале на всеобщее обозрение. Не бюро, а шедевр, ибо в нем были соединены архитектура, скульптура и живопись: изготовлено из кедра, инкрустировано изображениями птиц из лазурита и яшмы, декорировано панелями из аметиста, в каждом из четырех верхних углов установлены фигуры девушек.

Желая рассмотреть высшее достижение мастерства целиком, Адэр отошел от бюро на несколько шагов. Поймав себя на неприятной мысли, что ищет сходство девушек со своими пассиями, приблизился к карточному столику, украшенному черепаховым панцирем и резной слоновой костью. Заметив в углу крышки клеймо ракшадского умельца, непроизвольно передернул плечами и устремился к напольной вазе из тончайшего стекла, усыпанной драгоценными камнями, обвитой золотой нитью и с оттиском печати тезарского стеклодува.

Всё не то! Огромный старинный особняк и баснословно дорогие предметы интерьера кричат о богатстве хозяев и ни слова не говорят о них самих.

Адэр приблизился к роялю из черного дерева. На крышку был нанесен портрет миловидной девушки, одетой по моде, царившей лет двадцать назад.

Довольно хмыкнув, Адэр провел пальцами по клавишам:

— У вас очень красивая супруга.

— Благодарю вас, — отозвался Ярис, улыбнувшись.

— Где она?

— Гостит у сестры в Ларжетае.

— Не боитесь отпустить одну?

— С ней поехали сыновья.

Неожиданно из задворок памяти выплыли слова жены Анатана.

Адэр опустил крышку рояля:

— С вашим талантом вам бы в любой другой стране цены не было. Почему не покидаете Порубежье?

— О каком таланте вы говорите?

— Вы изобретаете лекарства. Верно?

— Да, — ответил Ярис озадаченно. — А кто вам сказал?

Адэр изогнул бровь.

— Прошу прощения за вопрос. Вырвалось, — быстро дал задний ход маркиз. — Во-первых, за границей и без меня талантов хватает. А во-вторых... — Глядя в чашку, Ярис грустно улыбнулся. — ...На кого я оставлю своих пациентов?

Адэр подошел к окну, посмотрел в черное глубокое небо. Как странно устроены люди — свято хранят правду, а ложь выплевывают легко, не задумываясь, как шелуху семечек. Почему бы маркизу не сказать прямо, что в любой другой стране он ежегодно платил бы налог на богатство, а в Порубежье бесплатно наслаждается роскошью, и никому нет до этого дела.

— Меня беспокоит история с вашей служанкой, — произнес Ярис.

Адэр повернулся. Маркиз ничуть не выглядел взволнованным: слеповатый прищур покрасневших глаз, устало опущенные уголки губ, спокойные руки — Адэр мог поспорить, что даже чай в его чашке безмятежно замер. Очередная ложь? Или страдания пациентов закалили и научили не выставлять напоказ чувства?

— Не понимаю, кому девушка и ребенок могли перейти дорогу? — продолжил Ярис. — И каким образом они оказались вместе?

— Спокойной ночи, — сказал Адэр и покинул гостевую залу.

Ночь была беспокойной. Воздух — слишком душный, перина — сверх меры мягкая, кресло — чересчур тесное.

Усевшись на подоконник, Адэр посмотрел на освещенную желтыми фонарями аллею. Дорожка, посыпанная золотистым песком, извиваясь, бежала между цветущими кустарниками. Вдруг аллея исчезла — в парке за ненадобностью выключили свет.

Так же как и аллея, должен исчезнуть лагерь бандитов с его обитателями. Только тогда исчезнет разъедающий душу страх стать всеобщим посмешищем. Если не будет свидетелей унижений правителя — не будет слухов.

Через несколько минут вслед за слугой в его комнату вошли трое — Мун, Йола и Вилар. Взглянув на них, Адэр понял: спать никто не ложился. Слуга откланялся и закрыл за собой дверь.

Адэр жестом указал гостям на стулья — те быстро расселись — и, когда уловил на себе полные внимания взоры, проговорил:

— Я пригласил вас, потому что не имею права молчать. Вы должны знать правду. Расскажу в нескольких словах. Объяснений не ждите. — Опустился в кресло, облокотился на колени. — Я уехал на прииск, а Малика осталась в постоялом дворе. Когда я вернулся, ее нигде не было. Я подождал до вечера, потом взял стражей и отправился на поиски. Через несколько дней мы наткнулись на лагерь беглых уголовников. Потом нашли Малику. И

привезли ее к маркизу Ларе с единственной целью — получить заключение о смерти. А она оказалась жива. Вот такая история.

Мун упал на колени, принялся целовать Адэру руку.

— Довольно! — Он вырвал ладонь из пальцев старика. — Я рассказал это не для того, чтобы вы передо мной унижались.

Йола помог брату подняться, усадил его на стул.

— Бандиты должны понести наказание, — вновь заговорил Адэр. — Мне нужна помощь морского народа.

Йола отвел взор:

— Морской народ не воюет.

— Я не говорил о войне. Речь идет о десятке преступников.

— О каком ребенке упоминал Ярис? — спросил Вилар.

— Он... — начал объяснять Адэр и запнулся.

Так вот откуда взялись женские башмаки! Как же он сразу не догадался? Хвала смекалке Вайса и сообразительности Анатана!

— Мальчик помог нам найти Малику, — закончил фразу Адэр и обратил взор на Йола.

— Морской народ не воюет с преступниками, — тихо произнес старик, стиснув костлявыми пальцами острые колени.

— Я не хочу привлекать посторонних людей и давать широкую огласку этому делу. Возможно, у бандитов есть пленники, и они пожелают оставить свое унижение в тайне. Вы ведь тоже не хотите, чтобы на каждом углу обсуждали Малику и ад, через который она прошла, — сказал Адэр и затаил дыхание в ожидании ответа.

Йола упорно молчал.

— Может, среди пленников есть ориентиры, — предположил Вилар.

Взор Йола оставался непреклонным.

Адэр подошел к окну, оперся руками на открытые створки:

— Идите спать.

— Мой господин, — раздался несмелый голос Муна.

— Помолчи, — шикнул на него Йола.

— Мой господин! — вновь проговорил Мун уже решительно. — Я хочу рассказать одну давнюю историю.

— Мне не до историй, — сказал Адэр устало.

— Прошу вас, присядьте.

— Правитель не хочет слушать, — упорствовал Йола.

Адэр чувствовал себя опустошенным и подавленным. Но разногласие между стариками насторожило.

— Пожалуйста, присядьте, — настаивал Мун.

Адэр придвинул к нему кресло. Сел. Удивленно посмотрел на Йола — из кроткого и чудаковатого человека он превратился в настороженного хищника. Адэр не успел понять, в какого именно.

Внимание от Йола отвлек осипший голос Муна:

— Родина ориентов, наша с Йола родина, — город-остров Ориенталь — находится посреди Тайного моря. Морской народ частенько приплывал в Порубежье, чтобы обменять рыбу на всякую утварь, которой не было на острове. Кто-то возвращался обратно, кто-то оставался здесь. И вскоре нашей родиной стало нечто единое — Ориенталь и эта страна. В

то время она называлась Грасс-дэ-мор. И все было бы хорошо, если бы после ливневых дождей, которые несколько месяцев топили землю, и после сильных землетрясений неожиданно не наступила засуха. Из-за удушливой, убийственной жары море ушло вниз, покатые берега превратились в крутой обрыв, земля растрескалась и покрылась солью. Грасситы, так назывался народ Грасс-дэ-мора, покидали селения и уходили вглубь страны. Ориентам ничего не оставалось, как держаться подле моря. Наши легкие не приучены дышать пылью и зноем.

Мун печально улыбнулся как человек, вспомнивший навеки утраченное детство:

— Между ориентами с острова и ориентами с побережья был уговор: те, кто остался жить здесь, ловили рыбу, меняли ее на необходимые вещи, а когда с острова приходил корабль, передавали их в Ориенталь.

— А что взамен? — спросил Адэр.

— Что?

— Что взамен? Ты сказал, что между ориентами был уговор. Любой уговор предусматривает обязательства обеих сторон.

— Мой господин, я не понимаю, о чем вы говорите.

— Ладно. Почему ты рассказываешь эту историю именно сейчас?

— А потому, мой правитель, что Йола сказал неправду. Морской народ умеет воевать. — Мун расстегнул на рубашке верхние пуговицы, прижал ладонь к горлу. — Ориенты уходили в селения и всегда возвращались через одно и то же время. Однажды трое мужчин не вернулись. Старейшины посидели возле костра, посоветовались и отправили людей на поиски. Вечером выяснилось, что пропал мальчик. Как оказалось, он предупредил младшего брата и убежал за своим отцом без спросу.

— У Муна длинный язык, — вставил Йола.

Мун съежился как сушеный гриб, но продолжил:

— Время шло, никто не приходил. Старейшины не знали, что делать. Звучали разные предположения. Кто-то говорил о болезнях, кто-то о войне. Жены тех, кто пропал, умоляли пойти к грасситам и разузнать, что случилось. Но мужчины боялись бросать свои семьи. Спорили три дня и три ночи. Одна женщина, муж которой не вернулся, бродила вдоль берега и читала молитвы. Море в ту ночь было спокойное. Волны не шумели, не завывал ветер. И вдруг она услышала слабый всплеск. Еще один. Потом послышался тоненький голосок.

Мун закашлялся. Вилар подал ему стакан воды.

Старик сделал несколько глотков, поставил стакан на столик:

— Это был мальчик. Тот самый, что убежал тайком. Он по-взрослому потребовал собрать Совет. Когда старейшины уселись вокруг костра, ребенок поведал, как ориентов захватили какие-то страшные люди с рисунками на руках, отвели их в яму между горами и запахнули в пещеру. Мальчика никто не заметил. Даже отец не догадывался, что он бежал следом.

— Это были ракшады? — спросил Адэр.

Мун прижал ладонь к груди и потянулся к стакану:

— Простите.

Вилар раздвинул шторы, открыл еще одно окно. Адэр смотрел на друга и ловил себя на мысли, что ему самому хочется вскочить и что-то делать, лишь бы не сидеть на месте.

— Да. Это были ракшады, — наконец проговорил Мун. — Мальчик спрятался среди камней. Наступила ночь. Неожиданно раздался грохот, посыпались камни, кто-то дико

закричал. На рассвете ребенок увидел, что завалило пещеру, ту самую, куда затолкали ориентов. Он целый день ждал, когда начнут разбирать завалы. Прошел еще один день, и еще. Мальчик понял, что отец умер. Пробрался к морю и поплыл.

Мун принялся размазывать по морщинистым щекам слезы.

— Ориенты не плачут, — укоризненно промолвил Йола и подозрительно быстро отвернулся.

Мун продолжил:

— Да, ориенты никогда не воевали. Но выслушали ребенка и все, как один, крикнули: «Месть!» Прихватили сети, вплавь добрались до склона, где был расположен лагерь ракшадов. Они еще не знали, как наказать врагов, а потому долго наблюдали за ними. Питались сырой рыбой и водорослями и не выходили из воды. Ракшады не покидали лагерь. На тропе, которая взбегала в горы и была видна с моря, никто не появлялся. На краю обрыва стояли часовые и смотрели на горизонт. И тогда закралось подозрение: они ждут корабль. Или шхуну. А может, просто лодку. Ориенты не ошиблись. Пришел корабль. Ракшады бросили якорь, спустили шлюпки. В них спрыгнуло несколько человек. Но до берега они не добрались. Ракшады так и не поняли, что случилось. Шлюпки перевернулись, а их товарищи уже не вынырнули. Им на помощь с корабля кинулись еще люди.

Мун неожиданно хохотнул:

— Глупцы!

Адэр придвинулся на край кресла:

— Что произошло с ракшадами?

Мун расправил плечи и будто вырос:

— В море ориентам нет равных! Ни в одной стране вы не найдете таких искусных пловцов и ныряльщиков, как сыны и дочери Ориенталя. Про нас ходит много удивительных сказок. В некоторых говорится про способность морского народа дышать под водой.

— Я слышал, — промолвил Адэр.

— Так вот, это и впрямь выдумка. Ориенты не дышат под водой. Они могут задерживать дыхание так долго, как не может никто другой. И в те далекие времена благодаря своим легким ориенты оказались намного сильнее ракшадских воинов. Женщины опутали сетями гребной винт корабля. Мужчины раскачивали ногами шлюпки и утаскивали врагов на глубину. Точно так же поступили с теми, кто бросился на помощь. Осталась только горстка людей на корабле и кучка ракшадов на берегу. Не знаю, — Мун пожал плечами, — может, они думали о морском дьяволе? Как бы там ни было, корабль не мог пуститься в путь с опутанным винтом. На нос судна вышел их главарь и предложил перемирие. Он не знал, к кому обращается, но ему хватило ума отбросить в сторону сказки о дьяволе. Он пообещал, что впредь его люди не тронут жителей моря. Пообещал, что накажет своим потомкам не трогать тех, кто произнесет заветное слово. Именно тогда у нас появился боевой клич и заветное слово.

Стараясь усмирить дрожь, Адэр вцепился в подлокотники кресла:

— Какое слово?

Мун смотрел на брата, а тот, насупившись, разглядывал ладони.

— Это слово «Йола»? — спросил Адэр.

Казалось, стариков парализовало.

— Верно? Йола? — допытывался Адэр.

Мун медленно повернулся к нему:

— Откуда вы знаете?

Адэр заставил себя вальяжно развалиться в кресле:

— Догадался. По вашему виду.

— Да, — растерянно проговорил Мун. — Вы угадали. Имя маленького мальчика, моего старшего брата — Йола.

— Теперь объясни, зачем ты рассказал эту историю.

— Яр, отец Малики, — выходец из морского народа. В ее жилах течет наша кровь, хотя ориенти не хотят это признавать. Малика, как и наш отец, была в плену. Только рядом с нашим отцом не было такого человека, как вы, и он погиб. Я готов целовать землю, по которой вы ходите. Я готов отдать за вас жизнь. И я прощаю вашего отца за то, что он сотворил с ориентами. Я лично упаду перед ним ниц и попрошу отомстить за Малику.

— Армия Тезара вычистит прибрежные поселения так, что в них не останется мужчин. И в первую очередь пострадает резервация ориентов. Но ты прав, старик. Придется просить помощи у Великого.

Мун обратился к брату:

— Ты этого хочешь?

Йола долго глядел в сторону, потирая кончик носа.

— Морской народ поможет, — наконец произнес он.

— Спокойной ночи, — сказал Адэр.

— Мой господин! — промолвил Вилар. — Уделите мне время.

— Спокойной ночи!

Когда за стариками и Виларом закрылась дверь, Адэр рухнул на кровать. Уткнувшись лицом в подушку, со стоном сжал кулаки.

Вряд ли кто догадался, зачем он привез ориентов в клинику. Помочь Малике... безусловно... Но была еще одна, более важная причина. Вернись плебейка в замок, поднятая на ноги усилиями маркиза Ларе, и задумка обрести сообщников в лице морского народа потерпела бы крах. Здесь же, в больничной палате, ее тело лучше самых красноречивых фраз поведало о том, что произошло с ней в бандитском лагере. Ее страдания не могли оставить ориентов безучастными. Именно на это он рассчитывал. Но... если миф, легенда, сказка, рассказанная Муном — правда... С каким умыслом старик вытащил на свет историю, о которой знали разве что кучка ракшадов и сам морской народ?

***

Дождливый вечер заставил собраться за одним столом. Ужин на троих — хозяин, правитель и маркиз Бархат — был редкостью. Гости молчали, занятые мыслями. Ярис Ларе, помешивая чай, также предавался размышлениям.

Он беспокоился о душевном состоянии правителя. Каждое утро Адэр спрашивал: «Жива?» — и, получив утвердительный ответ, закрывался в своей комнате. Сидел взаперти до позднего вечера. Затем отправлялся в парк и пропадал там почти до рассвета. И сколько бы Ярис ни говорил, что такой распорядок дня доведет его до нервного истощения, Адэр советовал уделять больше внимания истинным больным.

Не понимая, что удерживает правителя в замке и чего он ждет, Ярис — не сильный знаток психологии — ночами перелистывал имеющуюся в библиотеке литературу, а утром, встречаясь в обеденной зале, пытался вывести Адэра на откровенный разговор. Не получалось. Тогда стал ловить слова, взгляды, жесты. Добавлял к ним слухи, просочившиеся

из Тезара. Но он и раньше знал, что Адэр — властная, пылкая и порой сумасбродная натура. А такие люди зачастую подвержены психическим расстройствам. И это пугало Яриса. Такому темпераменту обязательно нужен противовес. Не груз тела и костей, а противоположная по заряду мощь, способная остудить горячую голову правителя, привести его мысли и чувства в равновесие и направить течение своевольной реки в нужное русло.

Ярис украдкой посмотрел на Адэра — даже воздух вокруг него словно подернулся рябью, настолько его думы тяжелы и беспокойны.

Мун и Йола однозначно оказались рядом с Адэром по воле случая. Маркиз Бархат... а он, похоже, действительно влюблен в моруну. Правитель здесь из-за него? Нет. Поддержки, как, собственно, и попыток вразумить заблудшего друга Ярис не заметил.

Малика... Безусловно, ее что-то связывает с Адэром. Недаром девушке из низшего сословия выпала честь быть сопровождающей дамой. Но они так не похожи — с неравной кровью и различным воспитанием. Двумя словами — разные миры.

— Господин...

Еще блуждая по разуму, Ярис не сразу сообразил, что рядом стоит Вельма, сиделка Малики.

— Больная очнулась, — сказала она чуть слышно.

Раздался скрип ножек стула по паркету.

— Проводите меня к ней, — прозвучал голос Адэра.

***

Ветер стучал в окна крупными каплями дождя. Старики похрапывали в разных углах комнаты — Йола скрутился на пледе возле кровати, Мун развалился в кресле возле двери. Малика прислушивалась к их дыханию и жалела, что отказалась от успокаивающей настойки.

В спальне было темно. Ночник, ранее горевший все ночи напролет, последние дни тушили. Малика уже не вскакивала с криками с кровати при малейшем шуме в коридоре или под окном. Ночные кошмары перестали ее преследовать, они прочно обосновались в воспоминаниях. Она на удивление быстро научилась заталкивать их на дно памяти, вызывая на поверхность светлые дни и милые образы.

Малика мысленно благодарила бывшего наместника, который почти каждый вечер заставлял читать ему законник Ракшады. В то недалекое время она злилась, путаясь в непонятных названиях и мудреных именах, но беспрекословно подчинялась. Как только окна затягивали серые сумерки, спешила в кабинет, прижимая к себе потертый том. У многих указов озвучивала начало, некоторые дочитывала до середины; наместник отмахивался, и она листала дальше. А законы о наказании женщин — за взгляд, за слово — перечитывала несколько раз, уже лежа в своей постели. Ракшадок либо закапывали по шею в раскаленный песок, либо сбрасывали со скалы в море.

Малика не понимала странную прихоть немощного человека — интересоваться законами и историей Ракшады. Этого не понимала и сейчас. Но неизменно в молитве перед сном припоминала имя наместника, отводя ему роль спасителя. И пусть ее не сбросили в море, как приказал воин, а подвергли жестоким мукам, но, промолчав, она могла уже быть чьей-то наложницей в далекой и дикой Ракшаде.

Малика поворочалась в кровати, прислушалась к утихающему дыханию Йола. Старик с трудом переносил сухой воздух и ночами громко хрипел. Дождь за окном и долгожданная

прохлада сегодня успокоили его утомленную грудь. Хрип плавно перетек в сопение, и вскоре над стариком повисла тишина. Чего нельзя было сказать о Муне. Захлебнувшись храпом, он частенько выплевывал какое-нибудь дедовское ругательство и вновь забывался сном.

Малика подоткнула себе под спину подушку, посмотрела на затуманенное дождем окно. Мысли понеслись, как шустрые ящерицы, отгоняя сон и заставляя заново пережить последние дни.

Две недели назад, когда Малика пришла в себя, первым человеком, кого она увидела, была дремавшая в кресле белокурая девушка в белоснежном платье. И первое, что пришло на ум — ангел. Запомнился испуганный и в то же время радостный взор голубых, как весеннее небо, глаз. Ангел выпорхнул из спальни, и из коридора донеслись торопливые, совсем не ангельские шаги.

В комнату вошел маркиз Ларе. Малика его узнала — на приеме в замке Адэра он единственный смотрел на нее прямо. Маркиз притронулся к ее лбу, взял за запястье, принялся считать пульс. Из-за его плеча вынырнули Мун и Йола. Бедные старики... Мун упал на колени. Прижался к руке шероховатыми губами и расплакался. Йола прикоснулся к ее подбородку. Ноющая боль стихла, будто перетекла в острые пальцы старца.

Вдруг ее окутало облако нежности — это Вилар. Золотистые глаза влажно блестели, губы, растягиваясь в улыбке, подрагивали. И тотчас в тело впились колючки — за спиной маркиза возвышался правитель. Малика почувствовала исходивший от него страх.

Адэр выставил всех за дверь. Немного помолчал, взирая в сторону. Произнес: «О том, что я был в плену, никто не должен знать». Помедлив, добавил: «Расскажешь старикам о ракшадах». И ушел.

Адэр и Вилар уехали в тот же вечер, и сразу вернулись рези в груди. Порой казалось, что сердце скручивается как тряпка в руках прачки. Иногда трепыхалось, точно бабочка в сачке. И все чаще вытягивалось в тонкие, звенящие нестерпимой болью струны. Малика догадывалась: как только она приедет в замок, страдания прекратятся.

Старики ни на секунду не покидали ее комнату. Мун развлекал веселыми рассказами и выдуманными историями. Йола следил за выполнением предписаний доктора Ларе и лично от себя добавил массаж и непонятные утомительные упражнения.

Каждое утро, осматривая Малику, доктор приходил в замешательство. Она понимала, чем вызвана его растерянность, и боялась вопросов, на которые отвечать не хотелось. Зачем ему знать, что моруны выздоравливают намного быстрее, чем обычные люди, и быстрее восстанавливают силы?

Слава Богу, маркиз не спрашивал. Обрабатывая рубец на плече, раны на губах и переносице, рассказывал об изобретенной им уникальной мази, способствующей быстрому избавлению от различного рода дефектов кожи. Но ее не волновало: исчезнут ли шрамы, вернется ли коже бронзовый оттенок, примут ли губы и овал лица привычные очертания. Главное, что она дышит.

Еще недавно Малика находилась словно в полудреме. Читая книги и переписывая истории из архива, жила чужой жизнью. С появлением Адэра и Вилара с глаз слетела поволока сна — оказывается, можно прислушиваться к своему сердцу и разуму, а не питаться чужими мыслями; можно идти вперед, а не стоять за чьей-то спиной; можно высказывать мнение, а не молчать.

Общение с молодыми, сильными людьми — в отличие от болтовни с седыми и

тщедушными обитателями замка — привнесло в дни иной оттенок неба, новый аромат воздуха и ранее неизведанное состояние души.

Малика села на край постели — закружилась голова. Подождала, пока прояснится сознание. Опустила ноги на прохладный пол. Медленно сползла с перины. Несколько глубоких вздохов, как учил Йола, и шаг вперед. Шаг, еще один, еще... а вот и окно.

Малика слушала дождь и знала, что старики проснулись.

— Плохая я нынче помощница, — произнесла она.

Мун приблизился, обнял ее:

— Ничего, доченька. Скоро будешь бегать.

Она повернулась к старику, уткнулась лбом в острое плечо:

— Прости.

Мун погладил ее по голове:

— Девочка моя... Мне не за что тебя прощать.

— Не надо было продавать дом. Куда мы с тобой пойдём?

— Йола зовет к ориентам. Знаю, море быстро поднимет тебя на ноги. Но к ним пойти не получится.

— Почему?

— Правитель прислал за нами машину. Как только маркиз Ларе разрешит, мы вернемся в замок.

— В замок, — эхом повторила Малика и еще сильнее прижалась к Муну. — Я соскучилась по своей комнате.

— Я тоже, милая.

— В парке маркиза есть дуб?

— Дуб? Зачем тебе дуб?

— Хочу обнять его. Так же крепко, как тебя. Или березу.

Мун прикоснулся губами к ее лбу:

— Девочка, ты бредишь.

— Да, это бред, — тихо промолвила Малика. Немного помолчала, слушая биение сердца старика, и вновь прошептала: — Пахнет дубовой листвой. Отведи меня в парк.

— Сейчас ночь и дождь.

— Мне очень надо.

Из-за спины Муна вынырнул Йола, накинул на Малику одеяло:

— Раз надо, идем.

***

Ночная и дневная смены в полном составе, охрана прииска и конторские служащие томились в очереди возле крыльца проходной. Глядя на пустой стул, на котором уже должен сидеть кассир, на пустой стол, на котором уже должен лежать мешочек с зарплатой за неделю, люди мрачнели. Высказывались предположения, что жалованья им не видать как своих ушей — начальник под арестом, его дом и имущество конфискованы, а семейство ютится у родственников. И, словно впитывая в себя невыносимо горькие мысли и разъедающие сердце слова, лазурное небо над прииском сгущалось в грязную синеву, перетекало в свинцовые тучи и грозило обрушиться ливнем на многострадальные головы.

Наконец дверь с отверстием-глазком отворилась. Двое стражей вынесли большие коробки и установили их сбоку стола. Рабочие обменялись недоуменными взглядами. Блюстителю порядка были знакомы — Даен и Хайт, — но их появление на прииске для всех стало неожиданным.

Вот и кассир — дородная баба — устроилась на стул и положила перед собой сшитые листы. Ее тоже знали — острая на язык, хохотушка. Сейчас она хмурила брови и подрагивающими руками то и дело перелистывала бумаги, будто никак не могла разобрать, что в них написано.

На крыльцо вышли несколько стражей — могучие плечи, мускулистые руки, крепкие ноги, каменные лица. Расступившись, пропустили вперед невысокого худощавого человека. В очереди прошуршал один шепоток, второй, и рабочие передавали дальше: «Анатан». Его мало кто видел раньше, но слышали все: Анатан — начальник далекого и баснословно богатого прииска.

— Прошу внимания! Меня зовут Анатан Гравель. Приказом правителя Порубежья Адэра Карро я назначен старшим распорядителем приисков Бездольного Узла. Сейчас мы проведем собрание.

«Какое собрание?» — «У нас уже началась смена». — «А когда деньги дадут?»

Анатан потряс руками, успокаивая людей:

— Жалование получите после собрания. Подойдите ко мне.

Перебрасываясь: «Не забудь, я за тобой», — рабочие нехотя сломали очередь и скучились перед крыльцом.

Один из стражей сделал широкий шаг вперед:

— Я Крикс Силар, командир стражей порядка Бездольного Узла. Действую от имени и по поручению правителя Порубежья.

Люди невольно сжались, видимо почувствовав, что в их мутной юдоли грядут перемены.

Крикс вытянул руку, указывая в сторону:

— Тот, кто ведет трезвую жизнь, пять шагов вправо марш!

Толпа всколыхнулась, по пыли и песку шаркнули башмаки, и узкая полоска земли разделила люд на две половины.

— Стражи запишут ваши имена и проверят, — сказал Анатан.

Рабочие заметались как бабы на пожаре, и непьющая ватага значительно поредела.

— Остальные! Тот, у кого нет детей, пять шагов влево марш! — произнес Крикс.

Трудяги, работая локтями, словно ручьи в сугробе пробили себе путь сквозь толпу, отсчитали шаги и замерли.

— От каждого отряда мне нужны по три человека, которым вы доверяете, — сказал Анатан.

У кого-то после тяжелой ночной смены туго соображала голова. Кто-то решил, что распорядитель насмехается над ними. Остальные думали о получке и с нетерпением ждали окончания никому не нужной сходки.

Трудяги покрутились, повернулись, пощупукали и вытолкали вперед девять человек.

— Поздравляю, — сказал Анатан. — Вы выбрали приисковый совет. Он будет решать, как тратить заработанные вами деньги, и какое жалование вам выплачивать.

С широко открытыми ртами и глазами рабочие при других обстоятельствах вызвали бы друг у друга безудержный смех. Но сейчас им явно было не до веселья.

И тут началось... «А с чего вдруг там Хрюка оказался?» — «Ломоть! А ну давай назад!» — «Эй! Братцы! Кто Дятла выбрал?» — «Сухарь! Ты какого хрена вылез?» Люди кричали, размахивали руками, пихались. Разделенные «по интересам» оравы слились воедино. В центре началась потасовка.

— Молчать! — гаркнул Крикс.

Толпа угомонилась.

— Разойтись по отрядам!

Толпа торопливо разбилась на три.

— Занять свои места! — приказал Крикс девятерым избранникам.

Втянув шеи в плечи, те юркнули за спины собратьев.

— Начнем сначала, — проговорил Анатан. — Выбираем начальника прииска.

Сотни глаз, не мигая, уставились на него.

— Вы не ослышались — начальника. Того, кто вместе с вами делил невзгоды, жарился на солнце, мерз под морозным небом, глотал пыль и терпел унижения. Того, кто знает, как это — быть рабочим прииска. Того, кто вас никогда не предаст и не продаст.

Над прииском повисла тишина.

Наконец прозвучал несмелый голос:

— Мужики! А может, батя?

За ним последовал другой:

— Давай батю.

И уже со всех сторон понеслось: «Батя! Батя!».

— У бати имя есть? — спросил Анатан.

— Бади, — закричали рабочие. — Его зовут Бади.

— Бади! Три шага вперед! — приказал Крикс.

Из непьющего отряда робко, комкая картуз, вышел невзрачный мужичок — рыжеволосый, лицо в веснушках, торчащие уши.

— Кто за него, поднимите руки, — потребовал Анатан.

Лес рук всколыхнул воздух.

— Кто против?

Одна... две... ну, может с десятков. Кто-то опустил.

— Я продолжаю, — промолвил Анатан. — В связи с увеличением объемов работ на вашем прииске объявляю о наборе рабочих.

Толпа оживленно загудела, обсуждая сыновей, братьев и соседей, которые давно елозят ложками по пустым котелкам.

— Тишина! — крикнул Крикс.

— Подать заявки могут только те, у кого будут как минимум двое поручителей с прииска, — сказал Анатан и жестом позвал Бади.

Когда старший распорядитель и новоиспеченный начальник скрылись за дверьми проходной, Крикс окинул рабочих взглядом:

— А теперь слушайте меня. Перед тем, как вы получите деньги, я ознакомлю вас с приказом правителя. Скажу своими словами. — Страж вытащил из нагрудного кармана листок, потряс им над головой. — Кто захочет прочесть — подойдите ко мне после собрания. Значит так. Трезвенники получают жалование за неделю в полном объеме. С пьющих бездетных взимается штраф в размере двадцати моров.

Толпа захохотала, засвистела. Посыпались ехидные шутки.

— Да у нас жалование два мора.

Крикс указал на рабочего из малочисленного непьющего отряда:

— Получи жалование.

Оглядываясь на товарищей и отмахиваясь от шпилек в свой адрес, тот подошел к столу, назвал имя. Не глядя, расписался в ведомости. Машинально взял протянутый стражем холщовый мешочек и уставился на кассира.

— Чего стоишь? — спросила она.

— А деньги?

— У тебя в руках.

Рабочий развязал бечевку, заглянул:

— Это что?

— Жалование и премия за последние три года.

Трудяга, прижимая к груди тряпичный кошель, на ватных ногах вернулся на свое место.

Насмешки продолжали звучать, хотя не так громко и не так едко.

— Ты, — Крикс указал на рабочего из пьющего бездетного отряда. — Получи жалование.

Тем, кто стоял впереди, хорошо был виден стол. Серединка вытягивала шею. Задние бухтели: «Ну что там?» А там... кассир высыпала из мешочка горку моров и отодвинула в сторону двадцать монет. Остаток ссыпала обратно и протянула посеревшему, как домотканое полотно, мужику.

— Теперь вы, — Крикс направил тяжелый взор на ватагу, стоящую посередине. — Штраф десять моров.

Раздались крики: «А чего так?» — «Это нечестно!»

Страж нетерпеливым жестом приказал всем замолчать.

— Остаток зарплаты получают ваши жены и дети, — проговорил он. — И с сегодняшнего дня вы уволены.

Гробо́вая тишина... Казалось, ей не будет ни конца ни края. И вдруг пьющая братия, все как один, рухнула на колени.

— Если найдутся двое поручителей, согласных отвечать за вас головой, вы можете подать заявление с просьбой восстановить вас на работе. И последнее. Каждый раз в день зарплаты я буду знакомить вас с новым приказом правителя. У меня — всё. Теперь получите свои деньги, — закончил Крикс, по-военному сделал поворот и вошел в здание проходной.

Где-то далеко прогремел гром. В воздухе запахло прибитой дождем пылью. А толпа так и продолжала стоять.

***

Управляющий и его помощник — что тот, что другой чиновники низшего ранга — сидели каждый за своим столом и с унылым видом перекладывали с места на место бумаги.

Недостаток денег на обучение в университете и, главное, отсутствие в венах благородной крови давно, если не сказать — с рождения, поставили крест на карьерном росте в Тезаре. Поэтому, получив базовое образование, молодые люди, как два подслеповатых крота, которые различают только свет и тьму, с радостью ухватились за предложение возглавить отдел тезарского банка в Порубежье и без лишних раздумий подписали контракт на двадцать лет.

Сколько было планов, сколько надежд — купить дом, обзавестись семьей, перевезти к себе престарелых родителей. Да разве ж можно перечесть все, о чем мечтали амбициозные, с претензиями на честолюбие мужчины. Но как только они прибыли на место проживания и работы в селение Бездольного Узла, поняли, что ошиблись, приняв тьму за свет.

Шли годы. Модные костюмы и шелковые сорочки давно износились, глаза потеряли блеск, уголки губ сползли вниз. А внутри так и зудело желание вдохнуть горячий воздух тезарских мостовых, нырнуть в многоголосую толпу и навсегда забыть о серых, изматывающих душу и сердце буднях. И вот сейчас, перекладывая бумаги, они думали о разном, но мечтали об одном.

Заслышав звук затормозившего автомобиля, служащие встrepенулись, поправили застиранные воротнички, торопливо вытащили из ящичков нарукавники.

Раздался стук в двери парадного входа. Управляющий и помощник перекинулись взглядом — обычный стук, а не условный знак, который они каждый день меняют. Стук повторился.

Помощник подошел к двери, поднял козырек над решетчатым оконцем. Снаружи стояли трое — важные, в деловых костюмах и фетровых шляпах. За их спинами возвышался страж, больше похожий на спортсмена-тяжеловеса, чем на обычного блюстителя порядка.

— Кто такие?

— Наблюдатели, — ответил круглолицый человек в очках, поблескивающих золотой оправой.

— Какие еще наблюдатели? — встревожился помощник. — Мы никого не ждем.

Между прутьями просунулся свернутый в рулончик листок.

Управляющий и помощник долго изучали документ, отпечатанный на дорогой бумаге, с фотографиями незнакомцев, с печатями трех стран и с кучей подписей. Переглянулись. Проще впустить высокопоставленных гостей, выслушать и отправить восвояси.

Люди вошли в отделение банка. Страж закрыл двери, заложил руки за спину и устремил жесткий взгляд в коридор, ведущий к служебному входу.

Круглолицый человек поправил на носу очки:

— Я — наблюдатель из Бойварда.

Мужчина с острым загнутым носом приподнял шляпу:

— Наблюдатель из Партикурама.

Приземистый человек с добродушным лицом кивнул:

— Наблюдатель из Маншера.

Не дожидаясь приглашения, гости уселись на скамью.

— Что вас привело к нам? — заискивающим тоном спросил управляющий.

— Вы знакомы с Законом № 797/5? — в свою очередь спросил круглолицый человек.

Управляющий бросил взгляд на помощника; тот еле заметно пожал плечами.

— У вас есть какие-то вопросы?

— Видимо, вы не особо хорошо знаете международный закон о банковских наблюдателях. Мы не задаем вопросов. Мы смотрим, как работает банк на территории чужой страны.

Управляющий покачал головой, вспомнив, что месяц назад Порубежье перестало быть колонией Тезара.

— Чаю или воды? — прозвучал голос помощника.

Наблюдатели разом посмотрели на залапанный графин и надколотые глиняные кружки, стоявшие на сейфе, и дружно отказались.

Время тянулось мучительно долго. Солнце уже успело протолкнуть лучи в сквозные отверстия в решетке на окне, скользнуть тонкими нитями по лицам людей и скрыться за крышей дома напротив.

Управляющий и помощник включили настольные лампы и с нарочито занятым видом принялись пролистывать документы. Гости рассматривали давно не крашенные стены, старенький шкаф с перекошенными дверцами, истертый башмаками пол.

С улицы донесся звук затормозившей машины. Послышался скрип ступеней. Условный стук не успел прозвучать — страж открыл дверь и посторонился. В комнату вошли работники прииска — приемщик и оценщик, — держа в руках два чемоданчика. Глянув на людей, сидящих на скамье, с немым вопросом воззрились на управляющего.

— Международные наблюдатели, — объяснил тот.

Работники прииска вытащили из чемоданчиков две коробки, установили их на стол. Одна — чуть побольше — ничем не отличалась от коробок, в какие упаковывают обувь в тезарских магазинах для низшего сословия. Вторая представляла собой обычную бонбоньерку. Стертый временем рисунок, примятые углы и погнутые края тоскливо говорили: внутри хранится все что угодно, но только не конфеты.

Банковские служащие открыли первую коробку, пересчитали камни, обернутые в сопроводительные записки, сверились с описью приемщика, заполнили формуляр в двух экземплярах, поставили подписи. Бонбоньерку же просто передвинули с места на место.

— Можно идти? — промолвил оценщик.

Страж молча указал на скамью. Наблюдатели потеснились, и работники прииска уселись рядом с ними.

Долго ждать не пришлось. За окном промелькнул свет фар двух машин. Со стороны служебного входа послышался скрип тормозов, донесся хлопок дверцы, еще один. В замке проскрежетал ключ, по коридору прогремели шаги. Управляющий и помощник вскочили со стульев и, ссутулившись, устремили масляные взгляды на хозяев своей судьбы.

Хозяевами оказались тезарский чиновник в приличном твидовом костюме и кожаных туфлях, и хмурый тип, похожий на шкаф, в темно-серой форме охранника.

— Почему в банке посторонние? — спросил охранник.

— Это международные наблюдатели, — пролепетал управляющий и согнулся еще ниже.

— Прощу покинуть помещение, — отрезал охранник.

— Согласно Закону № 797/5, вы не имеете права препятствовать нам в выполнении

наших прямых обязанностей, — возразил круглолицый человек, глядя на тезарского служащего. — Но имеете право подать жалобу в международный Совет банкиров, если увидите в наших действиях какие-либо нарушения.

Охранник повернулся к стоявшему возле двери стражу:

— Покиньте помещение.

— Я подчиняюсь командиру стражей Бездольного Узла Криксу Силару. И только он может отдавать мне приказы.

Охранник и тезарский чиновник переглянулись — это было четвертое отделение банка в Бездольном Узле, где их подкарауливали наблюдатели и стражи. Пересчитали камни, лежащие в коробке для обуви, бегло просмотрели заполненные формуляры, поставили витиеватые подписи, словно расписались на титульном листе совместного бестселлера. Подхватив ящичек, направились по коридору к служебному выходу.

— А этот? — промолвил управляющий, указав на бонбоньерку.

— Что там? — поинтересовался тезарский чиновник.

— Ну как же? Камни не ювелирного качества.

— Зачем Тезару камни не ювелирного качества? — спросил чиновник преисполненным достоинства тоном и важной походкой вышел вслед за охранителем из отделения банка.

И банковские служащие, и работники прииска выглядели так, словно их ударило молнией, и через секунду они упадут замертво.

Остроносый человек кашлянул в кулак, подошел к столу:

— Позвольте взглянуть?

Управляющий схватился за спинку стула.

Наблюдатель вытащил из кармана увеличительное стекло, достал из бонбоньерки мутный фиолетовый камешек, поднес к настольной лампе, и кристалл засверкал кроваво-красным цветом.

***

Порыв ветра бросал в лицо клубы дыма, но Хлыст не замечал его. Он неотрывно смотрел на пламя костра, а в голове роились мысли — одна темнее другой.

Сегодня пошли десятые сутки со дня условленной встречи с Ташей. Она так и не пришла. Неужто Анатан сдал их шайку-лейку с потрохами, и Ташу таскают по допросам? Или ее скрутила болезнь? Первый домысел пугал. Второй вгонял в дрожь.

Пять лет назад Таша ни с того ни с сего стала в обморок падать. Бредет себе по улице, с бабами судачит и — опа-на, уже лежит. Или полезет в голбец за картошкой или репой, и нет ее, нет... Малец туда, а мамка возле лесенки валяется.

Хлыст повел жену к лекарю. Благо идти недалеко — по пустоши полдня, еще пару часов по осеннему лугу. А там, в золотой рощице, на меже Бездольного Узла и Нижнего Дола, владения того самого лекаря, который смердами не брезгует. Целую ночь он продержал Ташу в лазарете, а наутро выпроводил восвояси. Мол, ей нужен другой... и слово сказал, чудное такое слово — «климат». Лучше бы промолчал или сознался, что ни хрена не соображает в болячках.

Таша вбила себе в голову — всё, сочтены ее деньки, раз от нее лекарь отказался. Купила рядом застлать гроб, выпросила у соседки занавесочку покрыть себя усопшую, даже откуда-то три доски притащила и все допытывалась: на крышку хватит?

Пробрал Хлыста мандраж — какой гроб, какая крышка, когда на лавках ребятёнки сидят

и глазенками зыркают? Дочурке годик, одному сынишке — два, второму — семь. А с ними-то что делать?

А тут, в конце зимы, Анатан к Лабичи в гости нагрянул. Пришел к брату и Хлыст. Поведал Анатану о беде. А тот уж объяснил, с чем этот «климат» едят, и для примера сравнил Порубежье с Лэтэей.

И вот тогда засела, как заноза, мысль: уйти с семьей в ту самую Лэтэю. Там лес — за жизнь не обойдешь. Воздух — не надышишься. Вода — Божья слеза. Белки сами на плечи запрыгивают, лоси с ладошек соль едят. Не край, а рай. А в раю грех помирать.

Хлыст поделился задумкой с Ташей. Жена засветилась. Даже доски на щепы распустила. И в самый лютый мороз затрещала печка жарким огнем.

По весне Хлыст уволился с прииска. Получил три мора, почесал затылок. С таким богатством даже на дорогу харчей не купишь. Задумал дом продать, но кому он нужен. В «Горном» вон их сколько — убогих и брошенных.

Хлыст кинулся к Лабичи, но на полпути совесть остановила. У брата своих детишек трое. И к Анатану не пойдешь. У него жена, как кремень — чуть что не так, искрами сыплет.

Бес попутал. Иначе никак не назовешь бредовую идею обокрасть магазин в Рисковом. Покумекай же хорошенько, всё по полочкам разложи и орудуй! Нет же! Бес набросил удавку и поволок. А там хозяин в подвале весы чинил. А тут пацан бате ужин принес. А снаружи дружок на велосипеде дожидался. Да как нажмет на гудок, да как помчит по улице. Хлыст вместо того, чтобы сбежать, с перепугу за ним погнался.

Как взяли с кольцом колбасы за пазухой (больше украсть не успел) и тремя трупами на шее, так и навесили двадцать лет работ в каменоломне без права переписки и свиданий.

Четыре года под нескончаемый грохот камнедробилки Хлыст каждое утро жену хоронил, весь день долю своих детишек оплакивал, а ночью жену воскрешал, чтобы наутро вновь похоронить. А в лагере смертников ни разу о семье не вспомнил — адский холод вмиг вытравил память, как керосин блоху. И когда Лабичи вытащил его из горного котла и сказал, что с Ташей и детишками все в порядке, Хлыст не сразу сообразил, о ком брат говорит.

Долгожданная встреча с женой прибила всю радость, как ливень траву. За четыре года наливное яблочко в сухой стручок фасоли превратилось — в чем только дух держится? И вновь закололи занозой думы о Лэтэе.

Хлыст попросил Ташу потерпеть еще чуток, ринулся на заброшенный прииск алмазы искать. Алмазы не нашел, зато набрел на таких же беглых, как он сам. Правда, из лагеря смертников один Оса был. Повезло мужику. Необычайно повезло. Когда река подхватила его, протащила по камням и сбросила с водопадом, он зацепился страховочным тросом за выступ и повис. За неделю от стужи голос в скрип несмазанной телеги превратился, от голода живот к спине прилип. И подфартило же выродку — мимо Лабичи проходил.

Интересно, брат сорвался с тропы или сам спрыгнул? Теперь уж никто не узнает. Слишком душевный был человек. Всех жалел: и преступников, и калек, и вдов, и детишек-сирот. С каждым куском хлеба делился. Даже братве в горный провал еще задолго до освобождения Хлыста харчи приносил. С такой душой нельзя грешить. Душа, в конце концов, взбунтуется. Вот и не выдержал братишка. Или сорвался?

Хлыст вытер ребром ладони слезящиеся от дыма глаза. Окинул взором окутанный сумраком горный провал, посмотрел через плечо на лачуги — зыбкие и шаткие в бликах огня. В одной из них, под гнилой крышей, на ворохе рваных одеял и грязных тюфяков он обнимал худенькие плечи Таши, утыкался носом в ее мягкие кудряшки, вдыхал запах

родимого дома и забывал, что собственными руками сломал свою жизнь и выбросил ее как мусор.

Прошло-то всего десять дней пустых ожиданий, а словно десять лет отсидел. Жердьяй капал на мозги, мол, баба нашла замену беглому душегубцу, валяется с хахалем на перинке и в ус не дует, что муженек скоро замазку с лачуг жрать будет. Потешается, гнида. Да только замазкой давиться будут все — во время шторма унесло единственные сети, а харчей осталось впритык.

Каторжникам урезали пайку втрое. Они еле ползали на карачках и последние ночи лежали пластом. Братва заглядывала друг другу в плоски и подымала хай, если у кого-то баланда была выше метки. Кто-то даже порадовался, что Бурнус, ненасытный упырь, погнавшись за пацаном, ухнул вместе с ним с обрыва. И лишь Оса бросал колкие взгляды (подозревает, тварь, что с Бурнусом не все чисто) и молчал. Вот и сейчас, поворошив хворостиной угли, покосился на Хлыста, как лошадь на придорожный пень, завалился на спину и уставился в черное небо. Его невысказанное подозрение напрягало сильнее, чем урчание в животе и лопнувшая на пятке мозоль.

— Таша, видать, заболела, — промолвил Хлыст. Поерзал тощим задом по камешкам. — Смотаюсь-ка я в Горный.

— Яйца на мозги давят? — проскрипел Оса, глядя в небо.

Хлыст хотел отрезать, но решил, что раздоры сейчас ни к чему. Взял с земли кнут, принялся обвивать рукоять крученной веревкой.

— Харчи заберу, а то сядем на голодный паек.

Сказать-то сказал и приуныл. Чтобы никто не заподозрил, откуда у Таши деньги и зачем ей столько еды, она сновала по всем селениям Бездольного Узла, кроме «Рискового», само собой. Там крупу купит, там — масло, а там хлебного вина у подпольщика возьмет. Если Таша слегла, забирать будет нечего.

— Ну, сядем. Что с того? — отозвался Оса.

— Оно, конечно, ерунда — нам не привыкать. Да только не сегодня-завтра каторжники сдохнут. Кого на добычу поставишь? Или сам в колодец полезешь?

— Иди. Но знай, если твой дружок или твоя баба снюхались со стражами, у нас с тобой одна дорога — обратно к смертникам. А там я порву тебя на шматки. Усек? А если свалить надумал... — проговорил Оса и умолк.

Хлыст горько усмехнулся:

— Если б было куда, давно бы свалил.

Оса заложил руки за голову:

— Иди.

Хлыст поднялся, засунул кнут за пояс штанов, одернул рубаху, торчащую колом от грязи и пота, и побрел Пижона будить. А растолкав, попросил у него алый платочек, тот самый, что на тощей шее красовался. Таша всякий раз вздыхала: мол, ей бы такой.

Пижон выслушал просьбу и форсу напустил. Видите ли, вещица дорогая, с богатея снятая. Тогда стянул Хлыст сапоги — от них, треклятых, ноги огнем горели — и поставил их перед наглой мордой. Пижон пощупал кожу, голенище помял, даже зачем-то носок лизнул и развязал платочек.

Задолго до рассвета Хлыст дотопал до Великкамня. Пересечь бы долину, пока внизу туман серебрится, а сверху темень, хоть глаз выколи. Так нет же, одолели сомнения. Стало боязно. Воля-то легкокрылая — вспорхнет, и не поймаешь. Хотя после прихода Анатана

много воды утекло. Верхогляд и сторожевые ничего подозрительного не замечали. И Таша дважды приходила. А тут не пришла. Заболела она. Как пить дать, заболела! А если заболела... Ну, придет он домой, посмотрит на нее, на страдальицу, а дальше? На детишек даже взглянуть нельзя. А ну как проболтаются кому ненароком.

Конечно, можно взять сапфиры, рвануть в Партикурам или еще дальше — в Бойвард — и начать новую жизнь. Только он жить разучился. Это ж надо притворяться, что всех и вся простил. Трудно прикидываться невинной овечкой, когда внутри матерый волк сидит. Сидит и точит зубы о могильный камень безвременно усопшей души. Как же простить тех, кто спал, жрал и харил баб, пока он загибался?

Или все-таки свалить всем семейством в Лэтэю? Затеряться в тайге и отыгаться на сохатых да белках. Тогда на кой черт ему двадцать сапфиров?

Или отдать их Таше — пусть уйдет с детьми, куда глаза глядят — и вернуться к браткам? С братками хорошо, с ними не надо притворяться и прощать.

Запутался Хлыст. До самого рассвета ходил взад-вперед — три шага туда, три шага обратно, как в камере-одиночке. А когда взошло солнце, решил все-таки наведаться в Горный, пробить что к чему, а там уж посмотреть, куда ветер подует.

Откопал сапфиры, спрятанные подле Великкамня, замотал их в алый платочек, засунул в глубокий карман штанов, недавно заштопанный Ташей, и побежал через долину к горам, покрытым мхом и лишайником.

В конце дня на горизонте завиднелись маленькие, как головки спичек, дома. От побочных скал до селения миль пять будет, и все по пустоши. Обогнуть кряж и подойти поближе — стрёмно. Там до конторы прииска рукой подать. Подождать бы чуток, и под покровом ночи продолжить путь. Нет же! Не терпелось Хлысту глянуть на свое прошлое. И поволочился он по пыли и камням, словно у него в одном месте свербело.

В сумерках добрался до крайней хибары — крыши нет, стены покрыты мхом, дверь висит на одной петле, оконные рамы крестами взирают на поросший бурьяном двор.

Хлыст забрался внутрь, заметался по земляному полу от окна к окну — может, Таша покажется или мальцы пробегут, дом-то его в двух шагах. Только ни хрена не видно — развалюха аккурат на краю пустыря стоит, а на нем лопухи разлапистые и мусора кучи. Не то что в сумерках, днем ни черта не разглядишь. Зато все слышно. Летят над пустырем песни хмельных мужиков, ругань баб да смех ребятишек и в кресты на окнах бьются. И кушаньем пахнет. Настоящим кушаньем, а не жратвой. Жируют селяне...

Вдруг снаружи прошуршало. Хлыст вдавился в угол, стиснул рукоятку кнута. Точно! За дверью кто-то дышит — прерывисто, часто, — словно принюхивается. И тут как влетело в дом это нечто, черное и мохнатое, и с радостным визгом прямо на Хлыста.

Он упал на колени, обнял псину. А она от счастья аж захлебывается и шершавым языком в лицо метит.

«Узнал, Агат! Узнал, чертяка!» — прошептал Хлыст и засмеялся.

Пес извернулся, мазнул слюнявым языком ему по губам. Так сладко на сердце сделалось, будто в детство окунулся. Потрепал Хлыст Агата за шкуру и к двери подтолкнул — беги, дружище, куда бежал. А псина не унимается. За рукав схватила, за собой тянет, мол, пошли, хозяин, домой. И все верещит на своем, на собачьем.

Всполошился Хлыст. Притянул Агата, по холке поглаживает, успокаивает, а сам брови хмурит. Псина вырвалась из рук, наружу выскочила и залаяла громко, с подвыванием. Со всем селением радостью делится.

Стоит Хлыст на коленках ни жив ни мертв. А мысли туда-сюда, туда-сюда. Похлопал в ладоши. Так меньший сынишка собаку звал, пока не умел разговаривать. Агат в мгновение ока на зов и прибежал.

Хлыст одной рукой обхватил его шею. Второй рукой морду сдавил: «Что ж ты, чертяка, творишь?» Еще крепче клыкастые челюсти стиснул. А псина мотает хвостом и, поскуливая, в глаза смотрит. А по морде слезы бегут.

Хлыст поцеловал Агата промеж ушей, прижался щекой к его широкому лбу и... Сердце тихонько так «цок» ледышкой о могильный камень души и вновь замерло.

Глубокой ночью Хлыст выбрался из развалин. Перебежками от куста к кусту, от кучи к куче, пересек пустырь и крадучись пошел по улице, кляня луну и звезды. Застывал, если где-то таякала собака или орали коты в схватке за любезность кошки. Когда все стихало, выдерживал минуту и топал дальше.

Долго сидел под частоколом на другой стороне проулка, глядя на темные окна родимого дома. Конечно, Таша его не ждала, но могла выйти на двор Агата позвать. Как-то с самого начала повелось, что пес — любимец детишек — жил не в будке, а в прихожей.

Хлыст перебежал дорогу, покрутился возле дома: во дворе чисто, на веревках пусто. Озираясь, нащупал в кармане платочек, а в нем камушки. Только теперь не нужен платок. Агата больше нет, и не надо голову ломать, куда прицепить тряпицу, чтобы Таша поутру заметила и догадалась. И так жалко стало сапоги, хоть вой. Пусть жмут, пусть по горам лазать неудобно, а как вытянешь ноги к костру, как посмотришь на отражение искр в носке, сразу человеком себя чувствуешь.

Хлыст потерся плечом о двери, поцарапал ногтями по некрашеным доскам. Обождал чуток. Тихонько постучал. Не слышат...

Отломал веточку с куста, в щелку между дверью и косяком просунул и поддел щеколду. А когда переступил порог, замер. В потемках ничего не видно, а Хлысту свет не нужен.

Справа, под стеночкой, подстилка, на которой Агат спал. Два шага вперед — порожек и низенький проем. Не раз он спяну о доску лбом бился. Налево кухня. Только нет там ничего — железную печку и полки для посуды еще до суда конфисковали.

Напротив кухни спальня, в углу тюфяк, на нем семейство ютится ночами. Вперед — маленькая горница с двумя окошками, выходящими на сарай. Возле простенка приданое жены — настоящий стол и два добротных стула. Странно, как их не забрали? Таша говорила, что под столом сундук стоит, а сбоку двери шкафчик с тряпьем. Это Анатан уже после суда приволок.

И вдруг по затылку хрясть...

Приподнял Хлыст тяжелые веки. А он уже за столом сидит. В блюдце свечка огоньком трепещет и в глазах троится. Потряс головой, чтобы в мозгу прояснилось и в ушах перестало гудеть.

— В чем же пес провинился? — прозвучал сзади голос, и мороз до костей пробрал.

Хлыст дернулся. Да только привязан он к добротному стулу веревкой кнута. Примотан на совесть: ни выскользнуть, ни выскочить.

— Не рви жилы, Асон. Я тебя и так отпущу, — произнес Крикс и появился из-за плеча. — Но сначала по душам потолкуем.

— Нет у меня... — прохрипел Хлыст, облизнул пересохшие губы.

— Чего у тебя нет?

— Души нет.

— Значит, просто так потолкуем.

— Не о чем мне с тобой толковать.

Крикс уселся напротив, сложил ручищи на стол:

— А ты хорошенько подумай.

Хлыст съежился. Сидит перед ним тот самый командир стражей, что на горячем его застукал, в охранительный участок приволок, три дня в погребке без воды и еды продержал и всего лишь раз ударил. Зато как ударил! Приложил к груди толстенную книгу и заехал в нее кулаком. Потом еще долго Хлыст даже чихнуть толком не мог — от боли глаза из орбит вылезали.

И вот сидит этот командир напротив, можно сказать — в лоб дышит, а что-то в нем не так: говорит тяжело, с расстановкой; в окошко глядит; пальцем по столешнице тарбанит. По всему видно — время тянет. Кого-то ждет? Стража-калеку или подмогу из «Рискового»? Одно ясно — Крикс случайно в «Горном» оказался, а он, матерый волк, как последний придурок, себя чем-то выдал.

Вновь бес попутал. Хлыст уперся ботинками в сундук под столом, толкнул со всей дури к Криксу, чтобы того на пол свалить. Не рассчитал, что сундук тяжелее оказался, чем он сам с камушками в придачу, да навзничь со стулом так и упал. Зажмурился от боли в хребте, а когда расплющил веки, увидел под окошком две корзиночки, накрытые тряпицами. И запах такой... хлебушком пахнет.

— Где Таша? — судорожно сглотнув, спросил Хлыст.

Крикс поднял его, к столу придвинул и вновь уселся напротив:

— Хорошая у тебя жена. Верная, заботливая. Еду купила, вещички собрала. Только жалко бабу — не того мужика для жизни выбрала.

— А ты на жалость не дави. Где она?

— Уже не важно.

Хлыст привстал, потянулся к командиру (и стул не помеха):

— Говори, где она, а я уж сам решу — важно или нет.

— Таша заплатила за твою волю. Так и сказала: «Бери меня, только Асона не трогай».

Хлыст свел брови. Никак не поймет, на что Крикс намекает.

— Если ты с ней что-то сделал, я ж тебя, сука, из-под земли достану. Ты ж, паскуда, будешь кровью сикать и желчью харкать.

Командир обхватил подбородок рукой и посмотрел горестно-горестно:

— Как думаешь, сколько она в котле протянет?

— Где?!

— Мы теперь лагерь смертников «Котлом» называем.

В глазах Хлыста огонек свечи в ниточку вытянулся.

— Она... там?..

— Скоро будет там.

Ужас раскаленным прутом в темечко вонзился и из задницы вылез. Стоит Хлыст, ни сесть, ни упасть не может. А внутри кровь от жара шипит и внутренности плавятся. Ташу... его Ташу...

— Забирай провизию, Асон, и уматывай, пока я тебя вслед за ней не отправил.

— В кармане... — еле проворочал Хлыст языком.

Крикс изогнул крылом черную бровь:

— Что ты сказал?

— Там... возьми...

Командир выудил из кармана Хлыста сапфиры, разложил на столе. А они, заразы, огонек свечи ловят и радужными цветами играют.

— Хватит? — просипел Хлыст. — За нас хватит?

Крикс отвязал его от спинки стула, рывком на ноги поставил. Да как хлопнет ручищей ему по загривку:

— Уходи, Асон.

Хлыст ухватился за край стола, ни вдохнуть, ни выдохнуть не может. А Крикс, не торопясь, сложил сапфиры в алый платочек, завязал на три узелка и в карман спрятал.

Хлыст подвигал плечами, легонько свел-развел лопатки, ком в глотке проглотил:

— А как же Таша?

— Так уж и быть, отпущу, — промолвил командир и взгляд отвел.

— Э нет, Крикс! Так не пойдет. Я посмотреть на нее хочу.

— Не веришь?

— Вам, сукам, верить — себя не уважать.

— Зря, — сказал Крикс и задул свечу.

Бредут они по пустынной улице. Крикс кнутом себя по ляжке похлопывает, на Хлыста через плечо поглядывает. А Хлыст озирается, конвоиров выискивает.

Вокруг темно и тихо, даже собак не слышно. Спят людишки, последний сон досматривают, и никому нет дела, что у него внутри творится. А внутри сердце колотится и вздохнуть не дает. От запоздалой мысли совсем худо стало.

— Где мои дети?

— Таша расскажет.

— С ними все в порядке?

Крикс обернулся, глазами сверкнул:

— Ты сам отказался от беседы по душам. Поэтому или проваливай, или иди молча.

Выйдя из селения, они направились в сторону кряжа. Солнце только-только из-за горизонта выползло. Пустошь в желтый цвет окрасилась. На горах каждая складочка видна.

Хлыст остановился, закрутил головой.

— В чем дело? — спросил Крикс, оглянувшись.

— Ты куда меня ведешь?

— Я же просил: иди молча.

Хлыст указал в сторону:

— Пещера там, а ты ведешь меня на прииск.

— Дорога в лагерь смертников идет через пещеру?

Догадка вмиг отодвинула Ташу куда подальше.

— А ты ведь не знаешь дорогу, — промолвил Хлыст.

— Знаю. Твои сапфиры оттуда.

— Одно дело поднять на высоту сорок метров котомку с камушками. Другое дело — спустить туда человека, — говорил Хлыст, пятясь. — Ты думал, я покажу тебе, как пройти к «Котлу»? Даже не надейся.

— Удачи, Асон, — произнес страж, бросил ему под ноги кнут и стремительно пошел вперед.

Глядя в могучую спину, Хлыст ухмылялся, а внутри горланила непомерная гордость — хитрой псине не удалось обвести вокруг пальца матерого волка. Все страшилки о Таше,

разговоры о лагере смертников и сама встреча с Криксом сейчас казались не настоящими, выдернутыми из балаганного представления сценками, которые смотришь напряженно, но знаешь, что будет счастливый конец. И плевать, что в карманах полегчало. Зато теперь не будут мучить думы о новой жизни. Ему и в старой хорошо.

Когда Крикс исчез за холмом, Хлыст поднял кнут, посмотрел по сторонам. Вдали, на желтом горизонте, виднелось серое пятно селения. Рядом горы — можно сказать, второй дом. Вокруг ни души. Неужели весь этот спектакль только из-за сапфиров? Но Крикс... сам на себя не похож, как будто его подменили. В чем же тогда подвох?

Поддавшись искушению еще раз глянуть стражу в спину, Хлыст устремился в сторону холма. Обогнув его, остолбенел. В тени, под скальным карнизом стояла машина для перевозки заключенных, прозванная в народе «искупилкой». Она очень походила на банковский «сундук» для перевозки драгоценных камней: будка обита железом, по бокам приварены скобы. Только у «сундука» дверца сзади, а у «искупилки» на крыше. Забираешься наверх, поднимаешь тяжеленную железяку и спрыгиваешь в дыру. Внутри темень, духота и ни хрена не слышно. Говорят, что и снаружи не слышно, что творится внутри. Нередко в искупительные поселения вместе с уголовниками приезжала пара-тройка мертвяков.

Возле кабины тихо переговаривались Крикс и два надзирателя. Завидев Хлыста, замолчали. А у того поджилки затряслись. Попался! По собственной дурости попался! А надзиратели стоят как вкопанные. Навстречу не бегут, руки не заламывают, голову к земле не гнут.

Хлыст на ватных ногах приблизился к машине, прижал к холодному железу ладонь:

— Она здесь?

Крикс кивнул.

— Чего ждешь? Вытащи ее.

— Хорошо подумал, Асон? Ты еще можешь уйти.

Хлыст нутром чувствовал, что страж не обманывает, что отпустит и не побежит следом. Крикс такой — сказал-сделал. Но эта оговорка «ты еще можешь»... Что же они сотворили с Ташей, если увидев ее, он уже не сможет уйти?

Хлыст вскинул голову:

— Я тебе заплатил. Вытащи ее.

— Может, поговорим по душам?

— Да пошел ты!

Крикс и надзиратели переглянулись.

— Давай! Вытащи ее! Ну же! — крикнул Хлыст.

Крикс забрался по скобам, с видимым усилием поднял дверцу. Улегся на крышу и почти по пояс в лаз нырнул:

— Таша! Давай руку. Иди сюда, говорю! Хватайся!

Помог Таше спуститься на землю и закрыл дыру. А Таша — бледная, растрепанная, в разорванном платье — глазами из стороны в сторону водит и воздух хватает. Увидела Хлыста, на грудь ему упала, в голос разрыдалась.

Хлыст поглаживал ее по спине, а сам боролся с желанием взмахнуть кнутом и обвить веревкой Криксу шею. И понимал, что тут уж точно придет ему конец.

— Иди, Таша, домой, — прошептал он, испугавшись, что не выдержит, сорвется.

Таша ладошкой по глазам провела, да как кинется к машине, да как завоет.

— Иди домой, дура! — гаркнул Хлыст.

Схватил ее, потащил в сторонку, а она обмякла, глаза закатили и без чувств на землю повалилась.

Смотрел Хлыст на Ташу и холодел. Перевел взор на Крикса:

— Кто в «искупилке»?

Командир сел на порожек кабины и голову опустил.

— Там мои дети?

Крикс кивнул.

— И дочка?.. Ей же всего шесть... Крикс... Зачем они тебе?

— Я спущу их в «Котел».

Тут уж проняло Хлыста безумное веселье. Чтобы Крикс... детишек... к смертникам...

Хлыст хохотал как скаженный. По лицу слезы и грязь размазывал. Ну страж, ну артист!

Сначала страху нагнал, теперь рассмешил.

А тот сидит на порожке и в землю глядит.

Хлыст отдышался, растопыренными пальцами пригладил косматые пряди, одернул рубаху:

— Я не знал, что ты такой шутник. — Склонился над женой, по щекам пошлепал, за руку потянул. — Вставай, Таша! Ну же! Вставай!

— Пусть с ними сделают то, что ты сделал с моим племянником, — тихо сказал Крикс.

Хлыст пригнул голову, а в ушах сердце туф-туф-туф.

— Я не знаю твоего племянника.

Крикс вздернул подбородок, плечи расправил. Вот такой он был пять лет назад: бездушный, безжалостный, беспощадный.

Хлыст выронил кнут, рухнул на колени:

— Я не знал, Крикс! Клянусь! Не знал. Когда я набрел на лагерь, мальчишка был уже там.

Крикс поднялся, махнул надзирателям:

— Поехали.

Хлыст метнулся вперед, вцепился стражу в штаны:

— Ради бога! Крикс! Если хочешь отомстить, забери меня, Ташу забери. Только детишек не трогай. Давай поговорим по душам. Крикс! Давай поговорим!

— Давай. Поговорим.

Крикс сжал могучий кулак и обрушил его на Хлыста.

***

Кабинет Адэра находился на первом этаже. Рядом — комната секретаря. Гюст называл ее безлико и просто — склад. В ней можно было найти все, что угодно: вешалки для одежды, чайные и кофейные сервизы, упаковки писчей бумаги, столики на колесиках, стулья и кресла, и даже софу, но только не сановника, ведающего делопроизводством. Гюст проводил время за дверями кабинета, в просторной, светлой и пока безлюдной приемной.

Чуть дальше по коридору располагалась библиотека. За ней тянулась вереница огромных помещений, где любой звук пробуждал эхо. Скоро их займут советники с шумной братией помощников, секретарей и посыльных. За поворотом — комната собраний, которую слуги и ремонтные рабочие с лихорадочной поспешностью превращали в зал Совета.

Гюст предложил перенести кабинет правителя на третий этаж, поближе к апартаментам. Хотя бы на время, пока в воздухе плавают пыль, а одежда к концу дня пропитывается запахом штукатурки и краски. Адэр отказался.

Цветущий сад за окнами личных комнат, ароматы трав и пение птиц с необъяснимым и неумным упорством вырывали из действительности и уносили далеко от замка. Здесь же, в небольшом кабинете со строгой обстановкой и с окнами, выходящими на пустошь, ничто не отвлекало от работы. Или почти ничто... Адэр нет-нет да и бросал взгляд на дорогу, припорошенную песком.

Там, за горизонтом, дорога переходила в колею, а чуть дальше разделялась на три. Одна летела в Тезар, вторая тянулась в Нижний Дол, где находится нынешняя столица Порубежья Ларжетай, третья петляла между камнями и ямами до Бездольного Узла. Именно оттуда чуть ли не каждый день приезжал кто-то из людей Крикса.

Адэр впервые злился на отсутствие связи — ведь намного проще выслушивать отчеты и отдавать приказы по телефону, чем переводить бумагу на послания, ожидая гонцов с новостями. Но еще с большим нетерпением он ждал машину из клиники маркиза Ларе. В любую минуту командир стражей мог сообщить о появлении ракшадского корабля, или шхуны, или лодки, а стариков до сих пор не было.

Адэр бросил взгляд в окно и вернулся к изучению родословных книг порубежской знати. Первый и главный вопрос, который волновал его — это, конечно же, формирование Совета. Сроки поджимали — два месяца было потрачено на бесплодные метания, — а достойные занять кресла советников до сих пор прятались за безликими именами.

Адэр разделил книги на две стопки. В одну сложил родословные дворян, чистота крови которых не вызывала сомнений. В другой стопе находились родословные тех, чьи предки — выходцы из простого люда. Более ста лет назад Зерван, последний потомок династии Грасс и последний правитель Грасс-дэ-мора, даровал им родовые звания и земли за заслуги перед страной. Но признания добились праотцы, а не их чада, на титулы которых сейчас смотрел Адэр. Ко всему прочему, Совет виделся ему чистым, высоким, без прадедов-плебеев.

Адэр придвинул к себе сшитые листы — сведения о роде занятий и основных источниках доходов именитых особ. Пролистывая бумаги, мрачнел. Все, без исключения, вели деятельность за границей — даже маркиз Ларе занимался в Порубежье всего лишь благотворительностью, — а значит, приносили пользу, соответственно и прибыль, кому

угодно, но только не родине.

Адэр выписал несколько имен, некоторые перечеркнул, сверху начертил другие, сделал на полях пометки. Пробежал взором по строкам. В Совете должны сидеть люди, которые любят Порубежье с такой же страстью, с какой он его ненавидит. Только они, преданные народу, готовые на жертвы и способные на подвиги, смогут поднять отчизну с колен. В этом списке таких людей нет.

Адэр смял лист в кулаке и бросил в стену.

На пороге кабинета появился секретарь:

— Мой правитель! К вам маркиз Бархат.

В Градмире Гюст считался самым ярким поборником дворцового этикета. Но в замке, где единственным посетителем, гостем и собеседником был Вилар, доклад о каждом его приходе звучал как насмешка.

Адэр подпер щеку кулаком:

— Достаточно молча открыть дверь перед маркизом.

Еле слышно вздохнув и тем самым выказав несогласие, Гюст сделал шаг в сторону и пропустил в кабинет Вилара.

Друг сел за стол, положил перед собой две потрепанные папки.

— Очередной Совет? — спросил он, кивком указав на смятый лист в углу комнаты.

— Не хочу идти им на уступки.

— Они еще ничего не просили.

— Попросят. Будь я на их месте, я не просил бы, а требовал. — Адэр затолкал сшитые листы в ящик стола. — Порубежская знать имеет такие привилегии, каких не имеет ни один дворянин в другой стране. Сомневаюсь, что они захотят с ними расстаться.

— Кто же им дал их?

— Великий.

Вилар недоверчиво покосился.

— Почти восемьдесят лет знатные дома боролись за престол Порубежья, — проговорил Адэр, — а при Могане о троне никто даже не заикнулся. Не догадываешься — почему?

Вилар пожал плечами и отвел взгляд. Догадывается.

Адэр подошел к окну. Ветер гнал по пустоши пыль и песок, замечая дорогу. По небу неслись изодранные облака, отбрасывая на грязно-желтую землю уродливые тени. На горизонте никого, а пора хоть кому-то появиться.

— Что принес?

— Сведения о результатах переписи населения.

Адэр повернулся к Вилару:

— Ты все-таки их разыскал!

Друг похлопал ладонью по одной картонной обложке:

— Это перепись двадцатилетней давности, когда Порубежье стало колонией Тезара. — Опустил руку поверх другой обложки. — А это спустя десять лет. И до сегодняшних дней перепись больше не проводилась.

Адэр вернулся к столу, придвинул к себе папки, принялся пролистывать лежащие в них бумаги.

— Ты знал, что в замке живет летописец? — спросил Вилар.

— Кто?

— Настоящий летописец! Его комната находится в архиве.

— Что он пишет?

— Историю.

— История из подземелья... Странно...

— Да, странный субъект. Без единого слова дал папки и подsunул журнал, чтобы я расписался в их получении.

— Странно, — повторил Адэр, глядя в сводные таблицы. — Ты просматривал документы?

— Просматривал. Бегло. Кое-что меня насторожило.

Адэр положил перед собой два листа:

— Меня тоже. Смертность в Порубежье высокая, не спорю. Но рождаемость на порядок выше. Куда же за десять лет исчезли семь миллионов человек?

— Меня насторожило другое: куда исчезли целые народы? Я хотел посмотреть, сколько у Йола людей. Оказывается, в Порубежье нет ориентов. Двадцать лет назад были, а потом испарились. А вместе с ними испарились климы и ветоны.

— Предположим, что в резервациях не проводили перепись. — Адэр заскользил пальцем по листу. — Ветонов три миллиона, климов миллион, ориентов пять тысяч. Вместе чуть больше четырех миллионов. Где остальные? — Вновь пробежал взглядом по итоговым таблицам. — Подожди-ка...

Открыл блокнот. Принялся лихорадочно пролистывать:

— Помощник наместника по какой-то формуле рассчитал... Так, нашел... Сейчас около сорока двух миллионов. За последние десять лет еще минус четыре...

Порубежье стремительно теряло людей. Войн и эпидемий не было, смертная казнь отменена. Неужели нелегальные эмигранты? Но даже во время междоусобиц жители страны не торопятся покидать свои владения — крайне сложно бросать нажитое тяжким трудом и отправляться туда, где ты никому не нужен.

Адэр откинулся на спинку кресла. С каждым документом, отчетом или докладом возникало все больше вопросов. Каждый новый день преподносил новые и далеко не приятные сюрпризы. От понимания, что в одиночку бедлам в государстве не осилить, пропадала охота в чем-то разбираться.

— Почему ты не попросишь помощи у отца? — спросил Вилар.

— В чем ты видишь его помощь?

— В уничтожении лагеря преступников. У Крикса мало людей. Ориенты — обычные рыбаки. Никто не справится с этой задачей лучше, чем армия Великого.

— А в знак благодарности отдать Тезару новое месторождение? Этого не будет. Ни один камень сверх того, что он получает, в его казну не упадет.

Адэр вложил бумаги в папки, придвинул к себе родословные книги. Но, так и не открыв их, встал из-за стола, поднял смятый листок. Под пристальным взглядом Вилара разровнял его.

— Сформирую технический Совет. А там посмотрю — кого оставить, а кого заменить.

— Тоже выход, — согласился друг.

— Тебя назначу старшим советником.

— Не надо.

— Соображаешь. Тот, кто вел за моей спиной разговоры о моей ссылке в Порубежье, не может занимать главенствующее место в моем Совете.

За стенами замка выл разыгравшийся ветер, по лестнице шуршал песок, шелестели

листья кустарников, но Адэр все же услышал звук двигателя — настолько он ждал его. Подскочив к распахнутому окну, увидел вдали два автомобиля охраны. Один он отдал Криксу, второй отправил в замок Ларе, и если они возвращаются вместе, значит, для этого имеются серьезные причины.

Адэр наблюдал, как машины летят по дороге, и мысленно подгонял их, словно от скорости зависела его жизнь. Когда шины зашуршали по гравию аллеи, Адэр заметил рядом с собой Вилара. А он чего разволновался? Стоит бледный, глаза шурит, рука, сжимающая раму, дрожит. До сих пор переваривает фразу, оброненную минутою назад?

Машины затормозили перед лестницей. Из первой появился Крикс. По его неизменному суровому виду нельзя было понять, какие новости он привез. Из второй выскочил водитель. Распахнул дверцы. Помог выбраться сначала Йола, затем Муну. Адэр скривился. Надо будет сказать ему, чтобы впредь не выслуживался перед плебеями.

А вот и Малика... Похудевшая, босая, в платье с чужого плеча, она выглядела вызывающе дерзкой и вольной, как степной ветер.

Адэр хотел уже отойти от окна, как из автомобиля вдруг выпорхнула незнакомка в белом накрахмаленном платье. Она до ужаса походила на любимую игрушку младшей племянницы — хрупкую фарфоровую куколку, — такая же белоснежная лента, вплетенная в белокурые волосы, такое же нежное личико, не тронутое солнцем, высокая грудь, тонкая талия и маленькие изящные руки, приподнимающие подол юбки. Девушка словно почувствовала, что ее рассматривают. Подняла глаза — изумительно голубые, с поволокой — и, встретившись взором с Адэром, мило улыбнулась.

— Помнишь ее? — спросил Вилар. — Это Вельма, сиделка Малики.

Наконец-то в замке появился хоть кто-то, заслуживающий внимания, кто будет смущать соблазном, завлекать лукавством и совращать с нестерпимо долгого пути вынужденного воздержания. И этот кто-то заставил забыть о Криксе! А того уже и след простыл.

На пороге возник секретарь:

— Мой правитель! К вам командир стражей...

Адэр нетерпеливым жестом прервал Гюста:

— Зови! — Бросил Вилару: — Оставь нас. — И уселся в кресло.

Крикс вошел в кабинет, склонил голову:

— Мой правитель!

— Не томи.

— Коротко. В лагере двенадцать пленников и пятнадцать беглых заключенных. Из «Котла» Асон, кличка Хлыст, и Оса, имя неизвестно.

— Я же говорил, что из «Котла» можно сбежать.

— Нельзя. Их обоих вытащил начальник прииска «Горный». Склоны «Котла» сплошь и рядом усеяны пещерами...

— Об этом поговорим после. Дальше.

— Остальные заключенные сбежали с гранитных карьеров и каменоломен. Лагерь разбили задолго до появления Асона. Когда — неизвестно. Цель — добыча алмазов. Покупатели — ракшады. Приходят одни и те же. О существовании других лагерей никто не знает. Провизию приносил начальник прииска «Горный».

— Опять этот Лабичи!

— Потом жена Асона. Еду покупала на деньги, вырученные за камни и рабов. При Асоне было продано в Ракшаду восемь человек, пятеро из них — девушки. Пленники и рабы

в большинстве выходцы из резерваций. Согласно тайному Указу Великого их не объявляют в розыск.

— Есть такой Указ?

— Цитирую: «Житель резервации, покинувший отведенную ему для проживания землю, лишается защиты государства. Нарушителей Закона без суда и следствия направлять в закрытые искупительные поселения строгого режима на срок не менее пяти лет».

— Подожди. — Адэр обхватил лоб ладонью. То, что сказал Крикс, не укладывалось в голове. — Иными словами, Порубежье слагает с себя обязательства по охране жизни, здоровья и чести своих подданных. Так получается?

— Так точно.

— И если что-то случится, например, с Муном или Йола, виновный не понесет наказания?

— Они покинули свои земли на свой страх и риск. Пока ориенти на берегу моря — они граждане страны. Как только ушли — беззащитные, бесправные изгои. Поэтому на границах резерваций вы не увидите ни одного поста или пропускного пункта. Согласно Указу я обязан был еще в клинике Ларе взять стариков под стражу.

— Да подожди ты с арестами... — осадил Адэр Крикса и заходил из угла в угол.

Он — правитель страны, в которой царят варварские законы, а варваром оказался отец. Как же его, отпрыска безжалостного иноземного владыки, должно быть, ненавидят в Порубежье.

Адэр вернулся в кресло. Пытаясь собраться мыслями, какое-то время пролистывал блокнот, прислушиваясь к шелесту страниц. Наконец, поборов растерянность, промолвил:

— Дальше.

— Ракшады приходят раз в месяц. По идее должны появиться через пять дней. Завтра утром мы с Йола уезжаем, — сказал Крикс и, приблизившись к столу, достал из-за пояса карту. — Теперь подробно.

Остаток дня они провели, склонившись над разложенными на столе чертежами и схемами. Слушая командира стражей Бездольного Узла и следя за движением карандаша в его руке, Адэр все больше убеждался, что не зря доверился этому человеку. Его суждения были четко обоснованы, план операции казался простым и ясным с одним «если» — если не подведет морской народ. За своих людей Крикс ручался головой, но их всего лишь пятеро. Двоих в Порубежье не оказалось. А вот к ориентам он питал, мягко говоря, недоверие, и опять же объяснил его: совсем неспроста Великий был суров с ними.

Поздно вечером Адэр позвал Муна и Йола, но никак не ожидал, что они приведут Малику. Меньше всего хотелось обсуждать расправу с бандитами в ее присутствии. И пока командир передавал старикам рассказ Хлыста о подступах к лагерю и его внутреннем устройстве, Адэр поглядывал на плебейку, опасаясь ее разглагольствований о справедливости и милосердии.

Малика молчала. Стоя возле распахнутого окна, с отрешенным видом смотрела в фиолетовое небо. Сложенные на груди руки размеренно приподнимались при каждом вдохе. Дуновение ветерка покачивало прядку волос, выбившуюся из неизменного узла на затылке. На плече примостился ночной мотылек. Его крылышки, белые в черную крапинку, трепетали, а мохнатые лапки упорно цеплялись за грубую ткань платья.

Неожиданно из памяти выплыла божья коровка в седых космах Хлыста. Адэр невольно вжался в спинку кресла. Уловив его движение, Малика повернулась к нему лицом. Мотылек

вспорхнул и растаял в чернильном воздухе.

Адэр уже в упор рассматривал свидетельницу его унижений. Со времени их последнего разговора в лачуге она сильно изменилась. И дело не в припухших губах, и не в тоненькой линии шрама на переносице, и не в болезненной бледности. Стали другими глаза. Адэр смотрел в глаза человека, прожившего за короткий срок долгую и тяжелую жизнь.

Зря она пришла. Зря заставляет его вновь погружаться в кошмарные воспоминания.

Слух царапнула фраза Йола.

— Что ты сказал? — спросил Адэр.

— Ориенты не пойдут в лагерь, — повторил старик.

— Ты, вероятно, не понял, — промолвил Крикс. — У меня пятеро парней. Со мной шестеро. Против пятнадцати бандитов и, как минимум, троих ракшадов. Ты когда-нибудь видел ракшадов?

— Люди командира справятся со всеми, если будут слушать Йола.

— Нет. Так не пойдет. Ориенты должны находиться там, где я отметил, — говорил Крикс, указывая на план-схему. — В противном случае я не смогу гарантировать успех операции.

— Ориенты будут там, где скажет Йола, — упорствовал старик.

— А ты чего молчишь? — обратился Адэр к Муну.

Тот с невозмутимым видом пожал плечами.

— Хорошо, — произнес Крикс и придвинул к Йола схему лагеря. — Покажи, где будут твои люди.

— В море.

Командир хлопнул ладонью по столу:

— Нет, старик. Ты точно не понял. У ракшадов нет ни корабля, ни шхуны, ни лодки. Что твои люди будут делать в море?

— Крикс! — подала голос Малика. — Тебе придется довериться Йола. Только так вы сможете взять ракшадов живыми.

— Их жизни меня не волнуют, — промолвил Адэр и мысленно поблагодарил ее за равнодушие к судьбам беглых заключенных.

— Они граждане чужой страны, которые нарушили границу. Нарушителей задерживают, а не убивают.

— Ты забыла, что ракшады — главари шайки уголовников?

— Это надо еще доказать.

Адэр стремительно приблизился к Малике, шепнул на ухо:

— Будешь умничать, выгоню к чертовой матери.

— Осмелюсь вам напомнить, — еле слышно проговорила она, — воин очень знатный и важный в Ракшаде человек.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Читала.

— Хорошо. Знатный. И что?

— Двадцать лет назад правящая династия Гарпи не признала права Великого на земли Порубежья, — продолжила Малика, будто не расслышав вопрос.

— Не признала. Но и своих притязаний не выдвинула.

— А почему, в таком случае, ракшады хозяйничают на вашей земле? Воин — важная особа, — повторила Малика. — Хазир Шедар Гарпи будет вынужден обратиться к вам, как к

правителю Порубежья, с просьбой выдать воина, и тем самым признает ваши права.

— Большой глупости я не слышал, — произнес Адэр. — Чтобы избежать огласки, Шедар попросту забудет о своих людях.

— Я скажу еще одну глупость. Хочет Шедар этого или нет, но дело получит широкую огласку, если вы сообщите о нарушителях границы Великому — ведь именно его армия охраняет границы Порубежья — и правителям Бойварда и Партикурама. Ракшадь добираются до лагеря через горы. Из какой страны они приходят?

— Я хочу сохранить все в тайне.

— Пока вы будете идти на поводу страха...

— С чего ты взяла, что я боюсь? — прошипел Адэр.

Малика зашептала, обдавая щеку горячим дыханием:

— ...ракшады, тикурсы и варды будут грабить ваши земли и убивать ваших подданных. Неужели вы считаете, что такой лагерь один?

Адэр передернул плечами. Когда произошли события, о которых рассказывал Мун? Сорок лет назад, пятьдесят? И все эти годы ракшады и прочая нечисть как пиявки высасывали драгоценные соки из его страны.

— Прижмите международным скандалом Шедару и его пособникам хвосты, — продолжила Малика. — Враги затаятся. Пока они придумают, как оправдаться перед мировым сообществом, вы придумаете, как защитить границы. А банды вылезут из горных нор в поисках новых покупателей. Вам будут нужны люди, мой господин. Много людей, которые лучше всего на свете умеют смотреть и слушать.

Адэр внутренне сжался. Плебейка не может так мыслить!

Малика натянуто улыбнулась:

— Разрешите мне уйти. Я неважно себя чувствую.

Усевшись в кресло, Адэр взглядом проводил Малику. Долго смотрел на неплотно закрытую дверь. Вынырнув из оцепенения, придвинул к себе план-схему:

— Крикс! Уничтожить всех, кроме ракшадского воина. Он нужен живым и невредимым.

***

Ориенты и командир стражей покинули кабинет глубокой ночью. В невыносимой тишине при свете настольной лампы Адэр нарочито долго наводил на столе порядок. Выйдя в коридор, посмотрел по сторонам — отправиться в сад или в спальню? Нет... уснуть он не сможет. Тайны и недомолвки Йола не давали покоя. Но был еще один вопрос, который подтачивал изнутри, расшатывал веру в собственные силы, и от которого зависела честь династии Карро. Его честь.

Адэр прошел в комнату под парадной лестницей. Борясь с сомнениями, посмотрел на телефон. Если не спросить сейчас, можно пойти неверным путем, и тогда возврата не будет. Поднял трубку.

В ухо сонно пробубнило:

— Приемная старшего советника...

— Адэр Карро, — перебил он безликого секретаря.

В трубке раздался щелчок, и в ту же секунду прозвучал бодрый голос Дадье:

— Рад тебя слышать.

Когда же Трой спит?

— Мы уже на «ты»? — произнес Адэр жестко.

— Прошу прощения, Ваше Высочество, — промолвил Трой после небольшой паузы. —
Слушаю вас.

— Последний наместник Порубежья — ставленник Великого?

— Что-то случилось, Ваше Высочество?

— Вам непонятен вопрос?

— Понятен.

— Отвечайте.

— Мой ответ: нет.

Адэр приложил руку к сердцу — успокойся, хватит так биться.

— В таком случае, кто выдвинул его кандидатуру?

— Вы.

Адэр сжал трубку:

— Я?!

— Да, Ваше Высочество, вы. Три года назад на заседании Совета вы лично озвучили имя вельможи. Вас поддержало большинство. Хотя, если вы помните, я был против.

Он не помнил... Его прошлая жизнь была похожа на костер — в нем сторали дни и ночи, а память о них исчезала подобно легковесному дыму в молчаливом небе.

— Почему вы спрашиваете, Ваше Высочество?

— Хотел отметить прозорливость советника, который оказал протекцию столь изобретательному поданному Тезара. Еще один вопрос.

— Слушаю вас.

— Я не смог найти причину возникновения Закона Великого о резервациях.

— Ориентов, климов и ветонов.

— Да.

— Вместе — они сила, способная пошатнуть престол. С этими народами вам лучше оставить всё так, как есть.

— Я не спрашивал вашего совета.

Адэр бросил трубку на рычаг, уперся кулаками в стол. Кто и как вынудил его назвать на Совете абсолютно незнакомое ему имя последнего наместника? И... разве сила древних народов в их таинственных способностях? Вряд ли... Этим Тезар не испугаешь. Тем более, никто из простолюдинов никогда не претендовал на трон Порубежья. Не было ни мятежей, ни народных бунтов. В таком случае, в чем же их сила? До истинной причины он должен докопаться сам, иначе ему, как правителю, грош цена.

Адэр вышагивал по коридорам и переходам, входил в комнаты и залы, стоял возле окон, глядя на далекие всполохи зарниц. Забрел в пустующее крыло замка, ожидающее очереди на ремонт. Здесь Адэр ни разу не был. Запах старости и тлена, тусклые лампы, испещренные трещинками стены и мятые чехлы, скрывающие мебель, напомнили о первом дне в Порубежье. Из-под двери одной из комнат выныривала узкая полоска света.

Адэр жестом подозвал охранителя, наученного всегда быть рядом и в тоже время не попадаться на глаза:

— Чья эта комната?

— Мун поселил сюда Малику, мой правитель.

Адэр постучал. Дверь приоткрылась, лицо овеяло ароматом лесных трав. В щелке между створками показалась Вельма в шелковом халатике, небрежно наброшенном поверх ажурной сорочки. После секундного замешательства девушка сообщила в глубину комнаты о приходе

правителя и посторонилась.

Малика — в ночной рубашке из домотканой ткани, с глухим воротом и длинными рукавами — сидела в постели, держа в руках книгу. Даже мягкий свет настольной лампы под лиловым абажуром не смог придать ей и толики притягательной, покоряющей силы, какая исходила от стоявшей в полутьме сиделки.

Адэр без объяснений прошествовал к кровати. Слегка склонившись, рассмотрел название на обложке — «Кардиология».

— Я думал, ночью девицы читают любовные романы.

Малика молчала.

— Оставь нас, — бросил Адэр через плечо.

Вельма выскользнула в коридор.

— У тебя болит сердце?

— Нет, — тихо ответила Малика.

— Плохо себя чувствуешь?

— Не настолько хорошо, чтобы следить за словами.

Адэр окинул комнату взглядом. Ни статуэток, ни салфеточек на тумбочках, ни милых безделушек, так обожаемых светскими дамами. Старый бельевой шкаф рассчитан разве что на хранение пары обуви и нескольких платьев. А Малике больше и не надо. На подоконнике маленькое зеркальце и шпильки — уж точно не ее. Сбоку узкой кровати допотопное кресло — вероятнее всего, для Муна или Йола.

— Не любишь уют? — поинтересовался Адэр.

— Люблю, но здесь я временно. Прислуга живет в хозяйственной пристройке.

Адэр подошел к стоявшей возле окна кушетке. На ней, по всей видимости, только что лежала Вельма. Подушка сохранила отпечаток головы, от небрежно брошенного пледа исходил едва ощутимый аромат хвойного леса.

— Вы должны уйти, — проговорила Малика.

— Беспокоишься о своей чести? — спросил Адэр, не в силах оторвать взор от накрахмаленной простыни, повторяющей изгибы тела белокурой девицы.

— О вашей.

Адэр обернулся. На болезненно-бледном лице безразличие, голос тих, как дыхание ветра. Но внешность обманчива, подобно реке подо льдом. Даже этот ответ... разве не дерзость?

— Ты быстро выздоровела.

Малика отвела взгляд:

— За нами приехал Крикс.

— Занятно. Значит, Крикс поднял тебя на ноги.

— Получается, так.

— И ты без чьей-либо помощи выбралась из автомобиля...

— На это не надо много сил.

— ...и пришла в мой кабинет.

— Мун настоял.

— С такими переломами, как у тебя, люди лежат месяцами.

— У людей нет Йола.

— И твое лицо...

— Что с моим лицом?

— Оно почти такое же, как раньше.

— Благодаря мазиям доктора.

— Почему ты не смотришь на меня?

Малика уставилась на Адэра:

— Что?

— Человек, который прячет глаза от собеседника, вызывает подозрение в искренности своих слов.

— У меня нет права держать взгляд на собеседнике, положение которого выше моего.

Меня двадцать два года учили смотреть в пол.

— Но это не вошло в привычку.

— Не вошло, — подтвердила Малика.

Адэр смотрел в ее глаза. Черные, бездонные и молчаливые.

— Кем была твоя мать?

— Простолюдиной, если вы об этом.

— Это она научила тебя так правильно излагать мысли?

— Она умерла, когда мне исполнилось три года.

Адэр опустил в кресло:

— Я тоже не помню свою мать.

— Я помню, как мама пела.

— Спой.

— Я не смогу спеть, как она.

— А ты по-своему спой.

Малика молчала. Пора бы уйти, но Адэр не мог найти в себе силы подняться. Как только он переступил порог этой комнаты, все тревоги куда-то исчезли. В душе появилась уверенность, что морской народ не подведет, что Совет будет сформирован в срок, и все, что он задумал, обязательно сбудется. А тем бесчинствам, к которым он невольно приложил руку, будет положен конец.

Адэр облокотился на колени, потер ладонями лицо.

И вдруг Малика еле слышно запела:

— В дубраве притихшей листва засыпает. Моей королевне без сказки не спится. А ночь кружевная с луною вздыхает И шепчет игриво: «Пусть принц твой приснится. По звездным дорожкам он ходит печально. Он ищет в далекой, холодной пустыне Немного покоя, немножечко счастья И теплую гавань, а может, богиню». Ты спи, ангелочек, пусть светом багряным Душа озарится, пусть факелом станет. Пусть сердце трепещет, покоя не зная. Он свет твой заметит — к причалу пристанет.

— В песне ничего не говорится о магах и чародеях.

— О каких чародеях?

— Которые окружили больную королеву и спасли ее от недуга.

— Не королеву, а короля. Они окружили вас, мой господин.

Адэр усмехнулся:

— Ты когда-нибудь видела звездную дорогу?

— Видела.

— Такую, как на картине в Мраморном зале.

— Нет. Такую не видела.

— Как думаешь, она существует на самом деле?

— Думаю, да.

Адэр склонил голову к плечу:

— Как тебе жилось у маркиза Ларе?

Малика, не отводя взгляда, улыбнулась:

— Вас интересуют методы лечения одного из магов?

— Отнюдь.

— Маркиз Ларе был очень добр ко мне. Но я скучала по своей комнате. Приехала сюда, а меня в нее даже не пустили.

— Вероятно, Мун решил оградить тебя от расспросов прислуги.

После недолгого молчания, Малика промолвила:

— Я обязана вам жизнью.

— Не выдумывай. До последней минуты я не знал, что несю именно тебя.

— Вы спасли мальчика.

— Ничего подобного. Он сам побежал за нами.

— Все равно, если б не вы...

— Малика! Не делай из меня героя. Тем более что я не верю в героев. Их нет. Как нет трусов. Есть обстоятельства — удачные и не очень, пробуждающие желание действовать или наоборот, забиться в угол и ждать.

Она вздохнула:

— Надеюсь, Вайс обо всем забудет.

— Именно этим сейчас озабочены психиатры Бойварда.

— Вы отправили его на лечение в Бойвард?

— Отправил. — Адэр поднялся. Сделав круг по комнате, вновь сел в кресло. — Мне нужен твой совет.

Брови Малики поползли на лоб.

— Мой?!

— Мне нужен конфидент.

— Конфи... кто?

— Человек, которому можно доверить важное секретное поручение. Иными словами, мне позарез нужен поверенный в моих делах. На время. Притом очень срочно.

— Маркиз Бархат не подходит?

— Конфидент не задает вопросов и не высказывает мнение.

— Мун.

— Слишком стар.

— Тогда не знаю. Я мало с кем общаюсь.

— Подумай. Не говорит о себе, не обсуждает других, хорошо воспитан, чист на руку, терпелив и настойчив.

— Вы назвали столько качеств... Подождите... Может, ключник?

— Ключник?

— Да, хранитель ключей. Его зовут Тауб. По-моему, только добродетельному и ответственному человеку доверяют ключи от всех комнат, залов, сейфов и складских помещений.

— Хорошо. Я поговорю с ним. Еще один вопрос. Зачем тебе сиделка?

— Маркиз Ларе настоял. Но если вы против...

— Мне все равно, — сказал Адэр и вышел из комнаты.

В слабо освещенном коридоре вырисовалась прислонившаяся к стене изящная фигурка девушки. Подойдя ближе, Адэр замедлил шаг, чтобы успеть вдохнуть хвойный аромат ее тела и насладиться девичьей красотой: нежным личиком, ложбинкой в глубоком вырезе халата и взором, горящим истомленным огнем.

Не отводя глаз, Вельма присела.

— Завтра придешь стелить мне постель, — промолвил Адэр и устремился к лестнице.

***

Вельма закрыла двери. Прижавшись к ним спиной, с придыханием проговорила:

— Таежный зверь... большой, гибкий, горячий.

— О чем ты? — спросила Малика.

Сиделка подошла к кушетке, принялась перестилать простынь.

— Вельма! Ты меня слышишь?

— Слышу.

— Кто большой?

— Кто-кто? Правитель.

Малика усмехнулась:

— Ты видела таежного зверя?

— Конечно, видела. Как тебя. Мой брат однажды притащил рысенка. Три года пытался приручить. Потом убил и сшил мне куртку.

— Хороший брат, — пробубнила Малика и чуть громче произнесла: — Ты не похожа на ветонку.

— А кто сказал, что я ветонка?

— Рыси водятся только в ветонском лесу.

— Неправда, — промолвила Вельма и уселась в кресло. — В Лэтэе их знаешь сколько?

Малика отложила книжку:

— Ты... лэя?

Вельма кивнула.

Теперь стали понятны и томный взгляд, и манера говорить с придыханием, придающим голосу девушки невероятно чувственное звучание. В Лэтэе матери сызмальства обучают дочерей всем премудростям обольщения. Если лэя не умеет завлекать, очаровывать и соблазнять, она рискует остаться старой девой. Причиной распущенности лэтэйских женщин была элементарная нехватка мужчин, которые гибли от когтей и клыков диких зверей, замерзали в таежных лесах, тонули в непроходимых болотах.

— Как ты очутилась у маркиза Ларе? — спросила Малика.

Вельма затеребила поясok халата:

— Не люблю вспоминать.

Малика взяла книжку:

— Ложись, Вельма. Уже поздно.

— А ты?

— Еще почитаю.

Девушка немного посидела, глядя в окно, и, словно набравшись решимости, заговорила:

— Я не помню отца. Я была крохой, когда его задрал медведь. И плохо помню мать. Мне сказали, что она заблудилась в тайге, но почему-то мне снятся кошмары, в которых я слышу ее крик и рычание волка. Потом погиб брат. Нелепая смерть. Он рубил сосну, и шишка угодила ему в висок. Его жена отдала меня в бродячий цирк.

— Как отдала?

— Так... отдала... Она хотела снова выйти замуж, но кто бы взял ее с обузой.

— У нее не было своих детей?

— Нет. Потом цирк приехал в Порубежье. Я сильно заболела, и меня оставили в каком-то селении. Кто-то отвел меня к маркизу Ларе. Там у меня родился мертвый мальчик.

Малика поднялась с кровати. Усевшись на подлокотник кресла, обняла девушку:

— Бог мой! Вельма! Как ты это пережила?

— Пережила...

— А где твой муж?

— Какая из меня жена в тринадцать лет?

Малика выпустила Вельму из объятий:

— Ты родила в тринадцать лет?

— Я не хотела, но так получилось.

— Хорошо. Спрошу иначе: где отец ребенка?

— Мне показали мальчика, но я не поняла, на кого он похож.

— Понятно.

— Маркиз Ларе сжалился надо мной. Научил ухаживать за больными, даже выплачивал жалование.

— Должно быть, тебе не терпится вернуться в клинику.

— Нет. Там меня не любят женщины.

— Почему?

Вельма подлетела к окну, уперлась ладонями в стекло:

— Теперь все будет по-другому. У меня будет один мужчина.

— И кто это?

Девушка распахнула рамы, глубоко вздохнула:

— Да, один. Я так хочу!

— Вельма! Кто этот мужчина?

Сиделка обернулась с гордым видом:

— Правитель Порубежья Адэр Карро.

Малика сползла с подлокотника кресла на сиденье:

— Ты надеешься, что правитель предложит тебе руку?

— Мне не нужна его рука.

— Он... он разобьет тебе сердце.

— Тебе-то какое дело? Это ведь мое сердце.

— Да, ты права. Это твое сердце и твоя жизнь.

Вдруг Вельма кинулась к Малике, упала перед ней на колени:

— Прости меня!

— Поднимись сейчас же!

— Не отталкивай меня, пожалуйста!

Малика попыталась встать, но Вельма обхватила ей ноги:

— У меня никогда не было подруг. Ты станешь моей подругой?

Малика посмотрела в широко распахнутые глаза, полные мольбы и надежды. Выдавила:

— Да.

— Я знала. Я верила, что найду человека, который не откажется от меня, как отказались другие, — возбужденно проговорила девушка, сжимая ей руку.

Вельма тихонько посапывала, свернувшись под пледом в калачик. Стоя возле окна,

Малика встречала рассвет и молила Всевышнего замедлить обратный отсчет отведенных ей дней.

***

Вельма торопилась в замок. В одной руке болтался сверток, для удобства обмотанный бечевкой. В нем было платье. Конечно, не то, какое она облюбовала и от которого отвернулась, сплющивая в ладони тряпичный кошелечек. Зато денег хватило на цветы.

Вельма уткнулась носиком в большие ромашки, зажатые во второй руке. Недовольно посмотрела на поникшие лепестки и подняла глаза к палящему солнцу.

Весну в Порубежье она не любила. Еще не стерлись воспоминания о прохладных таежных днях в Лэтэе, о влажном воздухе со вкусом папоротника, о тенистых тропках, бегущих вдоль звонких ручьев. Вельма никогда не плакалась о том, что потеряла, и свято верила: судьба обязательно одарит ее подарком, о котором она не осмеливается даже мечтать.

Вытерев слезы, выступившие от ярких лучей, представила себя в новом платье и улыбнулась. В замке она не только самая красивая, но и самая молодая. На сердце правителя никто не претендует, а значит, никто не станет ходить за ней по пятам, подсматривать и подслушивать, выводить на чистую воду и осыпать бранными словами.

Вдруг перед внутренним взором возникла кухарка. Вельма так четко увидела вскинутую руку, так явно услышала свист, с каким скалка рассекала воздух, что резко присела и, не удержавшись на ногах, упала на острую каменную крошку. Приподняв подол уже не белоснежного платья, подула на разбитое колено. Разве не знак свыше? Мол, хватит вспоминать о былом!

Вельма посмотрела по сторонам. Эх! Порубежье — не Лэтэя. Обычный подорожник и тот редкость. Подхватила сверток и букет и, прихрамывая, пошла по тропинке. Баба со скалкой разбередила память, и воспоминания шагали следом, заставляя вновь переживать события последних дней. Ведь самой страшной и тяжелой была вовсе не череда потерь: родных, родины, ребенка. В том возрасте, когда это произошло, еще не осознаешь в полной мере, чего лишился. Тогда душевные страдания не причинили столько боли, сколько причинило предательство маркиза Ларе.

Да, ее не любили женщины. Все, кроме супруги доктора. Красивая, добрая госпожа видела в исполнительной сиделке всего лишь несчастную девочку. Наверное, поэтому все кривотолки и пересуды, распирающие изнутри замок маркиза и его клинику, оставались без внимания знатной четы.

Вельма не считала себя виноватой. И в чем ее вина? Стоило ей пройти мимо слуг, и вслед несся игривый свист. Случайно брошенный ею взгляд то и дело сталкивался с похотливым взором. Любой, даже самый обычный разговор заканчивался непристойным намеком.

Внимание сильного пола льстило и в то же время держало в постоянном напряжении. Многие служанки чувствовали себя обиженными, и кто их знает — что у них на уме? А когда старший сын маркиза Ларе стал позволять себе некие вольности, Вельма испугалась по-настоящему. В одночасье она могла лишиться крова, работы и высокородных покровителей.

Вельма перестала гулять по парку, оставалась ночевать в клинике, а если случалось увидаться с молодым маркизом — прикидывалась наивной дурочкой. Но юноша день ото

дня становился более находчивым, назойливым и развязным, словно отказы еще сильнее раскаляли его влечение. Желая опередить грязные слухи, Вельма решила пойти к госпоже и попросить совета.

Маркиза рассмеялась, а на следующее утро вдруг ни с того ни с сего уехала с сыновьями в Ларжетай. Чуть позже доктор Ларе уговорил Малику взять с собой сиделку, приказал Вельме собрать все вещи, выплатил жалование, дал еще денег на тот случай, если в замке правителя не найдется ей места, и она будет вынуждена вернуться в Лэтэю.

Вот так бесславно закончилась очередная полоса ее жизни, вот так ее отблагодарили за преданность и честность.

Шагая между камнями, Вельма еще долго отгоняла бы воспоминания, если бы не шум мотора. Оглянувшись, увидела автомобиль — внушительных размеров, кроваво-красный, как солнце на закате. Сердце забило птичкой в силках — а вдруг правитель?

Перехватив в одну руку сверток и букет, Вельма быстро пробежала пальцами по спутанным ветром локонам, расстегнула две верхние пуговицы на лифе платья, отряхнула подол и, забыв о боли в колене, плавной походкой продолжила путь.

Автомобиль обогнал ее. Немного проехав, затормозил. Сбоку глубокие царапины, дверца со стороны водителя перекошена, вдобавок неприятный слуху звук, будто кто-то елозит пемзой по железу. Вельма печально вздохнула — в такую машину правитель не сядет.

Досада быстро сменилась любопытством, когда удалось распознать сидящего за рулем человека. Маркиз Вилар Бархат! Вельма сталкивалась с ним в клинике, пару раз отвечала на его вопросы. И хотя маркиз не походил на правителя — ниже ростом, уже в плечах, с непослушными русыми волосами и слегка полноватым лицом, — в нем было нечто чарующее: бархатный голос и глубокий, окутанный тайной взор. Стоило Вилару взглянуть или что-то сказать, как все упущения в его внешности становились невидимы.

Маркиз предложил подвезти. Вельма с радостью забралась на заднее сиденье и приготовилась провести остаток пути за непринужденной беседой. Но Вилар уставился на дорогу и ни разу не повернулся, словно ехал один.

Автомобиль катил по пустоши, в окна врвался раскаленный ветер, а Вельма уныло смотрела на завядший букет.

— Не стоит расстраиваться.

Вельма от неожиданности вздрогнула. Она перестала надеяться, что маркиз вспомнит о ней.

— Это всего лишь ромашки, — вновь промолвил он.

Вельма вздохнула:

— Это подарок. Пока мы доедем, дарить будет нечего.

— У кого праздник, если не секрет?

— У Малики. У нее сегодня день рождения.

— Я прикажу садовнику срезать все цветы, на которые ты укажешь, — после недолгого молчания сказал Вилар и до самого замка не обронил ни слова.

***

Сидя в кабинете с плотно зашторенными окнами и закрытой дверью (чтобы не отвлекал ни шум, ни вид), Адэр смотрел на два слова, начертанных на белом листе: «Котел» и «Провал». Сложись обстоятельства иначе, он ни от кого не скрывал бы существование этих месторождений. Тезар претендует на долю с прибыли шести приисков Бездольного Узла, и

любые притязания на новые залежи драгоценных камней Великому придется четко обосновать. Конечно, отец, нет... скорее, его старший советник Трой Дадые — мастак на выдумки. Он с ходу назовет с десятков причин, но уже от Адэра зависит: рассмотреть их или пропустить мимо ушей.

Однако... если станет известно о «Котле» именно сейчас, многие — как друзья, так и враги Великого — увидят цепочку, которую протянул некто хитрый и дальновидный. Получается, что последний наместник был назначен с подачи Адэра (Черт! Откуда он взял это имя?), с его же подачи был создан лагерь смертников, и он же присваивал камни в обход казны Порубежья и Тезара. Нанести удар по чести династии Карро Адэр не мог, как не мог, сидя в замке, разобраться — кто так умно его подставил.

Вдобавок ко всему тревожила сохранность сапфиров, добытых в «Котле». Слава Богу, хватило ума не арендовать сейф в отделении тезарского банка, доверие к которому ниже всяких отметок. Однако прятать камни в сейфе прииска — тоже огромный риск.

Адэр потер ладонями лицо. Облокотившись на стол, прижал сплетенные пальцы к губам.

«Котел» приобретет официальный статус прииска лишь по истечении времени. И никого уже не будет волновать, кто на нем работает: смертники или обычные рабочие. Как бы могущественные владыки ни кричали с трибун о гуманности и человеколюбии, за спинами своих подданных они финансируют смертоносные рудники и шахты.

«Провал»... С одной стороны, с ним намного проще — убрать ненужных людей и можно осваивать месторождение. Крикс будет молчать, и не потому, что Адэр вернул ему племянника, и не потому, что оплатил его лечение. Крикс Силар — офицер тезарской армии, этим все сказано. Анатан не проронит ни слова. Когда человек не представляет жизни без работы, его не надо подкупать. Достаточно дать немножко больше свободы и власти, что, собственно, и было сделано. Притом, Анатан до сих пор не знает, что инспектор Яр и правитель Адэр — одно лицо. Малика... Здесь смешались сомнения, страхи и необъяснимая вера в ее неспособность к низким поступкам.

Да, с «Провалом» проще. Но с другой стороны, уголовники до сих пор там, а против них горстка бойцов во главе с Криксом.

Адэр разорвал лист на мелкие кусочки и вызвал секретаря:

— Вели накрывать на стол. И передай маркизу Бархату мое приглашение на ужин.

— Прошу прощения, мой господин, — промолвил Гюст, — маркиз Бархат сегодня ужинает в саду.

— В саду? — переспросил Адэр. — С какой стати?

— Не могу знать.

Отпустив секретаря, Адэр с нарочитой медлительностью надел пиджак. Стоя перед зеркалом, поправил манжеты, прошелся рукой по волосам. Окинув себя взором, изогнул губы. Вилар хочет опередить его? Что ж... пусть попробует.

Охранители распахнули перед ним массивную, обитую железом дверь. Сад окутал благовонием цветов и трав. Как быстро все зазеленело и расцвело. Совсем недавно садовники ходили по свежевскопанной земле, держа бумажные кульки. Взмах — и семена веером разлетались в воздухе. Теперь трава с горьковато-пряным запахом пружинила под ногами, на клумбах пестрили цветы, на плодовых деревьях виднелись пока что крохотные яблоки и груши. Вишня скоро приобретет темно-красный цвет. Вспомнить бы о ней вовремя да наестся вдоволь, срывая кислые ягоды прямо с ветвей.

Немного пройдя по аллее, Адэр свернул под сень деревьев и направился вглубь огромного сада. Благо служанка подсказала, где маркиз Бархат велел установить столик.

Он еще не знал, что скажет Вилару и как себя поведет, но в том, что не станет сдерживать злость, был уверен. А злило все: ожидание Крикса, затворничество в кабинете, загадки в каждом документе, бессонные ночи, холодная постель и отсутствие человека, который смог бы придать бодрости духа, надежды и уверенности в завтрашнем дне.

У Вилара отвисла челюсть. От души потешаясь над замешательством друга, Адэр сел на стул и осмотрелся. Пятачок изумрудной лужайки окружен высокими зарослями кустарника, под раскидистым кленом густая тень — более удачного места для тайной встречи не придумаешь. На столике бутылка, два бокала, ваза с фруктами и конфеты — то, что надо для альковной беседы.

Глядя на друга, Адэр налил себе вина, залпом опустошил бокал.

Не совсем оправившись от потрясения, Вилар произнес:

— Тебе лучше уйти.

— Забываешься, маркиз, — сузив глаза, промолвил Адэр и вновь наполнил бокал.

— Я жду даму.

Адэр вдохнул терпкий аромат вина:

— В этом замке нет дам.

Вилар стер с виска тоненькую струйку пота:

— Я хочу поговорить с ней. Что в этом предосудительного?

— Среди белого дня?

— Вообще-то сейчас уже вечер.

— На глазах у всей прислуги?

— Нас никто не увидит.

— Ты в своем уме?

— Нет! — с непривычной резкостью произнес Вилар.

Адэр всматривался в золотистые глаза друга, пытаясь понять причину неожиданного возбуждения.

— Нет! — повторил Вилар. — Я не хочу здесь и сейчас жить умом, а потому прошу тебя уйти.

— Если тебе плевать на свою честь, то я не могу позволить челяди обсуждать на кухне шашни титулованного дворянина с какой-то девкой.

— Она не девка.

— А кто же?

— Ты не имеешь права вмешиваться в мою личную жизнь.

И тут Адэра понесло:

— Пока ты здесь, у тебя нет и не будет личной жизни. Втиснул меня в плюшевый трон, лишил свободы, а сам собрался жить, как раньше? Развлечения, девицы...

— Я никогда так не жил.

— ...Ужины при свечах, бурные ночи, — не слыша друга, продолжал Адэр. — Пока я не сяду с достоинством на настоящий трон в настоящем дворце и не выгоню тебя к чертовой матери, ты не имеешь права думать о личной жизни!

Вилар побледнел, оттянул воротник сорочки.

Адэр опустошил бокал и уже спокойно спросил:

— Куда сегодня ездил?

— Хотел найти хоть одну нормальную дорогу.

— Нашел?

— В окрестности замка — нет. Дальше поехать не рискнул, в двигателе появился... —

Устремив взор поверх плеча Адэра, Вилар умолк на полуслове.

Адэр оглянулся. Из-за куста на край лужайки вышла Малика. Ее лицо вытянулось, руки, приподнимающие подол, мелко задрожали.

— Прошу прощения, — после секундного замешательства пробормотала она и попятилась.

— У нее сегодня день рождения, — прозвучал охрипший голос друга.

Адэр нахмурился. У Вилара свидание с Маликой? Ну и дела... Как же он, правитель может уследить за всем, что происходит в стране, если не видит, что творится под самым носом?

— Малика! — позвал Адэр и вновь наполнил бокал.

Прошуршала ткань платья, сбоку замерло серое пятно.

— Сколько тебе исполнилось? — спросил Адэр, не сводя взгляда с Вилара.

— Двадцать три, мой господин.

Адэр не мог взять в толк, почему друг так нервничает. Сидит мрачнее тучи, на скулах ходят желваки. И этот стол... вино, конфеты, фрукты... Неужели маркиз испытывает какие-то чувства к девице без роду без племени?

— Полагаю, нужен еще один стул, — произнес Адэр.

Вилар тяжело поднялся и побрел через лужайку.

— Сядь, — приказал Адэр серому пятну.

Немного помедлив, Малика опустила на краешек сиденья.

Потягивая вино, Адэр рассматривал ее: идеально ровная спина, расправленные плечи, опущенный взор. Сама невинность. Артистка...

— В огромном саду, в одном и том же месте, в одно и то же время я, маркиз Бархат и ты... Не находишь странным?

— Вельма сказала, что здесь меня ждет сюрприз.

Сюрприз ждал, но только не ее. Из окна кабинета Адэр видел, как Вилар приехал с сиделкой Малики. Затем ввели в заблуждение слова Гюста и путаная беседа с другом. И теперь Адэр мысленно смеялся над невесть откуда взявшейся завистью к чужому успеху у какой-то сиделки. Ведь в сад заставило ринуться не что иное, как нежелание делить с Виларом свою избранницу на ближайшую ночь.

— Но я не думала... — Малика заметно смутилась.

— Что сюрприз — это я, — закончил фразу Адэр. — Ты ведь надеялась найти здесь одного маркиза.

Она зарделась:

— Я пришла сюда не по своей воле.

— Разве?

— Конечно! — с непонятной горячностью воскликнула Малика. — Вельма обманом выпроводила меня из комнаты. Она считает, что мне надо больше находиться на свежем воздухе. Но я люблю гулять рано утром, когда только-только встает солнце.

— Странная причуда.

— Это не причуда.

Адэр изогнул бровь.

— Вы вряд ли меня поймете, — тихо промолвила Малика.

— Все зависит от того, как ты объяснишь.

— Хорошо. Я попытаюсь. Моя жизнь идет по кругу. Днем, как любой человек, я допускаю промахи...

— Промахи в чем?

— В поступках, суждениях или мыслях, — сказала Малика и умолкла.

— Продолжай.

— Днем допускаю промахи, вечером о них жалею, ночью набираюсь ума, утром радуюсь новому дню и возможности исправить ошибки. Именно этот кусочек моей жизни мне нравится больше всего. Поэтому я люблю встречать рассвет.

Адэр допил вино, со стуком поставил бокал на стол:

— И странное мировоззрение. Впервые вижу человека, для которого восход солнца является символом сомнительных возможностей.

— А что для вас значит рассвет?

— Абсолютно ничего. На рассвете я сплю.

— Неправда. Каждое утро, возвращаясь из сада, я вижу вас в окне вашей спальни.

Адэр откинулся на спинку стула. Рассудок возмутился — плебейка уличила его во лжи.

— Я наблюдаю, как одна полоумная особа нюхает траву и обнимается с деревьями. И жалею, что не отправил ее вместе с Вайсом в психиатрическую клинику.

Малика улыбнулась.

Захмелевший разум заставил впиться глазами в девичьи губы. Совсем некстати вспомнился спор между сокурсниками. Одни утверждали, что пухлые губы у женщины — признак строгости и умеренности. Другие твердили о признаке истеричности и доминирования. Третьи говорили о страстных натурах, притом страстных до крайностей. Кто-то доказывал, что обладательница пухлых губок воспринимает окружающий мир чувствами и чувствами живет.

Так кто же Малика: холодная, расчетливая змея или искусно завуалированная блудница?

— Ты спишь с ним? — спросил Адэр.

— Что?

— Ты спишь с маркизом?

Малика вскочила:

— Кто дал вам право...

— Сядь! — оборвал ее Адэр.

— Как только вернется Йола...

— Сядь!

Малика опустилась на стул и вздернула подбородок:

— Как только вернется Йола, мы с Муном покинем замок.

— Это уж как я решу.

— Людям, которые вместе пережили страшную ситуацию, нельзя быть рядом. Они вызывают друг у друга неприятные воспоминания.

— В этом ты права. Я никогда не забуду, как ты обещала за мной вернуться и не сдержала слово.

— Простите, — произнесла Малика тоном, с каким люди не извиняются, а бросают вызов.

— Слушай внимательно. Я вынес из лагеря не тебя, а нечто, замотанное в грязную дерюгу. Это нечто я хотел оставить в долине, но пожалел мальчишку. И только в клинике Ларе я решил украсть тебя у смерти. И ты уж постарайся, чтобы я никогда не пожалел об этом. — Адэр взял бутылку. — Можешь идти.

За спиной затихли шаги, где-то в зарослях тонко и тоскливо засвистела пичуга. Не отрываясь от горлышка, Адэр допил вино, облокотился на стол и уткнулся лбом в кулаки.

***

Рука скользила по старой скамье. Надо же, сумели отремонтировать! Витиеватый рисунок — листочек к листочку, лепесток к лепестку — без каких-либо видимых изъянов выглядел так, как нарисовано в старой книге. Только в те далекие времена скамья стояла под раскидистым деревом с яркими листьями. Мун говорил, что они бархатисто-изумрудного цвета. Он частенько рассматривал рисунки вместе с Маликой. Она тыкала пальчиком, а он пытался объяснить, чем отличается один цвет от другого.

Будучи маленькой девочкой, Малика не расставалась с этой книгой. Стоя на аллее перед высокой лестницей, перелистывала истертые страницы, находила нужную картинку и не верила глазам. Неужели замок когда-то выглядел именно так? Огромные вазоны с пестрыми цветами украшали лестничную площадку перед центральным входом, по обе стороны высокой двери светились фонари в кованых оправках, на крыше развевался флаг Грасс-дэ-мора, стены без разводов и пятен выглядели по-настоящему серыми — единственный цвет, оттенки которого Малика различала.

Она бежала в сад, усаживалась на каменные обломки скамьи, открывала очередной рисунок и печально вздыхала, поглядывая на искореженный пенёк.

Детство пролетело незаметно, давние привычки отошли в небытие, старая книга затерялась в библиотеке. Сейчас, спустя много лет, Малика вспомнила о ней. Замок постепенно принимал былой внушительный вид, сад радостно шуршал листвой, пенёк выкорчевали и на его место посадили молоденькое деревце, его тоненькие ветви отбрасывали жидкие тени на восстановленную скамью.

Малика скользнула пальцами по каменным цветам и подняла глаза. Солнце спряталось за деревьями, но последние лучи еще озаряли кроны. Скоро, когда землю укуют сумерки, краски станут размытыми, именно такими, какими она их видит. И от этого на душе становилось тоскливо. Лишь восходящее солнце дарило надежду, что скоро наступит день, когда она встретит того, единственного, кто вырвет ее из тусклого бытия. Только взаимная, чистая и беззаветная любовь позволит ей постичь все великолепие мира. Теперь надежды нет...

Раздался треск ветки. Малика напряглась. Ей незачем оглядываться — она знает, кто стоит за спиной.

— Что тебе сказал Адэр?

— Ничего.

— Он тебя чем-то обидел?

— Нет. Мы почти не разговаривали.

Вилар обошел скамью и встал перед Маликой:

— Почему ушла?

— Я себя неловко чувствую в обществе мужчин, — сказала она и поднялась.

— Я тебе неприятен?

— Как такое могло прийти вам в голову?

— Я не мужчина твоей мечты.

— О вашем внимании мечтают многие женщины, но ваш интерес к простой девушке, как я, ни к чему хорошему не приведет.

Вилар притянул Малику к себе:

— Тебе мешает мой титул?

Она уперлась ладонями ему в грудь. Под пальцами чувствовалось сбивчивое дыхание и сильные удары сердца.

— Я хочу уйти.

— Могу ли я надеяться, что ты согласишься во мне обычного человека?

— Отпустите меня.

Вилар еще крепче прижал к себе Малику, еле ощутимо коснулся губами ее щеки:

— У меня есть надежда?

— Нет, — ответила она и, вырвавшись из объятий, торопливо пошла по саду, тусклому и размытому, как вся ее будущая жизнь.

Малика долго читала. Так и не дождавшись Вельму, выключила лампу. Полупрозрачная луна заглядывала в спальню. Теплый ветер колыхал занавеску. Из сада доносились запахи остывающих трав. А Малика, зябко ежась, куталась в одеяло и смотрела в потолок. Тени, отбрасываемые занавесями, извивались в причудливых узорах, сплетались воедино и распадались на мелкие завитки.

Теперь Малика знала, что Вельма уже не придет.

***

В конце огромного холла, возле входной двери, рядом с Гюстом и охранителем стояли трое селян в поношенной пыльной одежде и стоптанной обуви: молодая женщина и два старика. Один старик щупленький, маленький; второй — краснощекий бородач.

Заметив спускающегося по лестнице правителя, женщина поправила на голове выцветший платок, толкнула спутников. И все трое низко склонились.

— Что за люди? — спросил Адэр у подбежавшего Гюста.

— Просят встречи с вами.

— Что им надо?

— Говорят, ищут справедливость.

Адэр посмотрел на согнутые в три погибели фигуры. Им не к нему — к Малике. Она выслушает их со вниманием, вместе с ними погорюет, а потом уж скажет, что в Порубежье справедливости нет.

— Выгнать? — спросил Гюст.

Ничего не ответив, Адэр проследовал в кабинет. Взялся было за очередные отчеты, но, немного подумав, приказал привести селян.

Стоя возле двери и глаза то на Адэра, то на охранителя, старики мяли в руках фуражки. Селянка теребила уголки платка.

— Говорите, — сказал Адэр.

Бородач толкнул приятеля в плечо и что-то шепнул ему на ухо.

Щупленький старичок сделал полшага вперед:

— Мой правитель! Нижайше прошу рассудить мое дело по справедливости. Я живу в Истве, в землях графа Вальбы. Селение маленькое. Пять улиц. Улицы длинные, прямые, широкие.

Адэр придвинул к себе документы и принялся выискивать выписки из банка.

— От дома к дому через улицу двадцать шагов будет, — говорил мужик. — Далеко видно, и можно объехать любую яму. А граф Вальба не объехал.

Адэр вытащил из стопы два листа:

— Что не объехал?

— У меня собачонка есть. Малюсенькая такая, в любую щелку пролезет. Только заделаю дырку в ограде, она другую найдет. Выбежит на улицу и так звонко лает.

— Граф Вальба сбил твою собачонку? — спросил Адэр, пробегая взглядом по цифрам.

— Я кричу ей, мол, давай назад. А она, знай себе, звенит колокольчиком, внука на улицу кличет.

Адэр устремил взор на старика.

— Внушок выскочит за ней, на руки подхватит и айда на двор. И так весело было. А тут не успел. — Селянин вытер фуражкой глаза. — Положили мы внучка в холодную землю. Могилку оградкой обнесли. Теперь у него свой двор. Теперь собачонку к нему в гости приносим.

— Когда это случилось?

— Аккурат в День Встреч.

— Когда?

— В последний день зимы, когда зима с весной встречается.

Адэр застучал пальцами по столу. Граф Вальба... Граф Вальба... Он был на приеме!

Значит, избежал наказания.

Словно прочтя его мысли, мужик продолжил:

— Пошел я в суд. Сын-то мой аккурат перед этим на заработки в Бойвард подался и ничегошеньки не знал, а у невестки от горя ноги отказали. Я сам пошел. Потом еще пять раз ходил. Хотел, чтобы повинился граф. А еще хотел, чтобы он по нашей улице больше не ездил. У соседки двое детишек. Напротив четверо, мал мала меньше, от земли не видать. Через дом еще двое. Так вот, ходил я в суд, а графа все не было. А потом мне дали бумагу.

Старик вытащил из рукава рубахи сложенный листок, нерешительно переступил с ноги на ногу. Адэр подозвал его жестом.

Покосившись на охранителя, селянин пересек кабинет и положил лист на стол:

— Вот эту.

Адэр развернул документ. Несчастный случай...

— Я не пересматриваю решение суда.

— Получается, граф не виноват? Ямки объезжает, а тут, получается, не виноват?

Адэр еще раз пробежался взором по строчкам:

— Тебе надо было обжаловать решение. Сейчас уже поздно, сроки истекли.

— А мне ж никто не сказал, — пробормотал селянин и попятился.

Бородач обхватил его за плечо и что-то прошептал на ухо.

— На суд можно пожаловаться? — спросила женщина, и в заплаканных глазах вспыхнула надежда.

— Можно. За судом первой инстанции идет высший суд. Затем верховный суд.

— Чё-то я не разберу. Я могу пойти и пожаловаться?

Адэр потряс в руке документом:

— Я непонятно сказал? Сроки истекли.

— А я не по этому делу. По другому.

— Когда вынесли судебное решение?

Селянка глянула на мужиков:

— Когда?

— Два месяца и неделя, — напомнил бородач.

Женщина повернулась к Адэру:

— Два месяца и неделю назад.

— Поздно жаловаться.

Селянка поникла.

— Рассказывай, — велел ей бородач. — Забыла, зачем пришла?

Она вытерла уголком платка нос, шагнула вперед:

— Я выросла в Истве, живу с мужем в Топале, что в землях графа Вальбы. У нас была лошадь. И телега была. Муж всякую всячину возил, на жизнь зарабатывал. А тут вез хворост. Забыла сказать, как раз сильный дождь прошел, колею размыло, ноги не вытащишь.

— Ты по делу давай, — прикрикнул на нее бородач.

— Так я по делу, — огрызнулась селянка и сделала еще полшага вперед. — Хворост легкий, но когда много и мокрый — тяжелый. Телега и увязла. Лошадь дерг, дерг, а тронуться не может. Муж раз огрел ее вожжами. Еще раз. Лошадь как рванула, телегу по

глине как понесло. А тут, как назло, граф на своей машине навстречу ехал. Ну и зацепило жердиной ту самую машину. Совсем чуток. Только грязь сбоку смазало. Пока крику-шуму, прибежали графовы холуи. Лошадь забрали, телегу забрали и хворост забрали. Сказали, после суда отдадут. А на суде сказали, что и лошадь, и телега... — Женщина на секунду умолкла и с трудом выговорила: — ...Кон... пек... сакция за ущерб. Но этого мало, и мой муж должен три года отрабатывать на конюшне графа.

Селянка достала из кармана сложенный листок, положила на край стола. Шмыгнула носом.

— Я не пересматриваю решения суда, — тихо повторил Адэр.

Женщина с пришибленным видом вернулась к двери.

Краснощекий старик крякнул, пригладил бороду:

— Смерть ребенка — несчастный случай. За царапину — мужика в рабы записали, имущество забрали. А обкраденного человека на пять лет в искупительное поселение отправили. Где же справедливость? Где ее искать?

— Какого человека? — спросил Адэр.

— Хворост-то ко мне везли. А тот хворост моего сына был. Он сначала к ним кинулся, — бородач кивком указал на селянку. — За компенсацией. Да что с них возьмешь? А потом уж к графу. А тот, мол, не было хвороста, и все тут. Ну и обозвал мой сын графа вором. Погорячился... да... согласен. Но ведь сын прав! А через два дня его в суд. И за клевету на пять лет. Вот я и спрашиваю: где ж нам ту справедливость искать?

Бородач тяжелым шагом прошествовал через кабинет, вытащил из-за пазухи листок и положил на стол:

— Нижайше просим: пусть по новой судят.

— Это невозможно.

Старик пригладил бороду, покосился на спутников. Повернувшись к Адэру, выгнул бровь дугой:

— Значит, в Порубежье справедливости нет?

Потянулся к лежащим на столе листам.

— Оставь, — промолвил Адэр.

Бородач отдернул от бумаг руку.

— Можете уйти.

Озадаченно переглядываясь, селяне покинули кабинет.

Адэр посмотрел в окно; по дороге уныло брели три серые фигуры. Вытащил из стола родословные книги дворян. Через час приказал Гюсту вернуть в Порубежье, а затем вызвать в замок доктора юридических наук, профессора университета правосудия в Маншере, графа Юстина Ассиза.

***

За целый день о ней никто не вспомнил. Просидев в библиотеке до вечера, Малика отправилась к Муну. Старика в комнате не оказалось. Пробегающая мимо служанка сообщила, что смотритель занят подготовкой апартаментов для советников. В такие минуты на глаза Муну лучше не попадаться. Погруженный в работу, он становился ворчливым, ко всему придирался и всех понукал.

Вернувшись к себе, Малика уселась перед трюмо. Из зеркала взирали усталые глаза. Лицо, обрамленное в серо-золотистую рамку, выглядело изнуренным.

Дверь приоткрылась.

— Ты не спишь? — прозвучал голос Вельмы.

— Нет, — промолвила Малика. Подошла к окну и раскрыла лежащую на подоконнике книгу.

Вельма в нерешительности потопталась у порога:

— Я вчера не смогла прийти.

— Ничего страшного. Мне не нужна сиделка. Поговори с Муном. Пусть подыщет для тебя другую работу.

— У меня уже есть работа. Я теперь личная служанка правителя.

Малика окинула взглядом стройную фигурку, облаченную в легкомысленное платье — грязно-сиреневое (опять же обман зрения), с глубоким вырезом и множеством кружевных воланов, — и еле сдержалась, чтобы досадливо не сморщиться. Нельзя давать волю чувствам и выплескивать недовольство на глупую девчонку только за то, что она совершает ошибку.

— У тебя новое платье, — промолвила Малика.

Улыбнувшись, Вельма провела ладонями по юбке:

— Нравится?

— Служанки так не ходят.

— Я же говорю: Мун целый день занят. Без его распоряжения униформу не выдают. Ты на меня не обиделась?

— За что?

— Я вчера не пришла.

— Не говори ерунду.

— Вот и ладненько, — сказала Вельма и подошла к окну. Умостившись на подоконнике, дынула на мутное стекло, на запотевшем пятчке нарисовала сердечко. — Знаешь, чем я буду заниматься?

— Не имею понятия.

— Всем, — произнесла девушка и звонко рассмеялась.

Передернув плечами, Малика вытащила из-под нее книгу.

— Все читаешь, читаешь, — промолвила Вельма. — Не надоело?

— Нет.

— Чем ты занималась в замке до болезни?

— Ничем.

— Как это?

— У тебя, наверное, много работы, — проговорила Малика. — Не хочу тебя задерживать.

— Да, работы много, — согласилась Вельма. — Поменять постельное белье. Знаешь, какая у правителя кровать? Огромная-преогромная, как твоих три. Или нет, четыре. Взбить подушки, сменить полотенца, вытереть пыль. Работы много, — повторила она. — А хочешь, я попрошу правителя, чтобы он и тебя взял?

— Нет!

— Ну и зря. Накрывала бы в обеденном зале на стол или гладила сорочки. Вчера из Тезара машина приехала. Полная его одежды. В гардеробную зайти нельзя — кругом коробки с обувью, чехлы с костюмами, чемоданы. Подумай. Я могу поговорить.

— Нет!

— Вот заладила: нет да нет. Со своими книжками совсем зачухнешь. Ладно, пойду к

Муноу. Может, уже освободился. — Вельма соскочила с подоконника, поправила сползший с плеча рукав платья. — Как ты с ним ладишь?

— С кем?

— С Муном. Он всегда такой нервный?

Малика улеглась на кровать и уткнулась в книжку.

Вельма словно только этого и ждала. Быстренько уселась в ногах и принялась накручивать на палец белокурый локон:

— Нервный и злой, точно муху проглотил. Целый день ворчит — то с чердака не тот стол притащили, то паутину увидел. Все ему не так. Хотя сегодня все нервные.

— Кто это — все?

— Да все: правитель, маркиз Бархат, секретарь, охранители. Хотя понятно — почему.

— И почему же?

— Ты ничего не знаешь?

Малика отложила книжку:

— Не знаю.

— Ничегошеньки-ничегошеньки?

— Говори уже!

— Скоро в замок знатные гости приедут. Один... имя такое чудное... Мави.

— Мави Безбур.

— Точно! А второй какой-то профессор из Маншера.

— Кто тебе сказал?

— Никто. Я слышала разговор Гюста с охранителями.

— Иди, Вельма, — промолвила Малика. — Я хочу спать.

Вельма удалилась, напоследок взглянув на нее с насмешкой.

Малика поднялась с кровати. Сделала круг по спальне, выглянула в коридор. Тихо... А в другом крыле замка бурлит жизнь. Даже Вельма, три дня как приехала, и та уже кружит в водовороте событий.

Малика прошла по пустым, затянутым сумраком переходам, спустилась по пыльной лестнице, с третьей попытки открыла скрипучую дверь и ступила на успевшую растрескаться от жаркого солнца землю. Возле этого флигеля она почти никогда не ходила. Здесь ничего не росло, окна в грязных разводах наводили тоску, карнизы в трещинах и разломах грозили свалиться на голову, из расположенного поодаль огромного гаража всегда долетал какой-то специфический душок. Сейчас же под стремительно темнеющим небом покачивались тоненькие деревца и жиденькие поросли кустарника, а со стороны вытянутого здания ветер доносил запах свежей побелки и краски.

Малика устремила к яркому лучику, выскользнувшему на волю из приоткрытых ворот.

— Есть тут кто? — крикнула она, заглянув в гараж.

Вдоль длинной стены вольготно стояли несколько машин, среди них в свете белых ламп сиял серебром автомобиль Адэра. В дальнем углу возле полок, тумб и шкафов виднелся автомобиль цвета закатного солнца, с поднятой крышкой капота и распахнутыми дверцами.

Малика хотела уйти, как из глубины помещения прозвучало:

— А кто нужен?

Малика пересекла гараж, приблизилась к машине Вилара:

— Добрый вечер.

Из-за крышки капота показался белобрысый человек средних лет, одетый в

промасленную робу. Сведя на переносице белесые брови, глянул на нее, как на шуруп, который странным образом остался после сборки механизма:

— Для кого добрый, а для кого — так себе. Чего хотела?

— Я Малика.

— Знаю. Внучка смотрителя.

— Верно. А вы водитель маркиза Бархата?

— Он самый.

— Как вас зовут?

Мужчина плюнул на руку, принялся тереть тряпкой ладонь:

— Ну Зульц. Что дальше?

— Ничего, Нузульц. Я на минутку заскочила. Думала...

— Просто Зульц, — перебил водитель. — Без всяких «ну».

— Простите, — пробормотала Малика, смутившись. — Я думала, что в гараже забыли выключить свет.

— Минута прошла.

Малика переступила с ноги на ногу. Шофер явно был не в духе, каждое слово бросал как подачку назойливой собаке. Но желание хоть чем-то перебить оскомину от разговора с Вельмой не позволило развернуться и уйти, гордо хлопнув воротами гаража.

Малика провела пальцами по царапине:

— Красивая машина, а бок поцарапан.

— Это, девонька, крыло.

Малика рассмеялась:

— Вот уж не знала, что у машины есть крылья.

Зульц бросил тряпку в бак для мусора:

— Не женское это дело — в гараже торчать. Шла бы на кухню, посуду, что ли, помыла.

— Сдалась вам эта посуда.

Зульц расплылся в улыбке:

— Не один я посылаю?

Малика провела пальцем по стеклу:

— Можно я пыль вытру?

— Ветошь в шкафу, — сказал Зульц и нырнул под крышку капота.

Протирая окно, Малика разглядывала салон. В этом кресле сидел Вилар и смотрел на освещенную фарами колею, когда ехал за ней и Муном, чтобы вернуть их в замок. О чем он думал, один среди мрачной пустоши, кишасей дикими собаками и шакалами?

— Давно служите у маркиза Бархата?

— У старшего почти всю жизнь. А младшего привез сюда.

— Значит, вы хорошо его знаете.

— Как не знать? На моих глазах вырос.

— Расскажите, какой он?

— Тебе-то зачем?

— Просто хочу поболтать, но не могу придумать о чем. В крыльях и машинах я не разбираюсь.

Зульц упорно молчал.

— Мне кажется, он никогда не кричит, — промолвила Малика.

— Не кричит.

— А еще мне кажется, он никогда никого не оскорбляет.

— Вилар Бархат душевный человек. Добрый, мягкий, совсем как его отец.

— Будто говорите о подушках.

— Глупая ты, жизнью не битая.

Малика невесело улыбнулась отражению в стекле.

— Сидишь под крылом Муна и не догадываешься, какими бывают господа. Есть такие... не господа, а деспоты, тираны. Да ты, поди, и слов таких не знаешь.

— Знаю.

— Да ну? — насмешливо прозвучало из-под крышки капота.

— Тиран — это человек, который мучает, угнетает, лишает свободы и спокойствия.

Послышался тихий смешок.

— Разве не так? — спросила Малика.

— Так, так.

— Почему смеетесь?

— Будто о знакомом господине рассказала.

Малика подошла к Зульцу:

— Вы видели настоящего тирана?

Склонившись над двигателем, Зульц хохотнул.

— Неужели Великий?

Опершись руками на передок машины, водитель рассмеялся.

Малика бросила тряпку в бак:

— Да ну вас. — И направилась к воротам.

— Ладно, не обижайся, — произнес Зульц. — Малика! Вернись!

— Я уже вытерла пыль.

— Сядь за руль.

— Это еще зачем?

— Погазуешь, а я послушаю.

Малика с волнением уселась на водительское место.

— Ключ видишь? — спросил Зульц.

— Вижу.

— Поверни его. Теперь легонько надави на педаль газа.

Малика посмотрела себе под ноги:

— Их две.

— От глупая баба! Ту, что справа.

Мотор глухо зарычал.

— Слышишь скрежет?

— Не слышу.

— Вот и я не слышу. Похоже, все, — сказал Зульц и закрыл капот.

Представив себя водителем, Малика улыбнулась себе в зеркало заднего вида. Мысль родилась неожиданно...

— Научите меня ездить.

— Не-е-ет... — протянул Зульц.

— Думаете, не смогу?

— Почему не сможешь? Сможешь. Чтобы крутить баранку, большого ума не надо. В Тезаре многие дамы водят автомобиль.

— Так в чем тогда дело?

— Во-первых, машина не твоя, а маркиза.

— Если мы будем ездить рано утром, он не узнает.

— Во-вторых, машину сперва обкатать нужно.

— Вместе обкатаем, — не унималась Малика.

Зульц отрицательно покачал головой.

— Вы видели когда-нибудь море? — спросила она.

— Не приходилось.

— Я покажу вам.

Зульц хмыкнул:

— Ладно, прокатимся разок.

Рано утром, пока не проснулся замок, Малика прибежала в гараж. Зульц уже сидел за рулем.

— Только сегодня и совсем чуть-чуть, — сказал он и завел мотор.

«Только сегодня и совсем чуть-чуть» растянулось на несколько дней. До обеда Малика работала в архиве, вечера проводила в библиотеке. Волновало одно — чтобы никто не заметил ее и не придумал какое-нибудь занятие. Но пару раз все-таки столкнулась с Муном. Оба раза его окружали рабочие и прислуга. Старик издали бросал взгляд с неммым вопросом: «Как ты?» Малика улыбалась: «Все хорошо».

А на рассвете Зульц отъезжал от замка, уступал ей место за рулем, и автомобиль, поднимая клубы пыли, летел навстречу восходящему солнцу. Совершив круг, тормозил возле обрыва. Они садились на камень. Зульц глядел на безмятежную, словно спящую, гладь моря, на ленивых чаек и на белый морской песок. О чем он думал? Может, об оставленной в Тезаре семье, а может, о добром господине, которому служил верой и правдой почти всю жизнь.

Малика была благодарна ему за молчание. Она неотрывно смотрела на горы в утренней дымке. Где-то там сейчас Крикс и Йола.

***

Подле Великкамня сидели пятеро. Подойдя поближе, Хлыст рассмотрел среди них командира стражей Крикса Силара. Даже густая послеполуденная тень не могла скрыть ширину плеч и размер кулаков четырех мужчин в темно-серой — под стать скалам — армейской форме. Из голенищ запыленных солдатских сапог торчали рукоятки охотничьих ножей.

Хлыст поставил на землю пустые ведра, машинально потрогал кнут, засунутый за пояс, и глянул на пятого. Тот разительно отличался от остальных — загорелый, простоватый на вид старик в светлых широких штанах и рубахе навыпуск, в мягкой кожаной обуви без твердой подошвы, в белом, повязанном вокруг головы платке, из-под которого выбивались седые космы. Ориент...

Из памяти выплыли изуродованные бронзовые лица, разъявленные рты и непомерно большие глаза цвета морской волны, будто до последней секунды горстка морского народа не верила, что их могут убить из-за корзины рыбы и сетей.

Пятеро... Хлыст зыркнул по сторонам — где остальные?

Словно уловив его мысли, Крикс произнес:

— Чего озираешься?

— Да так... смотрю.

— Что в лагере?

— Тихо.

— Братки на месте?

— Куда ж им деться? — Хлыст вытер рукавом нос. — Как Таша?

— Лежит твоя Таша.

— А дети как?

— Ты лучше о моем племяннике спроси.

Хлыст потер грудь. Под ребрами который день не унимался нестерпимый жар. И тревожила не жена — он ей ничем не поможет, и не детишки — он им не нужен. Пусть остаются с Богом в прошлой жизни, там беглому убийце нет места. У него было время подумать и понять, как хитро Крикс всё провернул, а он по дурости повелся, и ловушка захлопнулась. Хорошо хоть хватило ума подложить палец. И нутро полыхало при мысли, что скоро он полезет в узкую щелку, совсем не зная, что ждет его по ту сторону западни.

— Когда появляются ракшады? — спросил Крикс.

— Я уже говорил — около полудня.

— Откуда приходят?

Хлыст присмотрелся к командиру, сокрытому тенью Великкамня, а у того глаза... прям не глаза — две трещины, а из них морозом обдаёт. Неужто пронюхал? Или ждет, когда он запугается и ненароком выболтает, о чем умолчал? Да только память у него отменная, память уголовника со стажем — каждое слово помнит, чтобы потом за базар не отвечать.

Хлыст выдавил подобие улыбки:

— Ты же знаешь, в провал ведут две тропы. По какой-то придут.

— Что с пленниками?

— Один помер, остальные ползают.

Пять пар глаз проткнули его насквозь. Хлыст облизнул пересохшие губы.

— Вот только не надо корчить из себя святых. Вам ведь плевать на каторжников. Вам нужны ракшады. А если не так, чего ж сразу лагерь не накрыли? — выпалил он сгоряча и всполошился — не этого ли добивается Крикс?

— Ориенты есть? — еле слышно произнес старик.

— Я в провале всего год. При мне ни один ориент не попался.

Командир посмотрел Хлысту за спину. Он обернулся. С пригорка неспешно спускался еще один боец, и до того он походил на Бурнуса (яма ему пухом), что Хлыст чуть не подавился слюной: такой же сбитый, невысокого роста, с серыми, как сталь, глазами. Даже черты лица такие же правильные, тонкие, и брови, точно крылья ворона, вразлет. Только волосы не черные, а нечто среднее между смолью и конским каштаном.

Боец прощуршал сапогами по траве, поникшей на солнцепеке. Нырнув в тень Великкамня, уселся рядом с Криксом.

— Что скажешь, Драго? — обратился к нему командир.

— Он один. Хвоста нет.

— В этом грёбаном провале я стал твоими глазами и ушами, Крикс, — прошипел Хлыст. — Я стал сукой, но не овцой.

— Ладно, продолжим, — на удивление спокойно промолвил командир. — Сколько времени ракшады проводят в лагере?

— Когда нет алмазов и новых пленников, дают нам по мору, чтобы с голоду не сдохли, и сразу уходят.

— На завтра алмазы есть?

— Есть малость.

— А новых пленников нет.

— Откуда ж им взяться? Вы ж лагерь со всех сторон обложили.

Бойцы переглянулись.

— Значит, ракшады надолго не задержатся, — сказал командир.

— Выходит, так, — согласился Хлыст.

— Иди, погуляй чуток.

Он отошел к высохшему ручью, опустился на корточки. Вроде бы в мелком, как порох, песке ковыряется, а сам на бойцов зыркает. Сидят, перекидываются невнятными фразами. Старик сцепил на животе пальцы, уронил голову на грудь и будто уснул.

Хлыст вдохнул раскаленный воздух. Вытер рукавом пот с лица. Рубаху расстегнул. Сколько он живет, а такого пекла в конце весны не помнит. Направил взгляд на горный кряж с другой стороны долины, прислушался. Грохочут родимые, грохочут за отвесной стеной водопады, и от далеких и глухих раскатов даже прохладнее стало.

— Асон! — крикнул Крикс.

Хлыст юркнул в тень Великкамня. Мазнул взором по бойцам, а те как ни в чем не бывало разглядывают свои сапоги.

— С тобой пойдет Драго, — проговорил Крикс.

— Еще чего?

— Скажешь: поймал в долине.

— Посмотри на него и посмотри на меня. Я не мог его поймать.

— Тогда скажешь: заманил.

— Да у него на роже написано, что он из вашей братии. Я не мог его заманить. —

Хлыст повозил по земле ботинком, поинтересовался вкрадчиво: — Чего ты хочешь?

— Хочу, чтобы мой человек побывал в лагере.

— Меня тебе мало?

— А ночью поможешь ему сбежать.

— Какого хрена, Крикс? — возмутился Хлыст. — Ты велел прийти, я пришел.

Прикажешь рассказать все заново, я расскажу. Задашь вопросы, я отвечу. Большого от меня не жди.

— Значит, отказываешься.

— Даже если я слеплю легенду, его тут же пришьют.

— Не пришьют. У вас скоро будет некому добывать алмазы.

— Там всё на страхе держится. А такого разве запугаешь? Нет, Крикс, братва рисковать не будет. И я не буду. Я и так по лезвию хожу.

Командир сорвал хudosочную травинку, закусил в уголке губ:

— Ладно. Ступай.

— Ты не забыл, что обещал мне?

— Не забыл.

Подхватив ведра, Хлыст попятился. А просил он немногое: Осу отправить обратно в «Котел», а его куда угодно, но только не с Осой. И просил так, на всякий случай, если задуманное дельце не выгорит.

— Поклянись, что завтра не забудешь.

Командир еле заметно кивнул. Хлыст повернулся к нему спиной и побежал по шуршащей траве. Сверху припекало солнце, в лицо хлестал пышущий зноем ветер, а внутри от нестерпимого жара шипела кровь.

***

Глядя Асону в спину, Крикс выплюнул травинку, вытер рот.

— Ты дашь ему уйти? — прозвучал голос Драго.

— Сегодня — да.

— Завтра.

— Этот гад измывался над моим племянником. Такое не прощают. И обещал убить детей Анатана. А такие, как он, слов на ветер не бросают.

Крикс вытащил из-за голенища сапога охотничий нож, принялся точить о Великкамень.

Еще неделю назад он мог заставить Асона подсыпать дружкам в еду снотворное, и без трудностей освободил бы пленников (с большим удовольствием дал бы отраву, если бы бандиты и жертвы не ели из общего котла). А потом с ребятами устроил бы ракшадям засаду. Но Асон сказал, что кое-кто из братков выходит воинам навстречу и ждет их где-то в горах. Вранье? Возможно. Однако ублюдков пока лучше не трогать.

Была еще одна причина для сомнений и тревог.

До поисков правителя Крикс никогда не бродил по горам. Даже когда разыскивал двоюродного брата и племянника, шел вдоль подножия гряды, уверовав в благоразумие кузена. Сейчас приходилось полагаться на компетентность Анатана, точнее, на его рассказ о посещении лагеря и на примитивную карту, найденную им в сейфе друга детства, ныне покойного Лабичи.

Анатан перерисовал небольшой участок цепи скал, через который пролегают две

отдаленные друг от друга тропы. В наивысшей точке они сужаются настолько, что идти можно лишь глядя попутчику в затылок. За узенькими перешейками тропки вновь расширяются и бегут вниз, в котлован, похожий на перекошенную пивную кружку с отломанным краем со стороны моря. Крутые склоны и дорожки хорошо просматриваются сверху, с утеса, где сидит дозорный или, как его называет Асон, верхогляд, у которого тонкий слух, острый глаз и своеобразный свист. Где-то там, возле тропок, прячутся сторожевые.

В бандитское логово никто незамеченным не пройдет. Но стоит перекрыть оба входа, останется единственный выход — с обрыва, с головокружительной высоты в море. Верная смерть! И этим лагерь беглых уголовников напоминал лагерь смертников. Сравнение провала с «Котлом» не давало Криксу покоя. Может, существует еще одна тропа, которую не разглядел Анатан, а Лабичи умышленно не нанес на карту. Может, именно по ней приходят ракшады. И не потому ли тертый калач под кличкой Хлыст отказался провести в лагерь Драго? Но, если есть тайный путь, почему отморозок до сих пор не сбежал?

Асон взбирался на пригорок. Глядя ему в спину, Крикс легонько прикоснулся к лезвию ножа, слизнул с пальца рубиновую каплю.

С самого начала все пошло не так, как он представлял себе. Пять дней назад, направляясь к морскому народу, еще надеялся, что сможет уговорить Йола дать хотя бы с десяток человек. Но старик оставался непреклонным. Тогда Крикс замыслил обратиться с этой просьбой непосредственно к молодым и сильным мужчинам уже в поселении ориентов. И каково же было его изумление, когда Йола оказался главным старейшиной всех племен, разбросанных по побережью. С таким не поспоришь и через голову не прыгнешь.

К Криксу ориенти отнеслись с опаской. В полном молчании отвели его в дальнюю неглубокую пещеру. Туда же притащили плоский матрас и подушку, набитые сухими водорослями. Принесли скудный ужин — несколько печеных рыбешек и пресный блин.

Не притронувшись к еде, Крикс улегся на матрас. Закатное солнце освещало стены грота, покрытые, словно чешуей, белесыми наростами. С моря тянуло приятной прохладой, доносились крики чаек и ласковый шепот волн. Если бы Крикс не проходил час назад мимо шатров и обжитых пещер, мимо белья на веревках и вытянутых на песок лодок, мимо распыленных между кольями сетей и костров с кипящими котелками, если бы не видел толпы ориентов, занятых своим делом, то решил бы, что находится один на всем побережье.

Заложив руки под голову, Крикс рассматривал каменный свод, уходящий в кромешный мрак, и думал о товарищах, которые уже несколько дней и ночей прячутся на тропках, ведущих к горному провалу. Они ждут его с подкреплением и четким планом действий. А плана, как и подкрепления, нет.

Крикс мысленно держал в руках весы: на одной чашке — клятва стоять на защите чести династии Карро, на другой — жизни пяти верных, испытанных армией друзей. Чашки поочередно опускались и поднимались. Наконец, лишив окончательно самообладания, замерли на одном уровне. Скрипя зубами, Крикс перевернулся на живот и закусил уголок подушки, пропахшей рыбой и солью.

С наступлением темноты за стенами грота воцарилась другая, странная тишина. Заглушая дыхание моря, она звенела на самой высокой ноте, доступной слуху человека. Крикс поднялся, надавил на уши; монотонный звук не исчез. Выглянул из пещеры.

На берегу, неподалеку от его временного пристанища, горел большой костер. Языки

пламени лизали низкое ночное небо, снопы искр смешивались со звездами. Вокруг костра сидели люди. Подогнув ноги под себя и уронив головы на грудь, они находились в другом, недоступном Криксу мире. Он попытался сосчитать их, но звенящее безмолвие и завораживающий полет мерцающих брызг огня сбивали с толку.

Вдруг высочайшая нота оборвалась. Ориенты еле заметно пошевелились. Крикс неосознанно сделал шаг назад, во мглу пещеры. Это дребезжала не тишина! Этот невообразимый звук издавали люди!

Зазвучала речь — незнакомая, подобная шуршанию гальки под отступающей волной. Сначала говорил Йола: долго, с расстановкой, перемежая слова тяжелыми вздохами. Когда он умолк, заговорили его соплеменники. Люди были явно не довольны. Их фразы раздавались резко, отрывисто, без плавных переходов. Выслушав всех, Йола задал вопрос, и над костром повисло долгое молчание.

Крикс на ощупь добрался до матраса. Улегся. Ворочаясь, прислушивался к тишине. И уже проваливаясь в сон, решил: он никого не будет ни упрашивать, ни убеждать (помощники по принуждению ему не нужны), и на рассвете отправится к своим ребятам.

Рано утром Крикс сложил не съеденный ужин в котомку и вышел из грота. Безлюдное побережье было скрыто от солнца крутым каменистым откосом, взирающим на запад. Шатры тонули в нечто среднем между светом и тьмой. Море возле берега казалось черным.

Сзади раздался голос:

— Сколько командир дает Йола времени?

Оглянувшись, Крикс заметил старика, сидящего сбоку грота:

— Смотря на что тебе надо время.

— Собрать людей.

Со вспыхнувшей надеждой Крикс вернулся к пещере:

— Они пойдут со мной?

Старик подкинул на ладони круглый черный камешек:

— С командиром пойдет Йола. Ориенты спрячутся в море.

— Что они будут делать? — повторил Крикс вопрос правителя.

— Кричать.

Определенно старик помешался рассудком. Теперь стали понятны и недовольство соплеменников, и их упорное молчание.

— Мне надо идти, — сказал Крикс. Немного помедлив, присел перед Йолой на корточки, легонько сжал ему колено. — Я слышал твою речь. Возле костра. Не понял ни слова, но то, как ты говорил... Спасибо за поддержку.

— Дай Йола время.

— Ваш крик не поможет. Скорее, помешает. Нам не нужен лишний шум.

Старик спрятал камешек в нагрудный карман:

— Йола сказал «кричать», а не шуметь.

— Не вижу разницы.

— Командир не знает морской народ и потому боится.

— Я боюсь не выполнить приказ правителя и потерять товарищей в неравной схватке. Если бы ты отправил со мной десять человек...

Старик издал смешок:

— Десять? Стайка рыбешек против стаи акул.

Крикс покачал головой. Йола прав. Ориенты с рождения спорят с морем, а не

противостоят убийцам и насильникам. Их мускулистые руки привычны к веслам и сетям, а не к рукопашному бою. Они обычные люди, а не бойцы.

Крикс похлопал старика по колену:

— Мне пора.

— Командир должен довериться Йола.

— Не могу. Я не знаю, что ты задумал.

— Дай Йола время.

Крикс посмотрел на лениво кружащих над морем чаек; там уже хозяйничало солнце. Вдохнул соленый влажный ветер и опустился на прохладный песок рядом со стариком. Он даст время, но только не Йола, а себе, чтобы обдумать новый план дальнейших действий.

Рыбацкий поселок проснулся: послышались голоса; где-то заплакал младенец; потянуло дымком костров; на веревках затрепетали покрывала и тонкие матрасы, успевшие отсыреть за ночь; неподалеку сгрудились детишки, будто выводок любопытных птенцов, разглядывающих незнакомца, как диковинного жука. А Крикс сидел рядом с Йола и мысленно отметал один план за другим.

Вскоре возле кромки воды расположились несколько десятков молодых мужчин. Крикс рассматривал загорелые хмурые лица и продолжал изводить себя размышлениями.

С каждым часом толпа увеличивалась. Люди стекались с севера и юга. Кто-то добирался до поселения вплавь. Ближе к обеду песчаный берег превратился в бурливое людское море. Крикс настороженно наблюдал за ориентами и задавался вопросом: как поведут себя бандиты, услышав доносящийся с моря вопль из сотен глоток? Должно быть, переполошатся. Возможно, ненадолго оцепенеют, потом ринутся к краю обрыва посмотреть. В любом случае ориенти отвлекут внимание от его ребят. Теперь задумка Йола не казалась несерьезной и лишённой смысла.

А еще через час Крикс уже не замечал ни слепящего солнца, ни горячего ветра, ни прилипшей к телу рубахи. Он ощущал себя одним целым с бронзовой армадой и трепетал от чувства смутного ожидания чего-то таинственного, способного перевернуть его разум.

Наконец к Йола приблизился паренек, что-то промолвил на своем наречии и протянул нечто, замотанное в лоскут парусины.

Старик спрятал сверток в карман широких штанов, обратился к Криксу:

— Морской народ собрался.

— Сколько их?

— Тысяча.

— Тысяча... — эхом повторил Крикс.

Йола встал перед людьми, указал в ту сторону, где находился горный провал, и заговорил. На этот раз его тон был требовательным, фразы короткими, будто старик провозглашал лозунги. Как только он произнес последнее слово, ориенти вскочили на ноги. Тут же на берегу скинули с себя рубахи и обувь, и с криком «Йола!» ринулись в воду. Выплюнув брызги в знойное небо, море закипело...

Взвалив на плечи котомки с провизией и мотками капронового шнура (путы для ракшадов), Крикс и Йола побрели вдоль побережья к пологому склону, наверху которого их ждал автомобиль. Крикс оглянулся. В лучах закатного солнца поселение выглядело тихим, мирным. Женщины помешивали в котелках варево, детишки возились в песке, старики грели косточки, восседая на перевернутых лодках. И море... поглотив тысячу человек, море выглядело тихим и мирным.

Асон скрылся за обломками скал.

Крикс посмотрел на спящего Йола. Пока ветер дул с моря, старик держался бодрячком. Ветер сменил направление, и ориент стал похож на человека, утомленного продолжительной болезнью. Ему бы умыться, смочить бы платок. Но старику придется потерпеть. Покидая поселение морского народа, они позаботились о съестных припасах, а вот воду не взяли — понадеялись на бойкий ручей с кристально чистой ледяной водой. А тот, оказывается, высох. И изнуренные жарой и ожиданием ребята сэкономили каждый глоток.

Крикс пробежался взглядом по задумчивым товарищам. Их руки еще не запачканы кровью, для них разговор об уничтожении бандитов пока что остается разговором. Они прошли нелегкий путь от рядовых до офицеров и оправданно гордятся погонами — символом моральной чистоты и безупречной репутации. Ими движет высокое чувство — настоящая мужская дружба. Но о чем они будут думать завтра, чем будут гордиться на исходе дня? Тем, что вопреки Букве Закона сами вынесли приговор горстке беглых преступников и выступили в роли палачей? О чем будут вспоминать, собравшись по поводу или без всякого повода? И все ли соберутся?

— Пойду, сменю Лайса, — сказал один из бойцов.

— Подожди. Я хочу кое-что сказать, — отозвался Крикс. Перехватив дубовую рукоять ножа, направил клинок вниз. — Я никогда не убивал. Я всегда считал, что только Бог вправе лишить человека жизни, какой бы мерзкой и позорной она ни была. Даже когда я потерял двух самых близких мне людей, я еще верил, что Бог непременно покарает виновных. Но месяц назад произошло то, что заставило меня задуматься. И моя вера пошатнулась. Мой Бог не помог мне найти родных. Он равнодушно смотрел, как убивали моего брата. Он позволял морить голодом, избивать и насиловать ребенка. Он до сих пор разрешает этой мрази истязать ни в чем не повинных людей. Он препятствует мне сейчас: лишает твердой веры и изводит подозрениями. И если Ему нет никакого дела до меня, простого смертного, который сорок лет жил с именем Бога на устах...

Крикс до хруста в пальцах сжал нож:

— Месяц назад правитель вернул мне племянника и дал мне право разделаться с его мучителями. Отныне правитель — мой Бог. Я вывернусь наизнанку, но выполню его приказ! — Окинул товарищей взглядом. — У меня к вам единственная просьба: делайте с ублюдками что угодно: ломайте ноги, руки, пускайте кровь, но не убивайте. Убить их должен я!

Бойцы кивнули.

— Ракшадов возьмем, когда они будут возвращаться из лагеря, — продолжил Крикс. — Драго, Мебо и Лайс займут позиции на восточной тропе. Остальные пойдут со мной.

— Этот гнида говорил, что они без оружия, — промолвил Драго.

— Он много чего говорил.

— Какая разница — с оружием они или нет, — отозвался Мебо — рослый, зеленоглазый боец с ямочками на щеках и с непокорной русой шевелюрой. — Возьмем их, и точка!

— Затем встречаемся возле обрыва, — продолжил Крикс. — Йола свистнет ориентам. Пока те шумят, проникнем в лагерь. — Засунул нож за голенище сапога. — Мебо! Смени Лайса. Я на западную тропу. Остальные спать. Нам предстоит бессонная ночь и тяжелый

день.

— А если есть еще тропа? — подал голос Драго. — Тогда наш план ни к черту...

— У Йола другой план, — неожиданно произнес ориент.

— Мы уже все обсудили, — отрезал Крикс.

— Йола пять дней слушал командира. Теперь командир пять минут послушает Йола.

Крикс, изумленный тоном старика, метнул взгляд на товарищей:

— Прости. Мы выслушаем тебя. Говори.

— Йола может рассказать о крике морского народа, но не будет. Если командир и его люди сделают так, как говорит Йола, никто из людей командира не погибнет, и командир выполнит приказ своего правителя-Бога.

— Никто не собирается погибать, — вставил Мебо.

— По плану командира людям надо разделиться. Три человека против трех ракшадов — верная смерть.

— Ты откуда знаешь? — вновь ввернул Мебо.

— Помолчи, — прошептал Крикс.

— Йола много чего знает, но рассказывать не будет. А если у людей командира нет уважения к главному старейшине морского народа, Йола уйдет.

— Извини, старик, — произнес Мебо. — Я не знал, что ты старейшина морского народа.

— Главный старейшина, — промолвил Йола.

— Извините, — повторил Мебо, вдруг перейдя на «вы».

Поднявшись, старик порылся в кармане штанов, вытащил сверток. Размотал плотную ткань. В воздухе запахло керосином.

— Это горный воск, — сказал Йола и, отщипнув небольшой кусочек от зеленого комка, остальное протянул Криксу. — Надо разделить на всех и всегда держать в кулаке, а то воск застынет.

Крикс помял ком в ладони — мягкий, липкий и слегка теплый:

— Зачем нам воск?

— Когда полетят птицы, заткните воском уши.

Бойцы переглянулись.

— Йола! Какие птицы? — спросил Крикс, решив, что у старика из-за жары начался бред.

— Командир увидит птиц и поймет.

— Увижу, пойму. Что дальше?

— Когда птицы улетят, бегите в провал.

— На верную смерть, — пробурчал Мебо.

— Верная смерть тем, кто вытащит воск из ушей.

— Хорошо, Йола, — промолвил Крикс, уже жалея, что позволил старику выставить себя на посмешище. — Прибежали. Дальше.

— Командир прибежит в провал и поймет.

— Я хочу понять сейчас — когда и почему полетят птицы?

— Йола ответит. Когда ракшады придут в лагерь. Потому что Йола подаст сигнал морскому народу.

— Как ты узнаешь, что ракшады пришли?

— Йола будет в лагере.

Старик направился к пригорку. Он явно не в себе!

— Йола! Постой! — крикнул Крикс, еще надеясь, что ориент пошутил, но старик не по-стариковски быстро топал вперед, оставляя за собой дорожку примятой травы.

— Да он с ума сошел! — воскликнул Драго.

— Старейшина! Вернитесь! — позвал Мебо, поднявшись.

Ругнувшись под нос, Крикс устремился за стариком, выкрикивая на ходу:

— Йола! Не чуди!

— Йола старик, а не чужак.

— Это не твоя война!

— Командир на своей войне погубит своих людей.

— Они знают, на что идут.

Ориент резко обернулся:

— Йола тоже знает. Если погибнут люди командира, Йола покроет морской народ позором. — Сжал Криксу локоть и на удивление складно произнес: — Доверься моему Богу. Мой Бог не подведет.

Вернувшись к Великкамню, Крикс какое-то время мял в руке зеленый комок. Ребята молчали. Да и что они могли сказать?

— Значит так. Действуем по нашему плану. А это... — Крикс посмотрел на воск. — Это разделим.

***

Хлыст перебирал сваленную в углу лачуги одежду. Вдруг в проломы крыши ворвался громкий плач чайки. Верхогляд... За стенами стало тихо: заглохло ворчание Прыща, замолкли причитания Пижона, оборвалась отборная ругань Жердяя. На фоне внезапной тишины противно заскрипел песок.

В щелях между досками мелькнул чей-то силуэт. Надсадно вздохнув, распахнулась дверь, и через вдавленный в землю порожек переступил Оса.

— Ничего подозрительного в долине не заметил? — спросил он приглушенно, словно нежданный гость, шагая вдоль обрыва, мог его услышать.

— Я бы сразу сказал, — буркнул Хлыст, сжимая дрожащими руками холстяные штаны и рубаху.

Оса прищурился:

— Чем занимаешься?

— Хочу переодеться.

— Куда-то собрался?

Хлыст судорожно соображал, что же ответить. Наконец произнес:

— Мои шмотки совсем прохудились. А вдруг Таша придет?

— Пошли, посмотрим, кого нечистая принесла, — проговорил Оса и выскользнул из лачуги.

Хлыст торопливо скинул с себя тряпье, надел легкую, просторную одежду, некогда снятую с мертвого ориента. Посмотрел на свои ботинки со сбитыми носками. В них разве что по прииску лазать. Вот бы у Пижона сапоги забрать, и тогда там, где он скоро окажется, его примут за сезонника, блуждающего по свету в поисках работы.

Возле костра с бурлящим казаном, из которого смердело чем-то прогорклым, сидели Оса и Жердяй. Натянув кепку до самых бровей, Пижон лежал чуть поодаль, подставляя закатному солнцу голый зад.

Глянув на тощие ягодицы, усеянные грязно-желтыми нарывами, и не сдержав брезгливую гримасу, Хлыст примостился на острый камень и направил взор вдоль провала.

— Если дождя не будет, пойдешь с утра к озерам, — произнес Оса.

Хлыст вдавился в камень:

— Я же сказал: вдруг Таша придет?

— Боишься, что Жердяй ее отхарит? Так я с тобой его отправлю.

Жердяй заржал как сдыхающая кляча.

Хлыст неосознанно скользнул пальцами по рукоятке кнута:

— Спина болит.

— И в каком месте болит? — спросил Оса, прищурившись.

— Опаньки! — воскликнул Жердяй. — Кто к нам пожаловал!

Хлыст ожидал увидеть кого угодно: того же бойца, похожего на Бурнуса, даже Крикса, но только не глуповатого с виду ориента, который годился браткам в деды. Костеря себя последними словами, Хлыст с ужасом наблюдал за шагающим между валунами стариком и тербил изуродованными подагрой пальцами рубаху. И дернул же черт выбрать именно эту

одежду.

Ориент с наивной улыбкой приблизился к костру:

— Нижайшее почтение.

Братва молчала.

Дедок переступил с ноги на ногу, посмотрел по сторонам:

— Не найдется воды для старика?

Жердьяй сквозь зубы сплюнул в огонь:

— Может, тебя еще покормить?

Дед глянул на казан. С шумом втянув в себя воздух, потер нос:

— Нижайшая благодарность, свое варево кушайте сами. Старику бы водички.

— Жердьяй, проводи, — сказал Оса.

Почесав заросшую щетиной щеку, Жердьяй неторопливо, словно через «не хочу», поднялся. Хлыст знал, что сейчас произойдет: резкий выпад вперед, мясистые пальцы сожмут дряхлую шею, раздастся треск, и обмякшее тело рухнет на землю. Потом они снимут с ориента одежду, затем бросят труп с обрыва. Такое свершалось всякий раз, когда в лагерь забредали люди, непригодные ни для работы, ни для продажи.

Дед что-то почувствовал. Шагнув в сторону, выпалил скороговоркой:

— Старику негде жить.

Его слова застали Жердьяй врасплох. Он посмотрел через плечо на Осу.

— Старик увидел человека и подумал: может, человеку жить одному плохо? — вновь заговорил дед. — Старик побежал следом и теперь понял: человеку хорошо.

Хлыст съезжился под обжигающим взглядом Осы.

— Старик устал бояться пещерных крыс и шакалов. Устал быть один, — промолвил дед и поник головой.

— Ориент? — проскрипел Оса.

— Ориент, — выдохнул дед.

— Почему не живешь со своими?

— Морской народ решил: старик слишком стар, чтобы говорить возле костра Совета.

Старейшина должен рассказывать детишкам сказки. Старик обиделся и ушел.

— Ты старейшина?

— Был.

— Ну а нам ты зачем?

— Старик умеет лечить. Господину нужен лекарь?

Оса, до сих пор сидевший как унылый урка в ожидании приговора, вдруг выпрямился, вздернул подбородок. Исчирканные шрамами щеки надулись.

— Мне не нужен, — проговорил он и указал на Хлыста. — А вот у него что-то с спиной.

Ориент как-то странно покосился:

— Пусть человек ляжет.

— Человек, ложись, — с непонятым задором велел Оса.

— Да щас, — буркнул Хлыст, взирая на старика исподлобья. — Знаю я этих костоломов.

Намнут так, что потом хрен встанешь.

— Пусть меня посмотрит, — вклинился в разговор Пижон.

Дед подошел к нему, взглянул на ягодицы, вернулся к костру.

— Эй! Ты куда? — произнес с недоумением Пижон.

— Старик посмотрел, — отозвался дед.

— А чего ж не лечишь?

— Сказали посмотреть, а не лечить.

Хлыст никогда не видел, чтобы Оса смеялся. Он даже не помнил его улыбки. Сейчас взирал на покрасневшееся лицо с широко раскрытым ртом и на кадык, прыгающий при каждом раскатином выхлопе воздуха из глотки. Поблекший крест на впалой груди ожил: линии заходили ходуном, точно щупальца насекомого, припиленного к обвислой коже.

— Как тебя зовут? — поинтересовался Оса, успокоившись.

Дед сокрушенно покачал головой:

— Это раньше звали, теперь прогоняют.

— Ну ты, дед, и балагур. Имя у тебя есть?

— Было. Теперь просто старик.

— Ладно, старик. Можешь помочь человеку — помоги. Не можешь — пеняй на себя.

Дед опустил на корточки возле Пижона:

— Болит?

— Еще как! Неделю не могу сесть.

— Дайте острый нож и ведро воды.

Пижон приподнялся на локтях:

— Зачем нож?

— Надо вытащить стержни.

— Ты дашь ему искромсать свой зад? — спросил Жердяй и почесал свои ягодицы.

Пижон попытался встать на четвереньки, но, взыв, вновь распластался по земле.

— Пусть режет, — произнес он, переводя дух.

— А воды-то нет, — промолвил Оса. — Ручей высох. Видел?

— Видел, — подтвердил дед.

— Вот, сидим, ждем дождь. Так что, старик, видать, не судьба тебе остаться.

— Нужна морская вода.

— Морская? Так бы сразу и сказал. Прыщ!

В дверях крайней лачуги показался лысый мужик с нахальной прыщавой мордой.

— Набери воды из колодца.

Прыщ взял ведро с привязанной к дужке веревкой и скрылся в одной из пещер.

Приподняв лоснящуюся от грязи и жира штанину, Оса вытащил из высокого ботинка нож.

Дед подержал зазубренный клинок над огнем, подул на него, приложил к запястью:

— Пусть человек заткнет рот.

Вскоре вокруг него и Пижона собрались почти все обитатели лагеря (не было разве что верхогляда, надзирателей и сторожевых) — эдакое зрелище никто не хотел пропустить. Старик умело вскрывал нарывы, выдавливал желтый гной и белые стержни. Пижон выл, закусив кепку. Когда из ран потекла кровь, дед окатил донельзя соленой водой задницу, похожую на изрытую медведкой грядку в огороде. Пижон с криком вскочил, вцепился в спущенные штаны и, подпрыгивая, побежал по провалу, тряся сжавшимся в комок естеством.

Такого веселья, охватившего братву, Хлыст тоже не помнил.

Чуть позже оживленная братия сидела вокруг костра и, вдыхая горький запах бурлящей баланды, рассказывала забавные случаи из прошлого. Старик глазел по сторонам и порой задавал идиотские вопросы, чем вызывал оглушительный хохот.

Хлыст ютился на остром камне, от которого уже ныла филейная часть. Он мог бы

подсесть к огню. Ему было чем поделиться. Над его историями смеялись бы громче, обсуждали бы дольше и просили бы вспомнить что-нибудь еще. Но Хлыст молчал, ибо знал, кто прислал ориента, и не понимал, почему именно его. Старик походил на дурачка из бродячего театра, который не отличал правду-матку от развесистой клюквы. И был настолько увлечен чужим трепом, что даже не оглянулся, когда за его спиной надзиратели прогнали каторжников в барак. Хлыст смотрел на узел белого платка, затянутый на затылке, на седые пряди, прилипшие к шее, и с ужасом ждал, когда дед неосторожным словом выдаст его и себя.

Над провалом сгустились сумерки, веселье пошло на спад, казан убрали с огня, из лачуги принесли плошки. И тут кто-то, шумно прихлебнув баланду, предложил старику рассказать историю и будто подбросил полено в угасающий костер: братва зашевелилась в ожидании нового повода поржать.

Дед покряхтел, поерзал и вдруг запел. Никто не понимал ни слова, но все, как один, оторвались от еды и повернули головы в сторону обрыва. Протяжная песня обдала струей нестерпимой тоски по воле, той воле, что находилась там, где море сливается с небом, где рогатый месяц покачивается на волнах, где вскинувшаяся рыба достает до звезд, где воет ветер необузданной свободы, такой близкой и безнадежно далекой. Там раскинулась другая, раздольная жизнь, которую им никогда не прожить.

Старик умолк, а братки так и продолжали смотреть на размытую в полумраке границу между «сейчас» и «никогда».

— Всё, старик! Тебе пора, — еле слышно проскрипел Оса. — Жердяй, проводи.

Хлыст окинул затуманенным взглядом приунывших приятелей. Похоже, никто не догадался, почему Оса приказал убить чудаковатого лекаря. Ориент вызвал не те чувства и эмоции, которыми должен питаться бандитский лагерь.

— Я заплачу за жизнь, — промолвил дед без акцента.

Хлыст вцепился в колени. Из памяти всплыли слова, оброненные в «искупилке» кем-то из заключенных: «Надо бояться того, кто прикидывается дураком».

— Нам больше не нужен лекарь, — проговорил Оса, почесав на груди крест.

— Я сказал: «заплачу», а не «буду лечить».

— У тебя есть деньги?

— Денег нет. Есть это. — Дед порылся в нагрудном кармане, дал Осе черный круглый камешек.

— Что это?

— Ориенталь.

— Что?

— Морской жемчуг.

Глянув на братков, Оса скривил губы:

— Шутник...

— Старик — ориент, а не шут.

— Кто вживую видел жемчуг? — поинтересовался Оса.

— Я видел, — откликнулся Пижон. Он лежал на боку возле нагретого солнцем и еще не успевшего остыть валуна, прижимаясь к нему голым задом. — У моего хозяина была булавка с жемчужиной.

— Иди, глянь.

Пижон натянул штаны. Работая локтями, заскользил брюхом по земле. Потеснившись,

братки пропустили его к огню. Сдвинув пожеванную кепку на затылок, Пижон долго рассматривал в свете костра перламутровый камешек с золотистым отблеском.

Наконец вернул его Осе:

— У хозяина была белая жемчужина. А такую я не видел.

— Тогда какого хрена пялился?

— Красивая.

— Жемчуг бывает черным? — спросил Жердьяй.

— Слушайте сюда, — с важным видом произнес Слива, кашевар с мясистым носом. —

Перед тем, как взять ювелирку, мы с друганом много чего начитались. Так вот. Жемчуг бывает разного цвета. Только его сто лет как не ловят. Жемчужницы исчезли. Поэтому настоящего жемчуга нет.

— А тот, что был сто лет назад, куда делся? — спросил Оса.

— Хранится в музеях.

— Не брешь! — бросил Пижон. — У моего хозяина...

— Подделка, — перебил его Слива.

— Ни хрена не подделка. Он заматывал булавку в особую тряпочку, рядом ставил стакан с водой. Стал бы он так беречь подделку?

— Может, несколько жемчужин у кого-то и есть, не знаю...

— А если не знаешь, заткнись.

— Сам хлебало закрой! — огрызнулся Слива. — Ты читал? Нет. А я читал. И знаю, как проверить — жемчуг это или нет.

— И как? — поинтересовался Оса.

— Надо положить в уксус. Если растворится, значит, жемчуг.

— Ну ты, Слива, даешь, — хохотнул Жердьяй. — Где ж мы уксус возьмем?

— Придурки... — буркнул Пижон. — Жемчуг дороже алмазов, а вы его в уксус...

— Можно бросить с высоты сорок метров, — продолжил Слива. — Жемчужина должна прыгать как мячик.

— Сейчас на скалу полезешь или утра дождешься, — съязвил Жердьяй.

— Можно просверлить дырку, — не унимался Слива. — Если по краям не будет скола, значит, жемчуг настоящий.

— Идиот придумал, тупица повторил, — вставил Пижон.

— Сам тупица. Так в книжке написано.

— Засунь свою книжку, знаешь куда?

— Баста! — прикрикнул Оса, покатав камешек между пальцами. Сжав в кулаке, направил взгляд на деда. — Где взял?

— Старик обиделся на морской народ, забрал свою долю и ушел.

— А морской народ где взял?

— В море.

— Ориенты ловят жемчуг?

— Испокон веков.

Над костром повисло долгое молчание.

— Выходит, брешут твои книги? — обратился Оса к Сливе.

Тот протянул руку:

— Дай-ка сюда.

Затаив дыхание, братва наблюдала, как носатый голодранец осторожно взял камешек

грязными пальцами с обгрызенными ногтями, потер им о передний зуб, поплямкал губами в трещинках и язвочках, вновь провел жемчужиной по поверхности надломленного зуба.

Аккуратно положил камешек Осе на ладонь:

— Выходит, брешут. Это жемчуг.

Оса поднялся:

— Чего расселись? Живо за работу! — И жестом позвал ориента.

Братки засуетились. Принялись разливать баланду по плошкам, отправились кормить каторжников, кто-то загремел ковшом по стенкам деревянной бочки, пытаюсь почерпнуть со дна воду. Хлыст и Жердяй, подкидывая в костер хворост, неотрывно смотрели в спины Осы и старика, бредущих в полумраке вдоль подножия скалы.

— Это что получается? — шепнул Жердяй. — У морского народа куча жемчуга? Слышал? У каждого доля. А знаешь, сколько ориентов?

Хлыст пожал плечами. Ему было не до разговоров. Он еле удерживал себя на месте, а хотелось бежать — куда угодно: к Криксу в лапы, в кишашую шакалами пустошь, да хоть с обрыва вниз головой, лишь бы не думать, как будет измываться над ним Оса, если старик сболтнет лишнее. А если не сболтнет... как отмазаться от похода к озерам? Крикс не выпустит его из провала — это, во-первых. А во-вторых, он должен быть здесь!

— Это ж получается, что мы богаты? — шептал Жердяй.

— Кто это — мы? — прозвучал сбоку сдавленный голос Пижона.

— Ну... мы... все. Эй, Слива, — окликнул Жердяй кашевара. — Сколько стоит жемчуг?

— Пижон же сказал: дороже алмазов. А всё потому, что настоящий жемчуг — редкость, — отозвался тот, облизнув половник. — А черный жемчуг самый дорогой. Но кто его купит?

— Кто-кто? Лось в манто. Завтра Хвостатый придет. Он и купит.

Слива бросил поварешку в казан. Остатки баланды неприятно чвакнули.

— Конечно, купит. И прикажет грохнуть морской народ.

— Надо будет — грохнем, — сказал Жердяй.

— Идиота кусок, — вновь раздался приглушенный голос. — А если народ нас грохнет?

— Доболтаешься, Пижон, что я вспорю твой изрезанный зад, — пригрозил Жердяй.

Слива принялся собирать разбросанные вокруг костра грязные плошки:

— Пижон прав. С жемчугом лучше обождать.

— Чего ждать? Я восемь лет в этом долбанном провале вшей кормлю, а мог бы...

Хлыст рывком притянул к себе Жердяя за локоть:

— Глянь, как Оса вокруг деда танцует.

Жердяй кивнул.

— Смыться надумал. Точно. Вместе с дедом, жемчужиной, алмазами и всеми нашими деньгами.

Жердяй округлил глаза:

— Да неужто?

— А ты бы не смылся, когда бы сорвал такой куш? — еле слышно промолвил Хлыст и невольно скривился. Если бы Жердяй только знал, какой изрядный куш достался ему, а он так и не набрался смелости сбежать.

Жердяй кивнул.

— Нам нельзя идти к озерам, — вновь прошептал Хлыст.

— Не пойдем, — согласился Жердяй.

Хлыст глубоко вздохнул, но застоялый в провале воздух не смог остудить нестерпимый жар в груди. Скоро, совсем скоро от жара не останется и следа. И провонявший баландой лагерь, и «шестёры», считающие себя козырями, и каторжники, на которых уже нет ни сил, ни желания отыгрываться за прошлые обиды, — всё провалится в тартарары, словно ничего не было. А он выживет, он живучий.

Оса и ориент вернулись к костру.

— Пижон, скройся с глаз! Слива, набери воды помыться. Жердьяй, напои старика и определи на ночлег, — проскрипел тощий ублюдок и, когда братки испарились, подсел к Хлысту. — Ничего не хочешь сказать?

— За год я хоть раз облажался? — промолвил Хлыст, изо всех сил стараясь придать голосу ровное звучание.

— Нет.

— А тут сплоховал. Не заметил деда.

— Ну, да. Сплоховал.

— Обида душит.

— А я-то думаю: чего сидишь как на иголках? — Оса покатал жемчужину между пальцами. — Иди спать.

— Мы с Жердьяем дежуриим.

— И Жердьяй пусть ложиться. Я сам подежурю.

Хлыст поднялся с камня, потоптался, разминая затекшие ноги.

— Иди! — гаркнул Оса и, взяв хворостину, придвинулся к костру.

***

Озираясь, Хлыст направился к лачуге. Небо, час назад усыпанное звездами, затянулось тучами, и непроглядная мгла окутала склоны провала. Было слышно, как волны бились о каменную преграду. Их удары, как надрывное биение сердца, заглушали все звуки. Если бы люди Крикса решили напасть на лагерь сейчас, удача была бы на их стороне. Но бойцы будут сидеть в засаде в ожидании ракшадов, пока не поймут, что их обернули вокруг пальца.

— Хлыст, — прошипело из темноты.

Он зашел за угол хибары. В руку впились мясистые пальцы Жердья. Ухо обдало горячее дыхание.

— Я уложил старика в твоём бараке. Посторожи его, а я послежу за Осой.

— Смотри, не профукай, — промолвил Хлыст и побрел в лачугу.

— Смотри, не усни, — прозвучало в спину.

Даже если бы он целый день отбарабанил в каменоломне, все равно не заснул бы. В соседней хибаре уже заглохли стоны каторжников. Вдоволь нашептавшись, слева и справа захрапели братки. А Хлыст ворочался на тюфяке и со страхом ждал, когда ориент попросит вывести его из лагеря. Но дед, как лег лицом к стеночке, ни разу так и не шевельнулся.

Изрядно намозолив бока, Хлыст затих. Чем старик может помешать ему? Да, ракшады приходят не в полдень, как он сказал командиру стражей. И появляются совсем не оттуда, откуда их ждут люди Крикса. Но это ровным счетом ничего не меняет. Дед никак не сообщит бойцам — сторожевые в провал пускают всех, но никому не дают выйти. Тогда чем он опасен? А то, что старик в лагере не просто так, Хлыст нутром чувствовал. И чем дольше думал об этом, тем сильнее его охватывал необъяснимый и безудержный страх.

Вдруг перед внутренним взором встал косой взгляд ориента. Тот странный взгляд, когда

Оса велел лечь и показать спину старику. Так смотрит хищник на обреченную жертву. Мысли вмиг застыли в неподвижном душном воздухе.

Хлыст вытащил из-под края тюфяка тряпку, служившую в прохладные ночи покрывалом, сложил ее в несколько слоев. Бесшумно подполз к деду, с силой прижал тряпку к его лицу и всем телом навалился сверху. Старик вцепился Хлысту в руки, пару раз дернулся, поелозил по подстилке ногами, чуть погодя слабо трепыхнулся и обмяк.

На заре Оса собрал братков возле костра:

— Если кто-то проболтается Хвостатому о жемчуге, вырву язык. Ракшады или сами вырежут морской народ, или нас заставят. Что так, что эдак, заварят они, а расхлебывать нам.

— Дело говоришь, — промолвил Слива.

— Хочешь оставить жемчуг ориентам? — спросил Жердяй.

— Нет. Старик сам все принесет.

— Кому продадим его, если не Хвостатому?

— Есть одна мыслишка. Вечером обсудим, — произнес Оса. — Хлыст! Жердяй! Разбудите старика и отправляйтесь с ним к озерам, пока гости не нагрязнули. Остальные за работу!

— Иди. Я здесь покручусь, — шепнул Хлыст Жердяю.

Тайком поглядывая на дверь лачуги, за которой скрылся верзила, Хлыст разливал по черепкам остатки вчерашней баланды. Раньше каторжников кормили только на ночь. Теперь пайку делили на два раза и большую часть давали утром, чтобы зря не переводить еду, если вдруг кто-то не доживет до рассвета. Месиво шлепалось на донца как кучки дерьма, издавая не менее мерзкий запах.

Жердяй выскочил из хибары:

— Оса!

— Чего тебе? — откликнулся тот из барака с каторжниками.

— Дед помер.

— Как помер?

— Иди, глянь. Не дышит, и холодный, как ледышка.

Вот и всё. Назад дороги нет. Хлыст посмотрел на валуны, посеребренные росой, на вихрастую вершину утеса, освещенную солнцем. Уставился в белое небо, затянутое легкой дымкой. Сегодня будет жарко. Сердце стучало, дрожь колотила тело, по спине струился пот.

Каторжников загнали в расщелину. Братки стянулись к костру. Даже надзиратели бросили свой пост. Кто-то вспоминал тупые вопросы деда, кто-то напевал его песню, кто-то предлагал выдурить у ориентов хотя бы пару жемчужин за тело старейшины. Оса был так расстроен, что забыл об озерах.

Хлыст направил взгляд в сторону пещер. Сейчас... еще чуть-чуть... ну же... Из черного зева вышел Хвостатый, поигрывая в руке металлическим прутом. За ним появились двое холуев, затушили факелы, воткнув паклю в кучку песка. Раздался пронзительный свист птицы — Верхогляд сообщал сторожевым на тропах о приходе гостей. С этой минуты и до их ухода ни один заблудший путник не проскользнет в провал.

Хлыст поднялся.

— Куда? — проскрипел Оса.

— Пойду, отолью.

— Нашел время, — шепнул Жердяй.

Еле держась на ногах и хватаясь замутненным взглядом за кудлатый кустик в трещине скалы, Хлыст поплелся к валуну, стоявшему сбоку заветной пещеры. Мимо прошли ракшады. Блеснув шоколадными телами, покрытыми спиралями и зигзагами, обдали сладковатым, дурманящим запахом.

Зайдя за камень, Хлыст привалился к нему плечом. Пытаясь успокоиться, сделал несколько глубоких вдохов. Проскрипел голос Осы. В ответ пробасил Хвостатый. Что-то забулькал Жердьяй и подавился словами. Хлыст выглянул из укрытия. Перед сгрудившимися возле костра людьми стоял старик...

Дед раскинул руки, его тело выгнулось.

— Йола! — прокатило по провалу с такой силой, что под ногами дрогнула земля.

Старик запрокинул голову:

— Йола! — И воздух подернулся зыбью.

Внезапно стемнело. Тучи? Птицы... Сколько их... тысячи... откуда... Оглушительно хлопая крыльями, чайки, альбатросы, бакланы, фрегаты летели прочь от моря. Раздался вопль. Размахивая руками и дрыгая ногами, Верхогляд падал с утеса. Шмяк...

Вдруг стало светло. Небо... такое чистое, как в первый день создания мира. Издалека донесся рокот волн.

Кто-то крикнул:

— Шторм!

Воздух сделался плотным, вязким, словно кисель. И тут как шарахнет по ушам. Хлыст упал на четвереньки. Превозмогая нестерпимую боль в голове, и слыша шипение, будто мозг превратился в продырявленный воздушный шар, пополз к пещере. Потухающим зрением уловил очертания воткнутой в песок палки. Размытой тенью руки схватил факел, поволочил за собой. Вперед... еще... еще...

Хлыст открыл глаза. Под спиной твердо, вокруг могильная тишина, гробовая тьма, и лишь в голове тренькают колокольчики. Мазнул пальцами по уху. Теплое и липкое — кровь. Нащупал сбоку факел. И что теперь? Пещера представляла собой лабиринт с множеством ходов и ответвлений, с ямами-ловушками и тупиками. Сколько раз братки пытались одолеть его, чтобы узнать, откуда приходит Хвостатый, но ничего у них не получалось — не хватало длины всех веревок, что были в лагере. А ведь такой простой и надежной была задумка увязаться вслед за ракшадами.

Хлыст судорожно сглотнул и зашелся в крике от прострела в перепонках. Он знал, что орет во все горло, но ничего не слышал. Сдавив руками уши, заставил себя замолчать. Долго лежал, не смея закрыть рот — малейшее движение мышц лица возвращало адскую боль. Заложило нос. Ладони прилипли к щекам и занемели.

Хлыст отклеил один палец, другой... Теперь сомкнуть челюсти... медленно, очень медленно... Оставить маленькую щелку, чтобы всасывать воздух.

Полез в карман, вытащил размокший коробок спичек. Пощупал штаны. Зараза... обмочился и, похоже, не только...

Где-то рядом выход. Он не мог уползти далеко. Или мог? Или он пролежал целый день, и сейчас ночь? Или он умер? Рот наполнился слюной. От страха во рту должно пересохнуть... Жар в груди исчез. По ногам пополз колючий холод, затряслись колени, застыло сосулькой в паху, изморозью покрылся живот. Такое с ним уже было, давно, в «Котле», когда проходил посвящение в смертники. Значит, он в аду.

— Эй... — сказал Хлыст, слегка шевельнув языком.

Сказал или подумал? Слюна потекла по подбородку. Стало быть, сказал. На лицо что-то теплое «кап»... Хлыст вытер лоб, покатал липкий сгусток между пальцами. Сверху «кап-кап»... Плохо, что не дышит нос.

Осторожно перевернулся на живот. Встал на четвереньки. Вдруг что-то вцепилось в космы, в ухо, в загривок. Десятки крючков разодрали щеку. Из волос удалось вырвать нечто. Хлыст оцепенел от ужаса. В кулаке трепыхались пальцы-крылья, обтянутые упругой кожной перепонкой.

Загнутый крючок вонзился в глаз, еще один в шею, туда, где бьется сердце. Хлыст упал. Когтистая лапа проткнула висок.

***

Заложив руки за спину, Адэр подошел к окну.

Перед парадной лестницей стоял спортивный автомобиль с изящным силуэтом и с большим просветом снизу для лучшей проходимости по бездорожью. Последнее творение ранее неизвестного автомобильного концерна «Хатали» переливалось в лучах солнца всеми оттенками перезревшей вишни. В прошлом году концерн, получивший название своей страны, заткнул за пояс ведущую автокомпанию Тезара. В этом году, похоже, тоже заткнет.

Несколько лет назад отсталое государство устремилось вперед и вверх, удивляя мир достижениями. Яростные скептики покричали, поговорили, пошептались и притихли. Многие связали рывок Хатали с появлением в Совете Его Величества независимого финансового консультанта, коим является гражданин Порубежья маркиз Мави Безбур. А потому Адэра мучили два вопроса: можно ли доверять слухам, и согласится ли столь весомая в Хатали фигура променять насиженное место на шаткое кресло советника правителя Порубежья?

Адэр посмотрел на Вилара. Друг с невозмутимым видом пролистывал какую-то книжицу. Вот уж у кого ни забот, ни хлопот.

— Мой правитель! Маркиз Мави Безбур, — объявил Гюст посетителя и посторонился.

В кабинет вошел седой как лунь человек с гладким лбом без единой морщинки. Превосходный костюм из синей шерсти безукоризненно сидел на плотной фигуре, скрывая изъяны. Вишневый галстук и такого же цвета лакированные туфли свидетельствовали либо о неравнодушии маркиза к моде, либо о его преданности темно-красному флагу Хатали.

Обменявшись приветствием, хозяева и гость расположились за столом.

— Вам нравится вишневый цвет, маркиз Безбур? — спросил Адэр.

— Этот цвет нынче в моде, мой правитель — ответил Мави и поправил галстук. — Какой цвет предпочитаете вы?

Адэр пригладил ладонью льняную рубашку:

— Признаться, я немного отстал от моды. Хотя, что такое мода? Ее диктуют люди, притом, нередко — власть имущие.

— Полностью с вами согласен, мой правитель.

— Помню, как однажды Трой Дады вылавливал с детишками мячи из фонтана на центральной площади Градмира и, чтобы не замочить манжеты, подвернул их. И что вы думаете? Подданные все лето ходили с закатанными по локоть рукавами.

Гладкое лицо маркиза озарила широкая улыбка.

— У вас есть возможность стать законодателем моды в Порубежье, — промолвил Адэр серьезным тоном.

В него воткнулся вдумчивый взгляд.

— Заманчивая возможность, — после паузы сказал Безбур. — Но, ухватившись за нее, ваш верный слуга многого лишится.

— Нельзя лишиться того, чего нет. У моего верного слуги нет автомобильного концерна. Крошечное государство Хатали принадлежит не ему. Зато у него есть родина, и теперь появился шанс влиять не только на моду, но и на историю своей державы.

— Я понимаю.

— И должны понимать, что считать драгоценные камни — занятие намного интереснее, чем считать чужие деньги.

— Да, но камни тоже не мои.

— Все будет зависеть от того, насколько крепко вы прикипите душой к родине и, прошу прощения, пятой точкой к креслу советника.

— У меня есть время подумать?

— Есть. До конца нашей беседы. А сейчас я надеюсь на вашу помощь в одном очень важном вопросе.

— Мои знания к вашим услугам, мой правитель.

— Я хочу, чтобы Порубежье участвовало в ближайших ювелирных торгах.

— Это невозможно, — сказал Мави Безбур, скупно улыбнувшись. — Порубежью нельзя продавать драгоценные камни в других странах без договора с международной ювелирной палатой. К слову, другие страны так же не могут продавать камни у нас. Ювелирная палата проигнорирует любое ваше обращение, пока в Порубежье не будет открыт государственный банк. Банка не будет, пока не появится закон о бюджете, который предусматривает расходы на формирование уставного капитала. Закона о бюджете не будет, пока его не подготовит финансовый отдел, а затем не утвердит Совет. Ближайшие торги пройдут через месяц в Тарии. Даже при всем нашем желании мы не сможем в них участвовать.

Губы Адэра еле заметно дрогнули — порадовало проскользнувшее «мы» и «нашем». На этом радости пока что закончились.

— Вы лучше меня знаете, что формирование уставного капитала банка осуществляется денежными взносами, — промолвил Адэр.

— При этом денежные взносы... — начал было Безбур.

Адэр перебил его:

— У меня их нет! Казна пуста. Я еле свожу концы с концами. Но у меня есть драгоценные камни, которые я вынужден отдавать банку Тезара по бросовой цене. Чтобы выбраться из ямы, мне позарез необходимо участие в торгах. Думайте, маркиз! Думайте!

Безбур прижал палец к уголку глаза, пытаясь сдержать нервный тик:

— Можно пойти на маленькую хитрость. Провести те же самые торги в Порубежье. Только назвать их выставка-аукцион.

— Где продавец будет один — это мы.

— Совершенно верно.

Адэр облокотился на стол:

— Нет, маркиз. Это не выход.

— Чем он вам не нравится, мой правитель?

— На торги свозят драгоценности со всего мира. И со всего мира съезжаются покупатели. А кто приедет сюда?

— Все, кого вы пригласите. Всем интересно посмотреть, где Великий прячет сына. — Безбур вытащил из нагрудного кармана вишневым носовой платок, суетливо промокнул лоб. — Простите, я не то хотел сказать.

— Пора прощаться с детской привычкой — говорить не подумав.

— Прошу прощения, — повторил Безбур.

— Даже если продать камни здесь, как покупатели вывезут их из страны? — спросил Адэр, пропустив извинения мимо ушей.

— Тезарский банк как-то вывозит. Значит, существует документ, оговаривающий эту процедуру. Необходимо только найти его. — Безбур покосился на заваленные бумагами шкафы. — Либо затребовать заверенную нотариусом копию.

— Боюсь, у меня не останется времени на решение других вопросов, если я погрязну в банковских делах.

— К началу аукциона вы уже сформируете Совет?

— Да. Он будет сформирован не позднее, чем через месяц.

— Совет примет необходимый вам закон.

Адэр застучал пальцами по столу:

— Аукцион в Порубежье...

— Да, мой правитель.

— Нет! Такие затраты мне не по карману.

— Разрешите вклиниться в разговор, — произнес Вилар и закрыл книгу. — Не думаю, что за аренду зала в какой-нибудь гостинице Ларжетая много запросят.

— Обсуждая нелепую идею, вы тратите мое время, — заметил Адэр.

— Другой идеи у меня, к сожалению, нет, — произнес Безбур. — Хотя... Можно выслушать неспециалиста.

— Кого?

— Неспециалиста. Мне случалось быть свидетелем, когда несведущий в каком-либо вопросе человек выплескивал оригинальную идею. — Безбур спрятал платочек в карман. — Как сказал мой старый друг, профессор одного авторитетного университета, фантазия неспециалиста неотяжелена профессиональными знаниями, а потому он ищет возможности для выполнения поставленной задачи, не обращая внимания на трудности, точнее — не подозревая об их существовании.

— Выплескивайте оригинальную идею, маркиз Бархат, — произнес Адэр.

— В свое время я посещал курсы по основам экономической теории, следовательно, я не считаю себя несведущим человеком, — промолвил Вилар и показал Адэру книгу, которую он до сих пор держал в руках.

На обложке, как бесспорное доказательство его слов, было выдавлено название — «Макроэкономика».

— Дело не в экономике или банках. Нужен человек, который практически ничего не знает о процедуре продажи драгоценностей, — проговорил Безбур.

Адэр обвел рукой вокруг себя:

— Таких невежд целый замок. Кого позовем? Кухарку или садовника?

— Малика в библиотеке, — как бы между прочим сказал Вилар.

Адэр пожал плечами и приказал Гюсту привести девушку.

Малика пришла довольно быстро. Замерла возле двери в позе кроткой служанки.

— Маркиз Безбур, — произнес Адэр, — позвольте вам представить Малику Латаль.

Мави небрежно кивнул, даже не соизволив оглянуться:

— Я помню вашу сопровождающую даму на приеме.

— А я помню вашу супругу, — промолвила Малика. — Одна из самых красивых женщин Порубежья.

— Благодарю, — не шелохнувшись, ответил маркиз.

— А еще я помню вашу младшую дочь, — вновь заговорила Малика. — Пять лет назад она выступала в этом замке перед заместителем.

Мави покосился через плечо:

— Было дело.

— Она пела гимн Порубежья. Потом декламировала стихи.

Маркиз сел вполоборота к Малике:

— Их написала моя старшая дочь.

— Стихотворение называлось «Любовь к родине».

— У вас хорошая память.

Малика присела:

— Благодарю вас, маркиз Безбур. — И устремила жгучий взгляд на Адэра.

Адэр улыбнулся — наконец-то проснулась память:

— Ваша младшая дочь учится вокалу в Партикураме?

— Да, — ответил Безбур, слегка опешив.

— А старшая посещает педагогические курсы в Бойварде.

— Да...

— И насколько я понял, ваши дочери очень любят родину.

— Да, — еще тише проговорил маркиз.

Адэр сцепил пальцы. Три «да» получены. И невероятно сложно теперь сказать «нет».

— И по окончании учебы они, конечно же, вернутся в Порубежье, чтобы прославить себя и родину благими делами.

После небольшой паузы совсем тихо прозвучало:

— Да, мой правитель.

— Когда это произойдет?

Безбур вновь вытащил платочек из кармана, промокнул лоб:

— Через два года.

Адэр откинулся на спинку кресла и жестом приказал Малике приблизиться к столу:

— Здесь я не согласен с вами, маркиз Бархат. Я не считаю Малику несведущим человеком. Она исполняла обязанности секретаря при двух последних заместниках.

Малика незаметно для Безбура показала три пальца.

— При трех заместниках, — поправил себя Адэр. — Будь она невеждой, она бы не стала моей дамой на приеме и не ездила бы со мной по приискам.

Вилар вспыхнул:

— Я не говорил, что она невежда.

— Поэтому без лишних объяснений перейду к делу, — произнес Адэр, проигнорировав слова друга, и обратился к Малике. — Подскажи, как нам продать драгоценные камни, минуя тезарский банк и не имея возможности вывезти их за границу?

— Что? — растерянно промолвила она.

Адэр с досадой усмехнулся:

— Ступай.

Малика направилась к двери, на полдороге обернулась:

— Пригласите покупателей к себе, мой правитель.

Безбур оглянулся:

— Я не ослышался? Вы предлагаете продать камни в Порубежье?

— Так поступают некоторые селяне, у которых нет разрешения на торговлю на рынках.

Они торгуют возле своей калитки.

Мави с довольным видом сложил руки на животе:

— Еще один голос в пользу аукциона.

— Мой господин! Можно задать маркизу Безбуру три вопроса?

— Да, пожалуйста.

Малика вернулась к столу:

— Маркиз Безбур!

— Весь во внимании.

— На аукционе камни покупают только банки?

— Их может купить как юридическое, так и физическое лицо.

— Кто может продавать камни?

— Любой самостоятельный субъект хозяйствования.

— Народные умельцы к ним относятся?

— Да, если есть документы о регистрации деятельности.

— Благодарю вас, маркиз Безбур.

— Позвольте узнать, чем вызваны ваши вопросы?

— Заполняю пробелы в знаниях.

— Занятная девица, — промолвил маркиз, когда Малика вышла из кабинета. Вытащил из внутреннего кармана пиджака блокнот и ручку. — В Тарии торги через месяц. В Партикураме через четыре. Если вклиниться между ними? Два с половиной месяца на подготовку. Должно хватить. На оформление документов уйдет сорок пять дней...

Маркиз продолжал бубнить под нос, скрипя ручкой по бумаге. Адэр посмотрел в окно и чуть не подпрыгнул. К замку на большой скорости летел черный автомобиль. Если он затормозит перед главным входом, значит, бандитский лагерь уничтожен полностью. Если поедет к левому флигелю, значит, в нем ракшадский воин.

— Беседа подошла к концу, маркиз Безбур, — проговорил Адэр, заставив себя повернуться к гостю. — Ваше последнее слово.

Мави поднялся, снял галстук цвета флага чужой страны, затолкал его в карман пиджака:

— Мне выпала великая честь служить отечеству.

— Маркиз Бархат покажет вам замок, затем смотритель проведет вас в ваши апартаменты. И не затягивайте с переездом. До начала работы Совета вам предстоит много потрудиться.

— Я должен здесь жить?

— Работать. Жить будете дома, если вам хватит на это времени.

Маркиз откланялся и вместе с Виларом покинул кабинет. Адэр вновь посмотрел в окно. Перед лестницей одиноко стояла машина Безбура.

***

Почему постоянно приходится кого-то ждать? В Тезаре все иначе. Там ждут Великого: его появления, взгляда, слова, решения. Здесь же, в ненавистном замке, наследник престола могущественной державы и номинальный правитель нищей страны (парадокс, ей богу!) должен прислушиваться к шорохам в приемной. Похоже, сломались часы. Секундную стрелку заело — отщелкивает минуты, а не секунды.

Раздался стук в двери. Адэр выпрямился — если вернулся Безбур, он пошлет его к черту.

— Командир стражей Крикс Силар, — объявил Гюст.

Ну, наконец-то...

В кабинет вошел командир. На пороге, за его спиной возник охранитель. Адэр

порывистым жестом приказал ему убраться.

— Мой правитель! — сказал Крикс и вытащил из кармана солдатских штанов небольшой тряпичный сверток. Развернув его, осторожно высыпал на стол горку алмазов.

— Почему так долго? — спросил Адэр, не обращая внимания на камни.

Командир вытянул руки по швам:

— Перевозили пленников к ориентам.

— Почему не к маркизу Ларе?

— Йола настоял.

— Сколько их?

— Было десять. Выживут единицы.

— Значит, морской народ помог тебе.

Глаза Крикса холодно блеснули.

— Это была не помощь, мой правитель. Прощу вас, пойдите со мной.

Они долго шли запутанными коридорами, спустились в слабоосвещенный подвал нежилой пристройки замка. Затхлый воздух пропах сыростью и плесенью. Грибковые наросты покрывали стены. Сверху давил низкий серый потолок. Адэр не слышал ничего, кроме тяжелого дыхания Крикса и звука его и своих шагов, хотя знал: за ними неотступно следуют охранители — тайные агенты Троя Дадые.

Возле добротной двери с квадратным отверстием, явно прорубленным второпях, стояли два бойца: один — низкорослый, темноволосый, со стальными глазами; второй — высокий, зеленоглазый, с ямочками на щеках. Крикс кивнул, и парни с трудом сдвинули вглубь помещения толстую деревянную плиту на массивных петлях. Переступая порог, Адэр успел удивиться — обе щеколды открыты, на дверной ручке болтается навесной замок с торчащим ключом. Бойцы явно переоценивают свои силы. Надумай ракшадский воин сбежать, его остановят только крепкие запоры и непробиваемые стены.

В свете тусклой лампы, посреди комнаты возвышалась блестящая груда шоколадных мышц, замершая в позе бегуна на низком старте. Черные волосы, собранные на затылке, спадали на каменный пол конским хвостом.

Адэр обошел воина:

— Что с ним?

— Мой правитель, — тихо сказал Крикс, закрыв за собой дверь. — Это была не помощь. Это была демонстрация силы. Морской народ может убить одним криком и обездвижить одним прикосновением.

Адэр склонился над ракшадом, провел рукой перед его глазами. Воин моргнул.

Адэр отшатнулся:

— Он видит?

— И все чувствует.

— Не стоит при нем говорить о морском народе.

— Он нас не слышит.

Адэр опустился на край узкой железной кровати с привинченными к полу ножками. Облокотился на колени:

— Сколько времени он так стоит?

— С первой минуты, как его схватил Йола.

— Как везли?

— В багажнике.

Крикс приблизился к воину, вонзил пальцы в углубление под выпирающей ключицей. Ракшад рухнул набок и устремил на Адэра ледяной взгляд.

— Думал, не получится. Йола сказал, что через пару часов он сможет подняться на ноги, — промолвил командир и встал навытяжку. — Мой правитель! Ориенты — страшный народ. Теперь я полностью на стороне Великого. Будь моя воля, я бы обнес их резервацию колючей проволокой.

— Нет, Крикс! Это была демонстрация способностей, за которой они прячут настоящую силу.

На лице командира слегка напряглись желваки. Не согласен...

— Да, Крикс. Они двадцать лет сидят в своих землях, а могли бы страну захватить. — Адэр поднялся. Посмотрел на ракшада. — Жаль, что он не слышит. Я хотел бы сказать пару слов.

— Одну секунду, мой правитель, — произнес командир и, склонившись над воином, выковырял из его ушей что-то, похожее на зеленый пластилин. — Горный воск. Йола заткнул ему уши.

— Теперь со слухом у него все в порядке?

— Так точно.

— Оставь нас.

— Мой правитель!

— Уйди!

За спиной прозвучали шаги, открылась и закрылась дверь. В затылок уперся взгляд — Крикс (только он верен клятве) наблюдал через отверстие в двери.

Адэр встал так, чтобы воин мог видеть его:

— Пришло время произнести ответное слово... Ты не бился с обидчиками на смерть, не вгрызался в их глотки, не пытался сбежать. И сейчас ты сжимаешь кулаки вместо того, чтобы наброситься на меня. Ты — позор своей отчизны. Ты настолько ничтожен, что я даже в насмешку не предложу тебе поцеловать мой сапог в обмен на достойную смерть.

Выйдя из комнаты, крикнул:

— Сменить караул!

Из темной ниши выскочили двое охранителей и, оттеснив бойцов Крикса, вытянулись по бокам двери.

— Остальные в мой кабинет! И позовите маркиза Бархата.

Тишину коридора нарушили торопливые шаги.

— Крикс! Бери ребят, и на кухню.

— Это не все, мой правитель. Уделите мне еще пару минут.

Крикс провел его к выходу из замка с торца здания. Возле узенькой лестницы в пять ступенек стоял запыленный автомобиль охраны. Командир открыл багажник. Пошуршав тканью, посторонился. Внутри, на окровавленной тряпке лежал человек с разодранным в лохмотья лицом.

Адэр вдохнул знакомый запах:

— Хлыст. — И отступил на шаг.

— Асон, — подтвердил Крикс. — Его нашли в одной из пещер.

— Он жив?

— Да, мой правитель. Я прошу разрешения сохранить ему жизнь.

— Зачем?

- Такой субъект, как Асон, может пригодиться.
- Мне не нужны свидетели из заключенных.
- Асон будет молчать. Я сделаю все, чтобы он молчал.
- Ты рискуешь, Крикс.
- Да, мой правитель. Рискую. Но игра стоит свеч.

Адэр посмотрел на стоявших поодаль бойцов, закрыл багажник:

- Покорми людей и езжай. — Взбежал по лестнице. Взявшись за дверную ручку, оглянулся. — Ты веришь сказкам про морун?
- Я не слушаю сказки, мой правитель.
- Еще один древний народ, Крикс?
- Не совсем народ. Это женщины.
- Что можешь сказать о них?
- Нет жены вернее, друга преданнее и... — Командир умолк.
- И?
- И врага беспощаднее, — закончил фразу Крикс.
- А говоришь, что не слушаешь сказки, — сказал Адэр и вошел в замок.

Кабинет был забит до отказа — собрались все охранители. Вилар с рассеянным видом стоял возле окна. Увидев вошедшего правителя, люди потеснились и освободили середину комнаты.

Адэр достал из шкафа ключи, бросил на стол. Цокнув, связка проехала по столешнице и уперлась в горку алмазов, сверкающих в свете люстры.

— Можете звонить Трою Дадые. Когда угодно.

Охранители переглянулись.

После небольшой паузы прозвучал надломленный голос:

— Что ему говорить?

— Правду.

— Какую правду, мой господин? — спросил кто-то с заднего ряда.

— Вы принесли клятву служить верой и правдой Тезару, и я не позволю вам стать клятвопреступниками. Из ваших уст не должно прозвучать ни единого слова лжи. Свободны.

Когда за охранителями закрылись двери, Вилар упал в кресло:

— Неразумное решение.

Адэр сел за стол:

— Самое разумное решение за последние два месяца.

— Что ты творишь?

— Маркиз Бархат! Меня меньше всего интересует ваше мнение. И если вы не научитесь держать язык за зубами, меня не будут интересовать ваши советы.

Вилар расправил плечи:

— Прошу прощения, мой господин. — И вновь обмяк. — Я не понимаю тебя, Адэр.

— Завтра ты едешь в Ларжетай. Подыщешь зал для аукциона.

— Значит, аукцион будет.

— Еще не решил. Можешь идти. — Адэр придвинул к себе бумаги. — Гюст!

На пороге возник секретарь.

— Позови... — промолвил Адэр и прижал пальцы к виску.

Так просто сказать: «Позови ключника». Но у него есть имя. Как же его зовут? Забежал

взглядом по комнате, остановил его на кристаллах. Если память сейчас же не очнется, он отдаст камни Тезару.

— Позови Тауба, — приказал Адэр и сгреб алмазы в ящик стола.

***

На кухне царило оживление. Раскрасневшиеся кухарки крутились возле плиты, поджаривая куски мяса, помешивая соусы и пыхтящую кашу. Посудомойки тарахтели кастрюлями. Возле стола суежилась прислуга. Перед бойцами стояли деревенские кружки с теплым вином. Тонкий ароматный парок исходил от ломтей хлеба. Тарелки пока пустовали, и бойцы поглядывали на раскаленные сковороды; ноздри трепетали, улавливая аппетитные запахи.

Малика сидела в уголке. Она пришла сюда, как только по замку пронесся слух о появлении неожиданных, редких и необычных гостей. Раньше, быстренько поев, она сбегала с кухни. Обитающая здесь челядь ее недолюбливала. Малика никогда не занимала чью-либо сторону в перебранках, не участвовала в разборе рецептов блюд и схем вязания, отмалчивалась при обсуждении мужиков из ближайшего селения и убеленных сединами слуг. Собственно, сами хозяйки сковородок и тарелок были далеко не молоды. Но жаркий огонь плит накалял их кровь и заставлял выплескивать знания о плотских утехах словесным поносом.

Прислуга наполнила тарелки. Бойцы накинулись на еду. Бабы игриво поглядывали на красавцев-мужчин, чьи тела звенели молодостью и силой. А Малика ждала, когда кто-нибудь обмолвится хоть словом о прошедших днях.

Уже выпито вино, мякишем вымакан соус. Возле плиты шептались огорченные кухарки — красавцы в солдатской форме сказали «спасибо» и не одарили их даже улыбкой. Бойцы как по команде встали из-за стола и направились к двери. Еле заметным кивком Крикс позвал Малику за собой. Сердечко судорожно забилося.

Она выскочила в коридор. Командир стоял возле кадки с разросшимся цветком. На строгом лице ничего нельзя было прочесть, но от безмолвных глаз веяло холодом.

— Ты должна покинуть замок, — тихо проговорил он. — Я ничего не имею против морун. Но моруне нельзя быть рядом с правителем. И чем быстрее ты исчезнешь, тем будет лучше для тебя.

Малика закрутила пуговицу на манжете платья:

— Крикс! Я могу попросить вас об одной услуге?

— Если эта услуга не идет вразрез с интересами правителя.

— Я давно забыла о своих интересах.

— Что ты хочешь, Малика?

— Взглянуть на ракшада.

Казалось, ее просьба ничуть не удивила командира.

— Нет, — сказал он тоном, каким отказываются от добавки супа.

— Пожалуйста, Крикс!

— Прости, но меня ждут.

Командир сделал шаг. Малика схватила его за рукав:

— Я убедила правителя оставить воина в живых. Я привела кучу доводов. Но не сказала о главном.

Крикс свел брови:

— Слушаю.

— Я должна проверить свою догадку.

— Почему бы тебе самой не поговорить с правителем?

— А вдруг я ошибаюсь? Пожалуйста, Крикс! Отведите меня к воину.

Командир аккуратно высвободил рукав из пальцев Малики:

— Я тороплюсь.

— В Ракшаде узаконена кровная месть. Если воин из знатной семьи, и если с ним что-то произойдет... Представляете, что начнется?

— На защите страны стоит армия Великого.

— Только воевать она будет на моей земле!

— Тихо, — прошептал Крикс и посмотрел по сторонам. — Значит так. Жди меня в саду, а я к правителю. Попрошу разрешения поставить в караул моих ребят.

***

Злость сжигала изнутри, сворачивала кровь, скручивала сердце, раздирала мозг. Казалось, еще немного, и скрежетать будет нечем — зубы раскрошатся. Он, великий воин, в плену! У кого? У презренных червей, у вонючих пожирателей падали.

Все силы уходили на то, чтобы крепко стоять на ногах — посреди зловонной комнаты, в свете тусклой лампы, лицом к дыре в двери. Пусть смотрят и содрогаются.

Хазир вытащит его, по-другому не может быть. И черная армада полетит к уродливым берегам. И он, великий воин, будет стоять на носу головного корабля. И плевать на подводные скалы. Он знает Тайное море так, как не знает никто другой. Горы сравниваются с землей, земля усеется трупами, трупы покроются стервятниками.

Взирая в темную дыру, он повел плечами. Еще чуть-чуть, и ноги вновь зазвенят металлом, грудь обернется камнем, а руки безжалостным молотом.

Из коридора донесся разговор. Вновь пришел владыка голытьбы? Теперь с последним словом? Только ему, великому воину, на все его слова тоже плевать.

Забряцали ключи, заскрежетали засовы, дверь отворилась. Он вперил тяжелый взгляд в бывшую пленницу. Вот оно, еще одно доказательство ничтожности страны — в ней нет мужчин, верных слову и делу.

Знакомый здоровяк в серой форме закрыл двери, прижал широкую ладонь к отверстию. Хм... Очередная хитрость?

Девушка стремительно прошла в середину комнаты.

— Малика! — крикнул здоровяк, но ее пальцы уже заскользили по руке воина.

— На запястье две спирали. Переплетаясь, они смотрят в разные стороны. Это знак Ракшады. Его носит каждый, кто родился в вашей стране. Затем идет дорожка из согнутых линий, будто низко склонились люди. Это знак низшего сословия. А вот эти завитки напоминают волны. Этим знаком заканчивается рисунок на руках ваших моряков. Дальше деревья, их оплетают лианы. Это воины. Правильно?

Девушка посмотрела ему в глаза:

— Быть воином — у вас великая честь. — Ее палец вновь заскользил по руке. — Чем старше по званию, тем выше лианы. У вас добегают до плеча. Если бы рисунок на этом закончился, я бы решила, что вы командующий армией или флотом. Но на плечах вновь спирали, только они сворачиваются не по кругу, а обтекают квадраты. Это ваша родовитая знать.

Теплые пальцы девушки двигались по его шее и щеке.

— Двенадцать рядов с квадратами. Ваша семья занимает самое высокое положение в Ракшаде.

Пальцы остановились на виске.

— Шесть листочков, — говорила девушка, мягко касаясь кожи. — Значит, вы шестой сын. У старшего брата — один лист. У второго — два. А у вас шесть. Нижние четыре закрашены черным. Эти братья мертвы. Затем чистый лист, а последний ваш. — Сделала шаг назад. — Вы Ишгар, младший и единственный брат правителя Ракшады Шедара Гарпи.

— Правитель у вас, в Ракшаде хазир, — произнес он, уловив краем глаза, как вытянулось лицо здоровяка. — Ты жила в Ракшаде?

— Нет. Но я много читала о вашей стране. У вас есть две сестры. Почему нет их знаков?

— Что такое женщина, чтобы ее метка присутствовала в знаках величия воина? Ее жизнь позорна, а смерть презренна.

— Благодарю вас за исчерпывающий ответ, Ишгар, — сказала девушка и низко присела. — С вашего разрешения я удалюсь.

В коридоре давно стихли шаги, а он продолжал стоять посреди комнаты, таращась в пустое отверстие в двери.

***

Вилар вошел в библиотеку. Мягкий полумрак сглаживал острые углы мебели, застилал паутиной бесконечные ряды книг и раскладные лестницы, прислоненные к стеллажам. Настольная лампа под кремовым абажуром, словно солнце в молочном тумане, освещала Малику, прильнувшую щекой к раскрытому на столе журналу. Постояв немного и решив, что она спит, Вилар тихонько направился к двери.

Совсем не сонный девичий голос заставил остановиться:

— Я не сплю.

— Это хорошо. — Вилар окинул взглядом огромное помещение. — Не знаешь, где здесь можно найти путеводитель по Ларжетаю?

— Вы собрались в столицу?

— Да. Завтра утром.

Малика поправила на затылке волосы, завязанные в узел:

— Вам повезло. Я как раз его рассматривала.

Вилар взял протянутый журнал, который минуту назад согревала девичья щека. Открыл карту на развороте:

— Я думал, что Ларжетай — большой город.

— Смотря с чем сравнивать.

Вилар скрутил путеводитель:

— Полистаю перед сном.

— Возьмите меня с собой.

— У тебя дела в столице? — Вилар спросил просто так, для проформы. Оказаться с Маликой наедине — за стенами замка — было пределом мечтаний.

— Я никогда не была в Ларжетае. Хочу посмотреть.

Сердце выпрыгивало из груди, но Вилар изо всех сил старался сохранять спокойствие:

— Я пробуду там несколько дней.

— Пожалуйста! Я не буду вам мешать.

— Что скажет Мун?

— А что он может сказать?

— Одна, с мужчиной.

— Он мне доверяет.

— Ты еще не полностью оправилась после болезни.

— Я абсолютно здорова, — сказала Малика и с умоляющим видом сложила перед собой ладони.

***

По ослепительно синей глади медленно плыли облака. Солнце играло в прятки: выныривая из-за белоснежной пены, озаряло ярким светом автомобиль и вновь скрывалось, заставляя воздух потемнеть.

Вилар поглядывал на Малику. Она битый час молча смотрела на густые кустарники и раскидистые деревца, растущие на обочинах колеи. Но что-то подсказывало — ее взор был устремлен не на пейзаж, а вглубь себя.

— Жарко, — не выдержав, промолвил Вилар.

Малика улыбнулась:

— Привыкайте. Это надолго.

— Я думал, ты меня не услышишь.

Она вновь уставилась в окно. Нет... Только не это!

— Можно тебя попросить?

Малика повернулась:

— Попросить? Меня?

— Обращайся ко мне на «ты».

— Я должна была догадаться. Сначала по имени, затем на «ты»...

— Мне нравится, как ты говоришь. Будто есть продолжение.

Она потупила взгляд.

— Расскажи о себе, — сказал Вилар.

— Что именно?

— Все, что позволит узнать тебя лучше.

Малика пожала плечами:

— Хорошо, слушайте.

И сказал Он: «Здравствуй!»

Юноша ускорил шаг: «Мы не знакомы».

«Что тебе мешает ответить на мое приветствие?»

«В любом приветствии скрыт смысл».

Он сказал: «Что тебя насторожило?»

«Приветствие незнакомых людей обязывает к знакомству».

«Ты не хочешь знакомиться?»

«Мне нечего рассказать о себе. Я слишком молод».

Он спросил: «Куда держишь путь?»

«К осуществлению мечты».

«Ты идешь очень быстро. Я еле догнал тебя».

«Боюсь, мечта окаменеет».

Он сказал: «Ты прав. Скорость крушит камень».

«Стремление крошит неуверенность, движение приближает совершенство».

Он сказал: «Нам с тобой по пути».

«Возможно. Если твои помыслы чисты и непредвзяты».

И сказал Он: «Я знаю тебя! Здравствуй!»

Юноша улыбнулся: «Здравствуй!»

Знакомство не требует взгляда назад.

— Философское эссе? — спросил Вилар.

— «Откровения Странника». Священная книга древних народов Грасс-дэ-мора. Но разговор не о том. Я только хотела сказать: чтобы узнать друг друга, совсем не обязательно говорить о прошлом.

— Давай поговорим о будущем.

— Посмотрите, как красиво! — воскликнула Малика и указала на колосющееся поле. —

Что это?

— Озимые. Рожь.

— Бог мой! Рожь...

— Остановимся?

— Поехали быстрее! Вот за этой волной.

Подпрыгивая на кочках и оседая в ямках, автомобиль полетел вдоль бурливого золотистого моря.

— Господин Вилар! Я вам так признательна. Если бы не вы, я бы никогда не увидела эту красоту.

— Честно говоря, ты меня удивила. Ты же столько знаешь.

— Из книг, — промолвила Малика и вновь указала в окно. — Что там написано?

Вилар притормозил возле столбика с прибитой доской. Надпись гласила, что они едут по землям виконта Диезы.

— Знаю я этого виконта, — проговорила Малика, когда автомобиль покати́л вдоль поля. — Не лично его, а про его порядки.

— И что ты знаешь?

— На его землях находится семь селений. Они скопом обрабатывают поля и сады. Виконт отдает им половину урожая.

— Неплохо, — сказал Вилар.

— Селяне голодают. Они продают свою долю, чтобы заплатить виконту земельный налог.

— Если бы им не нравилось, они перебрались бы в другое селение. Их никто не держит.

— Не держит, — промолвила Малика. — Только дом продать нельзя. Он стоит на чужой земле. Можно разобрать по дощечкам и унести на горбу. Хотя, куда? У многих дворян даже полей нет. Живут себе за границей, с селян получают земельную ренту. А те сезонниками бродят по свету.

— Откуда ты это знаешь?

— А вы посидите на кухне, когда прислуга обедает, еще не то услышите. — Малика опустила голову. — Прошу прощения, маркиз Бархат. Я не должна была так говорить.

Вилар вел машину, взирая то на поля и сереющие вдали селения, то на полуразрушенные особняки и заброшенные земли. На подъезде к столице вид за окном изменился. Всё вокруг зазеленело, заколосилось. К ухоженным замкам вели сносные дороги, но их перекрывал шлагбаум, возле которого стоял страж.

Ближе к вечеру автомобиль покати́л по Ларжетаяу. Чистые улочки; окруженные скверами старинные особняки, опрятные дома, магазины, рестораны, ну и, конечно же, отделения тезарского банка — столица нищей страны мало чем отличалась от любого провинциального городка в Тезаре.

— Даже не верится, что мы до сих пор в Порубежье, — сказал Вилар, разглядывая новые машины и модно одетых горожан.

— Сейчас прямо и второй поворот налево, — промолвила Малика. — Мун, сказал, что там неплохая гостиница.

Вилар остановил автомобиль возле трехэтажного здания. Вероятно, в далеком прошлом дом являл собой архитектурную достопримечательность города. Сейчас высокие окна обрамляли остатки лепнины, по стенам шли трещины. Колонны в виде скрученных спиралей клонились в разные стороны. По бокам двери лежали две каменные собаки с обломанными ушами и отбитыми мордами.

Малика растерялась:

— Мун сказал, что гостиниц в Ларжетаете немного. Больше постоянных дворов при трактирах и питейных домах. Иностранцы редко посещают Порубежье. Если вам не нравится, можем поискать другую.

— Нравится, — проговорил Вилар и вышел из машины.

Просторный вестибюль встретил мерклым светом и звенящей тишиной. Широкая лестница, взбегая на верхние этажи, раскидывала в стороны, как крылья, балконы с замысловатыми перилами. На ступенях лежала серо-зеленая дорожка; причиной ее серости был не оттенок цвета, а грязь. Стены были покрашены лет двадцать назад, если не больше. На потолочных карнизах колыхалась паутина. Бронза на старинных бра потемнела, в люстре под высоким потолком горели не все лампы.

Из-за конторки в углу вестибюля вышла полная женщина средних лет в скромном темно-синем платье. Заправила за ухо рыжий локон и, проигнорировав спутницу Вилара, низко присела:

— Мой господин?

Он поставил саквояж и чемоданчик возле конторки, повернулся к Малике:

— Если тебе не нравится, можем поискать другую гостиницу.

Хозяйка заведения нервно мигнула и поспешно присела перед Маликой. Та смутилась и потупила взор.

Через пять минут Вилар поднимался вслед за носильщиком по лестнице, крутя на пальце кольцо с тремя ключами и чувствуя затылком прожигающий насквозь взгляд Малики. Пройдя по балкону верхнего этажа и скрывшись в глубине коридора из поля видимости хозяйки гостиницы, замедлил шаг:

— Почему ты злишься?

— Я не злюсь, — сказала Малика. — Я думаю, где мне теперь ночевать.

— Я почти ничего не знаю о Порубежье, и у меня к тебе куча вопросов. Почему я должен бегать из своей комнаты в твою и обратно?

— Разговаривать можно на улице. Или в вестибюле.

— Я не мальчик, чтобы вести беседы на скамеечке, и не лакей, чтобы ждать тебя в коридоре. Я поступил так, как счел нужным, — промолвил Вилар.

Открыв дверь, пропустил Малику в комнату и бросил носильщику монету.

Никаких излишеств: местами протертый, но чистый ковер, невысокие креслица,

круглый столик, графин со стаканами, торшер с кремовым абажуром. Две двери вели из гостиной в спальню, расположенные друг напротив друга.

— Держи ключи и успокойся, а то в графине вода закипит, — сказал Вилар и вложил Малике в руку связку ключей.

Схватив чемоданчик, она влетела в свою комнату и хлопнула дверью. Вилар прошелся по гостиной, выглянул в окно. На противоположной стороне площади светилась вывеска кафе.

— Я голоден.

— А я нет, — слышалось из спальни.

— Малика, не злись. Не вижу ничего плохого в том, что я буду рядом, — проговорил Вилар и тихо добавил: — Я хочу быть рядом.

— Вы воспользовались своим положением.

— Так воспользуйся моей слабостью.

Малика приоткрыла дверь:

— Приведу себя в порядок, и пойдем.

***

Они выбрали столик в углу кафе. Вилар сделал заказ и осмотрелся. Заведение разительно отличалось от трактиров и питейных домов в нищих селениях: темно-коричневый паркет; на столах вышитые скатерти цвета старинной бронзы; мягкие стулья с обивкой в тон скатертей; на барной стойке хрустальные бокалы; на полках длинные ряды бутылок с вычурными этикетками.

— Здесь другая жизнь, — проговорил Вилар, разглядывая посетителей, одетых по последней моде. Жестом подозвал официанта. — Совсем забыл... бутылочку вина.

— Какое изволите? У нас большой выбор.

— Малика! Какое вино ты любишь?

— Я не разбираюсь в винах, — промолвила она.

— Хорошо. Буду полагаться на свой вкус. Маншеровское, семилетней выдержки.

Официант кашлянул в кулак:

— Видимо, большой выбор у нас не такой большой, как я думал.

— Принесите самое лучшее.

Через пять минут, крутя в руке бокал, наполненный золотистым вином, Вилар рассказывал о сортах винограда, о тезарской кухне, о любимом кафе на самой красивой улице Градмира. Подперев щеку кулаком, Малика внимала его словам. До чего же приятен был ее взгляд: обычное вежливое внимание перетекло в искренний интерес, удивление сменилось неподдельным восторгом. Звучавшая музыка дивно вплеталась в теплые воспоминания о родине, отодвигая на задворки памяти переживания последних дней.

— Можно пригласить тебя на танец? — спросил Вилар.

Малика зарделась:

— Боюсь, у меня не получится. Один наместник был заядлым танцором. Он даже прислугу заставлял двигаться в определенном темпе, в такт музыке. Меня он тоже заставлял, но это было давно.

Вилар поднялся и протянул ей руку:

— Прошу.

Обхватил тонкую талию, сжал подрагивающие девичьи пальцы и утонул в черных

глазах. Не слыша музыку, двигался в ритме готового вылететь из груди сердца. Гибкое тело было так послушно его желаниям. Поворот налево, прогнуться назад, задержать дыхание и на выдохе прижаться. Вновь поворот, оторваться на секунду для того, чтобы еще сильнее прильнуть.

Раздались реденькие аплодисменты. Туман рассеялся. Не выпуская Малику из объятий, Вилар обвел взглядом зал, ловя на себе восхищенные взоры дам и замечая кривые усмешки их кавалеров. Официанты толпились у барной стойки и, переговариваясь, поглядывали на Малику.

— Они смеются надо мной, — прошептала она.

— Ты ошибаешься. Они завидуют мне.

Оставив на столе горку монет, Вилар и Малика покинули кафе.

Стояла чудная ночь. Небо — не просто небо, а черная бездна, усыпанная мириадами звезд. Воздух был пропитан запахом нагретой мостовой и ароматами цветов. Освещенная улица убегала вдаль и сливалась с вселенной, которая, казалось, дышит и со следующим вдохом втянет бранный мир в себя.

— Похоже на сказку, — сказал Вилар. — Почему только здесь?

— У наместников и помощников была одна забава — съездить в столицу, — ответила Малика, рассматривая под ногами асфальт. — Поэтому они тратили на Ларжетай больше денег, чем на замок.

— Столица — это лицо государства. Не мной придумано.

— Помните школу, в которой мы снимали зал для музыкантов?

Вилар кивнул. Он не забыл полуразрушенное здание с перекошенными окнами и падающей на голову штукатуркой.

— В Тезаре такие же школы? — Малика глянула на него с нескрываемым интересом.

— Нет, конечно.

— Вы еще не видели больницы. В нашем с Муном городке была больница... Мое счастье, что я попала к маркизу Ларе. И вам повезло — Йола подвернулся. — Малика шаркнула ботиночком по мостовой. — Стоит ли сравнивать дороги?

— Не хочу тебя обидеть, но должен заметить: Тезар и Порубежье далеки друг от друга, как небо и земля.

— Да чего уж тут обидного? — проговорила она, поднимаясь по лестнице к собакам с отбитыми мордами. — Но не так далеки, как вам кажется. Одно их точно объединяет — возвеличивание столицы. Что касается Градмира — все понятно. А насчет Ларжетая... И с Ларжетаем все понятно. Должен же быть в стране хоть один город, где дворяне чувствуют себя уютно.

Войдя в гостиничный номер, склонила голову:

— Спокойной ночи. — И скрылась в спальне. В замке провернулся ключ.

Вилар придвинул кресло к окну. Восторженные мысли отошли на задний план, вперед выступили нерадостные думы: Адэру нельзя перебираться в Ларжетай — у него пропадет желание хоть что-то изменить в стране.

***

Запахнув полы шелкового халата, Адэр вышел из спальни. Посреди гостиной стоял костюмер, держа на бельевых плечиках лиловую поплиновую сорочку и костюм из тончайшего кашемира цвета «лягушка в обмороке». На белом ковре поблескивали темно-

бордовые кожаные полуботинки.

Прошлепав домашними туфлями по паркету, Адэр переступил порог огромной гардеробной и пробежался взглядом по многочисленным шкафам:

— Где моя льняная рубашка? И где мои сапоги?

— Последнее время вы одеваетесь как представитель среднего класса, — прозвучало за спиной.

Адэр обернулся. Окинул взором костюмера, облаченного в узкие серые брюки и коралловую блузу с воланами вместо воротника и манжет. Посмотрел на желтые шпильки с черными шнурками:

— К какому классу ты относишь себя?

— Я интеллигент, мой господин.

— Интеллигенция — это общественная группа, а не класс.

— Интеллигенты сами по себе, классы сами по себе.

— Вот как! Разбираешься в классовой структуре общества?

Костюмер вздернул подбородок:

— Я окончил высшее училище стилистов.

Адэр хохотнул:

— Напомни свое имя.

— Макидор, мой господин.

— Да... такое имя вряд ли забудешь. — Адэр заложил руки в карманы халата, качнулся с пятки на носок. — Скажи, Макидор, ты видел в Тезаре учителей, ученых или врачей, одетых, как ты?

— Так одеваются артисты.

— Перед выходом на сцену.

— Совсем недавно вам нравился мой стиль, и нравилось то, что я вам подбирал.

— Стиль моей жизни изменился.

— Положение осталось.

— Попробуй совместить. В противном случае я откажусь от твоих услуг.

Макидор втянул голову в воланы.

— Где моя любимая рубашка? — спросил Адэр.

— Вельма утюжит.

На пороге комнаты возник запыхавшийся секретарь:

— Мой правитель, прибыл граф Юстин Ассиз.

— Вовремя. Найди Малику.

— Она уехала, мой правитель.

— Уехала или ушла?

— Уехала с маркизом Бархатом.

— Вовремя, — повторил Адэр и выдернул из рук Макидора плечики с костюмом. — Я последний раз одеваюсь как клоун. Прикажи Вельме поторопиться, и пусть начистит мои сапоги.

Перед Адэром сидел красивый молодой мужчина — брови взлет, выпуклые губы, подбородок с ямочкой, — одетый в строгий деловой костюм (и никаких заигрываний с модой!). Такому уводить бы дам из-под носа кавалеров, а не корпеть над уголовными и гражданскими делами.

Объяснив причину задержки с приездом (в университете горячая пора — сессия), граф Юстин Ассиз скрестил на груди руки и тем самым возвел барьер между собой и правителем.

Адэр внутренне напрягся. Достал из стола несколько листов, положил перед графом:

— Хочу услышать мнение специалиста.

Ассиз долго читал, еще дольше потирал подбородок изящными наманикюренными пальцами. Наконец отложил бумаги:

— Суд занял сторону графа Вальбы. Это все, что я могу сказать.

Адэр сжал под столом кулак:

— Это я и сам понял.

— В вашей стране нет законов.

— В моей? Разве Порубежье не ваша страна?

— Моя. Здесь у меня родовой замок, но я вынужден жить с супругой в Маншере. А все потому, мой правитель, что в Порубежье никому не нужен справедливый суд.

— Мне нужен.

— Вам нельзя идти против знати. Вам не на кого опереться.

— Знатных людей несколько сотен из сорока миллионов.

— Отнимите из сорока миллионов несколько сотен, и у вас останется толпа нищих, убогих, необразованных и бесправных. Пока в Порубежье не сформируется гражданское общество, пока не появится и не окрепнет средний класс, вы будете лавировать между низами и верхами.

— Гражданское общество невозможно без правового государства, а правового государства никогда не будет, пока такие, как вы, разглагольствуют о справедливости в университетах чужих держав. Там, за границей, вы рьяный поборник законов, вы карающий меч правосудия, вы сама честность и беспристрастность. А на самом деле вы пустослов. Нет ни стремлений, ни дел, которые вас бы украсили. Вас украшает безупречный костюм, идеальный маникюр и ученое звание, заработанное болтовней, — произнес Адэр и порывисто откинулся на спинку кресла. — Вероятно, я зря оторвал вас от более важных разговоров. Вы свободны.

Ассиз вытянулся.

— Мое служение чужой державе — это вынужденный поступок, мой правитель, — зазвенел обидой его голос. — Не моя вина, что я не нужен родине. И где бы я ни зарабатывал себе на жизнь, душой и сердцем я здесь, в Порубежье, в доме, который построил мой прадед, в котором я родился и вырос. И я одним из первых поклялся идти за вами.

— Так докажите, что я ошибся. Займите кресло моего советника.

— Когда я должен дать ответ?

— Сейчас или никогда.

Юстин повозил бумагами по столу, делая это скорее машинально, чем осознанно:

— Пересмотр решений суда по делам графа Вальбы спровоцирует возмущение среди знати. К вам потянутся родственники всех осужденных в надежде получить оправдательные приговоры. Отклонение их требований вызовет волнение в народе. Стоит ли говорить о дальнейшем развитии событий? — Глядя перед собой, побарабанил пальцами по документам. — Вы готовы к сужению тотальной власти государства?

— Если это не приведет к сужению моих прав и возможностей.

— Правитель, обладающий незыблемым и непогрешимым авторитетом, владеет безграничной и безоговорочной властью. Ваш авторитет зиждется на авторитете отца. Ваш

костюм ярче ваших дел. Но ваша горячность вызывает неподдельное уважение. Надеюсь, ваше желание добиться законности и справедливости в чужой вам стране — не пустые слова, — произнес Ассиз. — Дайте мне несколько дней, чтобы закончить все дела в Маншере.

Когда за графом закрылись двери, Адэр сжал кулаки и до боли в скулах стиснул зубы. Через час он положил перед секретарем список титулованных дворян и приказал вызвать их в замок. А еще через час сверкающий серебром автомобиль, сопровождаемый машиной охраны, понес правителя к горизонту.

***

Усевшись за стол, Анатан подпёр кулаком щеку и принялся просматривать записи. С начала реконструкции приисков блокнот стал единственной книгой, которую он читал перед сном. На первой странице была выведена цифра — сумма удержанных штрафов из жалования рабочих. Все последующие страницы, соответствующие дням, начинались со знака «минус»: это потрачено на лопаты, это на фонари, это на передвижную кухню с бесплатными обедами. Шланги, страховочное снаряжение, строчки, строчки... Зажимая в зубах карандаш, Анатан недовольно кряхтел. С такими темпами денег хватит на пару недель, не более. А сколько еще всего надо... И Яр куда-то запропастился. Обещал приехать, но, видимо, правитель озадачил его другими вопросами. А заявиться непрошеным гостем в замок, где, по словам Яра, он обитал, Анатан не мог себе позволить. В голове витали кручинные мысли, одолевали сомнения в серьезности намерений инспектора и, соответственно, правителя.

Темноту за окном прорезал свет фар. Раздался звук затормозивших шин. Анатан, подхваченный волнением, выбежал дома.

Прижимая локтем большую коробку, Яр пересек двор и, взлетев на крыльцо, потряс в приветственном пожатии Анатану руку:

— Заждался?

— Заждался, — выдохнул он и посмотрел на трех человек в дымчато-серой форме, замерших возле калитки. Позади них виднелись два автомобиля. — Ты не один?

— Приставили охранителей.

— От и правильно. Нечего по Узлу разъезжать в одиночку. — Анатан кивком указал на дверь. — Пусть заходят. Потеснимся.

— Переночуют в машине, — бросил Яр и вошел в дом.

Из смежной комнаты появилась Тася — сонная, с отпечатком ладонки на щеке.

— Радость-то какая, — защебетала она, торопливо застегивая халат, надетый поверх ночной сорочки. — Щас баньку истоплю. Картошечку поставлю.

— Банька в следующий раз. А вот картошки бы поел, — промолвил Яр.

Анатан похлопал его по плечу:

— Мы тебя малосольными огурцами угостим. Небось, в замке малосольные огурчики не подают.

— Не подают.

— Я мигом, — проговорила Тася и потопала в кухню.

— Я же приказал увезти семью, — прошептал Яр.

— Тася оставила детей у тетки и вернулась, — прошептал в ответ Анатан.

— Твой дружок жив.

— Знаю. Крикс определил его в искупительное поселение строгого режима. Приковал к койке в лазарете.

— Ну, смотри, Анатан.

— Смотрю...

Яр положил коробку на стол:

— Гостинец Але. — Протянул наручные часы с компасом: — А это Полу.

Анатан повертел часы в руках, посмотрел замысловатое клеймо на циферблате:

— Нет, Яр! Такие подарки нам не по карману.

— При чём тут ваш карман?

— Мы не сможем такие же подарки тебе дарить.

— Что за ерунда? Мне не нужны от тебя подарки.

— Не в обиду, но не хочу быть должником.

— Хорошо. Если подарок задевает твое самолюбие — верни его, но не мне, а дарителю.

Анатан перевернул часы, зарделся как молодка на брачном ложе. Ещё бы — на задней крышке выгравирована надпись «Полу, сыну Анатана Гравеля, от правителя Порубежья Адэра Карро».

— Надеюсь, против куклы для дочки ты не будешь возражать? — произнес Яр и вышел из дома.

Как месяц назад, он сидел на крыльце и заставлял себя вслушиваться в ночную тишину. Поведение простолюдина удивило и задело одновременно. Адэр привык одаривать — по поводу и без — любовниц, друзей, родственников, и каждый раз его ценные знаки внимания принимались как должное. Впервые в жизни желание сделать подарок было продиктовано сердцем, а не долгом или тайным умыслом, но чистый, искренний порыв его души никто не оценил.

Анатан сел рядом, сжал Адэру колено:

— Прости меня.

Адэр усмехнулся — а кто-то говорил, что в одну и ту же реку нельзя войти дважды.

— Мы не привыкли к подаркам, — оправдывался Анатан. — Нет, конечно, мы что-то дарим друг другу. Мне на именины обычно калоши дарят, а на новый год теплое исподнее белье. А знаешь, почему так? Именины у меня осенью, а новый год зимой.

Прикрыл рукой лицо:

— Я несу такую чушь. — Посидел, повздыхал в пятерню. — И подарки у нас все... такие... нужные. Мы не привыкли к ненужным подаркам. — Всплеснул руками. — Ну что ты будешь делать? А? Совсем мозги усохли.

Адэр с улыбкой наблюдал за Анатаном, а тот пыхтел, краснел, хлопал ладонью по лбу. Наконец успокоился.

— Нет, Яр, послушай. Часы — очень нужная вещь, и компас — нужная вещь, но с ними никуда не пойдешь — жалко. Не их жалко, а сынишку жалко. Если царапнет или сломает, или потеряет, он же себя потом всю жизнь корить будет. Ты уж подскажи правителю: чем проще человек, тем проще подарок ему нужен. А так — что есть подарок, что его нет. Только ты ж ему так подскажи, чтобы не обиделся.

— Подскажу.

Анатан развернул плечи. Оперся руками на колени:

— Пойду, тетрабочку заветную принесу, посчитаем.

— Не надо, — остановил его Адэр. — О делах поговорим завтра, сейчас давай просто посидим. — И запрокинул голову.

Ночь не такая звездная, как месяц назад, — сотня звезд, не больше. А, в сущности, сколько их надо, чтобы наслаждаться видом? Адэр силился вспомнить ночи в Градмире, но будто чья-то рука, как колпак, накрыла ту часть памяти, в которой бесцельно сторежала жизнь.

— Сапфиры у меня в огороде, — тихо прозвучал голос Анатана. — Пришлось картошку выкопать, чтобы никто не догадался.

— Ну, ты даешь.

— Боязно камни на прииске держать. Вчера с Криксом все вывезли, но охрану возле сейфа оставили. Чтобы никто не догадался, — повторил Анатан.

— Конспираторы.

— А что делать? Народ у нас знаешь какой? Глаз да глаз нужен. — Анатан потер ладони. — Я в «Котел» теплую одежду скинул, а то, что ни день, так кого-то не досчитываюсь.

— Сколько их?

— Было тридцать два, сейчас девятнадцать. Трупы из-под водопада каждую неделю вытаскиваю. — Анатан поерзал. — Может, заберешь камни? А?

— Заберу. Только сначала в «Провал» съездим.

— Ага. Съездим. Крикс там своих ребят поставил.

— Когда он успел?

— У него в одном месте штопор, в другом мельница. Вот и не дают ему ни сесть, ни голову склонить.

— Идите кушать, — послышался из дома голос Таси.

— А потом я за детишками съезжу. Не могу я без них, жизнь не в радость, — сказал Анатан и поднялся.

***

Вилар с Маликой решили проехаться по городу, но завернув за угол гостиницы, бросили автомобиль на парковке и растворились в толпе. Столица дышала полноценной жизнью. Машины, люди, дети, переливистые сигналы, разговоры, смех. Вилар, как и город, дышал полной грудью. Как же ему не хватало счастливых лиц, открытых взглядов, звонких голосов. Ему надоело затворничество в замке, где, находясь в окружении престарелых слуг, он чувствовал себя стариком.

Они проходили мимо кафе и ресторанов — официанты, стоя у двери, услужливо склонялись. Они шли мимо гастрономов, кондитерских и салонов мод, и вслед неслись крики зазывал, извещающих о новых коллекциях одежды или о поступлении деликатесов.

Вилар задержался возле скамьи. Завязывая шнурок на ботинке, глянул на Малику. Яркое людское море обтекало ее с двух сторон, и самое прекрасное создание на свете походило на одинокий серый островок.

Взял Малику под локоть, подвел к витрине магазина.

— Давай зайдем, — проговорил он, рассматривая манекены, облаченные в цветастые летние платья.

— Зачем?

— Встречают по одежке. Не мной придумано.

— Вы правы. Меня встречают как плебейку. Если вам стыдно идти рядом со мной, шагайте сзади. — Малика выдернула руку и устремилась вперед, но вдруг замерла напротив банка. — Здесь нет объявления «Только для прииска».

— Так и должно быть. В Тезаре все банки для людей.

— В них может зайти любой человек?

— Конечно. Если визит не вызван простым любопытством.

Малика уже открыла массивные двери. Перешагнув порог вслед за ней, Вилар остановился. Оторвавшись от белоснежной стены, охранник преградил Малике дорогу и вопросительно приподнял бровь. Она оглянулась. Взор охранника перетек на Вилара. Надменное лицо расплылось в подобострастной улыбке. Последовал низкий поклон.

— Мой господин, я приглашу начальника, — сказал он и скрылся за дверью.

— Малика, пойдём, — прошептал Вилар. — Банк обслуживает только своих...

Он не успел договорить, как из дверного проема вынырнул плотный человек в дорогом костюме с эмблемой банка на нагрудном кармане. Придерживая дверь, склонился:

— Старший служащий головного отделения тезарского банка к вашим услугам.

— Вышла ошибка... — начал было Вилар.

Малика перебила:

— Ваш банк выдает деньги под залог?

Служащий осмотрел ее с ног до головы, перевел взор на Вилара.

— Прошу вас пройти за мной, — прозвучал елейный голос.

Вилар приблизился к Малике, шепнул на ухо:

— Ты ничего не перепутала?

— Нет.

— Тогда пошли.

В центре большой светлой залы к большому круглому столу прижимались мягкие кожаные кресла на крутящихся ножках. Вдоль стен стояли лакированные столы поменьше, но не менее добротные. Десятки клерков, оторвавшись от бумаг, уставились на посетителей.

Сделав несколько шагов, Малика вцепилась в юбку:

— Я могу заложить кое-что в вашем банке?

Начальник указал на стол в дальнем углу залы:

— Тебе к нему. — Обратился к Вилару: — Я провожу вас в комнату ожидания. Вам предложат напитки...

Вилар направился за Маликой. Усевшись в торопливо придвинутое к столу кресло, закинул ногу на ногу и скрестил руки на груди. Сидя на краешке стула с деревянным сиденьем, Малика крутила на манжете пуговицу.

— Меня зовут Зарин, — представился молодой клерк, одетый в скромный костюм. — Позвольте узнать ваше имя, аспожа.

Вилар оторвал взор от пола:

— Вы хотели сказать: госпожа.

— Вы из знатной семьи? — поинтересовался Зарин у Малики.

— Нет.

— Значит, аспожа. Именно так обращаются в официальных учреждениях Порубежья к простолюдинкам, — объяснил клерк.

— Меня зовут Малика Латаль. Я хочу кое-что заложить у вас.

— Вы хотите получить кредит под залог?

— Не знаю. Наверное. Я кое-что вам дам, а вы мне деньги. А потом я верну деньги и заберу то, что вам дала.

Зарин кивнул:

— Я вас понял.

— И еще... Я не хочу забирать все деньги сразу. Как это делается?

— Надо открыть в банке счет. Но должен предупредить, что счет открывают лишь при

наличии определенной суммы. Такова инструкция, — извиняющимся тоном сказал Зарин. — Что вы хотите заложить?

— Отвернитесь, — покраснев, попросила Малика.

Через пять секунд перед клерком лежало несколько нежно-розовых жемчужин. Зарин покашлял в кулак и жестом позвал начальника.

— Прошу вас перейти за мой стол, госпожа, — промолвил старший служащий и склонился перед Маликой в низком поклоне.

— Вы ошиблись. Я аспожа.

— Не будем заострять внимание на условностях.

— Насколько я знаю, — произнес Вилар, — работник банка, который совершает сделку, получает комиссионные от суммы залога.

— Да, — подтвердил служащий и сузил глазки.

Вилар повернулся к клерку:

— Оформляйте документы.

Придвинув к себе паспорт Малики и беспрестанно вытирая лоб, Зарин заполнял договор. Оценщик придирчиво рассматривал каждую жемчужину под лупой. Разглядывал под яркой лампой, используя фоновые подложки белого цвета. Замерял специальным прибором. Катал по идеально гладкой наклонной поверхности пластиковой горки. Взвешивал на ювелирных весах. Затем долго беседовал со старшим служащим, еще дольше говорил по телефону. А Малика все это время сидела, не шелохнувшись.

Наконец оценщик вернулся к столу:

— Прошу прощения, но... Будь вы из знатной семьи. При всем нашем желании...

— В чем причина? — спросил Вилар.

— Откуда у женщины из низшего сословия жемчуг? — крикнул со своего места старший служащий. — Может, она его украла.

— Я... я не украла... — пробормотала Малика и опустила голову.

Вилар вытащил из внутреннего кармана пиджака паспорт:

— Зарин, оформляй договор на меня, счет открывай на Латаль.

Клерк открыл паспорт и побледнел. Оценщик вывел на листе цифру, придвинул к нему бумагу. Зарин глянул и побледнел еще сильнее.

— Я выпишу чековую книжку, — промолвил он. — К вечеру деньги будут на вашем счете. Перед тем, как их снять, необходимо за день заказать нужную сумму.

— А сейчас нельзя? — просительным тоном произнесла Малика.

— Вам же сказали: надо заказывать, — вновь встрял в разговор начальник.

— Мы заберем всё, что находится в кассе, — промолвил Вилар. — Или в кассе нет денег?

— В банке Тезара действуют определенные правила, — звонко произнес старший служащий, нависая над своим столом. — Если они вас не устраивают, можете пойти в банк Порубежья, которого, к вашему сведению, нет.

Рука Зарина, сжимая паспорт Вилара, мелко задрожала.

— Маркиз... — прошептал клерк.

— Тихо, — шикнул на него Вилар.

Малика подняла глаза. Взор человека, мечтающего побыстрее выбраться из осинового гнезда, переполнил чашу терпения.

Вилар поднялся:

— Хочу напомнить — банк Тезара находится в нашей стране. Если вы желаете и дальше работать в Порубежье, пересмотрите свое отношение к его гражданам.

С лестницы в другом углу залы прозвучал раздраженный голос:

— Кто это нам угрожает?

Пожилой человек в дорогом кашемировом костюме и золотым зажимом в галстукe медленно спускался по отполированным ступеням. Подойдя к Вилару, засунул руки в карманы и важно выпятил живот. Охранники за его спиной придали себе воинственный вид.

— Это имеет значение?

— Конечно. Буду знать на кого писать докладную в Тезар о неуважительном отношении к его подданным.

— Запоминайте. Маркиз Вилар Бархат, советник правителя Порубежья Адэра Карро. А лучше я запишу, чтобы вы не забыли.

Вилар достал из кармана ручку и размашистым почерком вывел имя на белоснежной стене.

Зажав в руках чековую книжку и туго набитый мешочек, вышел из банка. Обнял Малику за талию и, зажмурившись от яркого солнца, глубоко вздохнул:

— Куда теперь?

— В гостиницу.

***

Вилар сидел за столиком на летней площадке кафе и с недовольством поглядывал на часы. Уже перевалило за полдень, а Малика вошла в гостиницу и пропала. Точнее, выскакивала пару раз и, стоя возле двери, жестами просила подождать еще чуть-чуть.

От нечего делать Вилар проглотил обед, выпил пару бокалов ягодного напитка, прошелся по улочке. Вновь усевшись в тени зонтика, прочел местную газетку. Постукивая пальцами по столику, уставился на каменных собак наверху лестницы.

Ну, наконец-то... Малика — тонкая, гибкая — сбегала по ступеням, пересекла небольшую площадь и, загадочно улыбаясь, замерла перед ним:

— Догадайтесь, кто перед вами стоит.

— Время вежливого ожидания давным-давно истекло, Малика, а я, заметь, до сих пор жду.

— Перед вами стоит хозяйка гостиницы.

— Вероятно, ты забыла, зачем мы приехали в Ларжетай.

Улыбка сползла с пухлых губ.

— Я купила гостиницу. Слышите?

— Зачем? — бросил Вилар.

— Вы не одобряете?

— Серьезные решения не принимаются на скорую руку.

— Я всю ночь думала.

— Что ты собираешься с ней делать?

Малика опустила на стул:

— Я перевезу сюда Муна. В старости людям необходимо чувствовать себя важными и нужными.

Вилар посмотрел на облезшие стены гостиницы.

Проследив за его взглядом, Малика промолвила:

— Я приведу ее в порядок.

— Из одного ремонта в другой с небольшой разницей — чердака, заваленного люстрами и мебелью нет.

— Господин Вилар, кому знать, как не вам, что с деньгами чердак не нужен.

— Будешь обедать?

— У меня много дел.

— Ты не поедешь со мной?

— Много дел и мало времени. — Малика поднялась. — Прошу прощения, что задержала вас.

Вилар облокотился на столик:

— Какую еще глупость ты собралась совершить?

Она указала на магазин на другой стороне улицы:

— Хочу купить платье. — И перебежала дорогу.

Светлый торговый зал встретил изысканным ароматом духов. Вдоль зеркальных стен тянулись стойки с одеждой. В центре полукругом стояла мягкая мебель.

Умостившись в глубоком кресле, Вилар улыбался. Ему нравилось наблюдать за Маликой: порывистые движения, смущенные взгляды, трепет густых ресниц. Она прикладывала платья к себе и тотчас возвращала хозяйке магазина — худенькой женщине без возраста.

— Моя аспожа, — говорила хозяйка, только успевая подавать и принимать наряды. — Платье смотрится намного выигрышнее, когда оно надето. С вашей фигурой вы в любом наряде будете выглядеть как королева. Главное, определиться с расцветкой и фасоном.

— Может, синее? — спросил Вилар.

— Нет! — отрезала Малика.

Передвинув на стойке плечики с шифоном, шелками и кружевами, хозяйка достала довольно скромное платье цвета кофе с молоком. Никаких излишеств: ни воланов, ни бантов.

— Если вы привыкли к неброским тонам, перейти на яркие и сочные тона будет непросто. В этом я вас понимаю.

— Оно едва закрывает колени! — воскликнула Малика.

— Может, брючный костюм? — Хозяйка и вытащила из вороха одежды брюки и блузку. — Прошу вас, примерьте.

— Нет, — бросила Малика и приложила к виску пальцы. — У вас есть что-нибудь серое? Чуть светлее, чем мое платье.

— Вам так нравится этот цвет?

Малика явно хотела что-то сказать, но в последнюю секунду, видимо, передумала и коротко кивнула.

Хозяйка перешла к следующей стойке с нарядами:

— Вы знаете, что серый цвет и его оттенки считаются бесцветными, как и белый с черным?

Малика заметно напряглась:

— Знаю.

— И получают его путем смешивания трех основных цветов — красного, синего и зеленого, — говорила хозяйка, двигая плечики с платьями. — Спросите, откуда я это знаю? Мой отец работал на швейной фабрике. Он считал, что если человеку нравится какой-то

цвет, то на уровне подсознания человек прикипает к краскам, из которых этот цвет состоит. Мудрено, согласна. Но красный, синий и зеленый — ваши цвета, как бы вы не сопротивлялись.

— Простите, мы торопимся, — сказала Малика и выскочила из магазина.

Она ждала Вилара на углу дома.

— Что на тебя нашло? — спросил он, приблизившись.

— Ничего. Просто не хочу вас задерживать.

— Адэр не ограничил меня во времени.

Малика натянуто улыбнулась:

— Тогда пошли.

— В другой магазин?

— Нет. — Она посмотрела по сторонам и указала на пешеходный переход в конце улицы. — Туда.

В небольшом скверике недалеко от гостиницы толпились люди. Подойдя ближе, Вилар рассмотрел картины, расставленные на скамьях с высокими спинками. Среди зевак важно прохаживались люди в широких цветастых рубахах навывпуск и в клетчатых шапочках с пушистыми помпонами. Малика что-то тихо сказала одному из них. Вскоре ее окружила толпа художников. Вилар, увлеченный удивительным пейзажем, не слушал их разговор.

За спиной прозвучал хриплый голос:

— Заинтересовало?

Вилар обернулся.

— Красиво. Не правда ли? — промолвил пожилой человек.

— Не устаю удивляться фантазии художника.

— Это написано с натуры. Ущелье Испытаний.

— Ваше творение?

— Сына.

— Как он умудрился такое написать?

Мужчина мизинцем пригладил седую бровь:

— Если бы вы были местным, задались бы другим вопросом: как он умудрился пронести туда холст и краски?

Вилар вознамерился расспросить незнакомца о тайне ущелья, но вниманием завладело оживление в толпе художников.

— Это надо сделать быстро! — донесся голос невидимой среди пушистых помпонов Малики. — Растормошите воображение, нарисуйте воздушные замки и предложите мне эскизы.

— Аспожа! Творческую личность нельзя толкать в спину.

— Представьте ваши работы на стенах гостиницы. Я куплю их, если вы предложите мне соответствующий картинам интерьер.

После недолгого бурного совещания кто-то спросил:

— Когда нам приступить к работе?

— Прямо сейчас, — последовал ответ.

Вынырнув из толпы, Малика приблизилась к Вилару:

— Идем дальше?

Через полчаса они переступили порог строительной конторы. Броская вывеска не соответствовала тому, что предстало их взору: небольшое окно, засиженное мухами; на

подоконнике закопченный чайник; в углу ворох рабочей одежды.

Из-за стола с поцарапанной крышкой резво вскочил паренек и торопливо спрятал за пазуху тоненькую книжку:

— Чем могу служить?

— Я хотела поговорить о крупном заказе. Но вижу, что ваша контора не работает, — сказала Малика и сделала шаг назад.

Сбоку, из приоткрытой двери вышел поджарый, как скаковая лошадь, человек:

— Я Таали, начальник этого беспорядка и отец этого олуха. — Вытащил из-за пазухи сына книжицу, бросил ее на подоконник. — В роду все строители, а он надумал стать ботаником. Хохма, ей богу. Тащи стулья.

Пока паренек выносил из соседней комнаты стулья и потрепанные папки, Таали говорил, протирая стол:

— Контора работает, но туго. Заказов мало. Все хотят обойтись дешевой рабсилой. Набирают сезонников, а потом не знают, что с ними делать. Зовут нас. Но мы предпочитаем работать с нуля, а не исправлять чужие ляпы. — Указал на стулья. — Прошу.

Когда все разместились вокруг стола, Таали вытащил из папок фотографии и разложил их веером перед Маликой и Виларом.

— Нам есть чем похвастаться. Смотрите: вот здания до ремонта. — Постучал по снимкам ребром мозолистой ладони. — А здесь после. Вот комнаты, а это залы. Работаем с хорошим материалом из Партикурама. В моем подчинении сорок человек. Ремонтируем и строим быстро. Но если надо быстрее, могу привлечь контору брата.

Малика повернулась к Вилару:

— Как вам?

— Ты хозяйка — тебе решать.

— Хорошо. Если сойдемся в цене...

— Аспожа! Мы простые люди. Договоримся, — промолвил Таали.

Создалось впечатление, что воздух в комнатке заискрился, словно его наполнила вылетающая из глаз начальника надежда вперемешку с боязнью сглазить удачу.

— Ты ничего не теряешь, — проговорил Вилар. — Пусть отправляются в гостиницу, составят смету. А там решишь.

Начальник громко выдохнул и потер руки.

Покинув контору, Малика направилась в другую сторону от гостиницы.

— Это еще не все? — спросил Вилар.

— У меня очень мало времени. Хочу все успеть, — сказала она и прибавила шаг.

Вилар недовольно косился на нее. Отвыкнув от длительных пеших прогулок, он чувствовал, как потяжелели ноги, дыхание участилось, к спине прилипла рубашка.

— Почему мы ходим пешком, а не ездим на машине?

— Я иду так, как мне сказали идти, а не ехать.

— Кто сказал?

— Бывшая хозяйка гостиницы.

— Если она такая умная, почему довела гостиницу до такого состояния?

— Не знаю. Может, у нее нет жемчуга?

Вилар недовольно вздохнул:

— Вечерет.

— Обещаю, это последнее место, куда мы сегодня заглянем.

Возле окна сидели две девушки, озаренные закатным солнцем. Их пальчики проворно переплетали тонкие шелковые нити. Кружевное полотно спадало с пальцев на пол, застеленный белой тканью.

Посреди комнаты возле странного станка стояла, согнувшись, пожилая женщина. Свисающая с потолка лампа освещала распятый на станке ярко-зеленый ковер с вытканными цветами. Глядя на узоры, Вилар переступил с ноги на ногу. Появилось желание провести пальцами по лепесткам и убедиться, что они не настоящие. Держа в руках иглы, мастерица наблюдала за ним из-под поднятых на лоб очков.

— Удивительно, — сказал он. — Как это вам удается?

— Простите? — озадаченно проговорила женщина.

— Они выпуклые! — Вилар не удержался и потрогал лепестки. — Если бы ковер лежал на полу, я бы решил, что цветы рассыпаны.

Женщина расплылась в улыбке:

— Благодарю вас, господин.

— Вы выполняете чей-то заказ?

Мастерица горестно вздохнула:

— К сожалению, нет. Беднякам это не по карману, а дворяне предпочитают хвастаться друг перед другом заграничными коврами. А наш удел — давать пальцам работу, чтобы не забыли ремесло.

Отложив иглы в сторону, подошла к девушкам:

— Мои дочери. Плетут занавеси.

Поднесла кружевное полотно к стеклу. Virtuозное переплетение нитей превратило тусклое оконце в переливающееся окно дворцовой залы.

Вилар повернулся к Малике, рассматривающей ковер:

— Делай заказ.

Мастерица прижала кружева к груди:

— Вы хотите заказать занавеску на окно?

— Ковры и занавеси в трехэтажную гостиницу, — промолвила Малика.

Мастерица опустила очки на глаза, вновь водрузила их на лоб:

— Трехэтажную? Это ж сколько комнат?

Лоточники зазывали поздних прохожих. Из открытых дверей кафе и ресторанов вылетали голоса и музыка. Из распахнутых окон домов доносился смех. В конце улицы виднелось единственное темное здание гостиницы. К ней, еле волоча ноги, мечтая о горячем душе и мягкой постели, шли Вилар и Малика.

— Ты не говорила о жемчуге, — сказал Вилар. — Откуда он у тебя?

— Наследство.

— Почему с таким состоянием ты жила в чужом замке?

— Всему свое время.

— Ты сказала, что перевезешь сюда Муна. А сама?

— Слишком много вопросов для одного вечера, — проговорила Малика и устремилась к каменным собакам наверху лестницы.

Они добрались до номера, вяло пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по комнатам.

***

С улицы доносились сигналы машин и непонятный шум. Вилар откинул одеяло. Гул голосов, похожий на гудение потревоженных пчел, заставил подойти к распахнутому окну. На площади перед гостиницей стояла толпа зевак. Возле кафе скучились официанты и работники кухни.

На ходу застегивая рубашку, Вилар выбежал в гостиную:

— Малика! Что происходит?

Не дождавшись ответа, заглянул в открытую дверь спальни. Идеальный порядок, и что-то подсказывало: на ночь постель никто не расстилал. Проведя рукой по спутанным волосам, Вилар покинул номер.

В вестибюле царил невообразимый кавардак. В воздухе плавала мелкая пыль. Строители сдирали со стен старую краску, вынимали рамы с мутными стеклами. Ватага художников с мечтательным видом бродила по застеленному газетами паркету, и чуть было не прошла по начищенным до блеска сапогам Вилара.

Он вышел из гостиницы и, обогнув гурьбу ротозеев, закрутился на месте. Кто-то угнал его автомобиль! Настроение с самого утра было испорчено. Усевшись за столик на летней площадке кафе, долго наблюдал за работниками, а те возбужденно обсуждали все действия строителей. Его злобный взгляд наконец-то заметили.

Знакомый официант положил перед Виларом меню:

— Вот затеяли. — Кивком указал на гостиницу. — Это одно из самых старинных зданий в городе. Посмотрим, что получится.

— Ты не видел, кто уехал на красной машине?

— С поцарапанным боком? Видел. Ваша служанка.

Вилар с недоверием посмотрел на паренька.

— С ней был Таали, — добавил официант.

— Таали?

— Не знаете такого?

Вилар облокотился на стол и прикрыл рукой глаза:

— Знаю.

Проглотив завтрак, он уже с интересом рассматривал строительные леса, опутавшие гостиницу, подобно сачку для бабочек. Когда успели их установить? Неужели сбежались строители со всего города?

Из толпы вынырнула Малика. Подсев к столику, подперла рукой щеку.

— Ты без разрешения взяла мою машину, — сказал Вилар.

— Простите. Вы очень крепко спали, и я не смогла вас разбудить.

— Где была?

— Мы с Таали получили лицензию на реставрацию памятника истории.

— Ее не выдают сразу.

— Не выдают — продают. Похоже, что всю страну можно купить, как ненужную бумажку.

Перед Маликой услужливо склонился официант. Она делала заказ, а Вилар хмурился.

Не бессонная ли ночь и сумасшедшие дни помutilи ее рассудок? Где это видано, чтобы девушка столько могла съесть? Последняя фраза «Мы возьмем с собой» насторожила.

— Что ты придумала на этот раз? — спросил он и приготовился противостоять любому предложению.

— Хочу вас удивить.

— Я сыт сюрпризами. Надеюсь, кроме лицензии, ты больше ничего не купила?

— Не успела.

— Это уже без меня. Я отправляюсь искать зал для аукциона.

— Вы разрешите взять вашу машину?

— Ты умеешь водить? — удивился Вилар.

— Умею. Ваш водитель научил.

— Зульц?

Малика улыбнулась:

— У вас есть еще водитель?

— Ладно. Об этом поговорим позже. Зачем тебе машина?

— Хочу поведать знакомого, а потом хочу посмотреть зал для аукциона.

Официант поставил на стол корзинку, накрытую салфеткой.

Малика поднялась:

— Вы со мной? Или предпочитаете ходить пешком?

— За что мне такое наказание? — пробормотал Вилар и взял корзинку.

Они кружили по улицам, расспрашивая прохожих, где находится Площадь Умельцев. Твердо решив ни во что не вступать и с завтрашнего дня заняться поиском зала, Вилар подставлял лицо легкому ветерку, влетающему в окна, смотрел на изумрудную зелень парков и понимал: блаженству скоро придет конец.

Припарковав автомобиль в тени кленов, они пошли по тротуару и спустя время ступили на площадь, которая представляла собой бревенчатый городок, расположенный в центре большого каменного города. Вдоль аллей стояли одинаковые домики без дворов и оград. На прохожих пялились одинаковые оконца с одинаковыми резными ставнями. Остроугольные крыши соединяла паутина проводов. Над арочными дверями были прибиты адресные таблички.

Вилар не выдержал:

— Что мы здесь делаем?

— Ищем Кристальную улицу, — ответила Малика и устремилась в переулок.

Вилар только успевал смотреть по сторонам: Секундная улица, Медная, Бронзовая, Шелковая, Золотая...

— Вот она, — промолвила Малика. — Нам нужен сорок седьмой номер.

Вскоре они остановились перед точной копией всех домов. На бронзовой дверной ручке висела картонка с надписью «Мастер Ахе». Малика постучала. Дверь беззвучно открылась, а щелчке показалась седая голова.

— Мастер Ахе! Ты меня не узнаешь?

Старик вышел из дома. Свел реденькие брови:

— Бог мой... Малика... Глаза твои, но это не ты.

Она обняла Ахе, поцеловала в морщинистую щеку:

— Я.

— Ты изменилась.

Малика рассмеялась:

— Еще бы! Мы не виделись семь лет.

— Неужели семь лет? — Старик покосился на Вилара. Интеллигентный вид и дорогой костюм незнакомца старика явно успокоили. — Чего ж мы стоим на пороге? Проходите.

Малика взяла его за руку:

— Мастер Ахе, это маркиз Бархат, будущий советник правителя.

Вилар коротко кивнул. Лицо старика вытянулось, кровь отхлынула от сморщенных щек.

Ахе низко склонился.

— Маркиз Бархат, — продолжила Малика. — Это Ахе, младший брат Муна.

Перешагнув вслед за мастером порог дома, Вилар попал в тесную комнатку со скудной обстановкой. С потолка свисала лампа на длинном проводе. На стене тихонько тикали часы с кукушкой. К блеклым обоям был приколот булавкой календарь.

— Может, чайку? — спросил старик.

— У нас мало времени, — промолвила Малика. — Чаек завтра попьем. Лучше покажи маркизу свои работы.

— Как поживает Мун? — спросил Ахе, убирая со стола на подоконник кружку и тарелку с надкушенным бутербродом.

— Я завтра приду, и обо всем поболтаем. Хорошо? — отозвалась Малика.

Ахе с озадаченным видом пожал плечами:

— Хорошо. — Торопливо набросив клетчатый плед на узкую кровать, глянул на маркиза. — Вы хотите что-то купить?

— Посмотреть, — поспешила ответить Малика. — Скоро в Ларжетае пройдут ювелирные торги.

— Об этом еще рано говорить, — сказал Вилар недовольно. — И не думаю, что мастеру Ахе это интересно.

— Почему же? Мне очень интересно, — заверил старик. Придвинул к столу скамью. — Прощу. — Вытащил из тумбочки настольную лампу. — Эта ярче, но прожорливая, как ёрш. Ёрш не тот, чем бутылки чистят. Ёрш — это рыба.

Яркий свет неприятно резанул по глазам. Вилар зажмурился. Малика легонько толкнула локтем его в бок:

— Смотрите!

Ахе достал из небольшого деревянного сундучка золотой браслет, украшенный алмазами. Поднес к лампе:

— Цветные лучи, из которых слагается белый цвет, а это красный, оранжевый, зеленый и другие цвета, преломляются по-разному. Потому на выходе из кристалла луч белого цвета расщепляется на все цвета радуги. Это явление называется игрой камня или огнем. Один поворот бриллианта вызывает целый сноп радужных искр.

Старик передал Вилару браслет, достал из сундучка сережки:

— Если камни огранены правильно, световые лучи изгибаются, преломляются и снова выходят через их верхнюю часть, а не теряются, уходя через нижнюю. Это усиливает блеск ограненного камня.

Передав Вилару сережки, Ахе вытащил из ящичка перстень:

— Твердые, хорошо отполированные камни, по сравнению с мягкими, имеют более яркий блеск. Полировка усиливает его и выявляет истинный цвет. Из всех оптических свойств, цвет, пожалуй, имеет наибольшее значение, особенно для непрозрачных камней.

Ахе все говорил и говорил. На стареньком столе росла горка камней в золотой и серебряной оправе.

— Как вам удалось сколотить такое состояние? — спросил Вилар.

— Дело всей моей жизни. Раньше было проще: то за работу кто-то платил камешком, то мне удавалось купить за бесценок нечто тусклое и невзрачное. Не все знают, что из этого нечто можно сделать что-то. — Ахе принялся складывать украшения в сундучок. — Теперь все по-другому: приходится корпеть над дешевыми стеклышками и мастерить грошовой побрякушки.

— Почему не продали изделия?

— За бесценок — жалко, за настоящую цену — некому. — Ахе любовно провел рукой по крышке сундучка. — Они ждут лучших времен.

— Лучшие времена скоро настанут, — проговорила Малика и поднялась. — Нам пора.

Старик удивился:

— Посмотрели и всё? И ничего не расскажете о торгах?

Малика обняла его за плечи:

— О новостях ты узнаешь первым.

— Скажу по правде, сюрприз удался, — промолвил Вилар, шагая по улице рядом с Маликой. — Твой Ахе настоящий мастер.

— Маркиз Безбур говорил, что на аукционе умельцы могут продать свои работы, — произнесла она и раскинула руки. — Посмотрите, сколько их. И каждый готов заплатить за участие.

***

Малика вела автомобиль. Вилар взирал на унылую пустошь. За два дня пребывания в Ларжете он уже запомнил, как выглядит истинное Порубежье.

— Плохая затея. Давай вернемся.

— Вы же ничего еще не видели, — отозвалась Малика.

— Мне достаточно того, что я вижу сейчас. Разворачивай машину. Ты слышишь?

— Я хочу показать вам зал.

— Ни один дворянин не поедет по такой дороге ради какого-то аукциона. Мы попусту тратим время.

— Если вы повторите это вечером, я извинюсь перед вами.

Вилар уставился в окно: до самого горизонта ни души, ветер доносил соленый запах моря.

— Ты забыла, чем закончилось ваше путешествие с Адэром?

— Не забыла. То место, куда мы едем, люди обходят стороной.

— Почему?

— Место заколдовано.

Вилар вздохнул:

— Еще лучше.

— Вы верите в сказки?

— Я давно выскочил из коротких штанишек.

— Тогда вам не стоит волноваться.

Вилар повернулся к Малике:

— Когда ты успела научиться водить?

— Мы с Зульцем отремонтировали вашу машину. Он просил нажать на газ, покрутить руль, сдать назад. Так и научилась. — Малика заглушила двигатель. — Приехали.

— Корзинку брать?

— Потом возьмете.

Спустившись по отлогому склону, они очутились в низине, похожей на овальную тарелку. Пересекли ее дно.

Вилар пошел было вверх по скосу, но Малика схватила его за руку:

— Не торопитесь. — И устремила взгляд на солнце, выпавшее из зенита.

Бежали минуты, она пристально смотрела в небо, а Вилар ничего вокруг не замечал — мысли и чувства переключались в ладонь, в которой легонько трепетали девичьи пальцы.

Держась за руки, они прошли до середины склона и вновь остановились. Вершина косогора была в нескольких шагах, но даже отсюда Вилар увидел ярко-зеленый залив, отгороженный от моря грядой острых скал.

Пальцы Малики задрожали.

— Замерзла? — спросил Вилар.

— Идем! — промолвила она и устремилась вперед.

Земля перед ними ушла вниз очередным пологим склоном. Вилар посмотрел на побережье. Сердце замерло вместе с дыханием.

На берегу горел огромный зеленый костер, переливаясь всеми оттенками изумительного цвета. Сказочное свечение подобно рваным языкам пламени поднималось к знойному небу. Вдруг костер превратился в высокий изумрудный столб, напоминающий кристалл драгоценного камня. Краски побледнели, столб истончился и в мгновение ока рухнул в залив.

Вилар растеряно всматривался в заброшенные строения на побережье. Дома на окраине выглядели маленькими и неказистыми, ближе к центру здания становились выше, отчего складывалось впечатление, будто городок стоит на горе.

— Что это?

— Смарагд. Город — изумруд, — сказала Малика и побежала вниз.

Они шли по плавно изогнутой улице мимо занесенных песком полуразрушенных домов. Каждая следующая улица образовывала кольцо поменьше. Их соединяли узкие переулки. В центре города находилась площадь с единственным строением: высокий одноэтажный круглый дом с множеством дверных проемов и оконных арок.

Они вошли внутрь. Взгляду предстала одна большая комната.

— Подойдет для проведения торгов? — спросила Малика и закружила по залу, водя руками. — Вот здесь и здесь поставите стулья. А здесь установите стенды с камнями.

Вилар посмотрел на пустые оконные проемы, на пол, покрытый песком и сухим илом:

— Места много, а работы еще больше.

— Участники оставят машины возле низинки, — продолжала Малика, не обращая внимания на его слова. — Главное — не ошибиться и точно рассчитать время по солнцу.

— Откуда взялся костер?

— Вы внимательно слушали Ахе?

— Честно говоря, вполуха.

— Он так старался произвести на вас впечатление.

— На меня произвели впечатление его работы. Это намного важнее.

Малика вздохнула:

— Солнце должно находиться в определенной точке, чтобы лучи отражались от изумрудной воды залива под нужным углом. Так называемая игра света.

— Откуда ты узнала о Смарагде?

— В отличие от вас, я люблю сказки.

Вилар прошелся по залу, поддевая носками сапог лохмотья ила:

— Я расскажу Адэру, но два месяца — очень маленький срок.

— Через два месяца моя гостиница будет готова к приему гостей. Неужто уборка мусора займет больше времени?

— Не я решаю. Пора возвращаться, Малика.

— Это еще не все. Несите корзинку.

Расположившись у воды и расстелив на песке салфетку, Малика выкладывала из корзины булочки и бутерброды:

— Что делать с дорогой? Построить ее вы точно не успеете.

— Ты говоришь так, будто вопрос с выставкой в Смарагде решен.

— Представьте, что уже решен.

Вилар наполнил бокал вином, сделал глоток:

— Хорошо, попытаюсь. Можно обойтись малой кровью. Расчистить от камней, увлажнить и утрамбовать, чтобы не летели песок и пыль. Так делают в Тезаре, если дорога редко используется.

Малика протянула ему бутерброд:

— Надо узнать, есть ли в Ларжетате транспортная контора или дорожный участок.

— Конечно, есть. Только они до сих пор подчинены Тезару.

— У вас были женщины? — вдруг спросила она.

Вилар подавился куском хлеба. Похлопал себя по груди:

— В смысле?

— В прямом.

— Мне двадцать восемь лет, Малика.

— Вы любили?

— Мне не нравится эта тема.

— Вам неприятен разговор о любви?

— Это было давно.

— Значит, любили.

— У всех когда-то была первая любовь.

— Не у всех.

— Не хочу спорить.

— Какая она была?

— Не помню.

— Помните. — Малика зачерпнула пригоршней мелкий белый песок, тонкой струйкой вернула берегу. — Тезарские дамы красивые?

Вилар вновь наполнил бокал, покрутил в руке. Море безмятежное, как воспоминания о далеком детстве. Небо темно-лиловое, как сирень под окнами замка отца. Воздух ядреный, сочный, как настоявшийся чай. Сейчас бы открыть душу, но нет же... не туда пошел разговор.

— Почему молчите? Вспоминаете первую любовь?

— Вспоминаю тезарских дам, а на ум приходит только Галисия Каналь, возлюбленная

Адэра.

— Галисия... красивое имя. Какая она?

— Не в моем вкусе. Мне нравятся смуглые, черноволосые, черноглазые, — говорил Вилар, глядя на Малику. — Адэр равнодушен к белокурым девицам с фарфоровой кожей и небесными глазами.

— Как Вельма?

Вилар хохотнул:

— Вельма? Не смейся. — Сделал глоток вина. — Пока доберемся до гостиницы, наступит ночь. Поехали?

— Скоро поедem.

Вилар посмотрел в дымчатое небо.

— Над Смарагдом никогда нет луны, и не светят звезды, — сказала Малика и надолго умолкла.

Он слышал ленивый шепот волн, но моря в наступившей темноте уже не видел, как не видел перед собой скал и за плечами древнего города.

— Малика...

— Дайте мне свою рубашку, — попросила она и поднялась.

— Зачем?

— Не хочу ехать в мокром платье.

— Хочешь искупаться?

— Да.

— Шутишь...

— Пожалуйста, дайте рубашку.

Переодевшись за его спиной, Малика пошла к воде. Смуглое тело растворилось в застывшем воздухе, и только белая ткань позволяла следить за девушкой.

— Малика! Это плохая идея!

Прозвучал всплеск воды, белое пятно исчезло.

Вилар вскочил и остолбенел. Из моря выходило Божество в образе женщины. С длинных волос на песок падали крупные капли зелеными кристаллами, кожа светилась мириадами осколков драгоценного камня. Девичья фигура переливалась словно изумруд.

— Малика... — проговорил он и бросился в воду.

Вилар вышел из моря. Остановился в нескольких шагах от нее. К ногам прилипли брюки, по лицу разметались волосы. Сверкающие капли стекали по крепкой шее, широким плечам, струились по опущенным сильным рукам и переливающейся капелью падали в песок.

Малика прижала ладонь к груди. Забеспокоилось сердце, по коже забегали мурашки. И не ветерок тому причина — взгляд... его взгляд, такой волнующий и притягательный.

— Это сон? — шепотом волн прозвучал севший голос.

— Да, сон, — тихо ответила она.

Вилар стремительно приблизился к ней, прижал к себе.

«Какой он горячий...» — удивленно сверкнула мысль и растворилась в хороводе желаний. Голова закружилась, в глазах потемнело. Малика покачнулась, чувствуя, как ослабевают ноги.

Вилар прошептал:

— Это сон, слышишь? Проснувшись, ты можешь о нем забыть. И я никогда не напомним. Но сейчас это наш сон.

Он покрывал поцелуями ее лицо, шею, жадно впивался в губы. Его дрожащие пальцы до боли сжимали тело.

— Ты согласна? — шелестом листьев долетел до сознания голос.

— Вилар...

— Скажи: «Да»...

Борясь с безумной слабостью, Малика пыталась оттолкнуть его. Но руки не слушались. Вилар потянул ее вниз.

Собрав все силы, она крикнула:

— Нет!

Голос пролетел над притихшей волной, эхом отскочил от скал.

— Нет, — прошептала она.

Вилар отшатнулся. Немного постоял, глядя в сторону. Резко повернулся к ней спиной и бросился в море.

Малика переоделась. Долго ходила по кромке воды, вглядываясь в темноту. Она жалела Вилара. Жалела, как саму себя. Он, как и она, попал в западню, из которой уже нельзя выбраться.

Вилар вышел на берег бодрый, веселый. Смеясь, взял рубашку, перекинул через плечо. Подхватив Малику под руку, повел к машине, о чем-то беспечно болтая. Малика не слышала слов, она окунулась в безумную боль, царящую в его сердце, и понимала, что он пытается спрятать под маской безудержного веселья невыносимые страдания.

Поздно ночью, уже проезжая по улицам столицы, Вилар немного успокоился. Остановив машину возле гостиницы, повернулся к Малике:

— Я больше не прикоснусь к тебе. Но скажу: между нами один шаг. Сделай его, и все будет по-другому.

— Вы должны вернуться в замок, — промолвила она. — А я остаюсь.

***

Весь первый день Анатан изучал «Провал»: забирался в пещеры, спускался в каменные колодцы, осматривал расщелины. В перерывах подбегал к разложенным на гладком камне листам и что-то чертил.

Адэр не мешал простолюдину и был благодарен, что тот не мешает ему. Подойдя к лачуге, в которой они с Маликой провели несколько кошмарных дней, не мог решиться толкнуть перекошенную дверь. Пересилил себя, толкнул. Помедлил, переступил порог.

Земляной пол в пятнах крови, стены, покрытые плесенью, мерзкий затхлый воздух, крюк и цепь под дырявой крышей — ничего не изменилось. Так долго подавляемая ярость вновь заворочалась, заскрипела зубами.

Выйдя из лачуги, Адэр приказал охранителям и бойцам снести «камеру» пыток и унижений и до вечера просидел, наблюдая, как к его ногам падают комья глины, камни и доски.

Второй день был потрачен на покорение лабиринта. Рано утром Анатан и бойцы Крикса закинули на плечи рюкзаки с капроновыми шнурами и флягами с водой. Взяли фонари, на всякий случай факел и скрылись в пещере. Охранители продолжали сносить лачуги. Адэр стоял на краю обрыва, следя за полетом чаек над бурливым морем.

Когда солнце окунуло в воду багровый бок, из черного зева вывалились облепленные грязью люди. Взглянув на Адэра и не сказав ни слова, развели костер. Трясаясь в ознобе, подсели к огню и обхватили плечи разодранными в кровь руками.

Третий день был последним. Адэр не мог позволить себе столько времени ничего не делать, а только размышлять. Он подготовился к беседе с будущими советниками. Продумал фразы, жесты, взгляды. Вытаскивая из памяти необходимые сведения, изнасиловал ее так, что она забилась в уголок сознания и тихо застонала.

На рассвете Анатан вновь скрылся с бойцами в устрашающей мгле. Охранители сносили лачуги, а Адэр вышагивал по провалу, потирая ладони и поглядывая на солнце.

— Яр! — раздался голос Анатана.

Адэр оглянулся. Стоя возле пещеры, бойцы с довольным видом сматывали шнуры.

Анатан бежал к нему:

— Мы нашли его. Яр! Надо все время поворачивать направо, а мы, балбесы, вчера прозевали поворот. — Остановившись в двух шагах, пошаркал подошвами сапог по каменной крошке. — Летучих мышей тьма-тьмушая. Как ракшады там ходили?

— Куда ведет пещера?

— Не знаю. В конце туннель, наполовину заполнен водой, оттуда ветром дует, волна накатывает. К колышку лодка привязана. Поплыть не рискнули: вдруг в Партикураме нас возьмут за жабры?

Значит, Партикурам... Но в разговоре с Тезаром об этом лучше умолчать. Если бы Анатан вышел где-то в горах, вопрос — откуда приходят ракшады? — остался бы открытым. Бойвард не имеет выхода к морю, а через горы проходит граница с двумя странами. Пусть Партикурам и Бойвард перекладывают вину друг на друга. Их вражда ему только на руку.

Приказав бойцам и охранителям завалить входы в пещеры с алмазами и с лабиринтом,

Адэр и Анатан медленно пошли к обрыву.

— Кимберлитовых трубок там непочатый край, — еле слышно говорил распорядитель приисков. — Некоторые пустые. В некоторые посветишь, а там алмазы сверкают. Видать, ракшады туда не совались, и они бы не пролезли. А уркам сто лет не надо было. Но воздуха жуть как не хватает. Надо штольни пробивать, инструмент специальный нужен, страховка. Работы куча. Я могу составить примерную смету, но ты же знаешь: только начни. И кто работать будет? До селений далеко.

— Сколько потребуется людей? — спросил Адэр.

— Уйма. Только представь: спускаешься в колодец, протискиваешься в расщелину, попадаешь в пещеру, а оттуда опять расщелины — одна, вторая, третья, — и все в трубках. Пленники ковыряли, где могли, поближе и снизу. — Анатан обернулся и указал еще на одну пещеру. — Там щелей завались. Только я пролезть не смог.

— А если построить в провале рабочий поселок? Одну неделю работает одна смена, другую — другая.

— Где деньги на строительство возьмем? Или правитель даст?

— Не даст. Введи на приисках нормы добычи и штрафуй за невыполнение.

Анатан остановился:

— Не ломай меня, Яр! Меня правитель сделал смотрителем не для того, чтобы я из своих ребят жгуты вил.

Адэр посмотрел на вершину утеса. Анатан должен быть пряником, правитель — благодетелем, а никому не известный инспектор Яр — будет кнутом.

— Я подготовил отчет об использовании денег, — промолвил Анатан. — Деньги тают.

— Я же сказал: нужны штрафы. Ты только придумай, за что. Запустим этот прииск, люди будут целовать тебе руки.

— Не нужны мне поцелуи. — Анатан покряхтел, почесал затылок. — Можно пару раз наказать за баловство.

— Ну? — подтолкнул его Адэр.

— Завезли лопаты, а трех уже нет. Страж походил по дворам, собрал. На следующий день ведер не досчитались. Опять собрали. И так почти каждый день.

Адэр усмехнулся. Станный народ — драгоценные камни сдают, а на мелочовку зарятся.

— Наказывай, но не тех, кто украл, — прятать начнут, — а весь прииск. Удержи по мору, вот тебе инструмент и снаряжение.

— Шланги, трос... — бормотал Анатан, загибая пальцы.

— Поехали, — крикнул Адэр.

— Мы Крикса подождем, — откликнулся боец.

Адэр жестом позвал охранителей.

— А с ней как? — спросил Анатан, указав на оставшуюся лачугу.

— Строители снесут, — ответил Адэр и зашагал к тропе.

Подойдя к машинам, спрятым в тени Великкамня, прислушался к далекому грохоту воды:

— Правда, что Ущелье Испытаний — одно из чудес природы?

— Правда, — промолвил Анатан.

— Я хочу посмотреть.

— В ущелье сложно войти. И сложно выйти.

— Я хочу посмотреть, — повторил Адэр.

— Это опасно? — подал голос один из охранителей.

— На то оно и Ущелье Испытаний, чтобы испытать себя, — сказал Анатан.

— Где вход? — спросил Адэр.

Анатан оглядел его с ног до головы, почесал затылок:

— Может, не стоит? Будь ты из простого люда...

— И что?

— Не хочу тебя обидеть, но простолюдины намного выносливее.

— А я, значит, не из простого люда.

— Меня не проведешь. Ты из дворян, хоть работаешь инспектором. Да ты, поди, и плавать не умеешь.

— Где вход? — жестко произнес Адэр.

— Как знаешь. Мое дело предупредить, — промолвил Анатан и указал на поросший мхом и лишайниками горный кряж, в середине которого виднелась расщелина.

— Я иду один! — сказал Адэр охранителям.

Анатан с плутоватым видом приподнял бровь:

— Я, конечно, понимаю, что тебе непривычно ходить босиком, но сапоги лучше снять.

Адэр разулся и побежал по сухой, колючей траве.

— Мы будем на выходе из ущелья, — донесся голос Анатана.

***

Петляя между камнями, тропинка вела вверх и после каждого поворота сужалась. Валуны по обе стороны выросли на глазах, и вскоре уже не камни, а высокие прочные стены отделяли Адэра от внешнего мира. Шум падающей воды был еле слышен и больше походил на гудение земли. Посторонние звуки растворились в неподвижном воздухе. Неправильная тишина — не такая, к какой привыкли люди. Тишина, от которой шумело в голове и закладывало уши, действовала угнетающе.

Адэр старался производить больше шума, чтобы не потерять связь с реальностью — шаркал ногами по каменной крошке, надламывал сухие ветки, торчащие из расщелин, запрокидывал голову и, глядя на парящих в небе горных орлов, свистел. И все равно чувствовал себя узником, запертым в каменной шкатулке. И каково же было его удивление, когда после очередного поворота уткнулся в скалу.

Осматриваясь по сторонам, насколько позволяла давящая теснота, Адэр усомнился — не прозевал ли где неприметную щель? Уже решив пошагать обратно, поднял глаза на палящее солнце. Взор скользнул по отвесному склону, преградившему путь. Внимание привлек неширокий скальный карниз на высоте трех-четырёх метров, а что над ним — углубление или ведущий куда-то ход, — увидеть не удалось. Отойти подальше мешала стена.

Адэр заскользил руками по скале, пытаясь найти хоть что-то, за что можно уцепиться. Тяжесть тела переместилась с пяток на носки, мышцы натянулись до предела. В тот миг, когда сомнения готовы были возобладать над решимостью, пальцы нащупали две глубокие выемки с бугорками посередине, словно специально созданные для ладоней. Собрав силу воедино, Адэр уперся ногами в камень и подтянулся. Держа немалый вес одной рукой, второй нащупал еще углубление, находящееся немного выше. Еще одно. А вот и карниз. Последний рывок, и Адэр взобрался на ровную площадку. От непривычного напряжения мышцы свело судорогой.

Посмотрел вниз, в тесную каменную шкатулку, — если прыгнуть, можно шею свернуть или голову разбить о скальные выступы. Еще дальше разглядывал чернеющий провал в горе. Если тропинка закончилась, если выемки в отвесной стене были созданы для того, чтобы взобраться наверх, а спрыгнуть в шкатулку не представляется возможным, значит, это единственный путь в ущелье.

Набрал полные легкие воздуха и крикнул. Голос полетел в темень и затих. Сделав несколько шагов, Адэр остановился. После солнечного света ослепила темнота. Наконец из полумрака проступили размытые очертания узкого, уводящего вглубь горы коридора.

Адэр не боялся темноты, не испытывал страха перед замкнутым пространством. Волнение вызывала только высота. К ней он питал восторженное уважение. Но сейчас, стоя перед лицом неизвестности, чувствовал предательскую дрожь в теле. Неужели ему, правителю Порубежья, престолонаследнику Тезара, так необходимо идти вперед, рискуя жизнью? И откуда это глупое и упрямое любопытство, толкающее на необдуманные шаги?

Все неприятности происходили и происходят с ним только из-за желания что-то кому-то доказать. Может быть, Адэр и сворачивал бы с полпути, но в голове яркими вспышками всегда высвечивались либо чьи-то ухмылки, либо сомнение в глазах. И он шел напролом, зачастую уже жалея об ошибке. Сейчас перед внутренним взором стояло плутоватое лицо Анатана.

Глубоко вздохнув, Адэр шагнул в пещеру.

Скользя рукой по каменной стене, он медленно продвигался вперед. За первым же поворотом остановился. Его окутала непроглядная темнота. И сколько Адэр ни силился, глаза ничего различали. Закрутил головой, подсознательно чувствуя, что он не один: казалось, воздух рассекают невидимые тени. Не отпуская стену, пошел дальше. Ноги заскользили по острым камням. Резкая боль пронзила ступни. Адэр охнул и схватился за липкую пятку. Обругав Анатана, заставившего скинуть сапоги, вытер ладонь о влажную стену. Немного постоял в нерешительности. Может, вернуться? Но мысли о прыжке в «шкатулку» заставили двинуться дальше.

Вдруг появился тошнотворный запах. Над головой замелькали угадываемые разумом силуэты, обдавая лицо нестерпимым смрадом. Адэр закрыл нос. Не помогло. Желудок сжался, готовый вывернуться наизнанку.

Дорога внезапно пошла резко вверх, и каждый шаг давался с большим трудом. Адэр уже на четвереньках карабкался в гору, прижимаясь боком к ледяной стене. Колени и ладони чавкали в слизи и, соскальзывая с острых как лезвие камней, с невыносимой болью разъезжались в стороны. Пропитанный живым гниением каменный коридор давил на глаза. Заложило уши. Желудок взбунтовался. Казалось, еще немного, и Адэр захлебнется рвотой.

Он полз, мечтая о глотке свежего воздуха. Боязнь сойти с ума заставляла считать удары сердца. Уже не верилось, что этот подъем когда-нибудь закончится. Он сотню раз повернул бы назад и плевал бы на усмешки Анатана, но страх перед безумным прыжком в «шкатулку» гнал вперед.

Дно пещеры выровнялось. Адэр поднялся на ноги и прислонился к стене. Ступни и колени жгло огнем. Грудь тяжело вздымалась, заставляя всасывать вонь. Адэр снял рубашку и, скомкав, прижал пропитанную потом ткань к носу.

Вдруг что-то коснулось головы, очень осторожно, словно от легкого сквозняка шевельнулась прядь волос. Мягкое кожистое тельце прижалось к плечу. Острые то ли зубы, то ли коготки впились в тело. Мыши! Летучие мыши! Адэра охватил ужас. Он никогда не

видел их, но с детства помнил страшилки, которыми пугают друг друга мальчишки. Так вот что за запах его преследовал — мышинные экскременты! Под невидимым сводом послышался шелест, усиливающийся с каждой секундой, словно осенний ветер сорвал с ветвей сухие листья и гнал их прямо на него.

Адэр побежал, скользя пальцами по холодному камню и повинуюсь изгибам стены. Где-то впереди раздавался гул, переходящий в грохот. Воздух светлел и становился чище, чувствовалась близость воды. И неумолимо разрастался засевший в сердце страх.

Адэр отпустил стену и пошел на свет. Резко повернул и чудом не упал — ноги разъехались на мокром камне. Неимоверный шум заставил зажать уши, переливающиеся блики вынудили зажмуриться.

Адэр вжался спиной в скалу, не в силах открыть глаза. Понимая, что еще чуть-чуть, и разум погрузится в беспросветную тьму, медленно приподнял веки. Он стоял на маленькой полукруглой площадке. Перед ним находился долгожданный выход, но он был перекрыт сплошной стеной воды. Она низвергалась с невероятным, раздирающим ушные перепонки ревом.

Адэр судорожно соображал: что же делать? Перед ним два пути: либо назад — в смердящий, заполненный мышами коридор, либо вперед — с тоннами воды, не зная и не видя, что там, внизу. С какой высоты придется падать и куда? Голову сверлила леденящая мысль — он не умеет правильно нырять.

Чувствуя, как затянувшееся размышление иссушает последние капли решимости, Адэр сделал выбор — вниз с водой! Набрал полную грудь воздуха. Оторвался от скалы. Разбежался, насколько позволяла ширина площадки. Со всей силы оттолкнулся ногами от края и вытянул вперед руки. Поток воды чуть было не унес его с собой. Но могучего рывка хватило, чтобы пролететь сквозь смертельную стену. Вынырнув из нее, Адэр ужаснулся — он падал в бурлящий ад.

Сильно ударившись руками, которые не сообразил поднять вверх или прижать к себе, вошел в воду. Парализовало тело. Глубина затягивала. В глазах закрутились сверкающие спирали. И тут взвыл первобытный инстинкт — во что бы то ни стало сохранить свою жизнь. Адэр устремился к солнцу, колотя руками и ногами. Вкладывая невероятные усилия в каждый взмах, вырвался из холодной воды. Течение подхватило и понесло туда, где гремело и грохотало.

Вцепившись в торчащий из воды камень, Адэр крутил головой, лихорадочно соображая: куда теперь? Посмотрел вверх. Водопад низвергался с невероятной высоты. Над площадкой, с которой был совершен прыжок, поток разбивался о скальный карниз и терял мощь. Поэтому удалось пролететь сквозь сверкающую стену воды.

Неподалеку от себя Адэр увидел зеленеющий берег. Но хватит ли духа добраться? Руки коченели, тело колотилось в ознобе. Пальцы вот-вот расцепятся, и течение понесет одеревеневшее тело в другую сторону от земли. Адэр стиснул зубы и устремился к манящей зелени.

Он лежал целую вечность, уткнувшись лицом в душистую траву и обнимая вселенную. Восстановив дыхание, встал и, запрокинув голову, издал громогласный вопль. Крик придал силы, а вместе с ней прибавил уверенности в собственную непобедимость.

Подошел к краю обрыва. Бешеный восторг вынудил упасть на колени. Далеко внизу простиралась долина, окруженная лиловыми скалами. На солнце переливались хрустальные озера. Возле одной горы виднелось нагромождение валунов. К ним вела тропинка, которая с

высоты выглядела как выложенная зигзагами нить. Над зеленеющим долом искрилась радуга, похожая на мостик, перекинутый через пропасть.

Адэр поднялся на ноги. Сбоку ревел водопад, сквозь который он пролетел. Вода слетала дальше, на острые отточенные камни и стремительно падала еще с одного уступа. Не менее мощные потоки грохотали по обе стороны каньона. Адэр еще раз взглянул на тропинку, бегущую через долину: там выход из ущелья.

Он долго осматривался, выискивая спуск. Взгляд привлек узкий выступ в скале справа, ведущий прямо к водопаду, точнее, за него. Появилось подозрение, что именно там находится еще одна потайная площадка для очередного прыжка. Стоя в стороне от пенного потока и глядя вниз, Адэр сообразил, что отталкиваться от площадки необходимо ровно посередине водопада. Приблизившись к отвесной стене, поставил ногу на выступ. Прижался грудью к нагретому солнцем камню и распластал по нему руки.

Шаг за шагом Адэр приближался к сумасшедшему грохоту, испытывая неодолимое желание зажать уши. Потеря равновесия равносильна смерти — там внизу, за спиной, только огромные валуны. Казалось, что природа оскалилась в злобной, ехидной ухмылке, наблюдая за ним и видя его судорожные потуги померяться с ней силой.

Он чувствовал на затылке тяжелые взгляды тысячи глаз. Хотелось повернуться к ним лицом. Заставлял ноги делать шаг за шагом, убеждая себя, что всему виной уставшее от потрясений воображение. Но ощущение потустороннего присутствия не проходило. По лицу и шее заструился пот.

Раздался леденящий душу монотонный речитатив, будто десятки — нет, сотни голосов невообразимо низким басом читали молитвы на непонятном языке. Пытаясь вырваться из плена обезумевшего сознания и сконцентрироваться на предстоящем прыжке, Адэр вызывал из памяти образы близких и родных людей, надеясь найти в них поддержку. Отец, сестра, Вилар, Галисия. Лица появлялись, истончались и бесследно исчезали.

В какой-то миг Адэр понял, что сил бороться с искушением не осталось. Сейчас он отпустит из объятий ненавистную скалу, повернется лицом к затаившейся за спиной опасности и встретится взглядом с мучителями. И вдруг возле уха прошелестело: «Вам так не терпится умереть?»

Перед взором замелькали вспышки: серая, черная, красная, синяя, и замер яркий, сочный изумрудный цвет. И голос: «Я не думала, что вы так быстро сдадитесь».

Адэр стиснул зубы. В ушах щелк... и перед лицом скала, покрытая ажуром из мелких трещин, а сзади ревет вода, вызывая не страх, а сумасшедший экстаз. Плевать, что под ногами нет площадки! Плевать, что прыгать придется вперед спиной! В жизни есть вещи пострашнее.

Адэр присел, насколько позволили упирающиеся в скалу колени, и пружиной влетел в лавину.

Ноги несли по тропинке, петляющей между валунами. Дикий восторг горланил победную песню. Перед резким поворотом Адэр повернулся к Ущелью Испытаний лицом и низко поклонился. Частичка таинственного мира навсегда поселилась в сердце.

Дорожка вывела на очередное плато. С двух сторон теснились горы. Впереди — обрыв, внизу — круглая каменная чаша с неподвижной черной водой. Это выход? Скользя взглядом вдоль подножия скалы, Адэр заметил в тени серебристый автомобиль и машину охраны. Анатан и охранители, задрав головы, смотрели на него. Сердце радостно забило — выход!

Он стоял над крутым обрывом. Багровое солнце слепило глаза, морской ветер перебирал волосы. Вот бы расправить плечи, взмахнуть руками и оттолкнуться от земли. Подняться на головокружительную высоту и сорваться вниз. Свобода выбора, свобода полета.

Адэр расправил плечи. Взмахнул руками. Оттолкнулся от земли. Вот он — долгожданный полет...

***

На рассвете в замках государственных мужей зазвонили телефоны. Безликие, невыразительные голоса передали требование правителя в срочном порядке явиться во дворец.

Войдя в зал Совета, Трой Дадье увидел несколько советников. Моган восседал во главе стола и с угрюмым видом читал какие-то документы; листы в его руках слегка подрагивали. Трой не помнил, чтобы правитель прилюдно выказывал волнение и уж тем более нарушал дворцовый этикет — он всегда входил в зал последним и первым его покидал. Дадье кивнул коллегам, занял место по правую руку правителя и приготовился к серьезным неприятностям.

Наконец пустующих кресел не осталось. Великий отложил листы в сторону, дал знак секретарю и сжал подлокотники с такой силой, что казалось, сейчас раздастся треск дерева.

Секретарь побежал вокруг стола, раскладывая перед советниками бумаги.

— Этот документ я получил час назад. В течение дня его получают главные финансисты всех стран, — сказал Моган.

Трой придвинул к себе копию отчета международных наблюдателей об инспекции приисковых отделений «ЮвелиБанка» в Порубежье и с жадностью заскользил взглядом по строчкам.

— Пахнет международным скандалом, — раздался чей-то голос.

— Единичный случай — не повод для скандала, — возразил советник по финансовым вопросам и рывком ослабил узел на галстук.

Великий занес кулак над столом, но в последний миг разжал его и медленно опустил на лист.

— Вы идиот, советник Боевар? Тридцать два драгоценных камня незаконно осели сразу в шести приисковых отделениях банка! За один день! — говорил он, сминая документ в руке. — И это единичный случай? А за двадцать лет... Ну-ка, навскидку. Сто шестьдесят тысяч камней!

— Сомневаюсь, что чиновники воровали все двадцать лет.

Моган направил на главного финансиста жалящий взгляд:

— А сколько?

— Сто шестьдесят тысяч камней — это не шутка. Их при всем желании не спрячешь. Еще и где — в Порубежье!

— Мелкие чиновники — всего лишь рыбки-верховодки, потому так легко и попались, — промолвил верховный судья. — Щука прячется намного глубже.

— Абсолютно с вами согласен, — сказал советник по правоохранительным вопросам. — И опыт подсказывает, что из длинной цепи, которая ведет к этой щуке, большинство звеньев уже исчезло.

— У меня был целый час на раздумья, а потому расскажу, как будут развиваться события дальше, — произнес Моган. — Чиновников приисковых отделений доставят в следственный комитет живыми и невредимыми. В «ЮвелиБанке» будет назначена временная администрация. Совет директоров банка по собственному желанию передаст

государству полный пакет акций и добровольно погасит все убытки, которые понесла казна Тезара за двадцать лет и казна Порубежья за два с половиной месяца. Генеральный директор банка и мой советник по финансовым вопросам не перенесут позора.

Холеное лицо Боевара вытянулось, покраснело, побелело. Казалось, еще секунда, и советник упадет замертво.

— Следствием будут установлены виновные, — продолжил Великий. — После суда они по ошибке окажутся в одной камере с психопатами. Все произойдет именно в такой последовательности.

— Мой правитель, — проговорил Трой Дадье. — У советника Боевара, в отличие от генерального директора банка, крепкие нервы и выносливое сердце. Он приложит все усилия, чтобы отразить удары по «ЮвелиБанку» и отстоять честь банковской системы Тезара в целом. Но если я ошибаюсь в своих предположениях, нашего финансиста лишат титула посмертно.

Боевар с трудом поднялся:

— Я оправдаю доверие... — И рухнул в кресло.

— Далее, — сказал Великий и вновь дал знак секретарю.

Тот закружил вокруг стола, раскладывая бумаги. Но Трой даже не взглянул в документ. Он догадался, о чем пойдет речь.

— Первый удар по «ЮвелиБанку» уже нанесен, — промолвил Моган. — Адэр Каррс отказывается сдавать в банк камни с приисков. Отныне расчет за охрану границ он будет производить в денежном эквиваленте.

— И сколько он собирается платить за камни? — проблеял главный финансист, промокнув рукавом рубашки пот над верхней губой.

— Подозреваю, что ровно столько, сколько платил ему Тезар, — ответил Трой.

— А кто будет проверять их на качество? — не унимался Боевар. — Кто их будет считать, в конце концов?

— Уж точно не работники «ЮвелиБанка».

— Так недалеко и до сокрытия прибыли...

— Советник Боевар! Вам стоит выпить воды и приложить к голове лед, — перебил его верховный судья.

— Это обманное заявление, — вклинился в разговор советник Каналь. — Адэр пытается вынудить нас пересмотреть стоимость камней. Ему негде взять деньги. Кроме «ЮвелиБанка» камни никто не купит.

— Его казны хватит на месяц, не более, — подтвердил Боевар. — Как только прекратится выплата жалования рабочим приисков, в народе начнутся волнения.

— Мой правитель, — произнес Трой. — Прошу оставить этот вопрос открытым. Я попытаюсь убедить Адэра отказаться от необдуманного и скоропалительного решения.

Великий неопределенно пожал плечами и взял следующий лист.

— В замке Адэра под стражей находится нарушитель границы, — сказал он и подождал, пока секретарь разложит перед советниками бумаги. — Нарушитель — гражданин Ракшады Ишгар Гарпи. В связи с этим, Адэр требует пересмотра договоренностей об охране границ.

— Речь идет об уменьшении доли прибыли с приисков? — прозвучал севший голос Боевара.

— Естественно, — ответил Трой.

— Какова общая протяженность границы Порубежья? — обратился главный финансист

к советнику по вопросам обороны.

— Семь тысяч миль.

— А через горы?

— Сорок восемь миль.

Боевар вяло улыбнулся:

— Убытки Тезара составят всего лишь полпроцента.

— Адэр требует учесть и морскую границу, — сказал Трой.

— Это почти две тысячи миль! — воскликнул советник по международным вопросам.

Боевар произвел на листике расчеты:

— Грубо говоря, с приисков мы получим не пятьдесят процентов, а тридцать пять.

Готов Тезар к таким убыткам?

Советники зашумели: «А вы прикиньте, во сколько обойдутся Тезару мероприятия по организации береговой охраны». — «Адэру не хватит отвоеванных денег даже на покупку сторожевых катеров». — «Он не собирается их покупать. Он увеличит поступления в свою казну и забудет о границе». — «Мы останемся с носом».

Трой похлопал ладонью по столу:

— Почему все говорят о деньгах? Почему никто не говорит о нарушителе границы? А он, между прочим, родной брат хазира.

— Вряд ли ракшад назвал себя, — сказал советник по международным вопросам. — Из этих варваров слова не вытянешь.

— Его имя назвал Адэр. Разве этого не достаточно?

— Адэр мог ошибиться. А у нас нет дипломатических связей с Ракшадой, чтобы хоть как-то прояснить ситуацию.

— И вас не интересует, что делал гражданин чужой страны в землях Адэра?

— Интересует. Но лезть во взаимоотношения двух стран я не намерен. И вам не советую. Если нарушитель на самом деле Ишгар Гарпи, хазир обратится к Адэру с просьбой выдать брата и тем самым признает его права на Порубежье.

— Надо напомнить Адэру, что в Ракшаде узаконена кровная месть, — добавил верховный судья. — Как бы впопыхах и сгоряча не наломал дров.

— Продолжим, — произнес Великий. — Послание Адэра доставил личный поверенный в его делах. Он просит Совет выслушать его.

В зал вошел невзрачный пожилой человек в недорогом сером костюме. Такие, как он, не запоминаются с первого взгляда и даже в маленькой компании остаются незамеченными. Перед такими проскакивают без очереди, не опасаясь окрика. И таких, как он, никто не воспринимает всерьез.

Человек низко поклонился.

— Я Тауб Скорз, личный поверенный в делах правителя Адэра Карро, — прозвучал на удивление чистый и звонкий голос. — Действую от его имени и по его поручению.

— Говори, Тауб Скорз, — промолвил Трой.

Человек прошествовал к столу и вновь поклонился:

— Достоверно ли, что Адэру Карро принадлежат два замка, которые находятся в Тезаре? А именно: Баризский замок и замок Грёз.

— Что значит — достоверно ли? Я сам подарил ему эти замки, — сказал Моган.

— Спрошу иначе: подтверждаете ли вы законность владения вышеуказанными замками вашим сыном Адэром Карро?

Великий сузил глаза:

— Вероятно, вы что-то перепутали. Это зал Совета, а не балаган.

— Мой правитель, — тихо произнес Трой. — Не вижу ничего предосудительного в вопросах поверенного Скорза.

Моган скрестил руки на груди:

— Подтверждаю.

— Я могу к вам подойти?

Великий с пренебрежительным видом кивнул.

Тауб приблизился, неторопливо вытащил из папки лист и аккуратно положил на стол:

— Прошу вас поставить подпись под этим документом.

Моган пробежал глазами по строкам:

— Генеральная доверенность?

— Вам необходимо подписью юридически закрепить законные права вашего наследника на замки.

— С каких это пор моя подпись стала законней моего слова?

— Прошу вас, закрепите свое слово законом.

Моган жестом подозвал караул:

— Покажите поверенному выход из дворца.

Тауб вытянулся:

— Я доверенное лицо правителя Порубежья!

Караульные взяли его под локти.

— Я считал, что в Тезаре господствуют законы, а здесь царят всего лишь слова, — громко проговорил Тауб, вырвался из рук караульных и, вздернув подбородок, направился к двери.

— Вернитесь! — приказал Моган, и пока поверенный шел обратно к столу, подписал документ.

— Благодарю вас, — произнес Тауб и спрятал лист в папку.

— Что Адэр Карро собирается делать с замками? — спросил Трой.

— Насчет замка Грѐз распоряжений не поступало. Баризский замок я уполномочен выставить на продажу.

Один из советников порывисто провел ладонью по лицу. Разволновался... Еще бы! В тяжелые для графа Бариза времена Моган выручил его, вывалив баснословную сумму за громадный старинный особняк. Бариз только и жил надеждой вернуть себе родовое гнездо. Но когда его положение заняло былую высоту, Моган подарил замок Адэру.

— Когда вы намерены заняться продажей? — спросил Трой.

— Правитель посоветовал сначала увидеться с графом Баризом.

— Граф Бариз — это я, — сказал советник, прижав ладонь к виску.

— Я остановился в дворцовой гостинице, — промолвил Тауб и в полной тишине покинул зал.

— Кто спрашивал, где Адэр возьмет деньги? — Великий постучал пальцами по столу. — Даю Совету день на раздумья. Встретимся на вечернем заседании.

Когда караул закрыл за последним советником двери, Моган повернулся к Тройу:

— Что твои глаза и уши?

— Докладывают регулярно. Я им не верю.

— Лгут?

— Нет. Они говорят о том, что видят и слышат. Говорят то, что знают. Но на самом деле они не знают правды.

— Алмазы как-то связаны с ракшадом?

— Думаю, да, — сказал Трой.

— Зачем он показал их твоим людям?

— Дал нам понять, что с ракшадом не все так чисто.

Великий повозил бумагами по столу:

— Неужели Адэр так хитер?

— Он разыгрывает перед нами спектакль. Одевается как торговый агент, неожиданно пропадает и внезапно появляется. Простолюдинка Латаль вхожа в его кабинет. Ракшадку предоставили апартаменты, как высочайшей особе. Его охраняют бойцы Крикса.

— Все-таки брат хазира... — проговорил Великий.

— Вполне возможно. Сейчас Адэр в отъезде. На этот раз взял моих людей. Послушаю что расскажут.

— У него осталась неделя, чтобы сформировать Совет. О чем он думает?

— Все будущие советники уже в замке. Ждут его возвращения.

Великий уронил руки на подлокотники кресла:

— Что думаешь о требованиях Адэра?

— Придется пойти на уступки.

Моган покачал головой.

— Армию приведем в полную боевую готовность, — неторопливо говорил Трой, складывая листы в стопку. — Усилим охрану границ с Бойвардом и Партикурамом. Я попрошу Адэра позволить нашим войскам занять позиции на побережье и попытаюсь связаться с верховным жрецом Ракшады.

— Хорошо, Трой. Можешь идти, — сказал Моган.

Взявшись за дверную ручку, старший советник оглянулся. Великий, освещенный яркими лучами солнца, смотрел на маятник старинных напольных часов.

***

Превозмогая боль в мышцах, Адэр выбрался из автомобиля, взбежал по ступеням. Возле входа в замок его, как всегда, встречал Мун.

— Я распорядился приготовить ванну и накрыть на стол, — успел сказать старик перед тем, как караульные распахнули двери.

Через холл торопливо шагал Гюст.

— Что нового? — бросил Адэр и направился к лестнице.

— Все, кого вы приказали вызвать, прибыли, мой правитель.

— Маркиз Бархат?

— Вернулся ночью.

— Отлично. Пусть ждет меня в обеденном зале. И распиши мой день, чтобы я успел переговорить со всеми приглашенными.

Приняв ванну и прочитав костюмеру краткую лекцию о взаимосвязи интеллекта и моды, Адэр устремился в обеденный зал. В конце коридора показалась Вельма. Завидев его, сверкнула игривым прищуром и кокетливо присела. Адэр прошел мимо, мечтая о бокале вина и курице с хрустящей корочкой.

Вилар стоял у окна и был настолько увлечен разглядыванием неба, что пришлось

брякнуть ножками кресла по паркету, чтобы привлечь к себе внимание.

Вздвогнув, друг обернулся:

— Прости. Я не заметил, как ты вошел.

Адэр уселся за стол и жестом пригласил присоединиться. Служанки расставили блюда, наполнили бокалы и замерли за спинками кресел.

— Свободны, — не оборачиваясь, сказал Адэр и вместо того, чтобы наброситься на еду, воззрился на Вилара. — Ты заболел?

— Малика осталась в Ларжетеае.

— И что?

И тут друга прорвало. Захлебываясь словами, путаясь и повторяясь, Вилар поведал с дороге в столицу, о гостинице и банке, о кафе и танце, о Площади Умельцев и ночи в Смарагде.

— Мне пришлось уехать, — произнес он и перевел дух, будто за несколько минут обежал полмира. — Верни ее.

Адэр сделал глоток вина:

— Значит, зал для аукциона ты не нашел.

— Не будь таким жестоким, — тихо проговорил Вилар.

Адэр со стуком поставил бокал:

— Я выслушал слезливый рассказ, восхваляющий ум и женские достоинства простолюдинки. И я жестокий?

— Верни ее, — повторил Вилар.

Адэр всматривался в застывший взор друга, в усталое лицо, в печальный излом губ. Если любовь так меняет мужчину — к черту ее!

— Хочешь напомнить мне, как должен вести себя маркиз? — чуть слышно произнес Вилар. — Не надо. Не трать слова и время.

Аппетит пропал окончательно. Адэр поднялся. Заложив руки за голову, закружил по комнате. Тело гудело. На груди и спине огнем горели ссадины. При каждом шаге стопы пронзала боль, будто он ступал босиком по битому стеклу.

— Я успел объехать несколько гостиниц. Ничего стоящего, — прозвучал неестественно бодрый голос Вилара. — Побывал в театре. Красивое старинное здание, огромное светлое фойе, недавно ремонт сделали, мебель поменяли. Но у них через месяц начинается театральный сезон. Все билеты проданы. Тебе придется отправить на поиски зала когонибудь другого. Если поеду я... я поползу к ней и растопчу свою гордость.

— На Площади Умельцев можно найти оценщиков?

— Думаю, да.

— А заказать сейфы?

— Конечно.

Адэр прошелся из угла в угол, уперся руками в спинку кресла:

— Ты просишь вернуть ее. Но мне не нужны бездельники. Мун набирает прислугу, но я не представляю Малику горничной или посудомойкой. Кем она будет?

— Кем и была — секретарем, — сказал Вилар и сделал глоток вина.

— Секретарь Совета не может быть человеком из низшего сословия.

— Моим секретарем.

Адэр уселся за стол:

— Не знаю, как ты из этого выпутаешься.

— Считаешь, что я запутался? Пусть будет так.

Адэр поковырялся вилкой в тарелке:

— Кажется, я знаю, почему отец ничего не делал в Порубежье.

— Я тоже знаю, — сказал Вилар и наполнил бокалы вином.

— Догадался или знал с самого начала?

— А тут и гадать нечего. Сколько в истории примеров, когда великие державы пригревали на груди нищие клочки земель. Облагораживали их, исцеляли. Двумя словами: вкладывали душу. Потом находился какой-то местный, так называемый национальный герой, который умел выкрикивать лозунги, и народ со своими транспарантами и с чужим добром уходил за ним в свободное светлое будущее. Поэтому Моган брал и ничего не вкладывал, чтобы не жалко было терять.

— Знаешь, почему отец отправил меня в Порубежье?

— Знаю.

— Говори.

— Тебе не понравится то, что я скажу.

— Говори!

Вилар наполнил бокал вином, поставил перед Адэром:

— В Тезаре уже есть национальный герой — это Великий. Тебя всегда будут с ним сравнивать. И там, в Тезаре, как бы ты ни старался, тебе не прыгнуть выше него. Только здесь, в Порубежье, в стране, которой уже некуда падать, ты сможешь показать всему миру насколько ты умнее, дальновиднее и сильнее отца. Только такого правителя будет боготворить Тезар после Великого.

— Ты сам себе противоречишь. Порубежье — не моя страна. Я для нее чужой. Народ поплетется за мной следом, но в какой-то миг пойдет в другую сторону. За своим героем.

Адэр опустошил бокал и, оставив друга, отправился в кабинет.

Три дня, проведенные в «Провале», не прошли зря. Беседы с дворянами протекли без сучка и задоринки. И когда около полуночи порог комнаты переступил последний претендент на кресло за круглым столом, Адэр уже четко понимал, что формирует технический Совет. Все, с кем он разговаривал, были образованными, опытными людьми с живым умом и искрометными идеями. Однако между фразами то и дело проскальзывал еле заметный намек, что они будут стоять на защите своих интересов.

Вошедший человек окинул взором кабинет, коротко кивнул и опустился на стул. Густые волнистые волосы цвета конского каштана, широкий лоб, карие безмолвные глаза, узкие губы, волевой подбородок — мужчину можно было бы назвать красивым, если бы от него не веяло пронзительным холодом.

— Сожалею, что вам пришлось так долго ждать, маркиз Орэс Лаел, — сказал Адэр.

— Можно я переставлю стул? — прозвучал глубокий голос. — Не люблю сидеть спиной к двери.

Получив разрешение, Орэс сел сбоку стола и тем самым возвел себя в ранг равноправного собеседника.

— Кратко расскажу о себе, — проговорил он. — Пять лет жил в Тезаре. Писал учебники для высших учебных заведений по международному праву. Четыре года преподавал в Партикураме историю международных отношений. Последние пять лет служил при дворе Габрилы Ок'Шер в Маншере старшим помощником советника по международным вопросам. Два месяца назад вернулся в Порубежье с надеждой, что вы не обойдете меня своим

высочайшим вниманием.

— Ваш послужной список впечатляет.

— Я всю жизнь работал на свое имя. Сейчас, сидя перед вами, хочу, чтобы мое имя вернуло мне долг.

Адэр не был готов к такому напору.

— Какое место вы отводите себе в истории страны?

— Место верного слуги мудрого правителя, — не моргнув глазом, ответил Орэс.

— Что можете рассказать о Ракшаде?

На точеном лице маркиза не дрогнул ни один мускул.

— Только то, что знаете вы, мой правитель. Ракшада чуть меньше Тезара, но богаче его в несколько раз. В международной политике использует диктат. Правительства всех стран свой страх перед Ракшадой называют уважением. В Ракшаде узаконена кровная месть, и меру наказания определяет потерпевшая сторона, а не суд государства. Это значит, что в Ракшаде отсутствует государственная монополия права на насилие. Однако численность населения неустанно растет. Женщина для ракшада — это станок для производства потомства.

Орэс вытащил из кармана пиджака платок, вытер ладони. Волнуется, хотя и не подает вида.

— Сорок лет назад Ракшада признала Могана правителем Тезара, — вновь заговорил маркиз. — На коронации присутствовал верховный жрец. Когда Великий присвоил Порубежье, хазир отозвал из Тезара своих послов и дипломатов и указал на дверь дипломатическому корпусу Великого. Не война и не мир. Нынешний правитель Ракшады, хазир Шедар Гарпи, взошел на престол девять лет назад. Перед этим он отправил на тот свет четверых старших братьев. Кстати, смерть его отца до сих пор покрыта мраком тайны. Вину Шедара не доказали, но факт остается фактом — братьев нет, свидетели исчезли, а он правит и поныне. По жестокости Шедар не уступает своим предкам, а порой превосходит их. Не отменил ни одного закона, зато ужесточил наказания. Принял странный «Закон Первого Прикосновения» или, как еще его называют, «Закон Первой Крови». Он касается всех девственниц, волей судьбы или случая оказавшихся в поле зрения Шедара.

Орэс промокнул платком виски, спрятал платочек в карман:

— Я не был в Ракшаде, но надеюсь, что благодаря усилиям ваших советников Шедар признает ваши права на Порубежье, и мне посчастливится увидеть воочию самую таинственную страну в мире.

— Благодарю, маркиз Лаел. Можете идти, — сказал Адэр, и когда Орэс покинул кабинет, уткнулся лбом в сложенные на столе руки.

Перед внутренним взором мелькали лица дворян, в голове звучали голоса. Все роли расписаны, кроме одной — кому доверить партию первой скрипки?

Адэр стоял у открытого окна, подставляя лицо прохладному мокрому ветру. Сверкала молния, высвечивая в саду аллеи. С небольшим опозданием гремел гром. Шел проливной дождь, омывая запыленную зелень и вызывая тоску в душе.

Адэр посмотрел на Вельму. Девушка лежала на меховом пледе, расстеленном поверх белого ковра. На изящной руке, как на подушке, примостилась белокурая голова. Сновидения затуманили нежное личико. Густые ресницы легонько трепетали. По припухшим губам пробежала слабая улыбка. Лежит она возле его ног — хорошо. Исчезнет

под утро — он забудет о ней до следующей ночи. И не потому, что простолюдника. Знатные дамы проходили чередой, не оставляя в его сердце следа. Вот только... Галисия.

Адэр закрыл рамы, улегся на софу. Как же так? Он впервые за последние месяцы вспомнил ту, что одаривала жгучими ласками, уходила с безумными скандалами, и, прощая измены, вновь возвращалась. Порой ссоры доставляли большее удовольствие, чем милые прогулки под луной. Исступленные взгляды тешили душу. Просьбы Галисии о примирении доставляли наивысшее наслаждение.

Адэр посмотрел на Вельму. Галисия далеко. Придется довольствоваться малым.

***

Адэр ехал по Ларжетаю в полном смятении духа. Смотрел на светлые улицы столицы, а перед глазами стояли неухоженные поля и покинутые земли. Скользил взором по зелени парков и скверов, а видел шлагбаумы, ухабистые дороги и запущенные сады. Взира́л на горожан в сочных, как лето, нарядах, а в памяти мелькали полуразрушенные замки и брошенные на произвол судьбы нищие селения.

Вилар не обманул, когда делился впечатлениями о поездке. Да он и без Вилара знал, что знатной своре Порубежья плевать на свою землю и на свой народ. Но в глубине души еще теплилась надежда, что все так ужасно лишь в Бездольном Узле, а стоит повернуть направо — упрешься в кисельные берега, повернешь налево — окунешься в молочные реки. Глупая надежда и тупое сравнение счастливой жизни с киселем и молоком.

— Мой правитель! Мы приехали, — промолвил шофер, затормозив перед высокой лестницей.

Адэр посмотрел в окно. Стоя на строительных лесах, рабочие, словно муравьи, облепили гостиницу. Возле входа возвышались мраморные плиты, сложенные в ровные ряды. Грузчики перетаскивали мешки с цементом. Еще кто-то был занят реставрацией каменных собак, стоявших по бокам отшлифованной добела двери.

Адэр выбрался из машины. Строители устремили на него беспокойные взгляды. Грузчики опустили мешки и уперли руки в бока, всем видом давая понять, что так просто не бросят работу. Решили, что какая-то инспекция?

Войдя в безлюдный вестибюль, Адэр остановился. Вместо люстры нестерпимо яркая лампа на длинном проводе. На стенах свежая штукатурка. Окна заклеены бумагой. С верхних этажей донеслись голоса и смех. Где-то в пустом коридоре эхом пролетел куплет песни.

Как из-под земли появился парнишка. Шмыгнув конопатым носом, посмотрел сперва на охранителей за спиной Адэра, затем на его черные брюки и сверкающие сапоги.

— Господин, вы кого-то ищете?

— Где хозяйка гостиницы?

Паренек хлопнул белесыми ресницами:

— Вам нужна аспожа Малика?

Охранитель сделал шаг вперед и, склонившись над лопоухой головой с торчащими рыжими волосенками, гаркнул:

— Где хозяйка?

Пацаненок присел:

— На втором этаже. Позвать?

— Проводи меня, — сказал Адэр и порывистым жестом велел охранителю убраться с глаз.

— Сию минуту, — выпалил паренек. Смочив в ведре тряпку, принялся мыть пол, покрытый толстым слоем серой упругой пыли. — Мой господин! Идите по чистому. — И, не разгибаясь, попятился к лестнице.

Адэр обошел его, взбежал по ступеням. Приказав охранителям остаться в начале коридора, медленно двинулся вперед, прислушиваясь к голосам. Пройдя мимо нескольких

дверей, остановился. Малика? Легонько ткнул пальцем в потрескавшуюся краску на створке.

Малика елозила линейкой по оштукатуренной стене:

— Здесь ямка.

— Ее никто не увидит, — промолвил человек в спецовке.

— Я вижу. А вот еще. Таали, ставь крестик.

Человек нехотя пометил карандашом незаметное углубление в штукатурке.

— А здесь кочка.

— Малика, это стена, а не каток. Никто не споткнется.

— Надо переделать, Таали. Я тебе доверяю как себе, а твои рабочие тебя подводят.

Скользя линейкой по стене, Малика двигалась к дальнему углу комнаты. И вдруг, даже не оглянувшись, произнесла:

— Чего стоите у порога? Проходите.

— Я не стою. Я только что пришел, — промолвил Адэр и улыбнулся, сообразив, что повторил слова, сказанные Маликой при первой или второй встрече с ним.

— Мне тут... по делу надо, — проговорил Таали и с довольным видом сбежал.

Малика поставила линейку в уголок, отряхнула подол платья, поправила платок на голове. Повернувшись лицом к Адэру, присела:

— Мой правитель!

— Не удивлена? — спросил Адэр.

— А должна удивиться?

— Тебе разве не говорили, что отвечать вопросом на вопрос — это признак, по меньшей мере, невоспитанности?

Малика выпрямилась:

— Я отвечаю сообразно своему происхождению.

Нечто притягательное было в ее дерзком виде. Глаза, что ли, по-другому светятся? Или губы стали соблазнительными? Серое мешковатое платье уже не раздражало. Платок, обмотанный вокруг головы, не выглядел нелепым.

— Вы приехали по делам или развеяться? — спросила Малика.

— Ты возвращаешься в замок.

Малика обвела рукой вокруг себя:

— У меня много работы.

— У меня мало времени. Даю три часа на сборы, — сказал Адэр и вышел в коридор.

— Вы не поняли, — прозвучало ему вслед. — Я никуда не поеду.

Он с напускным хладнокровием вернулся в комнату:

— Ты возвращаешься в замок. Повторить еще раз?

— Вы находитесь в моем доме, — произнесла Малика. — Смею напомнить вам: вы гость, а я не ваша рабыня.

— Ты служишь у маркиза Бархата.

— Кем?

— Кем была при наместниках — секретарем.

— Стоило вам приезжать? Прислали бы за мной Муна.

— Ты решила, что я приехал за тобой? Я приехал посмотреть столицу. Развеяться, как ты говоришь. Собирайся!

Выйдя из гостиницы, Адэр сел в машину; здание, облепленное рабочими, притянуло взор, как магнит.

— Площадь Умельцев, — сказал он шоферу и закрыл глаза.

Поздно вечером автомобиль уже катил по аллее, освещенной фонарями. Адэр тоскливо посмотрел на замок. Никто не преник с интересом к окну. И удручающая тишина... Возле двери рядом с караулом маячила худая фигура Муна.

Адэр вошел в холл. В мраморных плитах отражались люстры. Слышался перезвон хрустальных капель. На приоткрытых окнах легкой волной изгибались ажурные занавеси. Воздух был пропитан ароматами цветов, развесивших головки в высоких напольных вазах. На овальных пушистых коврах стояли низкие столики и мягкие глубокие креслица — уютные уголки, будто специально созданные для теплой беседы. Широкая лестница с отполированными перилами, взбегая на второй этаж и далее на третий, переходила в длинные балконы с замысловатой балюстрадой: каменные балясины были оплетены ковеной виноградной лозой.

Почему он не замечал этого раньше?

— Мой господин? — прозвучал голос Муна.

— Свободен, — бросил Адэр.

— Вы не будете ужинать?

Адэр сдержал резкие слова. Стоит ли злиться на Муна за его заботу? Но почему старческие глаза светятся благодарностью? Ах, да! За спиной топчется Малика.

— И ты свободна, — произнес Адэр.

— Малика, я перенес твои вещи в твою спальню, — сказал Мун.

Широко улыбаясь, она взяла старика за руку. Чему радуется, глупая? Ее переселили в хозяйственное крыло, где утром разбудят не птицы, а ворчливые голоса прислуги. И воздух пропитан не ароматами сада, а запахами кухни и подсобных помещений.

Адэр поднимался по лестнице. Навстречу спускался Гюст.

— Если в следующий раз меня встретит только Мун, я поменяю вас местами.

— Этого больше не повторится, — промолвил секретарь.

Адэр устало шел по коридору, слыша за спиной шаги Гюста.

— Прибыл Тауб Скорз. Он ждет вас в библиотеке.

— А какого черта ты до сих пор молчал? — выкрикнул Адэр и устремился обратно к лестнице.

Перед дверями библиотеки отдышался, придал себе невозмутимый вид и переступил порог.

Тауб поднялся со стула, отвесил низкий поклон:

— Мой правитель! — И вручил бумаги.

Адэр быстро просмотрел документы и еле сдержался, чтобы не подпрыгнуть. На каждой странице стояла подпись Бариза. Цифра, выведенная на последнем листе, превосходила самые смелые ожидания.

— Как только граф получит подписанные вами документы, деньги поступят на ваш счет, — промолвил Тауб, явно гордясь собой.

Замечательный день! Неимоверно удачный день! Но есть еще одно незавершенное дело.

***

Мебель из красного дерева, коричневые кожаные кресла. Огромный ковер в тон кожи. Настольные лампы под молочными абажурами. Окна выходят в сад. Неплохо... Адэр пересек гостиную, заглянул в спальню. Кровать, застеленная шелковым покрывалом. На тумбочке

стопка документов. На подоконнике скрученный галстук. На журнальном столике фотография отца, Суана Бархата. Уютно...

Из ванной комнаты появился Вилар:

— Адэр? Подожди, я оденусь.

— Я на пару минут.

Адэр осмотрел друга с головы до ног. Тело мускулистое, крепкое. Безусловно, пребывание в Порубежье пошло ему на пользу. Или заслуга Йола?

— До сих пор упражняешься?

— Да, — ответил Вилар, завязывая банное полотенце на поясе. — Йола предупредил, что как только я брошу заниматься, со спиной начнутся проблемы.

— А ты был прав. Ларжетай оказался чудным городком.

— Переберешься в столицу?

— Мне и в замке неплохо, — сказал Адэр и развалился в кресле.

— Мне тоже здесь нравится, — промолвил Вилар и принялся наводить порядок на прикроватной тумбочке.

Адэр наблюдал за другом. И всё? И даже не спросит о Малике?

— Я не знаю, как теперь смотреть ей в глаза. Никогда еще предстоящая встреча с ней меня так не пугала, — произнес Вилар, словно услышав его мысли.

В окно застучали капли. С порывом ветерка приоткрылись рамы, и в комнату ворвалась приятная свежесть. Адэр глубоко вздохнул. Запах напомнил детство, когда он с друзьями прятался от дождя в беседке и смотрел на переливающиеся пузыри на лужах.

— Зачем к тебе приходил Орэс Лаел?

— Уточнял функции и задачи старшего советника.

Адэр сжал подлокотники. Лаел за правителя расписал все роли?

— Орэс понимает, что главное кресло достанется ему, — продолжил Вилар. — Он критичен, умен, обладает достаточной силой, чтобы руководить Советом.

— Ты так думаешь?

Вилар побледнел:

— Адэр! Только не я! Я не справлюсь!

Адэр подошел к окну, подставил под дождь сложенные горстью ладони. Умылся прохладной водой. За него все решили! Он так предсказуем? Или его мнение ничего не стоит? Нет... Он не доставит удовольствие Лаелу только за то, что тот не ждет его решения с трепетом.

— У меня не будет старшего советника.

— Адэр! — воскликнул Вилар. — Так нельзя!

— Нельзя в Тезаре. В Порубежье можно.

Он поднялся на балкон своего этажа. В нише стояла Вельма, стараясь быть невидимой для слуг, занятых ночной уборкой замка.

— Не сегодня! — грубо бросил он девушке и направился к апартаментам.

Сзади послышались мягкие шаги.

— Уйди! — процедил сквозь зубы Адэр.

Стремительно пересек гостиную, ступил в спальню. Спать!

Маленькая комнатка напомнила о беззаботных днях. С тех пор, как Малика была здесь последний раз, ничего не изменилось. Ситцевые занавески на окне пестрили разноцветными горошинами. На подоконнике в глиняном горшке цвела герань. Малика улыбнулась. Милый Мун... поливал. Круглый столик на трех ножках занимал былое место в углу. К стене прижималась узкая кровать, застеленная шерстяным одеялом в клетку. На полу лежал домотканый коврик. Небольшой шифоньер на невысоких ножках радушно распахнул дверцы. Посреди комнаты стояли два деревянных стула. На дерматиновых сиденьях теснились коробки. Малика заглянула внутрь. Ее немногочисленные пожитки. Видимо, Мун собирал их в спешке: платья, книги, башмаки были свалены в кучу.

От двери прозвучал трескучий голос:

— Потом разберешь. Идем, я покормлю тебя.

Малика подскочила к старику и крепко обняла.

— Я не голодна, — прошептала она, уткнувшись лбом в острое плечо. — Мун... У нас теперь есть свой дом.

Старик слегка отклонился назад.

— Правда! Целых три этажа. Хотела сделать ремонт и забрать тебя, но придется наводить порядок вместе.

— Я не могу сейчас бросить замок. Пока мне найдут замену, пока я передам дела, знаешь, сколько пройдет времени? — Мун поставил коробки на пол, придвинул стулья к столу. — А ну-ка, садись, рассказывай.

Малика устало сложила на столе руки, опустила на них голову.

— Нет... Давай-ка лучше в постель, — промолвил Мун.

— В меня влюблен маркиз Бархат, — тихо сказала Малика.

Старик заскрипел дерматином на сиденье:

— Заметно. А ты?

— Рядом с ним трепещет моя душа.

— Что говорит твое сердце? — спросил Мун с тревогой в голосе.

— Моруна всю жизнь любит только одного мужчину, который всю жизнь верен только одной любви. Вилар не однолюб. Вот почему я люблю его душой.

— Вот и замечательно. — Старик погладил Малику по голове.

— А сердце... В моем сердце Адэр.

— Ты ошибаешься. Какой же из Адэра однолюб? Вон, Вельму с его этажа не выгонишь. Бегает по коридору как собачка. Хозяина выглядывает. А он приказал служанок набрать: от шестнадцати до двадцати, рост, талия, бедра, грудь, а то, что опыта ноль... Нет, Малика...

— Да! — выкрикнула она и обхватила голову руками. — Не путай любовь с вожделением.

— Тебе надо держаться от него подальше. Зря ты приехала.

— Мой Бог слышит тех, кто просит любви, но глух к тем, кто от нее бежит. — Малика подняла голову, обвела комнату взглядом, остановила на Муне. — Мы оба с тобой знаем, что безответная любовь убивает морунов. Даже... если... вдруг... Адэр ответит мне взаимностью, я все равно умру. Для моруны нет ничего страшнее, чем любить человека, который никогда не будет принадлежать ей.

— За что ты его полюбила? — прошептал старик.

— За то, что он существует.

Мун крепко сжал Малике пальцы:

— Я всегда буду с тобой рядом. Всегда-всегда. Я тебя согрею, поддержу, я... я сильнее рока морун.

Она улыбнулась:

— У нас не будет тайн. Хорошо? Не хочу исчезнуть внезапно.

Смахнув слезу с ресниц, старик торопливо кивнул.

— Я сама попрошу Адэра отпустить тебя. У нас с тобой куча дел. Поможешь мне закончить ремонт, набрать прислугу. Потом поедem к ориентам. Потом... можем съездить... да хоть на край света. А когда мне станет очень плохо, мы сядем с тобой возле открытого окна в самой красивой комнате и будем вспоминать...

— Бедная девочка.

— Нет, Мун. Я самая счастливая.

Старик обнял Малику за плечи и в голос зарыдал.

***

Пытаясь перед важным событием привести мысли в порядок, Адэр бродил по саду. На ветру трепетали резные листья. Благоухающий воздух, казалось, стекал по стволам деревьев, как чистая медовая слеза. Пение птиц оплетало кроны. Под ногами звенела трава.

Адэр остановился под вишней, нарвал полную пригоршню налитых соком ягод. По-мальчишески выплевывая косточки в небо, разглядывал полупрозрачные облака. Теперь помыть бы руки. Но садовники не включили распылители, видимо, посчитав, что земле хватит дождевой влаги на целый день.

Между гибкими ветвями мелькнуло серое пятно. Малика... Никто другой в замке не одевается как обыватель монастыря. Прислуга носит одежду синего цвета, садовники облачаются в клетчатые рубахи, охранители ходят в черной форме.

Адэр вытер руки о траву и крикнул:

— Малика, составь мне компанию.

Она приблизилась, пошла рядом.

— Я хочу поговорить с тобой о Виларе, — сказал Адэр. — Его угораздило влюбиться в тебя. Мне надо, чтобы его влюбленность прошла как можно быстрее. Когда в его голове сплошная неразбериха, я не могу рассчитывать на его помощь. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Что я должна сделать?

— Превратить влюбленность в дружбу. Какое-то время одаривай его вниманием. А затем мягко отдались.

Малика резко повернулась к Адэру:

— О чем вы меня просите?

— Всего лишь о невинном внимании. Вилар успокоится. Окунется в работу. Государственные дела затянут. И он тебя забудет.

Малика отвела глаза. Луч солнца, пробившись сквозь крону деревьев, отскочил от черных волос разноцветным фейерверком.

— Ваш друг — замечательный человек, — прозвучал тихий голос. — Я не смогу играть его чувствами.

— Мне надо учить тебя женским уловкам? Только женщина знает, как можно убить любовь.

Малика расправила плечи, вздернула подбородок:

— В Порубежье есть древние народы: климы, ветоны и ориенты.

— Сейчас меня волнует Вилар. С народами я разберусь позже.

— Климмы обожествляют Землю. Ветоны воспевают Камень. Ориенты поклоняются Богу

Моря.

— Малика! Давай поговорим об этом в следующий раз.

— Но есть еще один народ, о котором все упорно молчат. Народ, который намного древнее всех живущих на этой земле. Это моруны.

— Я знаю, Малика. Знаю.

— Не перебивайте меня. Я должна сказать вам правду. Моруны боготворят Огонь. Он олицетворяет истину, поглощает иллюзии и ложь, выжигает порочность. Меня зовут Эйра. И я моруна.

Внезапно исчезли все звуки: затих ветер, замерла листва, умолкли птицы. И только солнце продолжало палить так нещадно, что казалось, плавится воздух, а кожу лижет пламя.

— Так вот, — не отводя глаз, произнесла Малика, — при мысли об обмане во мне бунтует кровь морунов. Я могу молчать, не придавать значения, прятаться, не говорить правду. Но лгать я не буду! Особенно, когда это касается чувств. И как бы вы ни хотели, какие бы ни издавали приказы, какое бы не придумали мне наказание, я отказываюсь быть секретарем маркиза Бархата.

Низко присела:

— Прошу прощения, мой правитель. — И пошла прочь.

Ветерок коснулся пышущих жаром щек. До слуха долетели шелест листьев, гудение пчел и пение птиц.

Вдруг Малика вернулась с решительным видом:

— И вы должны знать, что стоите на моей земле! Посмотрите вокруг, сверху охватите взором тысячи миль. Это Дэмор — земли морунов. Это с нашего позволения здесь поселились климы, ветоны и ориенты. Это мы приютили людей со всего света, мечтающих о любви и мире. Это мы разрешили династии Грасс увековечить в названии страны свое имя — Грасс-дэ-мор.

— Почему моруны ушли?

— Пришло время распада. После смерти Зервана страну разорвали на части. На Севере отделилась Викуна. На юге — Тария. Горные края достались Бойварду и Партикураму. Остальное забрал Тезар.

— Это не причина для ухода.

— Мир, в котором матери продают дочерей в дома терпимости, отцы насилюют детей, а дети убивают родителей... мир, в котором священный брак превратился в пустые слова, а целомудрие и беззаветная любовь стали поводом для насмешек... Этот мир не для морунов.

— И вместо того, чтобы сделать мир лучше, моруны спрятались за Долиной Печали. Это легче всего.

— Легче всего убрать тех, кто мешает. Морунов было полмиллиона. За Долину Печали ушли несколько сотен.

— Ну, сейчас-то их намного больше.

— Меньше. Моруной рождается первый ребенок — девочка. Потом рождаются только сыновья. — Малика подошла вплотную. — Сегодня вы станете законным правителем Порубежья. Полюбите мой Дэмор так, как люблю его я. — Тяжело вздохнула и отвела взор. — Позвольте нам с Муном покинуть замок.

— Не сегодня. Ступай!

Адэр вышел на прогалину и зажмурился. Солнце приготовилось иссушить землю, которую две ночи подряд обильно поливали дожди. Пустошь какое-то время еще будет противостоять жаре, выталкивая из влажной почвы слабые тонкие побеги. Но, сдавшись, растрескается и замрет в ожидании следующего ливня. А сад не оцепенеет. Оживший замок не позволит смолкнуть птичьему гомону и шороху листвы, испариться дурманящим запахам трав и ароматам душистых цветов.

Войдя в гостиную, Адэр уселся на софу, уронил руки на колени:

— Макидор! Покажи, что ты приготовил мне на вечер.

Костюмер вынес из гардеробной черные брюки и белый сюртук — воротник-стойка, два ряда золотых пуговиц, на золотых погонах короны, вышитые шелком и украшенные драгоценными камнями.

— Костюм победителя. Я подумал, что у вас впереди еще много тяжелых битв. В таком костюме нельзя проигрывать сражения.

— Ты исправляешься, Макидор, — промолвил Адэр, хлопнув себя по коленям. Тяжело поднявшись, направился в ванную.

Свет многочисленных ламп неприятно резанул по зрачкам. Овальное, во всю стену зеркало отразило посеревшее лицо, острые скулы, шрамы на груди, похудевшее тело. Изможденный взгляд поверг в ужас. Таким Адэр себя еще не видел.

Упираясь руками в черный мрамор, он долго стоял под струями студеной воды, не чувствуя холода и не замечая времени. Присел на край ванны. Потряс головой, орошая брызгами пол и стены. Сделал несколько глубоких вдохов и, приблизив лицо к зеркалу, впился взглядом в свое отражение.

Чего он добьется своим безумным поступком? Вызовет гнев отца. Но что Великий сможет сделать? Ничего! Он сам отправил наследника в Порубежье, наделив безграничными полномочиями. Открыто вмешаться в действия правителя другой страны, даже если это его собственный сын, Моган не посмеет. И либо смирится, либо затеет интриги, чтобы как можно быстрее вернуть его в Тезар. Но это не все! Он покажет маркизу Лаелу, кто в доме хозяин. И это не все! Осознав, что его ждет кресло старшего советника, Вилар с головой погрузится в работу, и необходимость в Малике отпадет. Простолюдинка уйдет туда, откуда появилась — в плебейский мир, где ей и место.

Адэр ударил кулаком в стену. Из любого сражения он выйдет победителем!

***

Малика заскочила на кухню. Муна там не оказалось, зато обсуждение предстоящего события было в самом разгаре.

— Ой, бабоньки! — нараспев говорила горничная, томно потягиваясь. — Мужиков-то у нас... Теперь не надо в селение бегать. Все под боком. У одних униформа синяя, у других — такая... как же его... как гусиный помет. У третьих...

— Много их? — перебила ее повариха.

— Ой, много. В переходах не протолкнуться.

— Да я не о слугах спрашиваю. Советников сколько?

— Двенадцать, — ответила горничная.

— С правителем и маркизом Бархатом будет четырнадцать, — сказала посудомойка. — А должно быть нечетное число.

— Много ты понимаешь, — вставила повариха.

— Да уж больше твоего, — огрызнулась посудомойка, тарахтя кастрюлями. — Сколько у наместника было помощников? Десять. Плюс наместник. Итого одиннадцать.

— А ты у Малики спроси. Она у нас умная, — с ехидцей промолвила повариха, помешивая на сковороде лук. — Слышь, Малика! Сколько должно быть советников?

— Не знаю, — ответила она и повернулась на скрип двери.

— Вот ты где, — сказала служанка. — А там тебя ищут.

— Мун?

— Какой-то мужлан. Он в холле опивается.

По коридорам хозяйственной пристройки сновала прислуга, здешняя и приезжая, разодетая в цвета знатных домов Порубежья — кто с чемоданами, кто с кипами постельного белья и полотенец. Иногда промелькивала форма стражей и охранителей. Порой над головами людей проплывали фуражки с широкими козырьками — в свои комнаты спешили шоферы.

Малику то оттесняли к стене, то вынуждали вжиматься в двери, то подхватывали и влекли за собой. Ближе к переходу в главную часть замка толпа значительно поредела, а вскоре мимо прошмыгивал лишь чей-то лакей или проплывала личная служанка какого-то дворянина.

Малика поправила складки на платье, одернула рукава и вошла в холл. Сердечко радостно забилося.

— Анатан!

Распорядитель приисков оторвался от разглядывания люстры, протянул руки:

— Бог мой! Малика! Тебя совсем не узнать.

— Какими судьбами? — спросила она, сжав мозолистые ладони.

— Не знаю. Получил от какого-то маркиза Бархата приглашение. Вот, хотел у тебя спросить, чего им надобно. Спрашиваю Яра, а здесь о таком никто не слышал.

— Приглашение? — переспросила Малика.

— Ну да. Приглашение. Явиться к семи часам вечера. И все. Может, правитель хочет проверить бумаги о расходах? Я здесь уже полчаса столбом торчу. Никто не зовет. Все

говорят, посиди, а у меня поджилки трясутся.

Анатан похлопал по карманам новенького пиджака, побледнел. Окинув взором холл, облегченно выдохнул:

— Фу! Так и свихнуться недолго. — Взял со столика пухлый конверт и блокнот в потертой обложке. — Не скажешь, куда идти?

— Посиди пока, а я узнаю.

Анатан посмотрел на бархатную обивку кресел:

— Я лучше постою. А ты беги, а то меня трясучка замучает.

Малика поднялась на второй этаж. Несмело пошла по пушистой ковровой дорожке, надеясь услышать Гюста или Вилара. Возле дверей комнат стояли незнакомые охранители. Взглянув на Малику, с равнодушным видом отворачивались. Видимо, решили, что служанка разыскивает своего хозяина. Из комнат доносились чужие голоса и смех.

Из ниши вынырнул охранитель Адэра:

— Чего надо?

— Мне нужен маркиз Бархат.

— Иди отсюда.

За спиной хлопнула дверь.

— Малика! — прозвучал знакомый голос.

Она обернулась:

— Крикс! И ты здесь?

Командир стражей улыбнулся:

— Маркиз Бархат пригласил.

— И Анатан приехал, — пробормотала Малика.

— Гюст сказал, что нас представят Совету. Как-никак командир стражей Бездольного Узла и распорядитель приисков. А где он?

— Внизу.

— Пойду, поздороваюсь, — сказал Крикс и побежал к лестнице.

Малика последовала за ним в холл, но Анатана и Крикса там уже не оказалось. В начале коридора, ведущего к залу Совета, встал караул. Грозный детина жестом приказал ей убраться.

Малика посмотрела на часы. Половина восьмого. Как же убить время? В библиотеку не пройдешь — она рядом с залом Совета. В сад не высунешься — туда выходят окна зала. На кухне не посидишь — насмешками изведут или вопросами замучают. Решив наведаться к Зульцу в гараж, Малика выскользнула из замка через служебный выход.

Ворота гаража закрыты, в окнах темно. Присев на скамейку, Малика привалилась спиной к шершавой стене и направила взгляд в темнеющее небо. Ветерок донес ее имя. Стоя возле обитой железом двери, две служанки размахивали руками. Она лениво махнула в ответ. Как только уйдешь, не предупредив Муна, так он сразу ее разыскивает.

Малика побрела к замку. Навстречу бежала одна из девушек.

— Прохлаждаешься? — прошипела она. — А мы с ног сбились.

— А что случилось?

— Тебя Гюст разыскивает.

— Зачем?

— Иди, спроси.

Малика прибавила шаг. Переступив порог небольшого вестибюля, столкнулась с

секретарем Адэра.

— Бегом за мной, — приказал он и устремился по коридору.

— Да что случилось?

— Правитель назначил тебя секретарем Совета.

Малика остолбенела:

— Чего?

Гюст оглянулся:

— Быстрее! Потом будешь ворон считать.

Малика метнулась к переходу в хозяйственную пристройку.

— Куда? — рявкнул Гюст.

— Переодеться.

— С ума сошла? Давай за мной.

Малика бросилась вслед за секретарем, на бегу поправляя волосы, выбившиеся из узла на затылке.

В зале Совета горели все люстры, отражаясь в паркете и большом круглом столе. Из распахнутых окон были видны потемневшие кроны деревьев. Возле камина тихо переговаривались дворяне: преисполненные достоинства жесты; холеные лица и ухоженные руки; безупречные прически; дорогие костюмы; не менее дорогие сорочки и галстуки; сверкающие туфли и ботинки. Как же сильно они отличаются от тех, кто стоит сбоку двери. А там растерянно озирались вокруг себя командир стражей и распорядитель приисков.

Малика пошла вдоль стены в угол зала, к столику секретаря.

Гюст остановил ее:

— Стой с ними.

Малика присоединилась к Анатану и Криксу.

— Что-то похолодало, — промолвил Анатан и застегнул пиджак на все пуговицы.

— Жарко, — сказал Крикс и тыльной стороной ладони вытер лоб.

Малика ответила улыбкой на взгляды Яриса Ларе и Мави Безбура. Исподтишка посмотрела на других дворян. Волнуются. Оно и понятно. Возможность стать советником дается раз в жизни. А с таким правителем, как Адэр, усидеть за столом Совета будет не просто!

Малика прислушалась к себе. Полное спокойствие. Зачем изводить себя тревогами, если завтра ее и Муна уже не будет в замке?

— Здравствуй, Малика, — прозвучало за спиной.

— Добрый вечер, маркиз Бархат, — ответила она.

Вилар легонько сжал ее пальцы:

— Я скучал. — И направился к знати.

Караул распахнул высокие двери.

Раздался торжественный голос Гюста:

— Правитель Порубежья Адэр Карро.

Дворяне склонили головы. Анатан согнулся в низком поклоне. Крикс вытянулся по стойке «смирно». Малика присела. Неожиданно затряслись колени. Сердце ёкнуло и замерло.

В зал стремительно вошел правитель. В ярком свете заблестели золотые погоны, засверкали камни на коронах.

— Это же Яр... — пробормотал Анатан. — А я его в ущелье...

Адэр встал возле кресла из черного дерева с резной спинкой и подлокотниками из слоновой кости, обвел присутствующих взглядом:

— Рад видеть вас в добром здравии, господа! Не буду утомлять вас и себя нудными и долгими речами, а потому сразу приступлю к делу. — Подошел к креслу, приставленному к столу слева от кресла правителя. — Маркиз Вилар Бархат! Я назначаю вас советником по вопросам транспорта и связи.

Вилар приблизился к Адэру, опустился на колени:

— Предаюсь вам беззаветно, отдаюсь и покоряюсь сполна. — И занял место за спинкой указанного правителем кресла.

— Граф Ярис Ларе! — прозвенел голос Адэра. — Я назначаю вас советником по вопросам охраны здоровья.

Ларе поправил очки и прошествовал к правителю.

Советники друг за другом приносили клятвы и вытягивались за спинками кресел. Вскоре возле камина остался только Орэс Лаел. Маркиз светился от гордости.

Адэр подошел к следующему креслу:

— Крикс Силар! Я назначаю вас советником по правоохранительным вопросам.

Лица дворян вытянулись. Орэс скривил губы. Казалось, Крикс совсем не удивился. По-военному промаршировал к Адэру, принес клятву и занял место возле стола.

— Анатан Гравель! Я назначаю вас советником по вопросам разработок месторождений.

Анатан схватился за Малику:

— Я?

— Иди, Анатан, иди! — Малика легонько подтолкнула его.

Анатан дрожащим голосом произнес клятву и обеими руками вцепился в спинку кресла.

Малика смотрела на Лаела. Маркиз выпятил грудь и подался немного вперед.

— Маркиз Орэс Лаел! Я назначаю вас советником по международным вопросам.

Орэс побледнел. Пошатываясь, подошел к правителю, рухнул на колени, охрипшим голосом произнес клятву, еле поднялся, наткнулся на кресло и застыл. Малика с интересом наблюдала за ним, не понимая, почему его настроение так резко изменилось.

Адэр молчал. Был слышен размеренный стук часов, и более не пролетало ни звука. Малика почувствовала на себе тяжелый взгляд, ее охватил необъяснимый страх.

— Малика Латаль! Я назначаю вас старшим советником.

«Розыгрыш!» — мелькнула мысль. А внутренний голос приказал поднять подбородок, расправить плечи, с каменным лицом подойти к Адэру, с ровной спиной преклонить колени, твердо произнести клятву и гордо занять место по правую руку правителя.

***

Тишина окутала сад. Бездонное небо прижалось к земле. Грозди звезд искрились так близко, что чудилось — протяни руку и сможешь сорвать их, сжать в кулаке, и между пальцами заструится их сверкающий сок. Но это обман... Звезды далеко. Они недостижимы в своем величии и мудрости. Смотрят вниз и потешаются над земной суетой.

Воздух тягуче-липкий. Каждый вздох давался с невероятным трудом, не принося улады затуманенному сознанию. Сердце билось в груди подобно испуганной птице, угодившей в силки. Взмах крыльев — удар. Трепещущее тельце тянется к небу, но пути не пускают — сердце сжалось. Вновь взмах...

Адэр поднял взгляд к переливающимся небесам. Он бросил вызов всему миру — за столом Совета сидят простолюдины. Он бросил вызов себе — за каждым его шагом будет следить человек, который любит Порубежье с той страстью, с какой он его ненавидит. У него один путь — разорвать путы и взлететь.

Зашумели, закрутились распылители, рассыпая хрустальные брызги воды. Адэр отшвырнул китель, снял ботинки. Запрокинув голову и раскинув руки, пошел по траве, стонущей от блаженства.

Больше книг на сайте — Knigolub.net